

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Qt 300.25

Harvard College Library

FROM THE

J. HUNTINGTON WOLCOTT FUND

Established in 1891 by ROGER WOLCOTT (H. U. 1870), in memory of his father, for "the purchase of books of permanent value, the preference to be given to works of History, Political Economy, and Sociology," and increased in 1901 by a bequest in his will.

КУЧИБЕЙ ГОМЮРДЖИНСКИЙ

24659

и

ДРУГИЕ ОСМАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ XVII ВѢКА,

о

ПРИЧИНАХЪ УПАДКА ТУРЦІИ.

В. Д. Смирнова.

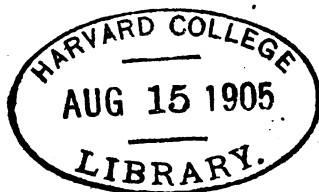

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Деманова. В. О., 9 л., № 22.

1873.

Qt 300.25

Minot Fund

507

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Чтобы понять Турцію, говоритъ Сенковскій ¹⁾), надобно освободиться отъ огромной тяжести своихъ предразсудковъ». Истина эта сама по себѣ столь очевидна, что почтенному оріенталисту можно повѣрить на слово. Предразсудочность, какъ вообще въ дѣлѣ познания всего существующаго и дѣйствующаго въ мірѣ, такъ, равно, и въ изученіи жизни того или другаго народа, служитъ большою помѣхою къ правильному истолкованію и надлежащему обобщенію фактовъ исторіи этого народа. Что такое для насъ турки, какъ не олицетвореніе варварства въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова—необразованности, грубости, жестокости, дѣли и, при всемъ этомъ, радикальной неспособности къ умственному и нравственному развитію. А если спросить, на какомъ основаніи сложилось у насъ такое воззрѣніе на эту націю то, кромѣ какихъ-нибудь смутныхъ преданій отъ временъ Суворова-Рымникскаго и Румянцева-Задунайскаго, имена коихъ связаны съ воспоминаніемъ о побѣдахъ нашихъ войскъ надъ турками, да розказней о фанатической кровожадности послѣднихъ, которыя распространялись и рас-

¹⁾ Собр. Соч. Т. VI, стр. 74.

пространяются всякими выходцами съ такъ называемой св. земли ¹⁾—сирійцами, коптами, особенно греками, влачащими, большею частью подъ иноческимъ покровомъ, по благочестивой Руси свою праздную лѣнность и невѣжество и старающимися, посредствомъ означенныхъ росказней, приводить въ умиленіе щедрыхъ россеянъ, неразборчивыхъ въ дѣлѣ религіозной благотворительности,—кромѣ всего этого едвали окажется другой какой болѣе чистый источникъ нашихъ понятій о Турціи: едвали мы можемъ сослаться на близкое наше знакомство съ жизнью Турціи или на знаніе исторіи ея. Но если кому, такъ именно намъ, русскимъ, не слѣдуетъ такъ легкомысленно относиться къ данному предмету, потому что мало кого третировали и третируютъ такъ свысока, не только салонные, но и кабинетные представители интеллигенціи на Западѣ, какъ Россію и русскихъ: какой-нибудь французскій ораторъ, изливающій свой восторгъ о всемірномъ прогрессѣ, говорить: *les Turcs devient moins Turcs, les Russes devient moins Russes*, выражая тѣмъ самымъ не особенное лестное свое понятіе о русскихъ какъ русскихъ. Подобное пренебрежительное отношеніе къ намъ западныхъ людей происходитъ отъ той же предразсудочности, которая не позволяетъ имъ безпристрастно взглянуть на бытъ и исторію русскаго народа, чтобы провѣрить: въ какой мѣрѣ справедливы тѣ нелѣпыя и невѣжественные отзывы, какими честятъ насъ заграничные ученые и публицисты ²⁾. Чтобы составить вѣрное понятіе о какомъ-либо народѣ,

¹⁾ Я говорю съ такъ называемой св. земли, потому что, пользуясь плохими географическими познаніями простаго нашего народа, побирохи эти всегда рекомендуютъ, что они *раззоренные греки* съ св. земли (т. е. изъ Іерусалима и его ближайшихъ окрестностей), хотя бы сами были какіе-нибудь бедуины изъ сирійскихъ степей, что, впрочемъ, одно другого стоитъ.

²⁾ Такихъ отзывовъ, напримѣръ, полно сочиненіе г. Фальмерейера *Fragmente aus dem Orient. Stuttgart u. Tübingen, 1845 г.*

нужно брать источниками этого понятія продукты жизни и дѣятельности того же самаго народа. Поэтому также, чтобы понять и турковъ, ихъ «надо изучать по собственнымъ ихъ писаніямъ», какъ говоритъ опять Сенковскій. Онъ же сдѣлалъ первый шагъ въ этомъ направленіи, напечатавъ въ 1842 году въ «Библіотекѣ для чтенія» рассказъ Ресми-Ахмеда-эфенди. «Совѣ достопримѣчательнаго» (такъ называется этотъ рассказъ) вторично былъ напечатанъ имъ въ томъ же журналѣ въ 1854 году, «удовлетворяя, какъ говоритъ переводчикъ въ предисловіи, настоящему требованію публики» ¹⁾. Но чтó это было за настоящее требованіе публики? Все что угодно, только никакъ не серьезное желаніе узнать турковъ изъ ихъ собственныхъ писаній; а, вѣрнѣе, результатъ той же предрасудочности нашихъ отношеній къ туркамъ, противъ которой вооружался Сенковскій. Чтобы слова мои не показались парадоксомъ, стоитъ только припомнить, что это было въ 1854 году, когда мы воевали съ турками и, какъ водится, тѣшили себя разными, словесными и изобразительными, выходками насчетъ нашихъ противниковъ; когда въ печати распространялись какія-то, Богъ вѣсть откуда взятые, предсказанія турецкихъ пророковъ объ имѣющемъ рано или поздно совершиться взятіи Константинополя русскими. Съ этой точки зрѣнія, и вторичное появленіе въ печати, весьма, впрочемъ, назидательнаго, рассказа Ресми-Ахмеда-эфенди было такою же издѣвкой, если не со стороны издателя, то во всякомъ случаѣ со стороны читавшей публики: вотъ, молъ, какъ турка смѣется надъ турками же! Нелѣпость подобныхъ отношеній къ чуждому, хотя бы и враждебному, народу очевидна, хотя легче замѣчается со стороны, на другихъ, нами, напри- мѣръ, на нѣмцахъ, творившихъ недавно относительно

¹⁾ Библи. для Чтенія Т. 324, стр. 2.

французовъ то же что мы дѣлали двадцать лѣтъ тому назадъ относительно турокъ. Темныя стороны въ жизни какъ отдѣльнаго человѣка такъ и цѣлаго народа не столько смѣшны, сколько, скорѣе, поучительны; изученіе причинъ разстройства и паденія государствъ не менѣе существенно и плодотворно чѣмъ изслѣдованіе существовавшихъ и существующихъ, а также изысканіе новыхъ, способовъ цвѣтущаго положенія и благосостоянія ихъ: чтобы поддерживать жизнь здороваго, и возстановлять и укрѣплять силы больного человѣка, медицина должна анатомировать и подвергать всевозможнымъ изслѣдованіямъ и наблюденіямъ—трупы.

Кромѣ упомянутаго труда Сенковского да перевода другаго сочиненія Ресми-Ахмеда-эфенди, сдѣланнаго В. В. Григорьевымъ, кажется, ничего нѣтъ у насъ по части изученія турковъ по собственнымъ ихъ писаніямъ, хотя въ нашей литературѣ не перестаютъ отъ времени до времени появляться журнальныя статьи посвященныя Турціи, и главнымъ образомъ направленные на политическій бытъ ея, какова, напримѣръ, статья г. Щебальскаго «Турція и ея реформы по отношенію къ Россіи»¹⁾, но основанныя однако же на источникахъ, авторитетъ которыхъ довольно сомнителенъ. Какъ изъ смысла этой статьи, такъ и множества случайныхъ замѣтокъ, которыя безпрестанно попадаютъ въ сочиненія по политикѣ и исторіи и въ политическихъ отдѣлахъ журналовъ, выходитъ, что слабость и крайній упадокъ Турціи въ настоящее время сдѣлались общепризнаннымъ фактомъ, который принимается за аксіому всякій разъ когда заходитъ рѣчь о внутреннемъ бытѣ этого государства и его внѣшнихъ международныхъ отношеніяхъ; словомъ, Турція—это если не трупъ въ политическомъ смыслѣ, то, во всякомъ слу-

¹⁾ Русскій Вѣстникъ, январская книжка 1870 года.

чаѣ, организмъ готовый скоро стать трупомъ; дни Турціи сочтены; существованіе ея признается только какъ бы временнымъ; ей уже прочитана отходная: «Nullum remedium agit in cadaver», сказалъ относительно нея г. Сеніоръ ¹⁾).

Это воззрѣніе публицистовъ на теперешнее незавидное положеніе Турціи, при несуществованіи данныхъ для безусловнаго его отрицанія, наводитъ однако же всякаго мыслящаго человѣка на слѣдующій вопросъ: неужели сами турки не понимаютъ положенія своего государства и безучастно смотрятъ на предстоящую судьбу его, такъ-что до сихъ поръ между ними не нашлось ни одного человѣка, который бы сознательно взглянулъ на прошлое и настоящее своего отечества, оцѣнилъ по достоинству степень процвѣтанія или упадка его, и не высказалъ какихъ-либо собственныхъ мыслей относительно правильнаго государственнаго устройства, не замѣтилъ уклоненій отъ этихъ *sui generis* политическихъ принциповъ въ строѣ своего государства, и не указалъ на причины этихъ уклоненій? Или-же, можетъ быть, между ними и были люди со смысломъ и съ знаніемъ дѣла, да не обращали на это никакого вниманія, по отсутствію въ нихъ того общечеловѣческаго чувства, свойственнаго всѣмъ людямъ перешедшимъ изъ дикаго состоянія къ осѣдлому образу жизни, которое называется патріотизмомъ (آرزوی وطن)

и въ которомъ, впрочемъ, наши публицисты также отказываютъ всѣмъ туркамъ поголовно? Словомъ, неужели это не народъ, а какое-то стадо барановъ, живущихъ на подножномъ кормѣ и не желающихъ, даже неспособныхъ ни о чемъ думать? Вопросъ этотъ могъ бы быть рѣшенъ отрицательно уже однимъ фактомъ существованія политическаго завѣщанія оставленнаго покойнымъ Фуадъ-па-

¹⁾ Русскій Вѣстникъ, мартъ 1864 г., стр. 112.

шею нынѣ царствующему султану. Въ немъ мы видимъ воззваніе умнаго патріота, понимающаго безнадежное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе страны своей, и желающаго предъ смертью высказать тѣ завѣтныя мысли, къ осуществленію которыхъ онъ стремился при жизни, а именно—поставить Турцію, по внутреннему ея благоустройству, на одну ногу съ прочими цивилизованными государствами, ибо, иначе, грозитъ ей опасность отъ настоящаго неравенства ея съ ними въ этомъ отношеніи. Но еще есть сомнѣніе въ подлинности этого документа ¹⁾ столь важнаго для исторіи развитія турецко-магометанской мысли; а все сомнительное не имѣетъ силы авторитета, и потому фактъ этотъ не рѣшаетъ поставленнаго вопроса.

Во всякомъ случаѣ это было очень недавно, какихъ-нибудь три-четыре года тому назадъ, а между тѣмъ всякое государство слагается вѣками; оно много переживаетъ перемѣнъ, покамѣстъ окончательно приметъ такой или иной видъ свой, т. е. пока изъ него или выработается здоровый и способный къ дальнѣйшему развитію общественный организмъ извѣстнаго типа, или же изъ массы первобытныхъ элементовъ его выродится какой-то недоносокъ, жизнь котораго будетъ лишь медленнымъ умира-

¹⁾ Текстъ завѣщанія этого былъ напечатанъ скорѣ послѣ смерти верховнаго визиря въ 1869 году, въ издававшейся тогда въ Лондонѣ османской газетѣ ^{حرية} «Свобода», а также въ константинопольской газетѣ «Манзуме», издающейся на турецкомъ языкѣ армянскимъ алфавитомъ. Съ содержаніемъ большей части его я ознакомился изъ армянской транскрипціи; полная же-экземпляра его въ турецкомъ текстѣ мнѣ не удалось достать, хотя нумера этого османскаго «Бюллетеня» и присылались въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Небольшой отрывокъ этого завѣщанія, безъ ссылки на источникъ, приводитъ, г. Щебальскій въ вышеупомянутой статьѣ своей (Русск. Вѣст. 1870, январь, стр. 218), съ приличествующимъ случаю комментариемъ, въ оппозиціонномъ, конечно, духѣ.

ніемъ. Османское государство переживаетъ уже шестое столѣтіе со времени своего основанія, и потому немислимо, чтобы раньше не обнаруживалось никакихъ признаковъ того порядка вещей, какой представляетъ современная Турція. А если такъ, то поставленный выше вопросъ остается во всей своей силѣ. Поэтому необходимо обратиться къ османскимъ литературнымъ памятникамъ прошлыхъ вѣковъ и въ нихъ поискать матеріала для разрѣшенія его, что и послужило предметомъ настоящей диссертациі, въ составъ которой должны войти:

1) обзоръ, оцѣнка и, частію, приведеніе, съ надлежащими объясненіями, памятниковъ, заключающихъ въ себѣ обсужденіе разстроеннаго положенія османскаго государства, явившихся въ ту эпоху когда особенно сильно стали замѣтны признаки этого разстройства;

2) подробное разсмотрѣніе сочиненія писателя XVII в. имя котораго поставлено въ оглавленіи настоящаго изслѣдованія, такъ какъ оно, по извѣстнымъ причинамъ, заслуживаетъ того, чтобы на него было обращено преимущественное предъ прочими вниманіе;

3) изложеніе политическихъ воззрѣній османскихъ мыслителей, насколько эти воззрѣнія выразились въ тѣхъ литературныхъ памятникахъ; и

4) указаніе ненормальностей, усмотрѣнныхъ ими въ устройствѣ собственнаго государства, равно какъ и обстоятельствъ, послужившихъ, по ихъ мнѣнію, главнымъ источникомъ того уродливаго порядка вещей который долженъ, въ концѣ концовъ, привести государство ихъ къ гибели.

I.

Какъ извѣстно, завершителемъ величія и могущества турецкой имперіи единогласно всѣми признается знаменитый султанъ Сулейманъ Великій (1520—1566) ¹⁾. Его побѣды сдѣлали имя его грознымъ по обѣ стороны Босфора внѣ предѣловъ его собственныхъ владѣній, а сохранившійся за нимъ въ исторіи титулъ законодателя—*قانוני*—свидѣтельствуетъ о его государственной дѣятельности внутри, выразившейся особенно въ томъ, что онъ далъ окончательную форму различнымъ учрежденіямъ, которымъ начало положено было еще его предшественниками, и что при немъ же сдѣлано было собраніе законоположеній, составляющихъ основу турецкой администраціи и юриспруденціи. Поэтическое творчество въ періодъ его царствованія было въ полномъ разгарѣ: самъ султанъ, оставляя повременамъ саблю, принимался за каламъ, чтобы писать стихи. Вся османская литература

¹⁾ Въ иныхъ книгахъ его считаютъ первымъ, въ другихъ же къ его имени приставляютъ римское два. Такая разниа, могущая сбивать съ толку мало знакомыхъ съ политической исторіею Турціи, происходитъ оттого, что въ первомъ случаѣ не принимается въ расчетъ Сулейманъ, одинъ изъ трехъ сыновей Баязида I, властвовавшихъ во время междоусобицы 1402—1413 г., на томъ, должно быть, основаніи, что онъ правилъ не цѣлымъ османскимъ государствомъ, а только частью его. Сами турки называютъ его *ثانی* — вторымъ (Тарихи-Джевдетъ, V, 187)

его времени носить характер панегиристическій: даже историческія произведенія, и тѣ, подобно похвальнымъ касыдамъ, направлены были къ одной и той же цѣли — прославленію доблестей Сулеймана, какъ славнѣйшаго потомка своихъ достохвалныхъ предковъ, составляющихъ, всовокупности, драгоцѣнную цѣпь османской династіи.

Но этотъ вѣйшній блескъ былъ непродолжителенъ. Едва только разнесся слухъ о смерти Сулеймана, какъ подвластные его державѣ владѣльцы Аравіи подняли знамя мятежа ¹⁾, захотѣвши сбросить съ себя иго подданства, подъ которымъ доселѣ ихъ удерживалъ лишь страхъ предъ воинственнымъ суланомъ. Такія государственныя несчастія, какъ уничтоженіе, почти всего огромнаго флота соединенными силами испанцевъ и венеціанъ въ битвѣ при Лепанто въ 1571 г. ²⁾; какъ истребленіе почти всей столицы семидневнымъ пожаромъ въ 1570 г. ³⁾, вмѣстѣ съ незавиднымъ экономическимъ положеніемъ страны, выражавшемся въ крайнемъ пониженіи курса османскихъ денегъ, въ постоянномъ возрастаніи дефицита, въ тягости непомерно увеличивавшихся налоговъ, въ самовольствѣ чиновниковъ, отъ притѣсненій которыхъ сельскій народъ бѣжалъ въ столицу, въ страшной дороговизнѣ предметовъ первой необходимости; ⁴⁾ вмѣстѣ съ недѣлятельностью новыхъ сулановъ, изъ которыхъ, напр., Селимъ II (1566—1574), выдумывалъ, сидя во внутреннихъ покояхъ серала, несбыточные предпріятія, въ родѣ соединенія каналомъ рѣки Дона съ Волгою, чтобы отправить чрезъ Каспійское море войска для покоренія Персіи ⁵⁾, или утѣшался чтеніемъ корана послѣ вышеупомяну- таго пораженія его флота; а Мурадъ III (1574—1595) все занимался умноженіемъ своего потомства, въ чемъ и оказалъ блистательные успѣхи, оставивъ послѣ себя 102 человѣка дѣтей мужскаго и женскаго пола ⁶⁾,—все это были такого рода обстоя-

¹⁾ Cantimir, Histoire de l'empire othoman. Paris, 1743. Т. III, 4.

²⁾ Ibid., стр. 16.

³⁾ Кара-Челеби-Заде, *Ревзетуль-Эбраръ*. Булак. изд. 1248 г. гиджры, стр. 449.

⁴⁾ Тарихи-Селяники. Рук. Азіатск. Музея, стр. 197 verso и слѣд.

⁵⁾ Loc. cit., стр. 92 recto; *Ревзетуль-Эбраръ*, 447.

⁶⁾ Ibid, стр. 476.

тельства, которыя дѣлали рѣзко замѣтною противоположность послѣдующихъ царствованій съ предшествовавшею, хоть и мишурно, но блестящею эпохою. Лишь только разсѣялся чадъ очарованія успѣхами за предѣлами своего государства, османь стали осматриваться вокругъ себя, и нашли, что и внутри его дѣла далеко не въ блестящемъ положеніи; *агли калымъ*, т. е. люди образованные того времени, обыкновенно занимавшіе какія-нибудь официальные должности, и потому болѣе другихъ могшіе признавать плохія обстоятельства государства, относились критически къ нимъ, предвидѣли результаты и добивались до причинъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ началу XVII вѣка и далѣе, мы открываемъ цѣлую литературу въ этомъ направленіи, находимъ цѣлый рядъ османскихъ писателей, которые, въ общихъ и специальныхъ сочиненіяхъ своихъ, съ чувствомъ глубокаго огорченія изображаютъ печальное положеніе своего государства и выказываютъ горячую готовность, такъ или иначе, содѣйствовать къ поправкѣ его, предлагая, съ своей стороны, различныя мѣры къ пресѣченію дальнѣйшаго развитія зла, и къ предотвращенію его неминуемыхъ гибельныхъ послѣдствій. Какіе же именно были это писатели и что это за сочиненія?

Извѣстный ориенталистъ Дицъ, въ сборникѣ своемъ, названномъ имъ «*Denkwürdigkeiten von Asien*», помѣстилъ переводъ одного сочиненія Нишанджи Мустафы-паши, извѣстнаго подъ прозваніемъ Рамазанъ-Заде, государственнаго сановника при Сулейманѣ II. Статья эта, озаглавленная «Баязидъ II и Селимъ I какъ правители и какъ люди», есть лишь отрывокъ изъ исторіи того же автора: *کتاب سلیم نامه نوارنج نشاچی مصطفى چلبی الشهیر برمضان زاده*. Въ этомъ отрывкѣ авторъ, послѣ краткаго описанія безпорядковъ въ государственномъ управленіи, обнаружившихся въ концѣ царствованія Баязида II (1581—1512), приводитъ разговоръ, который происходилъ будто бы по этому поводу между султаномъ и его визириями, и былъ сообщенъ ему Пир-пашей, занимавшимъ въ ту пору должность дефтердаря Анатольской Нассы, въ слѣдующемъ видѣ:

«Разъ, говоритъ онъ, визири представлялись его высочайшей особѣ. Едва только мы явились, какъ замѣтили, что султанъ чѣмъ-то недоволенъ и гнѣвается. Онъ началъ укорять визирей,

да и говорить: Всевышній Богъ вѣрилъ моея власти рабовъ своихъ; я знаю и твердо увѣренъ, что за все что бы ни случилось съ моими подданными я долженъ буду дать отчетъ въ день страшнаго суда. Я, въ свою очередь, выбралъ васъ и поручилъ всё свои дѣла вамъ. Такъ какъ, по волѣ Божіей, я хилъ и слабъ, то и не могу всего вѣдать самъ. А между тѣмъ до моего слуха дошло, что провинціи пришли въ упадокъ; что обычаи и установленія временъ моего отца совсѣмъ измѣнились и извратились; что вы не совѣтуетесь съ людьми знающими положеніе дѣлъ въ государствѣ, да и сами несвѣдущи и неопытны въ дѣлѣ управления. Да и у кого, въ самомъ дѣлѣ, изучали вы обязанности визирскія? Кто были учителя ваши? Вы только хапаете взятки да подарки; по собственному произволу вы внесли въ мою Порту небывалыя учрежденія и новшества. Я слышу, что всё сипаги и подданные жалуются на разстройство государства и изнышленные вами всякаго рода несправедливости и утѣсненія. Мнѣ не осталось мѣста для моего упокоенія въ вѣчности; какой я отвѣтъ дамъ Богу въ день страшнаго суда?! О, тяжко! Отчего вы беспечны? Зачѣмъ вы употребляете насилія?»

«Когда онъ держалъ къ нимъ такую строгую рѣчь, то каждый визирь отвѣчалъ, какъ умѣлъ, на это по правдѣ или привирая. Вообще много толковали. Наконецъ младшій визирь, по имени Месихъ-паша, весьма проникательный человекъ, встаетъ съ своего мѣста и говорить: «Ваше Величество, если вы изволите повелѣть, то я вамъ представлю нравы и качества вашихъ слугъ, визирей, такъ какъ они есть на самомъ дѣлѣ». Султанъ на это отвѣтилъ ему: «говори» ¹⁾). Получивши высочайшее соизволеніе, вотъ какъ Месихъ-паша расписалъ своихъ сослуживцевъ: «одинъ, говоритъ онъ, пьяница и сластолюбецъ: цѣлые дни и ночи проводить въ кутежахъ и развратѣ; другой—сребролюбецъ: продаетъ должности съ публичнаго торга; третій — непомѣрный охотникъ: никогда съ сѣдла не слѣзаетъ; все гоняется за дичью; а самъ я, продолжаетъ докладчикъ, человекъ больной, и потому въ упущеніяхъ какихъ-нибудь виновата слабость моего здоровья». Такъ-то, сказалъ Месихъ-паша въ заключеніе, государственныя

¹⁾ Denkwürdigkeiten von Asien. Berlin und Halle, 1815. T. II, 358.

дѣла запутаны; подданные подавлены насиліемъ и несправедливостью, и всѣ области оглашаются стономъ и воплями. А когда ты (султанъ) отойдешь въ вѣчность, то ужъ совсѣмъ некому будетъ позаботиться о состояніи государства». Слова эти такъ тронули султана Баязида II, что онъ воскликнулъ: «да, ты говоришь правду», и залился слезами. Но на визирей мало подѣйствовала вся эта бесѣда: они пересмѣивались между собою при выходѣ въ султанской передней, и потомъ продолжали поживать по-прежнему, довольные своимъ временнымъ благополучіемъ» ¹⁾.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что государственное зло, о которомъ трагуютъ османскіе писатели XVII в., получило свое начало и даже обнаружилось раньше этого времени: оно, какъ увидимъ далѣе, было результатомъ того государственнаго устройства, которое положено было въ основу османской державы. Но, съ другой стороны, нельзя безусловно положиться на историческую правдивость всего того, что заключается въ приведенномъ документѣ. Во-первыхъ, неизвѣстно, насколько достовѣренъ самый памятникъ; а сомнѣніе въ его достовѣрности возбуждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ (единственномъ, впрочемъ, въ Петербургѣ) рукописномъ экземплярѣ исторіи Рамазанъ-Заде, значащемся подъ № 590 і. рукописей Азіатскаго Музея Академіи Наукъ, и озаглавливаемомъ *تواریخ رمضانزاده*, этого отрывка не находится. Затѣмъ, содержаніе его отзывается панегирикомъ султану Селиму I, который названъ тамъ, въ концѣ концовъ, «Александромъ (разумѣется, великимъ) своего времени». Разсказъ сводится къ тому, что Селимъ, въ бытность свою Трбизондскимъ областнымъ правителемъ, предпринялъ грузинскій походъ съ цѣлью, какъ онъ говорилъ позваннымъ къ нему выборнымъ, дать возможность лучшимъ и храбрымъ людямъ выказать свои доблести и поправить свои обстоятельства, добычею, награбленною у непріятеля, а то, говорить, у отца (Баязида II) въ Высокой Портѣ ужасные беспорядки: хорошіе люди сидятъ безъ хлѣба, а негодяи благоденствуютъ; никакого порядка въ раздачѣ леновъ и въ управленіи нѣтъ» ²⁾. Но если мы вспомнимъ, въ какихъ отношеніяхъ находились отецъ

¹⁾ Ibid., 361.

²⁾ Ibid., 363.

съ сыномъ, когда послѣдній былъ озлобленъ тѣмъ, что Баязидъ, рѣшившись отказаться отъ трона, сдѣлалъ-было наслѣдникомъ своимъ не Селима, а Ахмеда ¹⁾, и, съ другой стороны, приметъ во вниманіе то, какъ Пири-паша, сообщившій всю эту исторію Рамазанъ-Заде, былъ превознесенъ Селимомъ за свой высокій умъ и произведенъ въ верховные визири за удачный совѣтъ передъ Чалдыранскою битвою съ персами, и какъ потомъ былъ чествуемъ своимъ владыкою ²⁾, то намъ станетъ понятнымъ тотъ сладкій тонъ рѣчи, какимъ Требизондскій правитель желалъ привлечь къ себѣ провинціальныхъ вельможъ, чтобы успѣть въ задуманномъ имъ достиженіи султанской власти, а также станетъ ясно, насколько безпристрастенъ могъ быть Пири-паша въ повѣтствованіи о своемъ патронѣ, и не преувеличилъ-ли онъ худаго положенія дѣлъ въ государствѣ при султанѣ-отцѣ, чтобы тѣмъ самымъ возвысить значеніе дѣятельности сына. Эпическій-же складъ повѣтствованія даетъ основаніе думать, что факты прошлаго времени изукрашены чертами современной автору эпохи, ибо Рамазанъ-Заде (+ 976 = 1571 г.) на цѣлые пять лѣтъ пережилъ Сулеймана, ко времени царствованія котораго послѣдующими писателями относится начало развитія тѣхъ золъ, которыми подкапывалось зданіе османской имперіи. Поэтому, не останавливаясь на этомъ слишкомъ раннемъ и стоящемъ одиноко памятникѣ, переходу къ тѣмъ, которые составляютъ собою цѣлую группу, и потому имѣютъ полное право на вниманіе при изслѣдованіи поставленнаго мною вопроса.

Разсматривая эти послѣдніе, мы видимъ, что прежде другихъ явились тѣ сочиненія, которыя, по внѣшней своей формѣ, должны быть отнесены къ разряду поэтическихъ. Оно и понятно: темное чувство еще не вполне сознанныхъ неблагопріятныхъ явленій современной жизни должно было выразиться простыми изліяніями гражданской скорби болѣе впечатлительныхъ людей, посвятившихъ свой калямъ стихотворству.

Стихотворенія съ такимъ содержаніемъ различнаго достоинства, по отношенію къ разсматриваемому здѣсь предмету. Одни

¹⁾ Cantimir, Hist. de l'emp. othoman, II, 102.

²⁾ Ibid., 179 и Hammer, Gesch. d. Osm. R., III, 18.

изъ нихъ, монотонностью всей рѣчи и, мѣстами, неясностью смысла отдѣльныхъ выражений, мало чѣмъ отличаются отъ того рѣчованнаго набора словъ, которымъ наполнена большая часть такъ-называемыхъ «дивановъ» османскихъ поэтовъ. Таково одно стихотвореніе поэта Нев'и — زوعی (+ 1599 г. Хрст. эры). Бывши наставникомъ дѣтей султана Мурада III, онъ велъ съ нимъ постоянную переписку и имѣлъ значительное вліяніе на дѣла государства, какъ гласить объ этомъ его біографія ¹⁾. Однако же, несмотря на такое видное положеніе при Дворѣ, Нев'и, при всей своей благонамѣренности и честности (онъ не взялъ подарка въ 20.000 дукатовъ, присланнаго ему Фергадъ-пашею за сообщенное имъ извѣстіе о назначеніи послѣдняго верховнымъ визиремъ) ²⁾, ничего не могъ сдѣлать болѣе существеннаго относительно разныхъ злоупотребленій и безпорядковъ въ государственномъ устройствѣ и управленіи, какъ только оплакать эти горестныя явленія чернилами на бумагѣ. Стихотвореніе Нев'и, состоящее изъ девяти строфъ, въ четыре стиха каждая, не упоминается въ біографіи его, а между тѣмъ оно никакъ не могло войти въ составъ дивана стихотвореній его, потому что рѣзмы не оканчиваются въ немъ одною и тою же буквою. Оно найдено мною въ сборникѣ произведеній различныхъ османскихъ поэтовъ, значащемся подъ № 555 каталога восточныхъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки, стр. 16.

Другое подобное же стихотвореніе помѣщено въ историческомъ сочиненіи писателя XVII в. Селяники, именно подъ 1004 годомъ (Мгмт. эры) его лѣтописи ³⁾. Въ предисловіи къ нему Селяники говорить слѣдующее: «Въ томъ же 1004 году, находившійся на

¹⁾ Hammer, Geschichte d. Osm. Dichtkunst. Pesth, 1837. B. III, 111.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Тарихи-Селяники, стр. 238 verso и слѣд. Настоящая и прочія ссылки на это сочиненіе сдѣланы по рукописному экземпляру, значащемуся подъ № 590 ib. каталога рукописей Азіатскаго Музея. Манускриптъ написанъ превосходнымъ почеркомъ и заключаетъ въ себѣ, на 389 страницахъ in-4°, повѣствованіе событій въ періодъ времени 971—1008 гг. Магометанской эры. Странно, какимъ образомъ въ библиографическомъ указателѣ новѣйшихъ печатныхъ османскихъ изданій, который помѣщенъ г. Веленомъ въ Journal Asiatique, Juin 1868 г., на стр. 472, могло быть сказано о Тарихи-Селяники, будто «L'auteur, Moustapha-

богохранимой границѣ, одинъ изъ извѣстѣйшихъ своимъ знаніемъ и превосходствомъ, отличнѣйшихъ письмоводителей высочайшаго Дивана, а также неподобный въ умѣннѣ писать прозой и стихами, Абди-эфенди, какъ нельзя лучше зная и понимая положеніе земли и народа, въ стихотворной формѣ месневи ¹⁾ описалъ пограничныя дѣла шейхуль-исламу, для представленія въ султанскую палату, — въ стихотвореніи, на которое да воззрять окомъ справедливости!». Далѣе стоитъ оглавленіе *نظم عبدی جلبی*, за которымъ слѣдуетъ самое стихотвореніе.

Гаммеръ, должно быть, разумѣетъ это же стихотвореніе, когда говоритъ, что «у Селяники находятся двѣ газели — Баки и Обейди-Челеби» ²⁾. Этотъ Обейди-Челеби причисляется имъ къ лику поэтовъ, находившихся въ лагерѣ во время осады Сигета, и приподнесшихъ султану свои стихотворенія по случаю взятія этого города ³⁾. Въ біографіи-же этого, одного изъ 2200, поэта значится только, что онъ былъ отличный музыкантъ и сочинитель загадокъ, и скончался въ 980 (1572) году ⁴⁾. Стало быть, онъ не одно и то же лицо съ авторомъ стихотворенія, находящагося у Селяники. Другаго же Обейди у Гаммера нѣтъ. Да и неправильно было бы имя *عبدی* читать Обейди, а не Абди. У Гаммера есть и Абди, и не одинъ даже, а больше десятка. Изъ нихъ самый позднѣйшій, по времени жизни, къ автору разсматриваемаго стихотворенія — тотъ, о которомъ извѣстно только, что онъ былъ судьей въ мѣстечкѣ Серафъ близъ Визы и умеръ въ 1020 году, — больше ни слова ⁵⁾. Между тѣмъ все почти стихотвореніе, за исключеніемъ первыхъ 16 стиховъ, переведено у Гаммера въ біографіи другаго поэта, именно историка Аали-эфенди (+1008 = 1599) ⁶⁾. Но

efendi, de Salonique, traite de l'histoire ottomane depuis l'époque du sultan Suleiman jusqu'à l'an 1000 de l'égire, date où commence la chronique de Naima.

¹⁾ Особенность стихотвореній этого рода состоитъ въ томъ, что въ нихъ речуются каждыя два стиха стоящіе рядомъ.

²⁾ Gesch. d. Osman. Reiches, III, 751.

³⁾ Ibidem, стр. 439.

⁴⁾ Gesch. d. Osm. Dichtk. II, 347.

⁵⁾ Ibidem, III, 153.

⁶⁾ Ibid., 116 и слѣд.

если, имѣя въ виду данныя Селяники объ Абди, нельзя его считать за одно лицо съ тѣмъ Абди, біографія котораго находится у Гаммера, то надежнѣе будетъ приписать стихотвореніе какому-нибудь другому соименному ему лицу, хоть, напримѣръ, тому Абди-эфенди, который, состоя въ должности контролера пѣхотной кассы, былъ посланъ въ 1009 (1599) году, послѣ взятія крѣпости Бансиры, изъ лагеря въ Порту съ донесеніемъ о побѣдѣ ¹⁾, нежели повѣрить Гаммеру, который, относительно послѣднихъ годовъ жизни и дѣятельности Аали, мнимаго автора того стихотворенія, ссылается также на Селяники; а если Селяники зналъ объ Аали, то мудрено, чтобъ онъ смѣшалъ съ нимъ совершенно другое лицо, именно Абди-Челеби, которому онъ приписываетъ данное произведеніе. Между тѣмъ вопросъ о личности автора въ настоящемъ случаѣ не маловаженъ, потому что Гаммеръ относитъ сочиненіе этого месневи ко времени когда Аали, по смерти своего патрона Мустафы-паши, остался въ тѣни и былъ забытъ всѣми, такъ-что, по его мнѣнію, оно является какою-то кляузой чиновника недовольнаго своимъ положеніемъ, вслѣдствіе неудавшейся карьеры, а не выраженіемъ чувствъ честнаго гражданина при видѣ безпорядковъ въ дѣлахъ государства; это-же не вяжется съ показаніемъ Селяники, что стихотвореніе имѣло видъ официального доклада. Во всякомъ случаѣ, фактъ этотъ можетъ служить весьма поучительнымъ образчикомъ критической разборчивости многоученаго Гаммера.

Кромѣ этихъ печальныхъ месневи, есть еще родъ стихотвореній, имѣющихъ то же содержаніе, только уже совсѣмъ въ иномъ тонѣ — стихотворенія, которыя принадлежатъ къ такъ-называемымъ касыдамъ, т. е., по словопроизводству, къ стихотвореніямъ направленнымъ къ извѣстной цѣли, въ противоположность массѣ разныхъ газелей и тому подобныхъ монотонныхъ и лишенныхъ всякой опредѣленной мысли исчадіи восточной стихотворной маніи. Это уже не простыя тихія печалованія, въ родѣ вышеупомянутыхъ, о скорбныхъ явленіяхъ времени, а энергически высказанныя негодованія патріотовъ, называвшихъ не только дѣла но и лица ихъ настоящими именами и, очевидно, рассчитывавшихъ на

¹⁾ Фезликъ, Рукоп. Азіат. Музея, стр. 55 verso.

популярность своих произведений, съ цѣлью вліять на измѣненіе существующаго хода дѣлъ; это уже не элегін, а ѣдкія, злостныя сатиры, каковы сатиры Вейси (+1037=1628) и Неф'и (+1045=1635).

Замѣчательно, что два ученые врага сходятся между собою въ мнѣніи объ этихъ сатирахъ. И Гаммеръ, въ предварительной замѣткѣ къ четвертому періоду своей исторіи османской поэзіи, и Дичъ, въ предисловіи къ изданной имъ, сперва въ «Fundgruben des Orients», а потомъ отдѣльною брошюрою, касядѣ Вейси, оба недовѣрчиво смотрятъ на произведенія османскихъ сатириковъ. Въ «Стрѣлахъ Судьбы» — *سهام قضا* (такъ называется рядъ сатиръ Неф'и) жеманное чувство историка Гаммера было оскорблено чрезмѣрною нецѣломудренностью употребленныхъ въ нихъ выраженій ¹⁾; равнымъ образомъ и Вейси называетъ онъ «авторомъ одной *нелѣпой* сатиры въ стихахъ, и *другой* обличенной въ форму сновидѣнія, которая до сихъ поръ *пользуется большимъ кредитомъ*» ²⁾. Не меньше нерасположенія выказалъ и Дичъ къ Вейси, сдѣлавши о немъ такой отзывъ: «плоскія выраженія и чрезмѣрное самолюбіе ставятъ его (Вейси) въ разрядъ *крикуновъ, которые встрѣчаются и въ другихъ странахъ*, и которыхъ бичевалъ верховный визирь Рагыбъ-паша, сказавши о нихъ гдѣ-то (?) въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, что они «ни правятъ, какъ властители, своимъ разсудкомъ, ни блюдутъ, какъ чиновники, за правосудіемъ» ³⁾. Насколько, въ самомъ дѣлѣ, непристойна рѣчь Неф'и, я не могу судить, по той причинѣ что у Гаммера помѣщены лишь краткія извлеченія, въ переводѣ, изъ «Стрѣлъ Судьбы», чтобы, какъ онъ говоритъ, переводомъ (*sic!*) всѣхъ пошлостей не пачкать страницъ его исторіи османской поэзіи, а текста нѣтъ ни въ одной изъ восточныхъ библіотекъ нашей столицы. Отрывки-же эти, равно какъ двѣ цѣльныя сатиры Неф'и, противъ Гурджи-Мустафы-паши и противъ дервишей, находящіяся въ сборникѣ Сервана де-Сюньи во фран-

¹⁾ Gesch. d. Osm. Dichtkunst, III, 4.

²⁾ Ibid.

³⁾ Fundgruben des Orients. Wien, 1809. T. I, 249.

цузскомъ переводѣ ¹⁾), хотя, правда, и не отличаются особою мягкостью выраженій и сдержанностью тона, но чрезъ это не теряютъ своего значенія, принадлежа такой эпохѣ когда грубость рѣчи не была исключительнымъ явленіемъ, какъ теперь, среди цивилизованной во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Что же касается до произведеній Вейси, то, во-первыхъ, одно изъ нихъ, написанное въ формѣ сна, вовсе не есть сатира, и, во-вторыхъ, въ обоихъ сочиненіяхъ нѣтъ ничего такого что бы заслуживало порицанія ни со стороны содержанія ни со стороны стиля. Невыгодное мнѣніе о Вейси г. Дица основано имъ, какъ онъ самъ даетъ это знать, на произвольно составленномъ имъ заключеніи, что Вейси былъ дервишъ, «*der von seiner Lebensart keine Profession macht*», слѣдовательно писалъ свою сатиру просто изъ желанія почесать языкъ, — заключеніи, которое противорѣчитъ положительному свидѣтельству Хаджи-Кальфы, что Вейси былъ судья и занималъ нѣсколько должностей ²⁾), значитъ былъ человѣкъ не издали и безучастно смотрѣвшій на жизнь общественную, а терпѣвшій въ самомъ ея круговоротѣ и принимавшій къ сердцу интересы ея. Раздѣленіе въ мнѣніи о Неф'и существуетъ даже и у османскихъ писателей. Историкъ Наима такъ рассказываетъ о трагической кончинѣ сатирика. Онъ говоритъ, что въ наказаніе за сочиненіе «Стрѣлъ Судьбы» Неф'и былъ отставленъ отъ должности писмоводителя и лишенъ чести быть султанскимъ приближеннымъ; но потомъ, раскаявшись, опять вошелъ въ милость и получилъ мѣсто въ податной конторѣ. Тутъ онъ, разсердившись за что-то на Байрамъ-пашу, написалъ на него сатиру и поднесъ ее султану Мураду IV, когда тотъ, по обыкновенію, въ своемъ кабинетномъ собраніи, спросилъ его: «нѣтъ ли у него новой сатиры». Султанъ прочиталъ, похвалилъ, а потомъ позвалъ Байрамъ-пашу, показалъ ему сатиру, и разрѣшилъ казнить автора. «Такъ, говоритъ Наима, написалъ историкъ. А ходившая въ народъ молва о томъ, будто бы Его Присутствіе, султанъ Мурадъ, въ собра-

¹⁾ La muse ottomane, ou chefs-d'oeuvre de la poésie turque traduits.... par M. Edouarde Servan de Sugny. Genève, 1853 г. Стр. 105—8.

²⁾ Фезликъ, 206 г.

ни у себя заставил Неф'и написать сатиру на Байрамъ-пашу; будто послѣдній, узнавши объ этомъ, явился къ султану и сказалъ: «послѣ этой сатиры моя репутація подорвана въ народѣ: падишахъ, соблагонизволь казнить этого негодяя»; будто затѣмъ, послѣ долгихъ просьбъ, онъ получилъ таки разрѣшеніе казнить Неф'и—молва эта не основательна; свидѣтельство историка ближе къ истинѣ, потому что (любопытно основаніе!)—говоритъ Найма—допускать сатиры на визирей не подобаетъ государямъ!» Какъ-бы тамъ ни было, но Байрамъ-паша получилъ разрѣшеніе казнить Неф'и; улемы тоже подтвердили приговоръ. Неф'и былъ позванъ въ домъ Байрамъ-паши, запертъ въ дровяномъ сараѣ, а потомъ удушенъ, и тѣло его брошено въ моръ ¹⁾. Пространное свое повѣствованіе о казни Неф'и Найма заключаетъ слѣдующимъ правоученіемъ. «Не поступающіе, говоритъ онъ, по смыслу изреченія: «(Истинный) мусульманинъ тотъ, отъ чьего языка и рукъ безопасны правовѣрные», не почіютъ на коврѣ другой истины: «Спасеніе человѣка въ храненіи устъ его». Въ самомъ дѣлѣ, сатира—гнусное дѣло; тратить на нее силы и время крайне нелѣпо и скверно. Вступившіе на это попріще бываютъ бездольны и несчастны: они большею частью и въ этомъ мірѣ бѣдствуютъ, да, безъ сомнѣнія, и на томъ свѣтѣ мучатся. Чудесные поэты, сладкорѣчивые языки которыхъ суть ключи отъ невидимыхъ сокровищъ, считают неприличнымъ пачкать поношеніемъ и бранью страницы сердецъ и кисть языка своего ²⁾. Улемы и вельможи тогдашніе рады были казни Неф'и, вособенности тѣ которымъ досталось отъ его злаго языка; знать и аяны возсылали несчетныя благословенія за это Байрамъ-пашѣ ³⁾.

Краткій-же некрологъ Неф'и, какой находимъ у просвѣщеннаго Хаджи-Кальфы, дышетъ полною симпатіею къ несчастному обличителю, и, вмѣсто укоризны, которую видимъ у Наймы, оканчивается простымъ молитвеннымъ воззваніемъ, каковымъ обыкновенно правовѣрные напутствуютъ своихъ отшедшихъ въ вѣчность собратьевъ. «Поэтъ этотъ (Неф'и), говоритъ Хаджи-Кальфа, былъ единственный въ свое время, неподражаемый въ области

¹⁾ Тарихи-Найма. Константиноп. изд. 1247 г. гиджры, стр. 586.

²⁾ Loc. laud., стр. 587.

³⁾ Loc. laud., стр. 586.

сатиры, творецъ дивана; остроумный стихотворецъ: въ самомъ дѣлѣ, въ саркастичности рѣчи онъ превзошелъ всѣхъ поэтовъ. Касыды его тоже извѣстны всему свѣту. Вообще въ области поэзіи подобные ему люди рѣдки. Господи, помилуй его!»¹⁾.

Эти два противоположные взгляда на свободу слова и литературную дѣятельность людей, посвятившихъ себя перу, можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ того, что рабство мысли не есть неотъемлемая принадлежность всякаго мусульманина вообще и турка въ частности: если съ точки зрѣнія Наимы порицаніе, хотя бы и справедливое, дѣйствій государственныхъ людей есть чуть ли не величайшее прегрѣшеніе, то, напротивъ, Хаджи-Кальфа не видитъ въ этомъ ровно ничего предосудительнаго. Приговоръ-же его о Неф'и, по моему мнѣнію, имѣетъ большую силу нежели чей-либо иной, потому что по познаніямъ своимъ и образованію Хаджи-Кальфа въ свое время стоялъ несравненно выше Наимы или какого-нибудь крошателя газелей въ родѣ Рагыбъ-паши, отчего, естественно, и взглядъ его былъ шире, чѣмъ того историка, который сплошь и рядомъ переписываетъ свои повѣствованія съ «Фезлика»; мысль же его была независимѣе, чѣмъ

¹⁾ Фезликъ, стр. 237 recto. Рукопись «Фезликъ», значащаяся подъ № 586^{aa} каталога манускриптовъ Азіатскаго Музея, довольно старая: она имѣетъ дату 1086 года Мгмт. эры (1675 г. Хр. эры), слѣдовательно это одинъ изъ первыхъ экземпляровъ, судя по близости ея ко времени жизни автора (+ 1069 = 1658). Рукопись эта in-4°, писана довольно нечеткимъ почеркомъ шикестъ и заключаетъ въ себѣ 322 нумерованныхъ страницы. Кромѣ того, «Фезликъ», что значитъ «То-то и то-то», «дополненіе», appendix, напечатано въ константинопольской газетѣ «Рузнамеи-Джеридеи-Хавадисъ» за 1286 г. гиджры, въ видѣ нашего фельетоннаго прибавленія. Затѣмъ Беленъ въ своей библиографической корреспонденціи, въ Journal Asiatique (Août-Septembre 1871, p. 138) сообщаетъ, что «Фезликъ» вышло особымъ изданіемъ, и выражаетъ справедливое сожалѣніе о томъ, что это изданіе не снабжено указателемъ, котораго недостаетъ также и рукописи. Замѣчу, что, судя по сличенію нѣкоторыхъ мѣстъ печатнаго изданія въ упомянутой газетѣ съ нашимъ манускриптомъ, этому послѣднему надо отдать преимущество предъ первымъ, въ которомъ много ошибокъ, происшедшихъ ли отъ неисправности печати или отъ недоброкачественности оригинала, бывшаго у издателей — неизвѣстно. Я не имѣлъ подъ руками полнаго печатнаго экземпляра, а потому всѣ цитаты мною сдѣланы по рукописи.

у тѣхъ европейскихъ ученыхъ, которые жили и писали еще въ ту пору когда свобода слова даже средневѣковаго турка требовала съ ихъ стороны благочестивой оговорки, потому что могла быть поставлена въ вину европейскому гражданину девятнадцатаго столѣтія на томъ только основаніи, что этотъ историческій фактъ приведенъ въ извѣстность его ученою любознательностью. Поэтому считаемъ себя вправѣ отвергнуть воззрѣнія на Неф'и и Вейси какъ на пустыхъ крикуновъ, и разсматривать сатиры ихъ какъ истинное изображеніе современныхъ имъ уродливыхъ явленій въ государственно-общественной жизни Турціи, и какъ выраженіе справедливаго негодованія на это лучшихъ людей.

Сатира Вейси называется نصیحت اسلامبول «Увѣщаніе къ Стамбулу». Какъ уже замѣчено было, Дицъ помѣстилъ текстъ ея съ нѣмецкимъ переводомъ и примѣчаніями въ 1809 году въ *Fundgruben des Orients* ¹⁾, журналъ, въ которомъ главнымъ участникомъ былъ Гаммеръ. Редакція сочла нужнымъ сдѣлать оговорку по поводу встрѣченныхъ ею недоразумѣній и сомнѣній относительно вѣрности нѣкоторыхъ словъ текста и точности нѣкоторыхъ мѣстъ перевода; да еще допустила нѣсколько опечатокъ. Дицъ обидѣлся на это, и въ 1811 г. отдѣльно напечаталъ сатиру съ опроверженіемъ замѣтокъ сдѣланныхъ редакціею означеннаго журнала ²⁾. Бромъ этого изданія касыды Вейси, я имѣлъ подъ рукою еще рукописный экземпляръ ея принадлежащій Императорской Публичной Библіотекѣ, № 573 каталога восточныхъ ея рукописей; онъ in-8°, написанъ весьма четкимъ почеркомъ и съ надстрочными гласными, но безъ раздѣленія на строфы. Затѣмъ, касыда эта находится и въ упомянутомъ уже мною сборникѣ разныхъ стихотвореній ³⁾.

¹⁾ Fundgruben des Orients. B. I, стр. 249—274.

²⁾ Ermahnung an Islambol и т. д. mit Widerlegung der sieben Noten. Berlin, 1811.

³⁾ № 555 Ркп. Публ. Библ., стр. 25 отъ конца. Сборникъ этотъ довольно объемистый, изъ различной бумаги, хотя одного формата, in-4°, разныхъ почерковъ и безъ обозначенія страницъ, которыхъ, по турецкой припискѣ въ концѣ, должно быть 234, а по русской 294. Касыда Вейси въ этомъ сборникѣ не имѣетъ ни свойственнаго ей названія, ни имени автора въ оглавленіи, тогда какъ послѣднее находится въ началѣ почти всѣхъ прочихъ стихотвореній этого сборника.

Экземпляры касыды Вейси, начиная съ изданнаго въ 1770 году Кардонежъ перевода ея ¹⁾, и кончая тѣмъ который находится въ вышеупомянутомъ рукописномъ сборникѣ, всё разнятся другъ отъ друга, какъ въ количествѣ стиховъ, такъ и въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, потому что у Кардоня всего только 7 строфъ вмѣсто 32-хъ дицева изданія; въ сборникѣ 11 строфъ; въ рукописи № 573, которая всѣхъ ближе подходитъ къ дицевскому изданію, тоже недостаетъ цѣлыхъ тринадцати стиховъ, независимо отъ того что въ ней есть цѣлая строфа недостающая въ экземплярѣ Дица, и есть нѣсколько стиховъ заключающихъ въ себѣ смыслъ отличный отъ содержанія соответствующихъ имъ въ дицевомъ изданіи, не говоря уже о вариантахъ отдѣльныхъ словъ и формъ, которыхъ въ ней около двухъ сотъ. Кромѣ того, оба рукописные экземпляра и дицевское изданіе представляютъ неодинаковый порядокъ стиховъ. Впрочемъ, несмотря на эти уклоненія въ частностяхъ, въ главномъ все-таки содержаніе ихъ одинаково. Текстъ Дица оказывается полнѣе всѣхъ, но, тѣмъ не менѣе, далеко небезукоризненъ: при сличеніи его съ рукописными, въ немъ оказалось много неправильностей въ начертаніи словъ и оттого невѣрностей въ самомъ переводѣ. Напр. Дицъ вовсе, оказывается, былъ неправъ, обидѣвшись на рецензію «des anonumen Idiotes», какъ онъ выражается, и вступивши въ препирательство съ редакціею Fundgruben и потомъ съ Сильвестромъ-де-Саси, когда первая замѣтила ему, что въ 12-й строфѣ слова اعزز و غرازل не имѣютъ никакого смысла, а, слѣдовательно, и того какой приданъ имъ въ переводѣ; Саси-же, кромѣ того, нашелъ, что послѣдній стихъ 9-й строфы نجه اولاشمسون آتشъ нельзя переводить: Wie sollte dies Feuer nicht auch allmählig das böse Islambol erreichen, ибо «безпримѣрная вещь, говоритъ онъ, соединеніе чисто турецкаго слова (آثمъ «злой», «скверный») съ персидскимъ предлогомъ به ²⁾. Дицъ отвергъ оба замѣ-

¹⁾ Melanges de Litterature Orientale traduits de differents manuscrits Turcs, Arabes et Persans par Mr. Cardonne, à Paris 1770 in-8, II, p.p. 267—270.

²⁾ Magasin encyclopédique, redigé par A. L. Millin, 1811. T. VI, p. 448.

чанія; а между тѣмъ въ рукописи № 573, вмѣсто безсмысленныхъ غرازل и اعززъ стоятъ عزازل и عزلى—оба вполне идущія къ дѣлу. Изъ контекста же видно, что слово بكمъ есть не прилагательное كمъ «дурной», съ предлогомъ به, а существительное بكъ «князь», съ мѣстоименнымъ аффиксомъ перваго лица م, что вмѣстѣ составляетъ «мой князь», вѣжливое обращеніе одного лица къ другому, очень обыкновенное у османовъ, по свидѣтельству самого же Дица ¹⁾, и подобное другимъ встрѣчающимся въ той же касыдѣ, какъ افندمъ (въ 13-й строфѣ), отнесенное у Дица, вопреки правилъ согласованія турецкихъ мѣстоимѣній, къ قاضى عسكرلر, отчего у него явилось весьма нескладное — *meine Herren Kaziasker*; какъ خنكارمъ (въ 18-й); какъ عزبزمъ (въ 19-й строфѣ), которое Дицъ неправильно отнесъ къ اوليا الله, и потому послѣдніе два стиха 19-й строфы

نجه فتح اوليسر بغداد اماملر ايلمز امداد
بولردن بوز جورمشدر عزبزم اوليا الله

перевелъ такъ:

Wie soll Bagdad erobert werden, da die Imams uns nicht beystehen!
*Von den jetzigen Menschen (?) haben sich abgewandt unsere
schätzbarsten Heiligen Gottes—;*

и какъ بزم سلطانъ въ 24-й строфѣ; изъ коихъ, обращеній, одни, можно думать, относятся вообще къ читателю, другія же только къ султану. Это соображеніе подтверждается гласными имѣющимися въ рукописи № 573, гдѣ совершенно ясно написано بكمъ; слово-же استانبولъ имѣетъ надъ буквою ل надстрочный знакъ устюнъ َ, замѣняющій собою букву о, окончаніе дательнаго надежа ²⁾, требуемаго глаголомъ اولاشقъ, отсутствіе котораго,

¹⁾ Denkwürdigkeiten von Asien. Berlin, 1815. II, 466.

²⁾ Объ употребленіи такой замѣны въ старинныхъ османскихъ рукописяхъ смотри замѣчаніе Нёльдеке въ Zeitschr. d. D. M. G. B. XIII, стр. 182.

окончанія, по мнѣнію Дица, и восполнялось будто бы предлогомъ *به* ¹⁾.

Отлагая подробное сличеніе и разсмотрѣніе, со стороны языка, всѣхъ экземпляровъ касыды до предполагаемаго мною изданія въ текстѣ относящихся къ предмету настоящаго изслѣдованія памятниковъ, я замѣчу только вообще, что такую разницу въ составѣ ея нужно приписать не иному чему, какъ необыкновенной популярности этого стихотворенія. Какъ ни охотники турецкіе писцы грамотѣи до поправокъ, которыя они, по своему усмотрѣнію, находятъ необходимыми въ переписываемыхъ ими сочиненіяхъ, все-таки такое разнообразіе, даже въ количествѣ и комбинаціи стиховъ, не могло быть дѣломъ только ихъ досужести: переименованія, безъ сомнѣнія, были результатомъ большаго обращенія его въ османской публикѣ. Не даромъ же Байрамъ-паша, жалуюсь султану на Нефъи, заявилъ, между прочимъ, Его Величеству, что «послѣ этой сатиры не стало моей чести и репутаціи въ народѣ» ²⁾: значить, подобныя сочиненія скоро распространялись въ кругу людей грамотныхъ, а можетъ быть даже и неграмотныхъ, слѣдовательно, передаваясь устно, могли вліять на направленіе общественнаго мнѣнія, какъ въ данномъ случаѣ, за свидѣльствованномъ Наимомъ.

Не менѣе распространено, я полагаю, было и другое сочиненіе Вейси, называемое *كتاب خوابنامه* или еще *واقعه نامه*, судя по обилію экземпляровъ его въ разныхъ европейскихъ бібліотекахъ. Гаммеръ говоритъ, что въ его собраніи было два экземпляра ³⁾; Флигелемъ описано три экземпляра принадлежащихъ Императорской Вѣнской Библіотекѣ ⁴⁾. Наконецъ, въ Азіатскомъ Музеѣ Спб. Академіи Наукъ, кромѣ печатнаго булакскаго изданія № 22, имѣются два списка того же сочиненія, за №№ 314 и 315. Но въ сличенныхъ мною послѣднихъ трехъ экземплярахъ нѣтъ такой варіаціи, какъ въ касыдѣ, хотя и тутъ есть разница въ ко-

¹⁾ Uufug und Betrug in der morgenländischen Litteratur. Halle und Berlin, 1815. Стр. 593.

²⁾ Тарихи-Наима, I, стр. 586.

³⁾ Gesch. d. O. R. V, стр. IX, № 16.

⁴⁾ Jahrbücher der Litteratur, Wien 1842. Band 100, Anzeige-Blatt, стр. 21, №№ 509—511.

личествѣ статей входящихъ въ составъ этого сочиненія. Причина понятная: стихотвореніе, состоящее изъ нѣсколькихъ строфъ, и довольно длинное повѣствованіе (37 печатныхъ страницъ in-8°)— двѣ вещи разныя: обращеніе первого, естественно, должно было быть быстрѣе, и варіированіе его происходило въ болѣе значительной степени нежели другаго. Хаджи-Кальфа прямо говоритъ, что Вейси «этимъ *известнымъ* сочиненіемъ своимъ («Насихати-Исламболъ») составилъ себѣ славу, лишь только оно вышло въ свѣтъ» ¹⁾; тогда-какъ «Вакаанамѣ» просто только упоминается имъ въ перечнѣ прочихъ сочиненій Вейси. Обратимся къ составу и содержанію послѣдняго.

По названію своему—это «сонникъ». Кантиміръ говоритъ въ своей исторіи: «Суевѣріе турокъ относительно сновъ замѣчательно. Они твердо убѣждены въ томъ, что, во время сна, чистая душа *мусульманина* имѣетъ предчувствія и узнаетъ о многихъ вещахъ. У нихъ есть книга для толкованія сновъ, называемая *Vakaanamé* къ которой они прибѣгаютъ въ этихъ случаяхъ» ²⁾. На этомъ, должно быть, основаніи, въ библиографическомъ указателѣ турецкихъ печатныхъ изданій въ *Journal Asiatique* тоже значится: «*Khâbnâmé, le Livre de l'interprétation des songes, par Veissy*» ³⁾. Въ сущности же, сочиненіе Вейси не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ такъ-называемыми «сонниками», входящими, какъ часть, въ составъ нашихъ «оракуловъ». Это своеобразная литературная форма, весьма употребительная на Востокѣ. Восточные, въ томъ числѣ и османы, еще не дошли до представленія дѣйствующими наяву лицъ не существующихъ въ данное время вживыхъ, или отсутствующихъ, или же, наконецъ, просто вымышленныхъ, какъ это мы видимъ въ драматическихъ произведеніяхъ европейцевъ, а потому, если они и выводятъ на сцену, съ известной цѣлью, историческія или легендарныя лица, то дѣйствіе и разговоры ихъ представляются не иначе какъ приснившимися автору этихъ полудраматическихъ сочиненій, и онъ уже отъ своего лица передаетъ видѣнное и слышанное имъ во снѣ. Въ нашей литературѣ подобнаго рода

¹⁾ Фезликъ, стр. 206 г.

²⁾ Hist. de l'empire othom., II, 168.

³⁾ Juillet-août 1843, p. 47, № 132.

произведенія выходили изъ-подъ пера писателя прошедшаго столѣтїя, Сумарокова. Живость драматическаго изображенія, однако, чувствуется восточными, и потому они любятъ прибѣгать къ этой литературной формѣ даже въ такомъ ея несовершенномъ видѣ, какъ «сонъ». Какъ на образчикъ такой формы, кромѣ «Сна» Вейси, можно указать въ новѣйшее время на политическія статьи, которыя были помѣщаемы въ газетѣ «Хурриетъ», издававшейся въ Лондонѣ османскими эмигрантами. Каземъ-Бекъ тоже упоминаетъ о подобномъ сочиненіи политическаго характера, явившемся недавно въ Персіи ¹⁾.

Касаясь теперь самаго содержанія «Сна» Вейси, я не долженъ умолчать о томъ недоразумѣніи, въ какое вводитъ относительно этого предмета Гаммеръ, когда онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Wakaanamei Weissi, d. i. das Traumbuch Weissi's, worin 28 Propheten und grosse Herrscher erscheinen und über die Ursachen des Verfalles der Reiche sprechen». (Сонникъ Вейси, гдѣ являются 28 пророковъ и великіе государи и разговариваютъ о причинахъ паденія государствъ) ²⁾, а въ другомъ: «Sein (Weissi's) berühmtestes Werk ist aber sein Traumbuch, welches politische Lehren in den Mund von *fünf und zwanzig grossen Regenten* legt, die ihm im Traume erschienen, und über die Ursachen der Schicksale der Reiche sprechen». (Самое замѣчательное сочиненіе его (Вейси) есть его сонникъ, гдѣ политическія наставленія влагаются въ уста *двадцати пяти великихъ правителей*, которые явились ему во снѣ и разсуждали о причинахъ злосчастія государствъ) ³⁾. Флигель, повторяя Гаммера, нѣсколько иначе передаетъ содержаніе этой книжечки; а именно: «Buch der Begebenheiten, eigentlich ein Traumbuch, in dem dessen Verfasser Weissi... sich im Traume *fünf und zwanzig Weise* (von Adam an) und berühmte Herrscher erscheinen und sich über die Ursachen der Schicksale des Reiches unterhalten lässt. (Книга приключеній, собственно сонникъ, въ которой авторъ ея Вейси выводитъ явившихся ему во снѣ *двадцать пять мудрецовъ* (начиная съ Адама) и составляетъ ихъ бесѣдовать о причинахъ злосчастія государства) ⁴⁾.

¹⁾ Бабъ и бабиды, стр. 165.

²⁾ Gesch. d. osm. Reich. IX, 206. Здѣсь, разумѣется по ошибкѣ, написаніе *Вакаанаме* отнесено къ 1131 (1738) году.

³⁾ Gesch. d. Osm. Dichtk. III, 205. ⁴⁾ Jahrbuch. d. Litt. B. 100, loc. cit.

Но ни то, ни другое, ни третье, не справедливо. Обратимся къ Вейси и послушаемъ, что онъ говорить самъ.

«Да освѣжить украшающее лугъ хвалы и славословія вѣяніе садъ благословеній Тому Царю Творцу вселенной, который, ручьями мечей правосудныхъ султановъ, лицо земли обратилъ въ тюльпановый цвѣтникъ тишины и спокойствія! Да облістаеъ лампада благодаренія и восхваленія ореолъ прославленія Того Господа, дарующаго вѣнцы царямъ міра, Того Владыки Тайновѣдца, который, драгоцѣнностями сабель міродержцевъ-государей, всегда подаетъ благоденствіе и здравіе тварямъ! Да будетъ осыпано перлами молитвословія и цѣлованія троноподобное подножіе того Господина знаменосца милости и заступленія, лучами меча закона котораго въ мірѣ разсѣяна тьма беззаконій, и кѣмъ заблудшіе и злодѣи обращены на путь истины (т. е. Магомета)! Да украсится вѣнецъ счастья сподвижниковъ и семьи его, зато что всѣ они алмазоблещущимъ, кораллоточивымъ мечемъ войны сдѣлали поверхность земную отъ крови враговъ вѣры одноцвѣтною съ рудникомъ бадахшанскимъ! ¹⁾ Когда (двустипшіе) «Благожелатель династіи возсѣдающихъ на кей-хосревскомъ тронѣ хакановъ и молитвенникъ о благополучіи (ихъ), Вейси», т. е. бѣдный рабъ ²⁾, размышлялъ о происшествіяхъ этого міра существъ и о развращеніи его, и когда, среди размышленій, погрузился въ море меланхоліи, называя такимъ образомъ драгоцѣнную нить моленій, и мысленно говорилъ про себя: вотъ если бы мнѣ теперь достигнуть блаженства, приложившись лицомъ къ августѣйшему, счастливѣйшему стремени Его Присутствія, нашего падишаха, царя царей, Небожителя, халифа вселенной, Сахыбъ-Кыра³⁾, Александро-подобнаго, и т. д. и т. д., султана Ахмедъ-хана, сына султана Мухаммедъ-хана—утверди и возвеличь его, Всевышній Боже, и укрѣпи и усили

¹⁾ Бадахшанъ — страна Средней Азіи, гдѣ добываются рубины. Плохой естествовѣдъ Вейси, вѣроятно, полагалъ, что рудники, въ которыхъ находятъ рубины, представляютъ изъ себя цѣлую красноцвѣтную гряду этихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, когда сравнивалъ съ ними земную поверхность, обгавленную человѣческой кровью.

²⁾ Къ этому «то есть», понятному для одного турка, нужно присоединить другое и сказать: «то есть я».

³⁾ Т. е. рожденнаго подъ такимъ соединеніемъ звѣздъ которое обозначаетъ что родился «герой вѣка».

○

ПРИЧИНАХЪ УПАДКА
ТУРЦІИ.

основанія владычества его! — съ глаза на глазъ поговорить съ нимъ; или хоть бы когда-нибудь онъ, измѣнивши свой падишахскій видъ, пошелъ, для освѣдомленія о состояніи бѣдняковъ, гулять по городу и базару, да я бы разъ встрѣтилъ его, то, какъ-будто нечаянно заведши рѣчь съ нимъ, я сказалъ бы ему: дѣла государства въ разстройствѣ; злодѣйства мерзавцевъ въ полной силѣ ¹⁾; и по своему глупому разумѣнію ²⁾ повелъ бы рѣчь и сдѣлалъ бы нѣсколько представленій касательно принятія мѣръ къ поправленію государства,—такъ вотъ когда я съ такими разсѣянными мыслями однажды ночью томился въ углу кельи скорби и огорченій отставки, вдругъ на оболочку міросозерцающихъ глазъ моихъ опустилась завѣса забытья, и зрачки улеглись въ люльку покоя, между тѣмъ путешественникъ правитель-душа обозрѣвала страны воображенія ³⁾, вдругъ я встрѣчаю высокое общество, члены котораго, съ челою, сіявшимъ свѣтомъ блаженного состоянія ихъ, и съ прелестными лицами, важно выступая, достигли до одного раеподобнаго сада и разсѣлись на раззолоченныхъ креслахъ. Этотъ бѣднякъ (я), тоже прислуживая съ про-

¹⁾ Это желаніе случайной непосредственной бесѣды съ султаномъ не есть только плодъ фантазіи погружившагося въ меланхолію Вейси: возможность ея оправдывается фактами. Подобный разговоръ описанъ у Селяники подъ 1003 г. Мгм. эры (Рукоп., стр. 193 г.). Дидъ тоже сообщаетъ, не указывая источника, случай, какъ одна женщина, озлобленная несправедливою казнью ея сына, жестоко укоряла султана Мустафу III (1757—1774) публично въ мечети (Wesentliche Betrachtungen von Resmi Achmed Efendi. Halle und Berlin, 1813. Стр. 29). Не обыкновенны также были и случаи путешествія султана по городу инкогнито, чѣмъ особенно любилъ заниматься Мурадъ IV (Тарихи-Наима, I, 554). Въ числѣ обстоятельствъ, которыми бытописатели османскіе объясняютъ возстаніе янычаръ въ 1031 г. Мгм. эры (1622), было то, что султанъ Османъ II (1618—1622), переодѣвшись ходилъ съ придворными слугами по городу и разбивалъ кабаки, приказывая янычаръ, которые ему тамъ попадались, бросать въ море, а горожанъ отправлять на галеры. (Фезлике, стр. 166 г.; Тарихи-Наима, I, 344).

²⁾ Такъ я перевожу выраженіе زعم فاسدم اوزره, гдѣ прилагательному فاسدъ нельзя дать его прямого значенія—«испорченный», «дурной», «вредный», потому что это противорѣчитъ духу всей рѣчи.

³⁾ Короче сказать: когда Вейси задремалъ.

чими слугами, то есть слѣдующими за ними, подобно тѣни, стоялъ въ почтительномъ отдаленіи; а потомъ, по знаку предѣдательствовавшего государя, я сѣлъ на зеленой травѣ. А предѣдатель-то былъ Александръ Двурогій. Направо и налѣво отъ него, подобно блестящимъ звѣздамъ вокругъ солнца, находились прежніе османскіе султаны»...

Далѣе описывается, какъ въ это засѣданіе торжественно со всею свитою прибылъ султанъ Ахмедъ; какъ всѣ расположились по своимъ мѣстамъ; какъ Ахмедъ помѣстился подъ балдахиномъ противъ Александра (Македонскаго) и завелъ съ послѣднимъ разговоръ; какъ Вейси сталъ прислушиваться къ этому разговору, который, говоритъ онъ, мало-по-малу зашелъ о томъ, что «Цари есть сердце государствъ ¹⁾); если сердце не въ порядкѣ и выйдетъ изъ правильного положенія, то и все тѣло непременно разстроится. Поэтому правосудіе и справедливость для падишаховъ есть основа ихъ правильного образа дѣйствій; милость и судъ есть залогъ спокойствія подданныхъ, а насилія и притѣсненія есть источникъ бѣдствія ихъ. Тогда Его Присутствіе, падишахъ нашъ, тѣвъ Божія въ мірѣ, вздохнулъ, и чуть-было по розолиственнымъ, тюльпаноцвѣтнымъ щекамъ не полились росоподобныя капли слезъ изъ глазъ его. Немного погодя султанъ сказалъ: «эй, Сахыбъ Кыранъ, что правосудіе и справедливость, какъ ты замѣтилъ, есть краса счастья для падишаховъ, — это извѣстная вещь, и что тому государю, который непричастенъ источнику правды, недоступенъ и источникъ благоволенія Божія. А вотъ какъ тутъ быть, коли вступишь на престолъ въ ту пору когда зданіе государства потрясено и расшатано, а внутренности народа изжарились отъ огня мятежничества негодяевъ. Вотъ уже около сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ покойный дѣдъ мой,

¹⁾ Слово عالم, «міръ», «свѣтъ», у османскихъ писателей, особливо того періода къ которому принадлежитъ Вейси, зачастую употребляется въ смыслѣ «государства»: такъ и выше, мы видѣли, Вейси, желалъ доложить султану, что «міръ въ разстройствѣ». Это, должно быть, для приданія большей важности османскому государству, на какомъ основаніи и султанъ называется у нихъ «падишахомъ міра», «убъжищемъ міра», и т. п.

великій вѣлитель, султанъ Мурадъ (III), для искорененія древа заблужденія и нечестія, благословеннымъ султанскимъ взоромъ своимъ двинулъ подобныя волнующемуся морю войска свои въ страны безвѣрныхъ кызылбашей. Съ тѣхъ поръ года не проходило, чтобы на востокъ и западъ не были отправляемы начальники (سردارلر), т. е. воеводы (سپهسالارلر) для пораженія враговъ вѣры ¹⁾; и такъ какъ при этомъ допускались разныя мерзости, въ родѣ того что высшія должности и военныя степени доставались людямъ неспособнымъ, то въ разныхъ концахъ по лицу земли поднялись возстанія; изъ-за налоговъ на снаряженіе въ походъ и возвращеніе войскъ, между этими послѣдними и народомъ происходятъ сильныя бунтовскія столкновенія.... Изъ рода въ родъ доброжелательствовавшіе нашей династіи слуги всѣ перевелись, пожертвовавъ головою и жизнью ради счастливыхъ (военныхъ) успѣховъ Его Величества, а поступающіе на службу лишь въ случаѣ военной надобности, еще не зная милостей падишахскихъ, ведутъ себя какъ мятежники, и вотъ втеченіе столькаго-то времени наслѣдственные владѣнія османскія подвергаются бѣдствіямъ отъ разбойниковъ; дома жителей пожжены и разгромлены. Когда рабъ, мой рабъ, не слушается меня и не повинуется моимъ повелѣніямъ, такъ какъ же могу я теперь, мечемъ правосудія и справедливости, поддержать власть мою и править государствомъ? Да, Сахыбъ-Кыранъ, вотъ если бы Всевѣдущій Владыка, Господь Богъ Всемогущій, предназначилъ мнѣ

¹⁾ Замѣчательно, что это не единственный примѣръ такого поясненія одного слова другимъ, болѣе понятнымъ и употребительнымъ, который мнѣ приходилось встрѣчать въ памятникахъ разсматриваемой эпохи: такъ въ *Насихатнамѣ*, соч. неизвѣстнаго автора, въ одномъ мѣстѣ стоитъ *ساليانه* (персидск.), т. е. *ييلق* (турецк.) (Zeitschrift der Deutschen Morgenländ. Gesellschaft. B. XVIII, стр. 726). Изъ этого я вывожу заключеніе, что персидскій элементъ въ эту эпоху сталъ такъ же сильно проникать въ турецкую рѣчь, какъ арабскій и французскій въ настоящее время, и хотя османы еще не вполне освоились съ этими варваризмами, часто требовавшими поясненій, въ родѣ вышеприведенныхъ двухъ, тѣмъ не менѣе османскіе писатели тогдашніе любили щеголять умѣстнымъ и неумѣстнымъ употребленіемъ этихъ варваризмовъ, въ ущербъ чистотѣ своего роднаго языка.

османскій тронъ не тогда когда государство до такой степени разстроилось, а даровалъ бы мнѣ его въ благоустроенномъ, цвѣтущемъ состояніи, то управленіе государствомъ, вязаніе и рѣшеніе дѣлъ подданныхъ, шло бы какъ слѣдуетъ, и на будущее время, вплоть до воскресенія мертвыхъ, благоухало бы усладительное благовоніе правды и справедливости». Когда, сказавши это, падишахъ міра кончилъ рѣчь свою, господинъ Двурогій сперва было подтвердилъ сказанное. Но потомъ съ видомъ удивленія сказалъ: «эй, падишахъ міра, вѣдь изъ вашей рѣчи выходитъ, что эта государственная фабрика во времена прежнихъ султановъ была благоустроена и процвѣтала, и только въ ваше царствованіе разстроилась и пала, т. е. при прежнихъ султанахъ эти рабы и подданные пребывали въ спокойствіи, и только въ ваше время раззорились и очутились въ пустынь бѣдствій?! Нѣтъ, сказалъ онъ (все Александръ), клянусь Богомъ, Господомъ Ка'бы: съ тѣхъ поръ какъ эта чаша небесъ вращается въ пространствѣ могущества Божія, міръ стоитъ все въ томъ же самомъ положеніи; коварный міръ этотъ, насколько я его знаю, ни при одномъ царѣ никогда не былъ благоустроенъ, и ни одинъ народъ въ свѣтѣ не избѣжалъ золъ его!»¹⁾

Затѣмъ Александръ Двурогій перебираетъ всѣ ужасныя событія изъ священной и всеобщей гражданской исторіи, начиная съ Адама и кончая разгромомъ Бухары ордою Чингисхана—по печатному изданію «Сна» Вейси, и частнымъ фактомъ злодѣйства при Наср-Эддинѣ, султанѣ египетскомъ изъ меркесской династіи—по обоимъ рукописнымъ экземплярамъ. Взаключеніе Александръ Двурогій говоритъ: «О, падишахъ міра, если бы я перебралъ всѣ дни со времени Адама и до настоящей минуты, то въ каждый оказалось бы какое-нибудь великое событіе, такъ что и слушать бы надобно. Неизвѣстны имѣющія быть, а также и многія прошедшія бѣдствія. Описанныя на этихъ страницахъ²⁾ несчастія и бѣды неизбѣжны во всѣ времена, вслѣдствіе злыхъ намѣреній подданныхъ; падишахи тутъ не при чемъ. Такимъ образомъ, со-

¹⁾ Китаби-Хабнамѣ. Булакское изданіе 1252 г. гиджры, стр. 2—7.

²⁾ Вейси разумѣетъ тутъ свое сочиненіе и, заговорившись, забываетъ, что вымышленный имъ сонъ долженъ былъ происходить раньше, чѣмъ онъ былъ перенесенъ имъ на бумагу.

гласно съ тѣмъ, что Господь міровъ сказалъ въ коранѣ, истинность котораго несомнѣнна: «Во имя Бога милостиваго и премилосердаго. Воистину Богъ пребудетъ неизмѣненъ въ милости своей къ людямъ, до тѣхъ поръ пока они не измѣнятъ (къ худшему) душъ своихъ» ¹⁾.—Вотъ что самое важное для Порты падишахской: надобно всегда крѣпко держаться твердой верви шарі'ата господина посланниковъ (Божіихъ)—да будетъ благословеніе Божіе и міръ на немъ! —(т. е. Магомета); давать должности способнымъ, а вособенности, при назначеніи на служеніе священному коврику шарі'ата ²⁾, надлежитъ повелѣвать государственнымъ сановникамъ, чтобы они изслѣдовали, насколько судьи достойны быть блюстителями закона, и потомъ уже дѣлали назначенія, потому что высокое государство османское исконнымъ почитаніемъ священнаго закона такъ возвеличилось: со времени царствованія Кеюмерса до настоящей минуты ни одинъ падишахъ не издавалъ такихъ постановленій относительно почитанія священнаго закона, какъ султаны османской династіи; великіе султаны османскіе во всякомъ предписаніи относительно какого бы то ни было дѣла имѣютъ обыкновеніе семь-восемь разъ ссылаться на священный законъ. Покамѣстъ въ основаніи счастливаго Порога османскаго будетъ лежать почитаніе священнаго закона, онъ не расшатается. если угодно Всевышнему, до скончанія вѣка». Когда, сказавши стихи: «Это основаніе не таково чтобы оно разрушилось, даже еслибы горы разбились въ дребезги; даже если бы небо разорвалось въ клочки», Александръ Двурогій окончилъ мудрую рѣчь свою, то господинъ падишахъ тоже обратился къ нему съ слѣдующими словами: «эй, Сахыбъ-Кыранъ, умныя рѣчи ваши, совершенно очистивъ сердце (мое) отъ пыли смущенія, обрадовали насъ въ душѣ. Пересказанныя тобою, Сахыбъ-Кыранъ, событія, изъ которыхъ стали очевидными общія и частныя причины обнаруживав

¹⁾ Сура XIII, 12.

²⁾ سجادة собств. значить тотъ коврикъ на которомъ мусульмане творять молитву. Символомъ же судейской должности онъ сдѣлался, я полагаю, на томъ основаніи, что сидѣніе на коврѣ во время молитвы и возсѣданіе судьи при отправленіи имъ своихъ обязанностей тождественны, по мнѣнію османовъ, вслѣдствіе одинаковой святости обоихъ дѣйствій.

шихся во времена всѣхъ падишаховъ въ мірѣ неурядицъ, были мнѣ неизвѣстны. Такъ чтобъ знать, какимъ образомъ устранять эти несчастія и бѣдствія, желательно было бы, если только уже неизбежно подвергаться такого рода злу, чтобы вы потрудились письменно изложить сущность и подробности каждой повѣсти». Александръ тогда, говорить Вейси, обратился ко мнѣ да и говорить: «прикажите этому рабу вашему; онъ всю жизнь посвятилъ наукѣ; знаетъ также и эти повѣсти, такъ онъ вамъ и напишетъ». Тутъ, говорить, пропѣлъ утренній пѣтухъ, и засѣданіе окончилось» ¹⁾).

Изъ этой выдержки видно, что и Гаммеръ, и составитель описанія рукописей императорской вѣнской библіотеки наобумъ говорили о «Снѣ» Вейси: бесѣда происходитъ только между Александромъ Македонскимъ, этимъ идеаломъ мудраго правителя, по воззрѣнію восточныхъ людей, да султаномъ Ахмедомъ I (1603—1617 Хр. эры), царствовавшимъ въ то время когда писалъ Вейси. А различная численность бесѣдовавшихъ, по Гаммеру—сперва 28 пророковъ, а потомъ 25 государей, а по Флигелю—25 мудрецовъ, произошла, я полагаю навѣрное, отъ того, что всякая повѣсть Александра, предшествуемая раздѣлительнымъ союзомъ *یا خود* «или», стоящимъ, по правиламъ османской орфографіи, въ скобкахъ, была принята ими за рѣчь того самого историческаго лица, которое было предметомъ данной повѣсти. А такъ какъ у Гаммера было два экземпляра рукописныхъ, то, вѣроятно, сперва въ одномъ онъ насчиталъ такихъ «или» 28, и написалъ 28 пророковъ, потому что вначалѣ, дѣйствительно, все толкуется о ветхозавѣтныхъ праведникахъ; а потомъ, въ другомъ экземплярѣ, насчиталъ 25, и, прочитавши, должно быть введеніе, говорить, что бесѣдуютъ уже 25 великихъ *правителей*. Различное число повѣстей—вещь возможная, такъ какъ даже въ имѣвшихся у меня подъ руками экземплярахъ есть разница въ этомъ отношеніи: въ печатномъ экземплярѣ ихъ 29, а въ обѣихъ рукописяхъ по 30. А промахъ Гаммера, трактовавшаго наавось о сочиненіи, съ содержаніемъ котораго онъ не былъ, очевидно, знакомъ, есть уже фактъ не только возможный, но и не-

¹⁾ Китаби-Хабнамѣ, стр. 35—37.

сомнительный. Вслѣдствіе той же причины «Сонъ» Вейси отнесенъ Гаммеромъ къ сатирамъ ¹⁾, что несправедливо, какъ видно изъ приведенной выдержки. Сочиненіе это, писанное въ царствованіе султана Ахмеда I, по Крафту въ 1017 (1608) году ²⁾, было, по всему видно, первымъ литературнымъ опытомъ Вейси въ политическомъ направленіи, а потому не имѣетъ и тѣни того обличительнаго, желчнаго характера, какимъ отличается его *Насихати-Исламболъ*, сочиненное не раньше 1626 года, какъ то показываетъ содержаніе 19 строфы стихотворенія, гдѣ упоминается тщетная осада турками Багдада—фактъ, имѣвшій мѣсто въ началѣ этого года. Напротивъ того: робкость тона доходить тутъ до степени льстивости: весь трактатъ направленъ къ тому, что, намекая на существованіе извѣстныхъ неурядицъ въ государствѣ, авторъ слагаетъ всякую отвѣтственность за нихъ съ султана, приводя рядъ примѣровъ исконной испорченности свѣта; такъ-что въ его глазахъ получаютъ оправданіе даже темныя стороны общественной жизни не заключающія въ себѣ ничего роковаго, и имѣющія источникомъ своимъ невѣжество или злонамѣренность людей, отъ которыхъ зависить дать ей то или другое направленіе. Тутъ, въ *Вакаанамѣ*, еще нѣтъ того рѣшительнаго приговора надъ государственными неурядицами и ихъ виновниками, какой представляетъ собою *Насихати-Исламболъ* написанное Вейси подъ конецъ своей жизни, послѣ того какъ онъ, пройдя разныя должности и поживши въ разныхъ концахъ государства, собственнымъ опытомъ убѣдился во всемъ томъ, о чемъ онъ прежде, изъ одного сочувствія, говорилъ съ чужихъ словъ: его «Сонъ» есть только подражаніе, поэтическая обработка прозаическаго сочиненія Аали (+1008=1599 г.), автора извѣстной и единогласно всеми одобряемой исторіи, подъ заглавіемъ *Фусули халль у акдъ ве усуми харджъ у накдъ* ³⁾. Находящееся пока въ рукописяхъ, сочиненіе это изображаетъ судьбу двадцати пяти династій, «съ цѣлью, говоритъ авторъ, путемъ примѣровъ изъ исторіи, напомнить правителямъ о томъ, какъ разрушаются государства» ⁴⁾.

¹⁾ Gesch. d. Osm. Dichtk. III, 4.

²⁾ Опис. вѣнскихъ рукоп. Вѣна, 1842 г. Стр. 90, № 247.

³⁾ Hammer, Gesch. d. Osm. Dichtk. III, 205.

⁴⁾ Journ. Asiatique, Août-sept. 1864, стр. 284.

Если люди, не имѣвшіе задачей своей слѣдить, изъ года въ годъ, за событіями своего времени, замѣчали темныя стороны въ устройствѣ и управленіи государственномъ, и считали нужнымъ указывать на нихъ, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ поэтическихъ сочиненій; то тѣмъ болѣе не могли не замѣчать этихъ иррациональных явленій и проходить ихъ молчаніемъ османскіе бытописатели. Дойдя, въ своемъ повѣствованіи, до событій, которыя особенно рѣзали глазъ историка, онъ въ видѣ эпизода вставлялъ собственныя размышленія по поводу такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. У иныхъ отступленія эти отличаются такимъ одушевленіемъ, что ихъ можно, пожалуй, считать плодомъ поэтического вдохновенія, а не спокойнаго, прозаическаго созерцанія событій. Но лиризмъ этотъ есть только выраженіе необыкновеннаго сердечнаго участія, съ какимъ историкъ относится къ повѣствуемымъ имъ происшествіямъ, къ совершающимся на его глазахъ фактамъ,—участія, видимо, соединеннаго съ желаніемъ вызвать его и въ читателяхъ своей лѣтописи. Такихъ отступлений полна лѣтопись Селяники — تاریخ سلاخی: чуть не на каждой страницѣ вы видите его роковое شکایت از احوال روزگار, независимо отъ самихъ сообщаемыхъ имъ фактовъ, подающихъ поводъ къ этимъ субъективнымъ размышленіямъ, и служащихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказательствомъ правдивости жалобъ его.

Другой, по времени и значенію, историкъ, небезучастно относящійся къ современнымъ ему обстоятельствамъ, есть Хаджи-Кальфа. Его فزلیکه, заключающее въ себѣ повѣствованіе событій совершившихся въ періодъ 1000—1065 г. Мгмт. эры (1591—1655), отличается большою обстоятельностью въ сообщеніи фактовъ и описаніи событій, вмѣстѣ съ указаніемъ вызвавшихъ ихъ причинъ. Вособенности оно важно своими біографическими очерками и характеристикой людей бывшихъ главными дѣятелями въ тогдашней государственной жизни Турціи.

Для цѣли настоящаго изслѣдованія достаточно было ближайшаго ознакомленія съ этими двумя историческими сочиненіями, т. е. съ *Тарихи-Селяники* и съ *Фезлике*, потому что авторы ихъ жили и писали именно въ ту эпоху, рассмотрѣніе которой имѣется здѣсь главнымъ образомъ въ виду, и были современниками опи-

ываемых ими событій. Послѣдующіе-же за ними писатели уже пользовались ихъ сочиненіями какъ источниками для собственныхъ произведеній, хотя, впрочемъ, это не исключаетъ необходимости ссылаться, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и на сочиненія этихъ послѣднихъ. Но главную основу выводовъ настоящаго изслѣдованія составляетъ слѣдующая категория сочиненій того времени, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ «рисале».

Собственно, по буквальному значенію, رساله есть «посланіе», т. е. монологическое разсужденіе о какомъ-нибудь предметѣ; а затѣмъ оно уже значитъ вообще «сочиненіе философскаго содержания», «трактатъ», «диссертація», «монографія». Теперь въ Турціи называются такъ, между прочимъ, экзаменаціонные экспромпты и курсовыя сочиненія учащихся. Это такого рода сочиненія, которыя отличаются единствомъ предмета, а потому и значительною краткостью; ибо османы еще не обладаютъ тою степенью развитія синтетическаго мышленія, которое даетъ единство множеству предметовъ относящихся къ главному сюжету какъ части къ цѣлому, какъ видовыя понятія къ своему родовому. Затѣмъ, одинъ изъ существенныхъ признаковъ этого рода литературныхъ произведеній есть оригинальность. Нужно замѣтить, что политики, какъ науки, не существуетъ у турокъ; а не существуетъ науки, не существуетъ и литературы, всесторонне изслѣдующей вопросы государственнаго права. Вся мудрость юридическаго образованія у нихъ заключается въ знаніи корана, съ толкованіями на него, и хадисовъ, т. е. преданій, въ той комбинаціи какая дана имъ муджетегидомъ Абу-Ханифѣ и его послѣдователями. Отсюда и юридическія книги—كتاب—различныхъ турецкихъ авторовъ отличаются энциклопедичностью состава и эклектическимъ компиляторствомъ, какъ показываютъ употребительныя названія ихъ مجمع البحرين, جامع الفصولين, въ смыслѣ механическаго сдѣленія отдѣльных частей, не имѣющихъ внутренняго единства. Тѣмъ не менѣе юридическая сторона жизни не чужда османамъ; она также отъ времени до времени ставитъ имъ свои вопросы; мысли о благоразумной политикѣ возникали въ головахъ лучшихъ людей, особенности подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, какими являются тѣ неурядица и злоупотребленія, которыя вошли въ плоть и кровь

всей турецкой администраціи. Результатомъ стремленія такихъ «благожелателей» Османской Порты دولت عليه خير خواهلری, какъ они обыкновенно называются, способствовать своими указаціями и проектами искорененію этихъ безпорядковъ и улучшеніямъ въ устройствѣ государственной машины, и было появленіе нѣсколькихъ политическихъ трактатовъ, принадлежащихъ къ разряду *рисале*. Если уже хотѣть изучать турокъ по ихъ собственнымъ писаніямъ, то всего болѣе матеріала для этой цѣли представляютъ именно *рисале*. Несмотря на общій колоритъ этихъ твореній авторовъ, воспитавшихся въ духѣ мусульманства, которое кладетъ печать болѣе или менѣе значительнаго однообразія, заслоняющаго особенныя, національныя и субъективныя, черты міросозерцанія; несмотря на неизбѣжныя въ нихъ перерывы логической нити, правильной, естественной послѣдовательности въ изложеніи мыслей, и частыя повторенія одного и того же, а иногда даже противорѣчія; словомъ, несмотря на присутствіе въ *рисале* того специфическаго элемента, который можно назвать восточной размазней, въ нихъ все-таки болѣе чѣмъ гдѣ-либо видны своеобразность склада понятій турокъ, степень самобытности или оцвѣченія посторонними элементами ихъ воззрѣній государственныхъ, социальныхъ, религиозныхъ. Въ *рисале* нѣтъ уже той высокопарности, той приторной игры словами и фразами, какими нерѣдко отличаются другаго рода сочиненія, вособенности историческія: тутъ мѣсто риторическаго краснорѣчія заступаетъ слогъ дѣловой; соображенія подтверждаются фактами, которые повременамъ приправляются остроумными шутками и сарказмами для большого оживленія и освѣщенія трактуемаго предмета. Въ нихъ авторомъ преслѣдуется уже какая-нибудь опредѣленная идея, историческая задача, къ рѣшенію которой служатъ собранные въ нихъ факты. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно, напримѣръ, прочитать вступленіе къ «Соку достопримѣчательнаго» — خلاصۃ اعتبار — Ахмеда-Ресми-эфенди, гдѣ онъ говоритъ: «Съ тѣхъ поръ какъ вселенная стала обитаемой, съ тѣхъ поръ какъ начались перевороты царствъ и народовъ, постепенно происходившія событія, изъ вѣка въ вѣкъ вносились были въ лѣтописи, и тѣ, которые жили на свѣтѣ послѣ, поучались примѣрами несчастій случившихся съ тѣми, которые имъ предшествовали. Это не подлежитъ

ни спору, ни сомнѣнію. Извѣстно также, что народы, во все вѣка и во всехъ странахъ міра, безпрестанно вели войну между собою. Но люди умные и опытные и твердо изучавшіе исторію, во все вѣка знали также, что, въ то же время, благоденствіе и прочность государствъ зависятъ отъ умѣнья въ нужномъ случаѣ жить съ непріателемъ въ мирѣ и дружескихъ отношеніяхъ... То ли дѣло наши государственные мудрецы! Не далъ имъ Аллахъ ни ума ни опытности,—чтеніе исторіи не ихъ занятіе,—и, не зная цѣны этому великому правилу, они, сердечные, добродушно увѣрены, будто первый и священнѣйшій долгъ мусульманскаго народа—истребить невѣрныхъ на всей земной поверхности или, по-крайней-мѣрѣ, пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы свернуть шею врагу и научить его почтенію. Вотъ они и завопили: «Покуда не двинемся, проку не будетъ! Это государство мечемъ добыто, и мечемъ только можетъ быть поддержано! У нашего правовѣрнаго султана звѣзда высока, мужи храбры, сабли остры: будь только у насъ визирь человекъ благочестивый, набожный, да распорядительный какъ Аристотель, который бы регулярно пять разъ въ сутки творилъ со всей арміей молитву и хорошенько совершалъ омовенія, такъ намъ, по милости Аллаха, не мудрено завоевать весь свѣтъ». И т. д. ¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, не видно-ли въ этихъ словахъ здравое пониманіе вещей, безпристрастная и осмысленная критика проницательнаго наблюдателя на совершающіяся въ его глазахъ событія? Мысли, высказанныя въ этомъ предисловіи, составляютъ тему, развитіемъ которой является весь послѣдующій рассказъ,—ту идею, которая постоянно сквозитъ во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи событій, долженствующихъ, по цѣли автора, служить живымъ оправданіемъ и подтвержденіемъ взглядовъ, высказанныхъ имъ вначалѣ. Или, напримѣръ, стоитъ лишь пробѣжать маленький отрывокъ другаго подобнаго рисала того же автора, гдѣ онъ характеризуетъ современную ему Польшу, чтобы видѣть, сколько было у этого турка наблюдательности и вѣрности во взглядѣ; какъ онъ, въ немногихъ но весьма мѣткихъ словахъ, умѣлъ охарактеризовать строй государственной жизни Легскаго Государства,

¹⁾ «Библіотека для Чтенія» за 1864 г. Т. СХХІV, стр. 4.

какъ онъ называетъ Польшу, и взаимныя отношенія ея сословія, говоря: «Государство это...составляетъ больной язветъ; и такъ какъ принадлежитъ оно ко владѣніямъ имѣющимъ общинное управленіе, то въ каждой области и въ каждомъ городѣ есть по особому самовластному правителю и владѣльцу. Владѣльцы эти ни другъ другу не оказываютъ повиновенія, ни на краля своего, не обращаютъ большаго вниманія; но сколько отъ того разстроенный видъ имѣетъ ихъ государство, столько же цвѣтуши и населенны ихъ земли. Сосѣднія государства стараются всѣми мѣрами пощечиться на счетъ этого, но мѣшая и противоудѣйствуя одно другому, вотъ уже двѣсти лѣтъ какъ не могутъ его осилить; а Леги живутъ себѣ между тѣмъ покойно, и тогда-какъ каждая изъ ихъ партій держится стороны какого-либо изъ государствъ, всѣ вмѣстѣ владѣютъ себѣ добромъ своимъ въ сохранности. Покоривъ подъ руку свою два народа: Русь и Егудъ (Русскихъ и Жидовъ), первыхъ заставляютъ они выполнять всѣ тяжелыя работы, каковы посѣвъ, пашня и тому подобныя; на вторыхъ же наложили всѣ занятія городскія, требующія хитрости и униженія, каковы торговля, сборъ пошлинъ и прочее; и, отнимая у тѣхъ и другихъ все что они зарабатываютъ, мирныя и спѣсивыя проводятъ все время въ пирахъ и весельѣ» ¹⁾).

То же нужно сказать и о трактатахъ, относящихся къ предмету настоящаго изслѣдованія. Правда, что всякій вопросъ тѣмъ болѣе уясняется, чѣмъ больше онъ разрабатывается. Поэтому, на примѣръ, завѣщаніе Фуадъ-паши, подлинное или подложное, имѣетъ за собою то преимущество, что точка зрѣнія его автора несравненно шире, чѣмъ у писателей, жившихъ въ прошломъ и позапрошломъ столѣтіи: тутъ видно уже вліяніе европейскаго образованія. Но политическіе трактаты прежнихъ османскихъ публицистовъ имѣютъ то особенное значеніе, что они явились тогда когда вопросъ, изслѣдуемый въ нихъ, былъ жгучимъ вопросомъ времени и еще не осложнился новыми, историческими, или иными какими-либо, обстоятельствами; когда, такъ сказать, преданіе о силѣ и могуществѣ турецкаго государства было еще свѣжо, и совершавшееся на глазахъ разстройство и склоненіе его къ упадку постигалось

¹⁾ «Москвитянинъ» за 1855 г. Т. V, стр. 111, переводъ В. В. Григорьева.

простымъ, непосредственнымъ чутьемъ, а не нуждалось, какъ теперь, въ болѣе глубокомъ анализѣ, какъ явленіе переплетшееся со множествомъ другихъ подобныхъ, и чрезъ это ставшее задачей крайне запутанною и требующею большихъ усилій для своего разрѣшенія. Политическія сочиненія первой половины XVII в., въ которыхъ тогдашніе публицисты высказали воззрѣнія свои относительно причинъ величія и упадка Порты, и принципы должествующіе, по ихъ понятіямъ, лежать въ основѣ устройства и управления этого государства, за исключеніемъ вышеупомянутаго сочиненія Аали (*Фусули халль у акдъ ве усули харджъ у накдъ*, послужившаго прототипомъ для *Вакаанамѣ* Вейси), суть слѣдующія:

а) сочиненіе Айни-Али *قوانين آل عثمان در خلاصه مضامين دفتر ديوان*, т. е. «Законы османскіе относительно главныхъ статей государственнаго бюджета»; б) *ناصرنامه*, т. е. «Книга совѣтовъ» —, неизвѣстнаго автора; в) *رسالة قوجی بك* — «Рисалѣ Кучибѣя»; д) *دستور العمل في اصلاح الخلل*, т. е. «Указатель образа дѣйствія къ поправленію неурядицъ».

Первое написано Айни-Али, бывшимъ главнымъ управляющимъ собственныхъ султанскихъ имѣній, по порученію верховнаго визиря Мурада-наши (визирствов. 1606 по 1611 г.), которому оно служило предварительнымъ справочнымъ докладомъ, когда онъ предлагалъ султану Ахмеду I мѣры къ уничтоженію усилившихся въ то время злоупотребленій. Оно состоитъ изъ семи параграфовъ и почти цѣликомъ переведено въ статьѣ Белена «Du regime des fiefs militaires dans l'islamisme, et principalement en Turquie» ¹⁾. Кромѣ того, оно вошло въ составъ небольшого печатнаго сборника, изданнаго въ 1864 году Ахмедомъ Вефикъ-эфенди ²⁾.

Насихатнамѣ, которое переведено г. Бернауеромъ ³⁾, есть рядъ различныхъ наставленій султану Ибрагиму (1640—1649 г.), преподанныхъ ему, видимо, однимъ близкимъ къ нему и довѣреннымъ лицомъ. Авторъ докладываетъ султану объ угнетенномъ

¹⁾ Journal Asiat., Mars-avril 1870, стр. 238 и сл.

²⁾ Ibid., Août-sept. 1864, стр. 243.

³⁾ Zeitschrift d. D. M. G. B. XVIII, стр. 699 — 740.

положеніи народа и о необходимости реформъ въ распредѣленіи налоговъ; совѣтуетъ ему познакомиться съ исторією прошлаго, саркастически замѣчая, что «вѣроятно исторіи османскаго дома лежать гдѣ-нибудь въ казнохранилищѣ» ¹⁾; знакомить его съ составомъ войска; дѣлаетъ опредѣленія нѣкоторыхъ государственныхъ учреждений ²⁾; даже внушаетъ ему наставленія о томъ, какъ подобаешь султану въ иныхъ случаяхъ держать себя ³⁾. Вслѣдствіе этого, мнѣ странно, почему г. Бернауеру показалось неяснымъ названіе этого сочиненія, которое будто бы не соотвѣтствуетъ его содержанію ⁴⁾, и будто бы это просто-на-просто «кануннамѣ». Если авторъ преподавалъ несвѣдущему султану правила управленія государственными дѣлами, то, разумѣется, сообразуясь съ законами османскими; и въ этомъ смыслѣ его «совѣты» можно считать законами, т. е. законными; но чтобы эти совѣты имѣли силу дѣйствующихъ законовъ, этого ни откуда не видно, кромѣ собственного соображенія г. Бернауера.

Дестуру-ль-амель написано Хаджи-Кальфю въ 1653 году, послѣ государственнаго совѣщанія, составившагося вслѣдствіе фирмана, въ которомъ султанъ Мухаммедъ IV (1649—1687) задалъ правительственнымъ сановникамъ вопросъ: отчего происходитъ постоянное возрастаніе дефицита и отчего собираемыхъ суммъ не хватаетъ на покрытіе государственныхъ расходовъ? Когда никто изъ нихъ не могъ дать надлежащаго отвѣта, тогда поручено было секретарямъ разныхъ вѣдомствъ составить отчеты прихода и расхода за послѣдніе десять лѣтъ, для представленія верховному визирю, который, на основаніи ихъ, долженъ былъ сдѣлать свои соображенія. Но и изъ этого не вышло никакого толка, и дѣло отложено было въ долгій ящикъ. Хаджи-Кальфа-же, написавши свой *Дестуру-ль-амель*, гдѣ онъ превосходно оцѣнилъ степень благоразумія и послѣдовательности въ веденіи государственныхъ дѣлъ, подтвердивъ свои соображенія различными фактическими данными, не обнаруживалъ его, такъ какъ онъ очень

¹⁾ Zeitschr. d. D. M. G. B. XVIII, стр. 710.

²⁾ Стр. 710—715, 726 и 727.

³⁾ Стр. 725.

⁴⁾ Zeitschrift d. D. M. G. B. XI, 111.

хорошо зналъ, что въ его время никто не хотѣлъ слышать словъ истины. Только уже шейху-ль-исламъ Хусамъ-Заде-эфенди заставлялъ его переписать набѣло это сочиненіе и дать ему, съ тѣмъ что онъ представить султану. «Онъ (муфти) сказывалъ, что читалъ мое рисале государю. Но я зналъ, что оно не пойдетъ въ дѣло, и потому не интересовался этимъ», говоритъ Хаджи-Кальфа ¹⁾. Это краткое, но превосходное сочиненіе, богатое статистическими данными касательно турецкаго войска и бюджета, издано Вефикомъ-эфенди въ вышеупомянутомъ сборникѣ ²⁾. Извлеченія изъ него съ нѣкоторыми добавленіями находятся у Наимы во введеніи къ его исторіи ³⁾. Оно также переведено г. Бернауеромъ ⁴⁾. Я же имѣлъ подъ руками превосходный рукописный экземпляръ этого сочиненія, собственность В. В. Григорьева, брошюрку in 16°, которою и пользовался въ своемъ изслѣдованіи.

Но ни одно изъ перечисленныхъ рисале не обращало на себя такъ много вниманія европейскихъ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ Турціи, какъ рисале Бучибей. Гейнрихъ Дицъ первый оцѣнилъ важность этого сочиненія, и назвалъ автора его по имени въ своемъ опроверженіи на замѣтки редакціи «Fundgruben» къ изданной имъ касадѣ Вейси, сказавши: «Я замѣчу, что они (гг. редакторы) могли бы узнать настоящее положеніе дѣлъ Турціи изъ весьма основательнаго сочиненія Ходжа-Бея Гюрджелы, подъ заглавіемъ شرار т. е. «Зло» ⁵⁾. Затѣмъ, въ предисловіи къ переводу разсказа Ресми-Ахмеди-эфенди, Дицъ снова упоминаетъ о Бучибей. «Нечего далеко искать причинъ этого (дурнаго положенія дѣлъ Турціи), говоритъ онъ, если только бросить взглядъ на Ходжа-Бея, который раскрылъ ихъ намъ» ⁶⁾. Онъ даже посулилъ скорѣ издать текстъ сочиненія Бучибей, на которое не

¹⁾ Фезликъ, стр. 317. г.

²⁾ Journ. As. Août-septembre 1864, стр. 243.

³⁾ Тарихи-Наима, I, стр. 15—18.

⁴⁾ Zeitschr. d. D. M. G. B. XI, стр. 111—132.

⁵⁾ Ermahnung an Jslambol и т. д. übersetzt von. H. Fr. Diez. Berlin und Halle, 1811, стр. 32.

⁶⁾ Wesentliche Betrachtungen oder Geschichte des Krieges zwischen den Osmanen und Russen in den Jahren 1768 bis 1774 von Resmi Achmed Efendi aus dem Türkischen übersetzt und durch Anmerkungen erläutert von H. Fr. von Diez. Halle und Berlin, 1813, стр. 1, прим. 1.

разъ потомъ ссылается въ примѣчаніяхъ къ переводу разсказа Ресми. Но онъ не сдержалъ своего обѣщанія; мало того: даже рукопись, принадлежавшая къ его коллекціи манускриптовъ, впоследствии затерялась, какъ докладываетъ объ этомъ г. Бернауеръ ¹⁾).

Гаммеръ, одинъ изъ редакторовъ «Fundgruben», воспользовавшись, должно быть, урокомъ Дица, въ самомъ дѣлѣ познакомился съ сочиненіемъ Кучибея, восхитился имъ, и выразилъ свое восхищеніе, по обыкновенію своему, сравнивъ автора съ однимъ изъ извѣстныхъ европейскихъ писателей, именно назвавши Кучибея османскимъ *Монтескье* ²⁾).

Дрезденскій оріенталистъ Бернауеръ сдѣлалъ нѣмецкій переводъ рисале Кучибея ³⁾, а французъ Беленъ часто ссылается на него въ своихъ изслѣдованіяхъ: *Essai sur l'histoire économique de la Turquie d'après les écrivains originaux* ⁴⁾ и *Du régime des fiefs militaires dans l'islamisme et principalement en Turquie* ⁵⁾, и говоритъ, что онъ «приготовилъ уже французскій переводъ этого замѣчательнаго трактата» ⁶⁾.

Наконецъ, въ послѣднее время, сами турки стали обращать вниманіе на древніе памятники своей литературы, и начали въ большомъ, сравнительно съ прежнимъ, количествѣ печатать сочиненія своихъ писателей, и притомъ шрифтомъ гораздо лучшимъ, чѣмъ тѣ гвоздяныя шляпки, которыми оттисканы аляповыя булакскія изданія. Однимъ изъ ревностныхъ дѣятелей по этой части въ настоящее время является образованный турокъ Ахмедъ-Бекъ-эфенди, Son Excellence haut commissaire impérial en Asie Mineure, какъ величаетъ его Беленъ. Къ числу многихъ литературныхъ и издательскихъ трудовъ его принадлежитъ также изданіе уже упомянутаго выше сборника, въ которомъ, между прочимъ, помѣщенъ и текстъ рисале Кучибея ⁷⁾.

¹⁾ Zeitschr. d. D. M. G. B. XV, стр. 328.

²⁾ Gesch. d. Osm. Reiches, T. V, стр. 291.

³⁾ Zeitschr. d. D. M. G. B. XV, стр. 272—328.

⁴⁾ Journ. Asiatique, VI serie, 1864 г.

⁵⁾ Ibid. Mars-avril 1870.

⁶⁾ Ibid. Août-sept. 1864, стр. 305.

⁷⁾ Библиографич. указатель Бьянки въ Journ. As. Août-septembre 1863 г., стр. 231, № 134.

Авторитетъ рисале Кучибей, въ самомъ дѣлѣ, небезоснователенъ, если вникнуть въ содержаніе этого сочиненія. Въ немъ, какъ въ фокусѣ, собраны тѣ мысли о причинахъ упадка Турціи и объ истинныхъ основахъ ея величія, которыя мы находимъ разбѣянными въ разныхъ сочиненіяхъ современной ему эпохи; выводы свои авторъ основываетъ на фактическихъ, иногда, впрочемъ, своеобразно имъ понимаемыхъ, данныхъ; хотя изложеніе у него довольно простое и уступитъ, напр., языку остроумнаго Ресми Ахмеда, которому нѣтъ пока равныхъ въ свойственной только одному его повѣствованію живости и саркастической соли.

Въ виду такихъ несомнѣнныхъ достоинствъ сочиненія Кучибей, засвидѣтельствованныхъ столькими учеными, занимавшимися исторіей Турціи, и очевидныхъ изъ содержанія самаго памятника, какихъ немного представляетъ литература османовъ, я и рѣшилъ отвести ему первое мѣсто въ своемъ опытѣ изученія литературы и государственно-общественной жизни этой отрасли туранскаго племени. Основываясь, въ своемъ изслѣдованіи, главнымъ образомъ, на этомъ памятникѣ, я обращаюсь къ остальнымъ лишь какъ къ дополнительнымъ источникамъ, а потому считаю нужнымъ подробнѣе прочихъ рассмотреть его, сообщивши, какія есть, свѣдѣнія объ авторѣ и познакомивши съ самымъ сочиненіемъ.

II.

Всего ближе было бы искать біографических свѣдѣній о Кучибей въ сочиненіи Хаджи-Кальфы *Фезликэ*, гдѣ въ концѣ каждаго года находятся некрологи болѣе или менѣе замѣчательныхъ по своей учености или по общественному положенію и дѣятельности лицъ, умершихъ въ данномъ году. Однако же тамъ не упоминается даже имени Кучибей. Поэтому слѣдовало бы предположить, что онъ пережилъ 1065 (1654) годъ, которымъ заканчивается лѣтопись Хаджи-Кальфы; но это не согласуется съ тѣми данными, которыя сообщаетъ Ахмедъ-Вефикъ-эфенди въ предисловіи къ печатному изданію рисале Кучибей. Вотъ это предисловіе. «Покойный Гѣриджели Кучибей, будучи приближеннымъ Завоевателя Багдада, Султана Мурада, написалъ, въ формѣ докладовъ, это рисале касательно устройства государства и дѣлъ правительственныхъ, и представилъ въ Бозѣ почившему падишаху. Оно послужило причиною оживленія древнихъ законовъ и имѣло много прекрасныхъ результатовъ. Поэтому нѣтъ нужды распространяться о немъ. Этотъ манускриптъ написанъ Абдуллою Калифѣ, однимъ изъ сыновей покойнаго эмира въ 1041 (1631) году, съ соблюденіемъ, безъ всякаго измѣненія, слога и правописанія его. Покойный въ дѣтствѣ былъ представленъ въ Высую Порту. Поступивши въ штатъ придворныхъ агъ, онъ чрезъ нѣсколько времени сдѣлался ротнымъ командиромъ (اوطه ضابطی) и находился въ личной службѣ у покойнаго падишаха. Эта рукопись составлена во время уничтоженія господства въ дѣлахъ государственныхъ янычаръ и мятежниковъ изъ другихъ очаговъ, и во дни водворенія общаго въ дѣлахъ порядка, спустя годъ-два послѣ упоминаемой въ рисале починки зданій въ священной Меккѣ, паденія молніи на дворецъ Его Величества и смерти молодой отрасли дома османскаго — царевичей, т. е. приблизительно въ 1041 году; а постепенное появленіе плодовъ заключающихся въ немъ совѣтовъ, очевидно, принадлежитъ къ событіямъ эпохи

султана Мурадъ-хана IV (1032—1049=1623—1640). Покойный долго жилъ. Подъ конецъ жизни его Султанъ Ибрагимъ-ханъ I (1640—1649) повелѣлъ для себя тоже написать рисале, подобно тѣмъ докладамъ, которые поданы были брату его, покойному Мураду, вслѣдствіе чего онъ написалъ другое руководство (عجالة), содержащее въ себѣ нѣсколько статей, петицій и панегириковъ, касательно высочайшаго двора, а также внутреннихъ (придворныхъ) законоположеній и порядковъ. Оно весьма поучительно для людей мыслящихъ и солидныхъ; только полного оригинала его не обрѣтается¹⁾. Стало быть, конецъ жизни Кучибей, по словамъ Вефика-эфенди, падаетъ на періодъ царствованія султана Ибрагима I, и, слѣдовательно, его уже не было живыхъ въ то время когда Кятибъ-Челеби дописывалъ свое *Фезликэ*. Остается допустить, что Кучибей не былъ извѣстенъ ему, не будучи авторомъ другихъ, популярныхъ, сочиненій, какъ напр. Вейси или Неф'и. Сочиненія же, подобные его рисале, писались, безъ сомнѣнія, конфиденціально, какъ это видно вособенности изъ многихъ намековъ въ извѣстномъ уже намъ *Насихатнамэ*; какъ вытекаетъ это изъ свидѣтельства г. Петти-де-ла-Кроа, извлекаю, какъ онъ говоритъ, свой Canon de Sultan Suleïman II, вторая часть котораго есть отрывокъ кочибеева рисале, изъ «самыхъ секретныхъ архивовъ оттоманскихъ государей»²⁾, и какъ явствуетъ, наконецъ, изъ словъ Кучибей, который самъ называетъ свои доклады رقه اسرار عنوان, — «конфиденціальною запискою»³⁾. Предназначавшіяся исключительно для султановъ, сочиненія эти, естественно, болѣе или менѣе долгое время были недоступны для прочихъ смертныхъ, кромѣ развѣ самыхъ близкихъ къ султану сановниковъ, и оставались погребенными, вмѣстѣ съ именами своихъ авторовъ, въ пыли султанскихъ архивовъ, такъ, что открытіе ихъ можетъ совершаться или случайно или же благодаря старанію такихъ дѣятелей въ области литературы изъ самихъ же турокъ, каковъ Ахмедъ-Вефикъ-эфенди, гдѣ-то отъ-

¹⁾ Рисале Кучибей, изд. Вефикъ-эфенди. Константинополь, 1277 г. Мгм. эры, стр. 1.

²⁾ Canon de sultan Suleïman II traduit du Turc en Français par M. P**** Paris 1725, заглави. стр.

³⁾ Рисале Кучибей. Рпп. стр. 1.

искавшій вышеприведенныя подробности о жизни Кучибей. Въ сочиненіи же своемъ Кучибей говоритъ о себѣ только то, что онъ «никогда прибылъ въ Стамбулъ» ¹⁾, что, слѣдовательно, онъ родомъ откуда-нибудь изъ провинціи. Но относительно родины его, какъ и начертанія самаго имени его, есть разнорѣчіе: во всѣхъ спискахъ онъ величается *کوريجلی*, въ нѣмецкой транскрипціи Дидца *Ghürdscheli*, у Бернауера — *Kurg'aly*, въ Петербургской же рукописи — *کورجنلی*. По первому чтенію, значить, онъ былъ родомъ изъ албанскаго города Горицы, называемаго турками «Корча», лежащаго къ югу отъ озера Охридскаго; по второму—изъ Гѣмюльджинны, мѣстечка, лежащаго на сѣверъ отъ Эгейскаго берега, въ 78 часахъ пути отъ Константинополя, по дорогѣ въ Янину ²⁾. Въ современныхъ европейскихъ атласахъ это мѣстечко называется *Gumürdschina* ³⁾. Въ турецкихъ книгахъ, правда, оно пишется *کورجینه* ⁴⁾; но тождественность обоихъ названій не подлежитъ никакому сомнѣнію: въ народномъ говорѣ и прежде названіе его звучало такъ, какъ оно изображается въ теперешнихъ европейскихъ атласахъ Турецкой имперіи и въ С.-Петербургскомъ спискѣ рисале Кучибей, т. е. Гѣмюрджина — *کورجنه*. Въ оправданіе послѣдняго положенія я могу сослаться на неизданное еще описаніе Турціи, составленное однимъ росіяниномъ, долго жившимъ тамъ въ плѣну, и принадлежащее профессору Одесскаго университета В. И. Григоровичу, по заключеніямъ котораго, эта маленькая, in 16°, книжечка написана до 1682 года. Она начинается такъ:

«Написася же сия книга втайнѣмъ всокровениѣмъ всокрыте мною плѣнникомъ влѣбной своей неволи терпѣнія страданія своего отъ согляднамъ изъ явланіе втолку росписи всему царству турскаму отъ нелѣже изыдохомъ на путь но исходихомъ вестопахъ пути ноги своя и исполнихомъ обхожденія своего пространства шеринъ своей открая до края». Значить, авторъ заимствовалъ свои географическія свѣдѣнія не изъ книгъ, а прямо пи-

¹⁾ Рисале, гл. V.

²⁾ Bianchi, Le premier annuaire impérial de l'empire ottoman, Paris 1848, стр. 71.

³⁾ Напр. Adolf Stieler's Atlas. Карта № 38 b.

⁴⁾ Напр. въ Фезликѣ, стр. 145 в. 236 г.

салъ съ живыхъ, устныхъ показаній; а онъ про Гѣмюльджину говоритъ такъ: «До мѣста *Камерьчина* (т. е. онъ шелъ или ѣхалъ). А то мѣсто *Камерьчино* село оно адно а града внемъ нѣсть астонть то село *Камерьчино* на ровномъ полѣ на малой речкѣ авередниѣ села таго стоитъ мала каменной монастырь поставомъ онъ аки городъ стѣнами а башнями твердъ и крѣпокъ а строение той монастырь временъ старыхъ а жильцы внемъ люди иные вѣры а не турки внутрѣ огады живутъ ¹⁾ а пушакъ внемъ по стѣнамъ и побашнемъ всѣмъ нѣсть ничего ничѣмъ и караулу стражи тутъ нѣсть никакой а вселѣ томъ жильцы люди турецкие и жильцовъ тутъ втомъ селѣ людей христьянскихъ многожь есть а истаго села *Камерьчина* ѣзду (дослѣдующаго пункта) 3 дни» ²⁾. Четыре раза упомянувши названіе мѣстечка, онъ нигдѣ не употребилъ книжнаго произношенія—Гѣмюльджина; слѣдовательно въ этомъ нельзя видѣть какой-нибудь случайной ошибки. Судя же потому, что Горица, или Корча, находится въ албанской мѣстности, населенной почти исключительно одними цинцарами, румунскимъ племенемъ ³⁾, тогда какъ Гѣмюрджина лежитъ на полосѣ занятой турками, и хотя смежна съ границею греческаго народонаселенія, но всё-таки въ ней, по свидѣтельству русскаго путешественника, жильцами были, главнымъ образомъ, люди турецкіе, т. е. преобладало населеніе турецкое; а между тѣмъ Кучибей разсуждаетъ какъ истый, чистокровный османлы,—я склоненъ скорѣе допустить, что онъ былъ не *کورجه‌لی*, а *کورجه‌لی*, какъ значитсѣ въ петербургскомъ манускриптѣ, правописаніе котораго, какъ увидимъ далѣе, тѣмъ и отличается, что оно подражательное говору, а не книжное.

Я сказалъ, что даже имя Кучибей не одинаково пишется въ

¹⁾ Это еврей. (Hammer, Bosna und Rumeli. Wien, 1812, стр. 69).

²⁾ Страницы этой рукописи не перенумерованы, я-же не располагалъ достаточнымъ количествомъ времени чтобы высчитать, потому что пользовался рукописью случайно, во время пребыванія В. И. Григоровича въ столицѣ на археологическомъ съѣздѣ, на которомъ онъ и заявилъ о ней.

³⁾ См. (въ Этнографическ. Сборн., вып. VI, Сиб. 1864 г.) статью Лежана «Этнографія Европейской Турціи», стр. 24, и при ней этнографическую карту.

разныхъ экземплярахъ его рисале. Такъ Дицъ, безъ сомнѣнія на основаніи своего списка, зоветъ его вездѣ *Kodscha Begh*; Бернауеръ тоже *Kogabeg*; но Гаммеръ называетъ его *Kotschibeg*; Беленъ-же *Qoutchi-bei* и *Qoudji-Bei*; равнымъ образомъ въ въ печатномъ изданіи Вефика-эфенди и въ петерб. списокѣ имя его пишется قوجى بك. При всей трудности этимологическаго объясненія иноязычныхъ собственныхъ именъ, я всё-таки полагаю, что первая составная часть имени Кучибей, قوجى, есть производное отъ قوغو, сокращ. قو و قو «лебедь»¹⁾. По Дицу же и Бернауру главная составная часть имени Кучибей, очевидно, есть слово خواجه, или قوجه — «старецъ», «господинъ», «почтенный», весьма употребительное у турокъ, хотя, впрочемъ, чаще въ видѣ добавочнаго эпитета, нежели самостоятельнаго имени. Вопросъ о настоящей формѣ имени Кучибей всего вѣрнѣе могъ бы быть рѣшенъ съ помощью историческихъ памятниковъ; но изъ нихъ нельзя извлечь никакихъ определенныхъ свѣдѣній о личности Кучибей, кромѣ, развѣ, простыхъ предположеній. Можетъ быть, что онъ одно и то же лицо съ тѣмъ о которомъ упоминаетъ Селаники подъ 1006 (1595) годомъ своей хроники, говоря: «Письмоводитель сипагъ-оглановъ, вышедшій изъ чаушей, одинъ изъ существующихъ въ Египтѣ эмировъ, по имени Хаджи-Кадинъ-Оглы-Коджа-бей—حاجى قادين اوغلى قوجه بك—вторично взялъ большое помѣстье; но потомъ продалъ его за пять юковъ (5,000) бѣлячковъ²⁾ и сдѣлался письмоводителемъ. Повелѣно дать ему жалованье»³⁾. При продолжительности своей жизни, Кучибей могъ въ 1595 году уже проходить служебныя должности; только, по свидѣтельству Вефика, онъ не былъ чаушемъ, а принадлежалъ

¹⁾ Примѣры подобныхъ производныхъ собств. именъ представляютъ фамилии историческихъ лицъ اوجى زاده, على قوشچى и др.

²⁾ Такъ я передаю слово اقچه, которое состоитъ изъ прилагательнаго اق — бѣлый и уменьшительнаго окончанія چه, образуя, вмѣстѣ, существительное уменьшительное. Выражая собою два существенныхъ признака мелкой серебряной монеты, называемой акче, русское слово *бѣлячекъ*, я полагаю, нисколько не хуже греческаго «аспро», перековерканнаго въ піастръ.

³⁾ Тарихи-Селаники, стр. 329 verso.

къ высшему штату агъ, послѣ чего сдѣлался султанскимъ приближеннымъ — это разъ; и, во-вторыхъ, письмоводитель, какъ видно, спекулировалъ продажей вотчинъ, противъ чего особенно вооружается въ своемъ рисале Кучибей. Слѣдовательно, тожество послѣдняго съ вышеозначеннымъ письмоводителемъ въ высшей степени сомнительно. Равнымъ образомъ, нельзя видѣть Кучибей, автора рисале, и въ другомъ соименномъ ему лицѣ, Эюб-лы-Боджа-Хамзэ-Бей — *أيوبلى قوجه حمزه بك* — который, стоя во главѣ депутатовъ отъ возмущившихся, 20-го зилькаде 1041 года, сипаговъ, велѣ въ Государственномъ Совѣтѣ переговоры съ султаномъ Мурадомъ IV, издавшимъ повелѣніе объ устраненіи впредь этихъ солдатъ отъ занятія государственныхъ должностей, на чемъ они всё-таки упорно настаивали ¹⁾; потому что Кучибей не только не могъ принадлежать къ этимъ мятежникамъ, но, скорѣе, былъ въ числѣ тѣхъ «почтенныхъ лицъ, благожелателей вѣры и государства, по совѣщаніи съ которыми о мѣрахъ къ прекращенію мятежа, султанъ собралъ экстренный государственный совѣтъ на ногахъ (*ایاق دیوانی*) въ кіоскѣ Синанъ-паша» ²⁾, съ участіемъ выборныхъ отъ военного и судейскаго классовъ. Судя потому, что султанъ на этомъ, въ своемъ родѣ Стоглавомъ, соборѣ изрѣкалъ свои укоризны выборнымъ за злоупотребленія и безпорядочность ихъ корпорацій почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ въ какихъ трактуетъ объ этомъ предметѣ Кучибей, можно утвердительно сказать, что доклады его и были главнымъ поводомъ къ изданію вышеозначеннаго указа, вызвавшаго новыя смятенія незадолго передъ тѣмъ бунтовавшихъ сипаговъ. По крайней мѣрѣ, достоверно извѣстно о другомъ лицѣ, а именно журналистѣ Ибрагимѣ-Челеби, что онъ «въ ту же смутную пору, чрезъ посредство Силихдаръ-паши, пользовавшагося расположеніемъ султана, и приближеннаго его Дели-Хусейнъ-паши, получилъ секретную аудіенцію, далъ Его Присутствію, падишаху, наставленіе о томъ какъ усмирить мятежниковъ, и какимъ путемъ уничтожить обнаружившіяся въ дѣлахъ вѣры и государства неурядицы; представилъ реестръ государственныхъ доходовъ и расходовъ, и разъяснилъ нѣкоторые недо-

¹⁾ Тарихи-Наима, I, 528.

²⁾ Ibid., стр. 524.

разумѣнія» ¹⁾. Вліяніе же именно подобныхъ вѣшнихъ стимуловъ на образъ дѣйствій султана Мурада IV подтверждается и единогласнымъ показаніемъ лѣтописцевъ, что до 1042 года онъ бездѣятельностью своею ничѣмъ не отличался отъ прочихъ, и только съ этого времени принялся за дѣло и сталъ вникать въ положеніе государства ²⁾.

Точнѣе опредѣляется время составленія докладовъ Кучибей, кромѣ указанныхъ историческихъ обстоятельствъ, еще слѣдующими соображеніями. Въ заключительной статьѣ рисале онъ говоритъ: «То что *прошлый годъ* невдалекѣ отъ высочайшей резиденціи разразилась молнія, и стѣны священной Ка'бы разрушились; что сердца рабовъ, которые, существуя хлѣбомъ вашихъ (султанскихъ) благодѣяній, обыкновенно не щадили жизни и головъ своихъ для счастливыхъ успѣховъ, теперь, лестью дьявола, уклонились въ сторону зла, и столько натворили пакостей; что, наконецъ (—Прославленный и Превознесенный Боже, продли до всеобщаго воскресенія и увѣковѣчь эту высокую династію!), — вотъ уже сколько времени не является ни одного новаго отпрыска, ни одного свѣжаго розана изъ высокодержавнаго дома — шахзаде; а тѣ которые родятся, волею Божіею, не живутъ, — такъ все это не есть ли знаменіе Божіе моему государю?!» ³⁾. По справкѣ съ сказаніями историковъ, такимъ прошлымъ годомъ оказывается 1039-й (1629), потому что паденіе молніи случилось 17-го зилька'де 1039 года въ Бешикташѣ, въ тотъ самый моментъ когда султанъ Мурадъ, сидя въ кіоскѣ султана Ахмеда I, держалъ въ рукахъ тетрадь съ извѣстною намъ сатирою Неф'и—*Стрѣлы Судьбы*—, такъ что всѣ присутствовавшіе въ засѣданіи султанскомъ отъ ужаса упали на землю ⁴⁾. Въ томъ же году высочайше повѣлено починить стѣны Ка'бы, развалив-

¹⁾ Тарихи-Наима, I, 646. I'. Веленъ относитъ это обстоятельство къ 1048 (1638) году, принявши некрологическую замѣтку Нaimы о прежней дѣятельности Ибрагима за фактъ совершившійся одновременно съ смертію его, случившеюся въ этомъ 1048 году. (Journ. As., Octobre-novembre 1864, стр. 309).

²⁾ Фезликэ, стр. 252 г.; Тарихи-Наима, I, 698.

³⁾ Рисале Кучибей, заключ. глава.

⁴⁾ Тарихи-Наима I, 489.

шіяся слѣдствіе наводненія, случившагося 19 ша'бана, отъ чрезвычайно сильныхъ дождей въ меккскомъ районѣ ¹⁾). Мятежи же войскъ, повторявшіеся довольно часто, упоминаются, надо полагать, въ общемъ смыслѣ, безъ приуроченія къ опредѣленному пункту времени, хотя и въ 1039 году тоже происходили безпорядки въ Скутари изъ-за жалованья ²⁾). Только послѣднее знаменіе гнѣва Божія на султана, долгое непоявленіе на свѣтъ принцевъ царской крови, или преждевременная смерть ихъ, никакъ не укладывается въ хронологическую рамку. Самый близкій къ данному времени случай былъ въ 1043 году, когда 10-го ша'бана родился какой-то шахзаде, и рожденіе его было торжественно отпраздновано, но онъ вскорѣ умеръ ³⁾). Всѣ же вышеприведенныя соображенія не позволяютъ думать, чтобы Кучибей имѣлъ въ виду именно этотъ случай. Вефикъ-эфинди однако же не указываетъ точнѣе, смерть какихъ царевичей разумѣть онъ, говоря, что годъ-два спустя послѣ этого Кучибей написалъ свое рисале. А между тѣмъ, кромѣ смерти четырехлѣтняго шахзаде въ 999 (1590) году ⁴⁾, трехмѣсячнаго шахзаде въ 1004 (1595) году ⁵⁾, и четырнадцатилѣтняго принца Селима въ слѣдующемъ 1005 (1596) году ⁶⁾, по крайней мѣрѣ ни у Хаджи-Кальфы, ни у Наимы, никакого другаго случая въ ближайшій къ царствованію Мурада IV періодъ времени не записано, если не принять во вниманіе насильственной смерти 19-ти сыновей Мурада III, отправленныхъ на тотъ свѣтъ старшимъ братомъ своимъ, султаномъ Мухаммедомъ III (1595—1603) при восшествіи его на престолъ ⁷⁾, и шахзаде Мухаммеда, умерщвленнаго въ 1030 (1620) г. по повелѣнію султана Османа II ⁸⁾). Прочіе же принцы, Баязидъ, Сулейманъ и Касимъ, хотя и лишены жизни при Мурадѣ IV, но еще въ 1041 году были живыхъ, потому

¹⁾ Ibidem и Фезликъ, стр. 213 в.

²⁾ Тарихи-Наима, I, 467.

³⁾ Ibid., 562.

⁴⁾ Тарихи-Селяники, стр. 121 г.

⁵⁾ Ibid., 283 в.

⁶⁾ Ibid., 310 г.

⁷⁾ Тарихи-Наима, I, 57.

⁸⁾ Фезликъ, стр. 159 г.

что ихъ выводили къ мятежникамъ, распространявшимъ ложные слухи объ ихъ умерщвленіи ¹⁾. Не знаю, какой случай смерти подразумѣваетъ въ словахъ Кучибей г. Бернауеръ ²⁾, говоря, вмѣстѣ съ Гаммеромъ, что это было въ 1585 году; провѣрить же было нельзя, потому что Гаммеръ ссылается на стр. 170 рукописи Селяники, пагинація которой отлична отъ пагинаціи бывшаго у меня манускрипта, въ которомъ подъ этимъ годомъ не записано никакого случая смерти шахзаде. Такимъ образомъ приходится остановиться на вышеприведенныхъ у Селяники двухъ случаяхъ, или же предположить, съ Ахмедомъ-Вефикъ-эфенди, существованіе другихъ, не занесенныхъ лѣтописцами въ свои хроники, о которыхъ Кара-Челеби-Заде говоритъ только вообще, что «многочисленные шахзаде его (Мурада IV), народившіеся, еще въ дѣтскомъ возрастѣ всѣ вкусили сладкій сонъ въ люлькѣ небытія» (т. е. умерли) ³⁾.

Какъ уже было выше замѣчено, Кучибей и послѣ произведенія этого рисале продолжалъ свою литературную дѣятельность въ томъ же направленіи; но только болѣе точныхъ свѣдѣній, кромѣ свидѣтельства Вефика-эфенди, объ этомъ, какъ и о концѣ его жизни, не имѣется.

Теперь обратимся къ самому его сочиненію.

Въ настоящее время существуетъ, по моему счету, пять экземпляровъ рисале Кучибей: одинъ принадлежитъ императорской вѣнской библіотекѣ (отдѣлъ османской исторіи, № 79), и съ него сдѣланъ нѣмецкій переводъ Бернауера; другой былъ у Дица и затерянъ; третій долженъ быть у Ахмеда-Вефика-эфенди; четвертый хранится въ какой-нибудь константинопольской библіотекѣ, или же въ частныхъ рукахъ: съ него снята г. Ходженсомъ копія принадлежащая С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ (№ 534), и представляющая пятый экземпляръ.

Имѣя въ виду издать текстъ этого интереснаго памятника, если позволятъ обстоятельства, приложеніемъ къ настоящему изслѣдованію, въ противномъ же случаѣ—впослѣдствіи, вмѣстѣ съ

¹⁾ Тарихи-Наима, I, 517.

²⁾ Zeitschrift d. D. M. G. B. XV, стр. 324, прим. 5.

³⁾ Ревзетуль-Эбраръ, стр. 609.

прочими относящимися къ разсматриваемому здѣсь предмету сочиненіями, теперь сообщу лишь предварительныя замѣчанія касательно состава и языка рисале Кучибей, вызываемыя, какъ сущностью самаго предмета, такъ и нѣкоторыми особенностями, которыя представляетъ рукопись Публичной Библіотеки.

Относительно состава рисале Кучибей нужно сказать, что вѣнская рукопись заключаетъ въ себѣ одинаковое количество главъ съ копіею Ходженса, въ одинаковомъ же порядкѣ расположенныхъ: всего 17 главъ, не считая вступительной и заключительной.

Дицъ, въ собственноручно-составленномъ имъ каталогѣ рукописей своей коллекціи, помѣстилъ полное оглавленіе всѣхъ статей рисале Кучибей, по его собственному манускрипту, теперь потерянному. Это оглавленіе г. Бернауеръ присовокупилъ и къ своему переводу ¹⁾. Въ означенномъ перечнѣ находится то же количество главъ и съ тѣмъ же содержаніемъ; причемъ, разумѣется, нужно приписать недосмотру г. Бернауера то обстоятельство, что статья слѣдующая по порядку за четырнадцатою вовсе пропущена, и что подъ № 15 стоитъ та которой надлежитъ быть подъ № 16 ²⁾. Единственную разницу тутъ составляетъ заглавіе послѣдней статьи: въ копіи Ходженса значится: خلاصۃ مضمون کتاب, а у Дица сказано: *«Es werden die Angelegenheiten erörtert, welche dem Kaiser obliegen»*, согласно съ печатнымъ экземпляромъ изданія Вефика, гдѣ этотъ докладъ такъ же озаглавливается: سعادتلو بادشاهمه لازم اولان احوال بیانندہ در.

Послѣдній, сообщенный мнѣ многообязательнымъ г. Тимеевымъ, который съ трудомъ приобрѣлъ его въ бытность свою въ Константинополѣ, заключаетъ въ себѣ три статьи лишніихъ противъ того что находится въ вышеисчисленныхъ манускриптахъ. Кромѣ того, двѣ статьи, 16-я и 17-я, находятся въ обратномъ порядкѣ, а именно: «О неурядицахъ во время Султана Сулеймана» помѣщена послѣ статьи «О превосходствѣ эпохи Султана Сулеймана», что логичнѣе и, вѣроятно, произошло по волѣ

¹⁾ Zeitschrift d. D. G. M. B. XV, стр. 329.

²⁾ Ibidem, стр. 330.

издателя. Объ этихъ лишнихъ трехъ статьяхъ приходится судить, за невмѣніемъ другихъ положительныхъ данныхъ, по внутреннимъ свойствамъ ихъ. Во-первыхъ, ни одна изъ нихъ не содержитъ въ себѣ ничего новаго сравнительно съ остальными 17-ю главами: это лишь не болѣе какъ сокращеніе предъидущихъ докладовъ, которые, будучи очищены отъ приводимыхъ въ нихъ историческихъ фактовъ и лицъ, представляютъ собою проектъ реформъ, программу мѣропріятій, необходимыхъ для искорененія различныхъ безпорядковъ и злоупотребленій въ государствѣ. Правда, что въ этихъ трехъ статьяхъ довольно часто повторяется оговорка *بالاده ذكر اولندوغى اوزره* — «какъ сказано выше»; но на одномъ этомъ основаніи еще нельзя считать ихъ частью всего рисале, потому что есть другія обстоятельства, прямо этому противорѣчащія; есть очевидные признаки неодновременнаго происхожденія ихъ съ тѣми частями рисале, которыя, несомнѣнно, принадлежать рукѣ Бучибей. Въ этихъ трехъ главахъ есть такіе слова и выраженія, которыхъ ни разу не встрѣчается въ остальныхъ девятнадцати статьяхъ. Далѣе, снова трактуется объ обрушеніи стѣнъ ка'бскихъ, только ужъ съ измѣненіемъ въ тонѣ: въ рисале прямо говорилось, что это есть указаніе свыше султану; тутъ же сказано: «люди Божіи полагаютъ, что причиною этого есть продажа за деньги юридическихъ должностей; что это есть великое знаменіе Божіе» ¹⁾. Что касается того, что и тутъ фактъ приурочивается къ *прошлому*, т. е. къ 1039-му году, то, по всей вѣроятности, въ рукописномъ оригиналѣ трехъ дополнительныхъ главъ, явившихся позднѣе 1040-го года, выраженіе *کچن سنه* имѣетъ при себѣ дату 1039-го года, когда случилось вышеозначенное происшествіе. Но Вефикъ-эфенди, безъ сомнѣнія считая происхожденіе рисале и трехъ главъ одновременнымъ, надо полагать, нашелъ эту дату совершенно лишнею въ своемъ изданіи. А что онъ не особенно строго критически относился ко времени написанія рисале, это видно изъ того, что, по его словамъ, рисале явилось «годъ-два спустя послѣ разрушенія стѣнъ ка'бъ»; тогда какъ, по общему правилу, выраженіемъ *کچن سنه* ²⁾ обозначается только *первый* истекшій годъ передъ тѣмъ моментомъ

¹⁾ Рисале Бучибей, Константиноп. изд., стр. 30.

когда идетъ рѣчь ¹⁾). Затѣмъ о паденіи молніи на султанскій кіоскъ въ трехъ дополнительныхъ главахъ уже вовсе не упоминается. Наконецъ—и это самое главное—всѣ доклады входящіе въ составъ рисале Кучибей заканчиваются стереотипною фразою: *باقی امر و فرمان پادشاه عالمینا حضرتلرینکدر*, т. е. «А впрочемъ, повелѣть есть воля Его Присутствія, падишаха, Убѣжища Мира»—съ незначительными варіаціями въ почтительныхъ эпитетахъ, прилагаемыхъ къ особѣ султана; между тѣмъ, всѣ три добавочныя статьи заключаются какимъ-то молитвословіемъ: *امین بحرمه* *سید المرسلین*, т. е. «Аминь, во славу главы пророковъ» (Мухаммеда)! Пишя въ виду заявленный Вефикомъ-эфенди фактъ, что Кучибей вторично писалъ что-то подобное своимъ прежнимъ докладамъ для султана Ибрагима, можно полагать, что онъ, въ отвѣтъ на требованіе султана, снова приподнесъ свои доклады, только съ добавкою еще трехъ главъ, въ видѣ дополнительныхъ поясненій или краткихъ категорическихъ тезисовъ, извлеченныхъ изъ предыдущаго пространнаго разсужденія. Иначе я не затруднился бы приписать составленіе этого бревиарія кучибеевскаго рисале другому, помимо него, лицу.

Последнее вовсе не покажется слишкомъ смѣлымъ, если обратитъ вниманіе на крайнее развитіе на Востокѣ вообще и у османовъ въ частности безцеремоннаго обращенія съ чужими сочиненіями, и до такой степени закоренѣлое тамъ господство въ литературѣ духа компиляторства, что оно нѣкоторыми азіатскими дидактиками возведено въ совершенно самостоятельный родъ литературнаго приѣма, въ правило прикладной логики и словеснаго сочинительства. Вотъ какъ объ этомъ предметѣ толкуетъ авторъ одного дидактическаго сочиненія, которое г. Ричъ называетъ *liber*

¹⁾ Въ общемъ значеніи *прошлою, минувшаю, прежнюю*. слово *کچن* употребляется лишь при существительныхъ которыя не служатъ для времясчисленія, какъ показываютъ слѣдующія выраженія у Селяники: *کچن علما و مشایخک* (стр. 193 г.), *اول کچن حاکمز کیندی* (стр. 200 г.). Существительныя же означающія время, какъ *годъ, мѣсяцъ, день* и т. п., въ подобныхъ случаяхъ должны стоять во множественномъ числѣ.

in oriente celeberrimus et magni habitus ¹⁾), и о популярности которого между османами свидетельствует то, что оно уже цѣлыхъ три раза было переведено съ персидскаго на турецкій ²⁾). «Коль скоро ты (сынъ) станешь способенъ къ сочиненію искусныхъ стиховъ; когда ты будешь въ состояніи понимать всякое слово, всякую мысль, и будешь умѣть выражать какія тебѣ угодно мысли; когда ты вполне уразумѣешь и посигнешь стихотворный размѣръ, и въ это время ты замѣтишь какую-нибудь восхитительную мысль, которая бы тебѣ очень понравилась, и которую бы тебѣ захотѣлось заимствовать и помѣстить гдѣ-нибудь, воспользовавшись ею; то не бери ее какъ есть цѣликомъ, а придай ей другую форму, облеку ее въ иную одежду, чтобы не обнаружилось, что ты укралъ ее. Напримѣръ, если тебѣ попалась мысль въ панегирикѣ, такъ ты не помѣщай ее, какъ невѣжда, тоже въ панегирикъ; а нужно дѣлать такъ: если ты встрѣтилъ какую-либо замѣчательную вещь въ панегирикѣ, то помѣщай ее въ сатиру; а что найдешь въ сатирѣ, ставь въ панегирикъ; попавшееся въ газели вставляй въ элегію, а изъ элегіи тни въ газель; да чтобы совсѣмъ было незамѣтно, и тогда, небось, никто не узнаетъ, что ты своровалъ; никто не смекнетъ, откуда взята эта мысль» ³⁾). Хотя въ приведенномъ отрывкѣ рѣчь идетъ собственно о поэтическомъ творествѣ, и тридцать пятая глава *Кабусъ-наме*, откуда взятъ отрывокъ, озаглавляется: «О стихахъ и стихотворствѣ»; но, нужно замѣтить, у турокъ названіе поэта равносильно званію писателя вообще: всякій османскій, въ какомъ бы ни было родѣ, писатель есть непременно въ то же время и поэтъ, т. е. авторъ если не цѣлаго *дивана*, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ стихотвореній. Стало быть, вышеприведенное наставленіе относится ко всѣмъ берущимся за перо, съ цѣлью ли писать исторію, или какой-нибудь трактатъ или же строчить *диванъ*. Правило это не требуетъ исключенія и для такихъ литературныхъ произведеній, приближающихся къ разряду

¹⁾ Цитов. у Дица: *Unfug und Betrug in d. morgenländ. Litt.* Halle und Berlin, 1815, стр. 538.

²⁾ Ibidem, стр. 161.

³⁾ *Кабусъ-наме*, рукопись изъ библіотеки Каземъ-Бека, № 164, стр. 141 recto.

официальных документовъ, каково рисале Кучибей. Недоступные для всей публики, эти документы могли быть въ рукахъ у лицъ болѣе или менѣе близкихъ къ султану и пользовавшихся его довѣріемъ. Хаджи-Кальфа говорить, что его *Дестур-уль-амель* читалъ султану самъ шейхуль-исламъ Хусамъ-Заде-эфенди ¹⁾. А потому когда султану угодно было потребовать новаго доклада о положеніи государства и какихъ-нибудь реформахъ, или-же когда обстоятельства времени внушали кому-либо изъ близкихъ къ кормилу правленія сановниковъ войти самимъ съ подобными представленіями и проэктами, то они, зная о существованіи прежнихъ въ этомъ родѣ литературно-официальныхъ документовъ, могли извлекать ихъ изъ тайныхъ архивовъ и подавать султану нѣсколько измѣненные копии съ нихъ, какъ плодъ собственнаго, проникательнаго въ дѣлахъ внутренней политики, соображенія. Иначе какъ объяснить, что вступленіе и первыя семь главъ рисале Кучибей, съ нѣкоторыми пропусками, перестановками и раздробленіемъ на 15 отдѣльныхъ статей, явились подъ новымъ названіемъ—*Très humbles représentations adressées à Sultan Achmet III (1703—1730), par le chef de la loi, au nom de l'uléma*—въ переводѣ г. Пертюзье ²⁾? Не подозрѣвая того, что оригиналъ «представленій» явился цѣлымъ полустолѣтіемъ раньше мнимаго ихъ автора, французскій ученый видитъ интересъ этого памятника, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что «*Cette pièce historique... donne une idée précise et bien arrêtée des termes dans lesquels le grand-muphty est à l'égard du souverain; de l'étendue de ce privilège remarquable, que je (Пертюзье) me suis appliqué à faire ressortir en parlant de l'uléma*» ³⁾. Дѣйствительно, великій мупhti, по мнѣнію г. Белена Мухаммедъ-эфенди, преемникъ Фейз-улы, задуманнаго послѣ адрианопольскихъ событій 1115 (1703) года ⁴⁾, могъ представить Ахмеду III свою собственную или чью-нибудь чужую передѣлку докладовъ Кучибей, подобно тому

¹⁾ Фезлика, стр. 317 г.

²⁾ Charles Pertusier, Tableau politique et moral de l'empire ottoman. La Bosnie, considérée dans ses rapports avec l'empire ottoman. Paris, 1822. Стр. 358—379.

³⁾ Loc. cit., стр. 358, прим.

⁴⁾ Journal. As., Mars-avril 1870, стр. 292.

какъ, мы видѣли, Хусамъ-Заде-эфенди взялся представить Мухаммеду IV рисале Хаджи-Кальфы; тѣмъ не менѣе однакожь разсматривать его представленія какъ адресъ отъ цѣлой корпораціи улемовъ того времени нѣтъ никакихъ основаній. Хотя авторъ докладовъ и говоритъ въ предисловіи, что онъ, прежде чѣмъ написать ихъ, предварительно посовѣтовался съ улемами и другими благожелателями государства, тѣмъ не менѣе однако же потому называется эти доклады конфиденціальною запискою *اسرار رقعه عنوان*, что далеко не похоже на адресъ вѣятельной, по Пертизье, корпораціи, для котораго не было надобности ни въ какой секретности, ясно указывающей на единоличность автора, опасавшагося вредныхъ для себя послѣдствій отъ своихъ докладовъ, и представившаго ихъ поэтому секретно.

Мало того, новѣйшій турецкій историкъ, Джевдетъ-эфенди, трудъ котораго уже значительно превосходить, по своему складу и авторскимъ приѣмамъ, произведенія прежнихъ историческихъ писателей, цѣлая двѣ статьи пятого тома своей исторіи, изъ коихъ одна озаглавляется: *طریق علمیه نك نظام قدیمی وبعده* ¹⁾, а другая: *اولد یغی و بو اتناده* (т. е. въ 1206 г. гіджры) ²⁾ — изложилъ почти буквально словами Кучибей, съ нѣкоторыми лишь объяснительными вставками или пропусками. Но тутъ уже виденъ прогрессъ въ томъ отношеніи, что новый турецкій ученый мѣстами оговаривается: «такъ молъ, говоритъ Кучибей въ своемъ рисале» ³⁾.

Такимъ образомъ экземпляръ, съ котораго Вефикъ-эфенди сдѣлалъ печатное изданіе рисале Кучибей, есть просто сборникъ, принадлежавшій сыну послѣдняго, Абдулла-Калифѣ, въ который, можетъ быть даже одною и тою же рукою, хоть и въ разное время, переписано два разновременныхъ литературныхъ произведенія отца; точно такой же сборникъ, какой извѣстенъ во французскомъ переводѣ Пети де-ла-Кроа подъ именемъ «*Canon du sultan Sulei-*

¹⁾ Тарихи-Джевдетъ, V, стр. 172 и слѣд.

²⁾ Ibid., стр. 187 и слѣд.

³⁾ Напр. на стр. 174, 175, 203.

man II, représenté à sultan Mourad IV pour son instruction, ou état politique et militaire, tiré des archives les plus secretes des princes ottomans et qui servent pour bien gouverner leur empire, traduit du Turc en Français par M. P**** (Paris 1725). Въ сборникѣ этомъ, кромѣ нѣсколькихъ, похожихъ на военный уставъ, законоположеній, находится также, состоящій изъ введенія и нецѣлыхъ первыхъ пяти главъ, отрывокъ рисале Кучибей, и, наконецъ, краткая біографія верховнаго визиря Мухаммедъ-паши Кѣприли и его сына, Ахмедъ-паши, завоевателя Бандіи ¹⁾. Это точно такой же сборникъ, какой, напр., представляетъ собою турецкій манускриптъ Азіатскаго Музея № 315, въ которомъ на первыхъ 27 страницахъ находится *Вакаанамѣ* Вейси, а потомъ, съ 29 страницы до конца, слѣдуетъ веденный кѣмъ-то походный дневникъ.

Ко всему вышесказанному слѣдуетъ присовокупить еще то, что лишнихъ трехъ статей, имѣющихся въ печатномъ изданіи Вефика-эфенди, не находится ни въ одномъ изъ прочихъ извѣстныхъ списковъ рисале Кучибей; а изъ нихъ списокъ служившій оригиналомъ для копій Ходженса, можно утвердительно сказать, не менѣе древень, чѣмъ манускриптъ Вефика. Последнее же заключеніе я основываю на сходствѣ обоихъ списковъ въ одномъ весьма важномъ признакѣ, который не только имѣетъ значеніе въ вопросѣ о времени происхожденія и подлинности рисале Кучибей, но, по моему мнѣнію, можетъ служить вспомогательнымъ средствомъ и въ изслѣдованіи законовъ развитія османской рѣчи, и въ изученіи исторіи турецкаго языка, почему заслуживаетъ того, чтобы остановить на немъ вниманіе и подвергнуть его болѣе близкому разсмотрѣнію.

¹⁾ Г. Беленъ говоритъ, что «Canon de Suleïman II, selon le rapport d'Aïmed Vefyq, serait la version d'un texte aujourd'hui perdu, et rédigé par Qoudji-bey d'après Aini-Ali (т. е. по его *Каванини-али-осман-дер-хулясеи-мезамини-дефтери-диванъ*), auquel le premier est postérieur». (Journ. Asiat., Mars-avril 1870, стр. 260). Но тутъ приходится уже только вѣровать, а не испытывать. Даже и въ этомъ случаѣ, вышеозначенный сборникъ всё-таки остается сборникомъ, потому что біографія Кѣприли никоимъ образомъ не могла быть написана Кучибеемъ, а между тѣмъ и ее мы находимъ рядомъ съ отрывкомъ изъ его рисале.

Въ предисловіи къ своему изданію, мы видѣли, Вефика-эфенди говорить, что его манускриптъ написанъ сыномъ Кучибей съ *соблюденіемъ* слога его и *дикціи* — *سبک و املا سی بلا تغییر عینله* — ضبط اولنمشدر. Подъ этимъ можно разумѣть не иное что какъ уклоненія отъ нынѣ принятой въ Турціи системы правописанія, которая съ давнихъ поръ и по сіе время сохраняется тамъ неизмѣнною, т. е., другими словами, особенность его манускрипта состоитъ въ томъ что называется *безграмотностью*, которую слѣдуетъ, однакоже, отличать отъ простыхъ ошибокъ лишающихъ слово всякаго значенія и смысла. Вотъ безграмотность-то и есть тотъ признакъ, который сближаетъ списокъ Вефика со спискомъ служившимъ оригиналомъ для копій Ходженса. Подлинно-ли Вефику извѣстно, что особенность правописанія рисале Кучибей намѣренно сохранена грамотнымъ сыномъ, изъ уваженія къ отцу своему, а не есть, напротивъ, его собственныя искаженія, или-же это только чисто одно предположеніе—все равно: достаточно знать, что оба Кучибей были турки, и что кто-то изъ нихъ въ то время писалъ безграмотно. Такимъ образомъ безграмотность въ данномъ случаѣ является однимъ изъ признаковъ бѣльшей или меньшей древности списка рисале Кучибей. Поэтому, я заключаю, замѣтка на копіи Ходженса, что она «списана въ Константинополѣ съ *древней* рукописи», не лишена своего значенія: безграмотность ея указываетъ на то, что эта рукопись если не автографъ, то, во всякомъ случаѣ, одна изъ первыхъ копій. А между тѣмъ въ изданіи Вефика почти и слѣдовъ нѣтъ этой особенности манускрипта: изданный имъ текстъ отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ современной османской орфографіи и носитъ на себѣ явную печать исправленія оригинала издателемъ.

Но если корректура необходима въ современныхъ печатныхъ сочиненіяхъ, то подобная аккуратность не всегда и не вполнѣ уместна когда идетъ дѣло о литературныхъ произведеніяхъ, служащихъ памятниками исторіи того языка, на которомъ они написаны: такія вещи, какъ отступленія въ письмѣ отъ мертвыхъ правилъ грамматики, называемыя безграмотными ошибками, въ старинныхъ памятникахъ имѣютъ значеніе преданія, и уничтоженіе ихъ, посредствомъ неумѣстныхъ исправленій, не только не полезно, но, положительно, вредно, потому что этимъ отнимается

одно изъ данныхъ для исторіи языка. Вособенности это важно для тюркскихъ языковъ, а, слѣдовательно, и для османскаго: языки эти почти вовсе не тронуты наукою изслѣдующею законы образованія, сочетанія и перехода однихъ въ другіе звуковъ человеческого слова, этого выразителя и носителя человеческой мысли, показателя процесса и степени развитія его духовной и даже матеріальной жизни,—именно лингвистикою. А между тѣмъ, какія же данныя для нея въ языкѣ османскомъ? Однообразие и невыразительность принятаго турками арабскаго алфавита представляютъ языкъ османскій, во всѣхъ, можно сказать, его литературныхъ памятникахъ, писанныхъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ орфографіи, какимъ-то мертвымъ, неподвижнымъ, почти ни на іоту не измѣнившимся втеченіе нѣсколькихъ столѣтій, что едвали возможно въ дѣйствительности. Положимъ, что на развитіе языка оказываетъ сильное вліяніе степень культурнаго развитія народа, имъ говорящаго; но какъ нельзя допустить абсолютнаго застоя въ жизненномъ процессѣ народа, разъ вышедшаго изъ дикаго состоянія (потому что долженъ же совершаться хоть самый медленный прогрессъ въ ту или другую сторону, впередъ или назадъ), такъ точно, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можетъ оставаться въ одинаковомъ положеніи и языкъ его, отображающій въ себѣ всякій моментъ, всякое новое направленіе въ его жизни. Съ теченіемъ времени звуки его принимаютъ новые изгибы; слова приходятъ въ новыя комбинаціи и принимаютъ новыя значенія; произношеніе измѣняется; являются новыя формы или прежнія исчезаютъ. Объ османскомъ языкѣ, напримѣръ, извѣстно, что онъ въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніи богаче остальныхъ тюркскихъ нарѣчій; что въ немъ несравненно многочисленнѣе грамматическія формы, развившіяся, очевидно, послѣ выселенія турокъ-сельчуковъ въ Переднюю Азію; что лексиконъ его обширнѣе, потому что въ составъ его вошло множество словъ арабскихъ, персидскихъ, греческихъ, итальянскихъ, армянскихъ и, въ послѣднее время, даже французскихъ, которымъ онъ сообщилъ своеобразный колоритъ, подчинивши звуковое выраженіе ихъ законамъ собственнаго выговора; словомъ сказать, извѣстно, что османскій діалектъ самый богатый изъ всѣхъ тюркскихъ діалектовъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но далѣе этой извѣстности, изслѣдованіе ос-

манскаго языка пока еще не простиралось ¹⁾). Многочисленные формы его, по общему закону, естественно, образовались путем органическаго претворенія словъ выражающихъ вначалѣ определенное понятіе въ простой условный знакъ, лишенный уже всякаго смысла и служащій только показателемъ отношеній однихъ понятій къ другимъ. А между тѣмъ, такъ какъ этотъ языкъ, по степени развитія своего, принадлежитъ къ группѣ приставочныхъ, мнѣ кажется, что въ немъ скорѣе можно напасть на вѣрные слѣды первоначальнаго происхожденія формъ его, чѣмъ, напримѣръ, въ языкахъ измѣняющихся въ составѣ: первобытные элементы его должны легче поддаваться филологическому анализу. Но этотъ анализъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ когда у науки будутъ въ рукахъ данныя для него. Къ такимъ даннымъ, кромѣ самого живаго языка и другихъ родственныхъ ему нарѣчій, относится еще письменность разныхъ періодовъ жизни этого языка, идущей обрѣнку съ исторической жизнью говорящаго на немъ народа, какъ единственный хранитель преданій языка. Но письменные памятники, какъ уже я сказалъ, въ томъ только случаѣ могутъ быть полезны когда они сохраняютъ обликъ своего времени: когда въ нихъ не изглажены слѣды инозвучія словъ, остатки прежнихъ формъ рѣчи и грамматическихъ флексій, которыя съ теченіемъ времени приняли другой видъ. Обращаясь къ произведеніямъ литературы османской, мы видимъ, что всѣ они носятъ на себѣ печать строгаго единообразія, наложеннаго на нихъ тупымъ упрямствомъ турецкихъ грамотѣевъ ²⁾, съ какими они старинные памят-

¹⁾ Исключая, впрочемъ, попытки къ генетическому объясненію нѣкоторыхъ формъ османскаго языка, которыя встрѣчаются въ магистерской диссертациі В. Максимова: «Опытъ изслѣдованія тюркскихъ діалектовъ въ Худавендгарѣ и Карманіи». С-Пб. 1867 г.

²⁾ Эта черта перешла къ османамъ по преимуществу отъ другихъ восточныхъ книжниковъ, и, главнымъ образомъ, отъ персіянъ. Я слышалъ, по крайней мѣрѣ, что еще недавно одинъ восточный человѣкъ предлагалъ свои услуги *исправить* старинныя *персидскія* рукописи имѣющіяся въ Университетской библіотекѣ. Впрочемъ, что слишкомъ дивиться такой справщической замашкѣ невѣжественныхъ турецкихъ кятибовъ, когда германскіе ученые, путемъ конъектуръ, заново передѣлали латинскихъ классиковъ, а редакторы «Христіанскаго Чтенія» не хуже кятибовъ поступали съ твореніями Св. Отцовъ, мотивируя

нии передѣлываютъ на новый ладъ, ничуть не стѣсняясь, не только переименованіемъ грамматическихъ формъ, но и замѣною однихъ словъ, и даже цѣлыхъ выраженій, другими. А потому такія древнія рукописи, которыхъ еще не успѣла коснуться рука позднѣйшихъ справщиковъ, есть рѣдкое явленіе, и имѣютъ особенную цѣнность.

Бъ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ и рисале Кучибей. Безграмотность его обратила на себя вниманіе ученаго турка, Ахмеда-Вефикъ-эфенди, и онъ не преминулъ упомянуть о ней въ предисловіи: такъ это ему показалось необыкновеннымъ. Но, вѣрный преданіямъ азіатской школы, онъ поправилъ дѣло: печатное изданіе рисале, претерпѣвши его редакцію, очищено отъ всѣхъ недостатковъ манускрипта, которые должны непріятно поражать тѣхъ грамотѣвъ-турокъ, для которыхъ оно, очевидно, и предназначено. Мало того: г. Беленъ, секретарь и драгоманъ французскаго посольства въ Константинополѣ, который, какъ видно изъ его ученыхъ изслѣдованій и корреспонденцій, ревностно слѣдитъ за современною литературною жизнью Турціи и обнаруживаетъ несомнѣнныя по этой части свѣдѣнія, говорить, что «изданіе текста (Кучибей) сдѣлано съ одной копіи, просмотрѣнной и дополненной его превосходительствомъ Ахмедомъ-Вефикъ-эфенди» ¹⁾. Это послѣднее замѣчаніе свидѣтельствуетъ о томъ, что «le savant éditeur», какъ называетъ его г. Беленъ, еще не отрѣшился отъ тѣхъ пріемовъ, съ какими позднѣйшіе грамотѣв-турки относятся къ стариннымъ памятникамъ, пріемовъ чуждыхъ всякой наукообразности. Если къ этому прибавить отсутствіе въ печатныхъ константинопольскихъ и булакскихъ изданіяхъ того что у европейцевъ называется учеными примѣчаніями, т. е. приведенія заслуживающихъ вниманія вариантовъ съ мнѣніемъ о преимуществѣ котораго-нибудь изъ нихъ предъ прочими, и указанія на тѣ или другія этимологическія и синтаксическія особенности въ языкѣ даннаго сочиненія, коли таковыя имѣются,

свой образъ дѣйствія такимъ соображеніемъ: «вотъ тебѣ еще не надобно измѣнять! такъ и печатать всякій вздоръ?» («Вѣстникъ Европы», іюль 1872 г., стр. 239).

¹⁾ Journ. As., Octobre—novembre 1864, стр. 305, пр. 3.

а также отсутствіе толкованія непонятныхъ словъ, темныхъ выраженій, и объясненія останавливающихъ на себѣ вниманіе читателя фактовъ былевой и бытовой жизни того народа, языку котораго принадлежитъ издаваемый текстъ; то вотъ налицо обстоятельства лишающія научнаго значенія печатныя турецкія изданія, мало чѣмъ отличающіяся отъ своихъ рукописныхъ прототиповъ, развѣ большею разборчивостью шрифта, да и то не всегда.

Держась строго-консервативнаго взгляда на разработку памятниковъ османской литературы, едва ли можно одобрить и жетодъ принятый г. Нёльдеке въ изданіи имъ одного очень древняго, отъ конца пятнадцатаго столѣтія, сочиненія, а именно

نوارنج آل ساجوق Нешри. Нёльдеке говоритъ въ предварительной замѣткѣ: «Въ общемъ кодексъ можно назвать хорошимъ, хотя онъ и не безъ ошибокъ. Я по мѣрѣ силъ старался исправить эти послѣднія въ извлеченіяхъ ¹⁾); хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ счелъ нужнымъ оговориться. Молча же я исправилъ только такія ошибки, въ которыхъ не было никакого сомнѣнія. Сюда я причисляю прежде всего многія невѣрно написанныя арабскія и персидскія слова.... Тѣ ошибки, которыя едва ли можно приписать ученому, какимъ былъ Нешри (можетъ быть онъ диктовалъ, и такимъ образомъ ошибки явились уже въ оригиналѣ), я просто исправлялъ, и только тамъ дѣлалъ замѣчанія, гдѣ сомнѣвался въ правильномъ начертаніи.... Напротивъ того орфографію турецкихъ словъ я оставилъ безъ измѣненій...» ²⁾. Слѣдовательно, Нёльдеке удерживался отъ поправокъ изданнаго имъ текста лишь возникавшими у него повременамъ сомнѣніями о томъ, какъ правильнѣе слово должно быть написано. Твердо вѣруя въ непогрѣшимость учености Нешри, и считая ошибки въ его сочиненіи лишь грѣхами невѣжды-переписчика, онъ счелъ нужнымъ, по мѣрѣ возможности, исправить эти-послѣднія. Онъ совершенно равнодушно предполагаетъ, что нѣкоторыя своеобразности Нешри въ грамматическомъ отношеніи сглажены переписчиками, и, слѣ-

¹⁾ Нужно замѣтить, что Нёльдеке издалъ не полный текстъ Нешри, а только нѣсколько отрывковъ, «welche historisches Interesse haben», конечно по его личному мнѣнію.

²⁾ Zeitschr. d. D. M. G. B. XIII, стр. 181 и слѣд.

для ихъ примѣру, самъ сглаживаетъ послѣдніе слѣды особенностей прежней османской дикціи, насколько она способна быть выражена посредствомъ арабскаго письма. Положимъ, что турецкія слова онъ оставилъ безъ перемѣны; но этого еще недостаточно: если въ чемъ особенно проявляется духъ и сила извѣстнаго языка, такъ именно въ переработкѣ имъ чужихъ словъ сообразно законамъ собственнаго звукосочетанія; факты этой переработки изъ настоящей или прошлой жизни языка облегчаютъ наблюденія и надъ постепенными видоизмѣненіями его собственныхъ природныхъ элементовъ. Поэтому текстъ Нешри, видоизмѣненный редакціею Нёльдеке, не даетъ всего заключающагося въ немъ матеріала для желающихъ изучать исторію османскаго языка; таковымъ приходится обращаться за этимъ опять къ рукописному кодексу.

Важность изданія старинныхъ рукописей турецкихъ со всѣми ихъ орфографическими неправильностями, которыя должны быть лишь оговариваемы въ сноскахъ, съ достаточною ясностью можетъ быть усмотрѣна изъ слѣдующихъ примѣровъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что османскія нарѣчія بوره دن, بوره دن اورادن, اوراد, равны какъ نره دن, نره دن اورابه, اوراد, которыя въ народномъ говорѣ звучатъ еще короче: بوره دن, نره دن и т. д., образовались изъ соединенія указательнаго мѣстоименія и какого-нибудь существительнаго въ косвенныхъ падежахъ. Насчетъ этого послѣдняго, однако же, ученые не согласны между собою. Напр., Каземъ-Бекъ считаетъ таковыя существительныя слово بر «мѣсто», «земля» ¹⁾; Бьянки расходится самъ съ собою, говоря, что بوره دن роуг اورادن, а نره دن роуг نره دن ²⁾. Но присутствіе звука а предъ падежными послѣлогами ە, ده, دن, исчезающаго лишь въ словѣ نره دن, вслѣдствіе снорога выговора, и снова являющагося въ нрهبه, которому слѣдовало бы, по теоріи Каземъ-Бека, сократиться въ نر, показываетъ, что въ составъ этихъ нарѣчій не могло войти

¹⁾ Грамматика Турецко-Татарскаго языка. Казань, 1846 г. Стр. 321 и 322.

²⁾ Dictionnaire Turc-Français, см. означенныя слова.

слово *ير*, не имѣющее и не требующее этого окончательнаго звука. Если на нашихъ глазахъ происходитъ еще большее сокращеніе этихъ нарѣчій, какъ напр. *بورده* въ *بورده* и т. д., которое со-временемъ окончательно вытѣснитъ предъидущую форму, то естественно видѣть и въ этой формѣ также сокращеніе другой, болѣе полной, уже вышедшей изъ употребленія. Гдѣ-же искать этому доказательствъ, какъ не въ прежнихъ памятникахъ письменности? И дѣйствительно, самъ же Нёльдеке обратилъ на этотъ фактъ вниманіе, встрѣтивши въ текстѣ Нешри полную форму нарѣчія *بور اراده* ¹⁾. Кроме того, я встрѣтилъ два подобныхъ примѣра въ рукописи исторіи Селяники, которые, вѣроятно, случайно ускользнули отъ вниманія досужаго переписчика, а именно *بو آرادن* ²⁾ и *بو آرابه* ³⁾, первое въ значеніи *отсель, отъ сего пункта, съ этого момента*, второе въ значеніи *къ этому пункту, сюда*. Изъ этого слѣдуетъ, что существительное, вошедшее въ составъ означенныхъ нарѣчій, есть, очевидно, не *ير*, а *آرا*, которое собственно значить «середина», «промежутокъ», и имѣетъ смыслъ болѣе отвлеченнаго понятія, чѣмъ слово *ير*, которое выражаетъ понятіе мѣста въ матеріальномъ отношеніи, только относительно пространства, и имѣетъ, потомъ, даже значеніе «земля». Во-вторыхъ, выше уже было замѣчено, что османскій языкъ богатъ грамматическими формами, и вособенности многочисленны въ немъ дѣепричастныя формы, или герундіи. Раскройте любую грамматику турецкаго языка, и во всѣхъ нихъ производство этихъ формъ объясняется самымъ механическимъ способомъ: не видно ни малѣйшей попытки къ отысканію ихъ взаимной связи; нѣтъ признаковъ системы, ни одного шага къ изслѣдованію первоначальныхъ элементовъ, изъ которыхъ онѣ образовались. «Второй герундій, говоритъ Редузь, образуется чрезъ перемѣну буквы *ع* въ послѣднемъ слогѣ будущаго причастія на *ر*. Напр. *كله رك* (изъ *كله بك* ⁴⁾). Третій герун-

¹⁾ Zeitschr. d. D. M. G. B. XIII, 210.

²⁾ Тарихи-Селяники, стр. 127 г. ³⁾ Ibid., стр. 385 в.

⁴⁾ Grammaire raisonnée. Paris, 1846, стр. 109, № 497.

дѣй образуется переменною буквы *о* будущаго причастія на *ی* Напр. *كله جك* (изъ *كله جك* ¹⁾). А четвертый герундій образуется переменною буквы *ی* предыдущаго на *ن*, и буквы *ق* или *ك* на *о*. Напр. *كله جك* ²⁾. Спрашивается теперь: гдѣ же основаніе для такого, а не совершенно обратнаго, порядка, въ какомъ представляется тутъ производство одной герундивной формы отъ другой? Будетъ ли логическою несообразностью, если сказать, наоборотъ, что третій, по Редузу, герундій образуется изъ четвертаго, переменною буквы *ن* въ *ی*, а буквы *о* въ *ق* или *ك*, такъ-что изъ *كله جك* выйдетъ *كله جك*? Ни мало. Но ровно столько же и проку отъ этого механическаго производства. Въ подобныхъ случаяхъ, помня, что османскій языкъ приставочный, лучше ужъ прямо взять корень да и перебрать всѣ тѣ приставки, чрезъ присоединеніе которыхъ образуются разныя глагольныя формы: по крайней мѣрѣ это было бы проще, *plus raisonné*, какъ и поступаютъ иногда авторы *قواعد عثمانیه*. Однако же нельзя сказать, чтобы не было рѣшительно никакихъ данныхъ къ уразумѣнію этихъ формъ, къ осмысленію ихъ составныхъ элементовъ. Напр. извѣстно, что не одна турецкая герундивная форма имѣетъ своимъ окончаніемъ слогъ *كه*. Производство первой формы Редузомъ уже приведено выше; вторую же онъ отнесъ къ отдѣлу такъ названныхъ имъ «locutions faisant fonction de gérondifs», и говорить что она «показываетъ пропорцію, или мѣру дѣйствія обозначаемаго глаголомъ, которому она подчинена въ предложеніи; а образуется эта форма прибавленіемъ слога *كه* къ совершенному отглагольному имени» ³⁾. Въ *Каванди-Османійѣ* первая форма производится присоединеніемъ частицы *كه* къ корню ⁴⁾, а вторая чрезъ присоединеніе *كه* къ первому лицу множеств. числа прошедшаго совершеннаго времени изъявительнаго наклоненія ⁵⁾. Относитель-

¹⁾ Gramm. rais., № 500.

²⁾ Ibid., № 502.

³⁾ Ibid., стр. 112.

⁴⁾ Каванди-Османійѣ. Константиноп. изд., стр. 67.

⁵⁾ Loc. cit., стр. 68.

но первой формы добавляется, что большею частью къ ней присовокупляется на концѣ еще наращеніе **به قدر** и **به دك**, причѣмъ конечное **о** этой формы выпускается.

Всѣ эти объясненія, очевидно, самаго механическаго свойства. Что же это за частица **جه**, а, тѣмъ паче, наращеніе **به دك** и **به قدر**? Я могу утвердительно сказать, что послѣднее есть просто-на-просто дательный падежъ частицы **جه** въ зависимости отъ послѣлоговъ **قدر** и **دك**. Но вѣдь, понастоящему, дательный падежъ этой формы долженъ бы былъ имѣть такой видъ: **كلجه به**, а между тѣмъ, какъ сказано, первое **о** выпускается: какъ же примирить это? Вотъ здѣсь-то и пригодны тѣ орографическія аномаліи, которыя можно встрѣтить только въ многихъ старыхъ рукописяхъ. Большинство склоняемыхъ словъ въ турецкомъ языкѣ, оканчивающихся въ именительномъ падежѣ на **о**, взяты съ арабскаго и персидскаго; аналогично съ ними, нѣкоторые и чисто турецкія слова имѣютъ также своимъ окончаніемъ **о**. Что же мы видимъ относительно видоизмѣненія этихъ словъ по падежамъ въ копіи Ходженса? Тамъ почти всегда, безъ исключенія, слова эти въ дательномъ падежѣ утрачиваютъ конечное **о**. Напр. **اتجه به** вм. **اتجه** (стр. 9, 31), **كمسبه** вм. **كلوفه به** (13), **آستانه به** вм. **استانبه** (13, 79), **مداخله به** вм. **مداخله** (17). Подобная аномалія находится и въ текстѣ Нешри, и исправленіемъ ея хвастается Нёльдеке ¹⁾, говоря, что онъ возстановилъ пропущенное **о** въ случаяхъ подобныхъ **قلعه به** вм. **قلعه**. Отсюда слѣдуетъ, что въ говорѣ конечное **о** вытѣсняется окончаніемъ дательнаго падежа, хотя книжники, стараясь соблюсти грамматическую правильность въ письмѣ, не сообразуются въ этомъ случаѣ съ произношеніемъ. Уже одно то, что частица **جه** принимаетъ падежныя окончанія, заставляетъ предполагать ея образованіе изъ какаго-нибудь самостоятельнаго понятія, только съ теченіемъ времени ставшаго условно-формальнымъ знакомъ, пока-

¹⁾ Zeitschr. d. D. M. G. B. XIII, 182.

зываютъ взаимное отношеніе другихъ понятій. Вышеприведенныя двѣ формы служатъ для показанія ограниченія дѣйствія, выражаемаго главнымъ глаголомъ предложенія, обусловленіе его моментомъ наступленія другого дѣйствія. Въ различіи этихъ моментовъ онѣ обнаруживаютъ аналогію съ причастными формами настоящаго и прошедшаго времени, *کلن* и *کلرک*, которыя, безъ сомнѣнія, и образуютъ два герундія, чрезъ соединеніе съ частицею *جه*. Это соединеніе обоихъ причастій происходитъ по правилу существующему въ грамматикахъ для одного только прошедшаго причастія страдательнаго, а именно, что слово, опредѣляемое причастіемъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ логическое дополненіе (*régime indirect*) глагола, отъ котораго происходитъ это причастіе. Оборотеъ этотъ, весьма употребительный въ османскомъ языкѣ, нельзя перевести ни одною русскою глагольною формою, развѣ только передать описательною фразою. Напр. *نظام مصالح*

عامه به صرہ کلدوکی ایامده اشبو اوراق تسوید اولنمشدر т. е. «этотъ манускриптъ написанъ во время приведенія *отъ* въ порядокъ»; ближе къ тексту: «во дни, въ которые пришелъ порядокъ въ дѣла». Описательная фраза «въ которые пришелъ» выражаетъ смыслъ формы *کلدوکی*, которой нельзя выразить по-русски однимъ словомъ, развѣ невозможнымъ отъ средняго глагола *приходить* страдательнымъ причастіемъ *прійденный* ¹⁾. Такъ какъ здѣсь слово, опредѣляемое причастіемъ, стоитъ отдѣльно отъ него и составляетъ съ нимъ цѣлую фразу, то причастіе это принимаетъ мѣстоименный суффиксъ относящійся къ логическому субъекту его; въ формахъ-же *کلنجه* и *کلرکجه* это опредѣляемое слово, обратившись въ частицу, слилось съ причастіемъ, и потому мѣстоименный суффиксъ уже не является въ нихъ; тѣмъ болѣе что тамъ опредѣляемыя слова могутъ быть *разныя*, здѣсь же только *одно* понятіе, соединяемое съ словомъ изъ котораго образовалась потомъ частица *جه*,

¹⁾ Нѣчто подобное этому турецкому обороту рѣчи представляетъ нѣрѣдко слышимое у насъ въ говорѣ выраженіе *курящій вагонъ*, какъ называютъ вагоны въ которыхъ дозволяется курить, а также *вѣтрящее письмо*, *владѣнная грамота*, и т. п.

составляетъ съ причастіемъ уже одну простую форму. Банаго же корня, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть эта частица? Сообразно съ значеніемъ обѣихъ герундіальныхъ формъ, корень этотъ долженъ заключать въ себѣ понятіе момента, пункта. Буква *ع* въ этихъ формахъ въ спискѣ г. Ходженса большею частью замѣнена буквою *ج*, подобно тому какъ нарѣчіе *ج*, безразлично пишется чрезъ *ع* и чрезъ *ج*, откуда нужно заключить, что звуки, выражаемые этими буквами, не различаются въ выговорѣ слова *ج*. Безразличность выговора этихъ звуковъ признается, очевидно, и авторами *Каваиди-Османійѣ*, которые, трактуя въ V главѣ о частицѣ *ج*, въ примѣрахъ употребленія ея ставятъ, между тѣмъ, *ج*¹⁾. Судя по значенію этой частицы, называемой по-турецки *ادات تميز* — Specifications-Affix въ переводѣ Чельгрена²⁾. надо полагать, что она тождественна съ тою которая образуетъ вышеупомянутыя герундіальныя формы, и что обѣ онѣ должны имѣть общаго родоначальника. Такимъ, по моему мнѣнію, можно считать слово *جاق*, которое также значитъ въ числѣ турецкихъ частицъ съ значеніемъ *до*. Она плеонастически употребляется предъ словомъ выражающимъ собою предѣлъ дѣйствія, и въ началѣ предложія образуемаго герундіемъ на *ج*, хотя, впрочемъ, въ настоящее время большею частью обходятся безъ нея, довольствуясь въ первомъ случаѣ употребляемою совмѣстно съ нею, только въ концѣ слова, частицею *دك* или *دكين*, такъ-что говорятъ *جاق بغداده دك* и просто *دك* *جاق بوبله تقيد اولينجه*³⁾; вѣсто *جاق بوبله تقيد اولينجه*⁴⁾ можно сказать *بوبله تقيد اولينجه*⁵⁾. Въ оправданіе своего предположенія я могу указать на равнозначашій съ первю, разсматриваемою здѣсь, османскою герундивною формою (*كلنج*) оборотъ рѣчи, существующій въ другомъ-тюркскомъ нарѣчій, именно въ джагатайскомъ, гдѣ составные

¹⁾ Каваиди-Османійѣ, стр. 82.

²⁾ Grammatik der Osm. Sprache. Helsingfors, 1855. Стр. 162.

³⁾ Каваиди-Османійѣ, стр. 79.

⁴⁾ Рисале Кучибей, изд. Везика-зеенди, стр. 23.

⁵⁾ Тоже, рукоп. Ходженса, стр. 73.

элементы теперешняго османскаго герундія находятся еще въ сырѣ, непретворенномъ видѣ. Напр. اول کبلکان جافدا نتوردم — «я окончилъ въ то время когда онъ пришелъ» ¹⁾. Итакъ, стало быть, существительное имя جاق — «время», «количество», «мѣра», «пунктъ», «моментъ», — въ соединеніи съ причастіями, настоящимъ и прошедшимъ, служило для выраженія ограниченія какаго-либо дѣйствія относительно времени, степени, мѣры, порядка, послѣдовательности. Затѣмъ оно употреблялось уже какъ частица, съ тѣмъ же значеніемъ ограниченія, предѣла, въ смыслѣ предлога до, или нарѣчія досель какъ уже показано выше, пока, наконецъ, мало-по-малу оно совершенно не утратило, въ разсматриваемомъ нами оборотѣ рѣчи, своего самостоятельнаго значенія и, слившись съ тѣми причастіями, не образовало дѣепричастій ²⁾. Изъ нихъ одно служить для выраженія такого современнаго дѣйствія, которое необходимо должно сопутствовать, какъ ограниченіе, обусловленіе, дѣйствію заключающемуся въ понятіи главнаго глагола въ предложеніи, какъ напр. افندی سوزه باشلینجه هرکس — «лишь только эфенди начиналъ говорить, всѣ должны были замолчать». Другое означаетъ также необходимое дѣйствіе, но уже предшествующее тому которое выражается главнымъ глаголомъ, и служить къ показанію сообразованія, въ отношеніи времени или мѣры, втораго дѣйствія съ первымъ. Напр. بن سکا نصیحت ایندکجه سن کوچنیورسن — «по мѣрѣ того какъ

¹⁾ Будаговъ, Сравнит. словарь турецко-татарск. нарѣчій. Спб. 1869. Т. I., вып. II, стр. 459.

²⁾ Бьянки (Dictionnaire, I, 356) различаетъ два слова: جاق (adv.) jusque, и جاق (s.) temps. Изъ нихъ первое онъ признаетъ турецкимъ; второе же, по его мнѣнію, персидское, что положительно не вѣрно: существованіе этого слова въ уйгурскомъ (چاغ), въ джагатайскомъ (جان),

въ киргизскомъ (шак), башкирскомъ (сак), тобольскомъ (сак) и казанскомъ (جاق) нарѣчійхъ (См. это слово въ словарѣ Будагова) доказываетъ коренную принадлежность его тюркскимъ языкамъ, такъ-что, наоборотъ, оно могло быть заимствовано персами, подобно многимъ другимъ словамъ тюркскаго корня вошедшимъ въ языкъ ихъ.

я даю тебѣ совѣтъ, ты сердись». Отношеніе-же по времени всей фразы къ лицу говорящему опредѣляется временемъ въ какомъ стоять главный глаголѣ.

То же самое *جاق*, очевидно, вошло въ составъ и третьей герундіальной формы, гдѣ конечный согласный звукъ его еще не исчезъ, и оно присоединяется къ корню чрезъ посредство звука *ی* (*کلیجک*), хотя не представляется пока никакихъ данныхъ для объясненія происхожденія этого послѣдняго звука: какую онъ самъ, въ соединеніи съ корнемъ, образовалъ форму. Въ подтвержденіе этого я опять-таки приведу одинъ случай правописанія, который, по правиламъ грамматики, должно считать ошибкою. Въ рукописи *Фезликэ* мнѣ встрѣчалось такое выраженіе: سپاه صور به لری دخی سز متر بسده اونور چاق بز طش ره ده — نه الم چکر ز دیو من بعد دور دراز محاصره به اتفاق ابتدای — «мятежники-сипаги, говоря: «пока вы сидите въ окопахъ, мы видѣ оныхъ какими погвергаемся бѣдствіямъ!», — потому согласились продолжать осаду» ¹⁾. Здѣсь, очевидно, слово *اونور چاق* есть та же герундіальная форма, которая, по требованіямъ теперешней орфографіи, должна написаться *اونور یجق*, и въ ней первобытные элементы, изъ которыхъ она образовалась, еще не утратили своего особеннаго колорита въ выговорѣ и даже, конечно случайно, въ письмѣ.

Отпаденіе-же конечныхъ звуковъ въ аффиксахъ вещь необыкновенная: такъ напр. слово *فشلاق* «зимовка», отлагольное существительное отъ *فشلامق* «зимовать», употребляется и въ формѣ *فشلا* (*Фезликэ*, стр. 189 г.), гдѣ исчезъ конечный звукъ *ق*. Я даже склоненъ думать, что аффиксъ *لی* или *لو*, служащій къ образованію прилагательныхъ отъ именъ существительныхъ, есть также сократившійся *لك* или *لق*, какъ это поазываютъ нѣкоторыя существительныя съ этимъ окончаніемъ, употребляющіяся однако же въ смыслѣ прилагательныхъ, какъ напр. *بکرمی کونلک*, (*Рисале Кучибей*, гл. XIV), *اوج انچه لق بر سپاه قبه*

¹⁾ *Фезликэ*, стр. 193 v.

مسافه (Тарихи-Найма, I, 179), بيك غروشلق خدمت (Тарихи-Селяники, стр. 248 г.), آنچه بيك التونلق مال (Ibid., стр. 231 г.), а также آيلق, يازلц (212 г.), и др. Мало того, джагатайцы говорят теперь: عقلق كيشи — «умный человек», вместо عقلو كيشи, и т. п. Случай образования новой формы вообще посредством отбрасывания конечного, преимущественно согласного, звука, какой преобладают собою вышеозначенные герундии на جه, по моему наблюдению, равнымъ образомъ есть не единственный въ своемъ родѣ. У Селяники я встрѣчалъ слѣдующія выражения: دشمن ارايو (стр. 191 г.) — «врагъ», جوريو كلمشار (стр. 269 г.), جگريمز طوغرادى (349 г.), — «плача, плача, всѣ», въ которыхъ начертаніе словъ آغليو, آغليو (193 г. и 275 г.), представляеть очевидную аналогію съ дѣепричастіемъ отъ глагола ديو—ديك. Относительно этого послѣдняго доподлинно извѣстно, что оно есть сокращенное ديوب, въ каковой формѣ тоже иногда встрѣчается (напр. у Селяники на стр. 253 г., 172 г. и др.). Стало быть, ارايو образовалось изъ ارايو, جوريو изъ جوريو, آغليو изъ آغليو. Но дѣепричастіе на وب, какъ извѣстно, не употребляется вдвойнѣ; между тѣмъ приведенные случаи двойного употребленія формы آغليو представляютъ противорѣчащее явленіе; чѣмъ объяснить его? Редузъ, трактующій о герундіяхъ, говоритъ: «Пятый герундій образуется чрезъ приданіе знака устунъ — послѣдней коренной согласной, и присоединеніе къ ней конечнаго знака о ¹⁾»; онъ служитъ къ выраженію одного дѣйствія, посредствомъ котораго достигается совершеніе другаго дѣйствія, выражаемаго глаголомъ главнымъ въ предложеніи, и обыкновенно повторяется. Напр. ²⁾ دباقه باقه ياپدم. Но не таково же ли значеніе и повтореннаго слова آغليо въ вышеприведенной фразѣ آغليو آغليو جگريمز طوغرادى — «плача, плача, всѣ»

¹⁾ Gramm. raisonnée, стр. 109, № 504.

²⁾ Ibid., стр. 110, № 506.

внутренности намъ надорвалъ? Здѣсь также одно дѣйствіе—надорваніе внутренностей,—достигнуто посредствомъ другого дѣйствія—плача ¹⁾. Изъ сопоставленія этихъ фактовъ не вытекаетъ ли, что пятый герундій Редуза образовался чрезъ сокращеніе дѣе-причастія на **ب**? На замѣну-же буквы **و**, остающейся послѣ отброшеннаго **ب**, на концѣ, буквою **о**, мнѣ думается, имѣли вліяніе глаголы, корень которыхъ оканчивается гласною. По требованію османскаго благозвучія, или, какъ **Бриѣ** выражается **Максъ Мюллеръ**, **тѣни** языка, конечная коренная гласная оказываетъ сильное вліяніе на смягченіе или отвердѣніе суффикса, доходящее иногда до полного уподобленія. А такъ какъ грамматика старается обобщать, елико возможно, частности, то ею и принято изображать герундивный суффиксъ, долженствующій подвергаться, на основаніи вышеупомянутаго закона благозвучія, звуковымъ измѣненіямъ сообразнымъ съ конечною гласною корня, посредствомъ знака **о** отличающагося большею неопредѣленностью чѣмъ знакъ **و**. Уzakоняя-же для извѣстной формы одинъ способъ начертанія, грамматика отмѣчаетъ всѣ прочіе, которые поэтому должны быть разсматриваемы какъ безграмотныя ошибки, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ случаевъ, терпимыхъ ею въ видѣ исключеній, каково, напр., слово **دیو**. Судя потому напр. еще, что въ рисалѣ Кучибѣя родительный падежъ оканчивается часто на **بن** вмѣсто **ك**, а винительный, наоборотъ, на **ك** вм. **بن**, надо заключить, что если не одинаково звучать въ произношеніи оба эти окончанія, то, по крайней мѣрѣ, ни то ни другое начертаніе ихъ не выражаютъ собою являѣ звуковыхъ оттѣнковъ свойственныхъ каждому изъ нихъ, тѣмъ не менѣе однакожъ грамматика требуетъ, чтобы родит. пад. написанный съ **بن** на концѣ, а винит. пад. съ **ك** на концѣ, считались безграмотностью, вслѣдствіе той закоснѣлости которая господствуетъ въ орфографіи всѣхъ имѣвшихъ свою грамматику языковъ вообще и османскаго въ частности.

¹⁾ Пейцмайеръ тоже считаетъ эту форму равнозначащею выше-приведенному герундію, приписывая однако же ей самостоятельное образованіе (*Grammaire Turque. Vienne, 1847, стр. 242*).

Последніе доводы мои могутъ показаться недостаточно убѣдительными. Правда, что подобнаго рода соображенія много бы выиграли, если бы они основывались не на отдѣльныхъ, отрывочныхъ фактахъ, а на цѣлой массѣ примѣровъ, изъ которыхъ видны бы были всѣ послѣдовательныя видовзмѣненія какія претерпѣвали разсмотрѣнныя выше формы, всѣ тѣ фазисы которые прошли онѣ, прежде чѣмъ приняли теперешній видъ свой. Тѣмъ не менѣе я не считалъ себя вправѣ оставить безъ вниманія эти отдѣльные факты, которые вызываютъ на соображенія доказывающія, что если бы подобныя факты не только не уничтожались учеными и неучеными издателями старинныхъ памятниковъ письменности, а, напротивъ того, тщательно изыскивались и сохранялись, то основанныя теперь на нихъ предположительныя гипотезы могли бы стать на твердую почву вполне доказанныхъ, неоспоримыхъ истинъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ, надѣюсь, достаточно очевидно, съ какою осмотрительностью нужно относиться къ такъ называемымъ ошибкамъ въ рукописныхъ сочиненіяхъ при изданіи ихъ: сколько важнаго и интереснаго можетъ тутъ быть потеряно, благодаря субъективному взгляду издателя въ каждомъ подобномъ случаѣ. Я того мнѣнія, что османскіе рукописи слѣдуетъ издавать въ томъ видѣ какъ онѣ есть, т. е. съ сохраненіемъ орографическихъ аномалій, какъ въ чисто турецкихъ такъ и въ заимствованныхъ изъ другихъ языковъ словахъ, указывая правильный видъ ихъ, сообразно теперешнимъ требованіямъ грамматики, въ примѣчаніяхъ, за исключеніемъ, повторяю опять, тѣхъ ошибокъ, которыя лишаютъ слова всякаго смысла и значенія, и могутъ быть слѣдствіемъ простаго недосмотра, а уже никоимъ образомъ не зависѣть отъ намѣренія писавшаго. Рукописи, которыя изобилуютъ орографическими аномаліями, и въ которыхъ эти аномаліи обнаруживаютъ нѣкотораго рода систематичность, мнѣ кажется, заслуживаютъ особаго вниманія и изслѣдованія. Изданіе рисале Кучибей, сдѣланное Вефикомъ-эфенди, съ этой точки зрѣнія, теряетъ свою цѣну, а потому я и рѣшилъ современемъ издать копію Ходженса, съ соблюденіемъ только-что высказанныхъ мною пріемовъ, вмѣстѣ съ прочими памятниками служившими мнѣ матеріаломъ для рѣшенія главнаго вопроса въ настоящемъ изслѣдованіи. Теперь-же, въ

заключеніе обзора этихъ нажитинновъ, представляя полный переводъ рисале Кучибей съ примѣчаніями, который сдѣланъ мною по Петербургскому списку, предварительно сличенному съ печатнымъ текстомъ Ахмеда Вефий-эфенди.

Рисале въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки носитъ слѣдующее оглавленіе:

«Трактатъ покойнаго Кучибей, извѣстнаго подъ именемъ Кучибей Гѣмюрджинскаго, лица приближеннаго къ почившему въ Бозѣ султану Мураду (IV), Завоевателю Багдада, касательно государственнаго устройства и дѣлъ правительственныхъ, который ояъ написалъ въ формѣ докладовъ и представилъ покойному падишаху, и который, бывши причиною возстановленія ¹⁾ прежнихъ законовъ, имѣлъ много прекрасныхъ послѣдствій».

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во имя Бога Всеблагаго и Милосердаго.

Осыпавши вѣнецъ начала рѣчи чистыми перлами восхваленій Всевышнему Богу, и изукрашивши чело мускусо-благоухающаго предисловія блестящими самыми высшихъ благословеній великодушному Пророку, немощной рабъ въ Убѣжище Счастія, высочайшій падишахскій Порогъ, и въ мастерскую справедливости, въ высокую шегиншахскую Порту имѣетъ доложить слѣдующее. Обдумавши съ друзьями и благожелателями высокосводной палаты высочайшаго правительства—да пребываетъ оно подъ покровомъ Вѣчной благодати!—добродѣтельными улемами и нѣкогда бывшими

¹⁾ Напрасно г. Бернауеръ прибѣгаетъ тутъ къ предположенію насчетъ того, какое бы могло стоять слово между اولنسنه و قدیه, и думаетъ, что такимъ словомъ должно быть تجرید: въ рукописи и безъ того есть слово احیا «оживленіе». Странно, какъ могло произойти такое недоразумѣніе, если только, какъ говоритъ Бернауеръ, сдѣлава eine sorgfältige Collation его копій съ рукописью Ходженса.

ревностными слугами, а теперь забытыми ¹⁾), ветеранами, причины такого переворота въ положеніи государства, такихъ, перешедшихъ всякія границы, золъ и неурядицъ, мятежей и волнений, я давно уже искалъ случая довести объ этомъ до Высочайшаго слуха ²⁾). Лишь только «всѣмъ обитателямъ

¹⁾ Такъ я передаю выраженіе **نظر دن ساقط** «упавшій, завалившійся, скрывшійся отъ взора» (конечно султанскаго), что называется съ глазъ долой; метафорически будетъ значить «лишившійся благоволенія», «забытый». У Хаджи-Кальмы говорится въ одномъ мѣстѣ **منلای دیشان ساقط و مہان** (Фезлика, стр. 256 г.), гдѣ слово **ساقط** употреблено какъ синонимъ слова **مہان** «не пользующійся уваженіемъ», «презрѣнный». Но не думаю, чтобы оно могло значить *anspruchslos*, какъ стоитъ въ переводѣ г. Бернауера.

²⁾ Г. Бернауеръ (*Zeitschr. d. D. M. G. B. XV, 274*) раздѣлилъ это распространенное предложеніе на два самостоятельныхъ, принявши за сказуемое перваго слово **اولوب** при подлежащемъ **علماء** **اطاعت**, тогда какъ вся эта фраза есть только первое опредѣленіе къ слѣдующему слову **قوللری**, подобное другимъ, рядомъ съ нею стоящимъ, опредѣленіямъ **نظر دن ساقط اولان** **امکدار**. Аналогическій случай, гдѣ дѣепричастіе **اولوب** имѣетъ значеніе причастія **اولان**, разнясь съ послѣднимъ только въ обозначеніи момента въ который приписывается, посредствомъ него, извѣстный признакъ предмету, представляетъ также выраженіе **نامشروع**

اولوب حق بیت المال اولنلر, т. е. «незаконныя, составляющія достояніе казны (седа)» (Рисале Кучибен, изд. Вефика, стр. 21). Неправильно переведенъ и предлогъ **ایله** союзомъ и, потому что имъ выражается совокупное обсужденіе вопроса Кучибеемъ съ доброжелателями государства, ветеранами, а не измѣненіе къ худшему положенія этихъ послѣднихъ соимѣстно съ прочими *Reichsinsassen*, какъ переводитъ г. Бернауеръ слово **عالم**. Не нахожу основанія слову **اخبار**, находящееся въ копіи г. Ходженса, замѣнить словомъ **اخبار**, потому что первое есть множественное отъ арабскаго прилагательнаго **خير**, согласованное, по правиламъ турецкаго синтаксиса (*Rhedouse, Gram. rais., стр. 254, № 928*), съ предъидущимъ арабскимъ же существительнымъ, также во множеств. числѣ, **علماء**. Нѣсколько ниже въ предисловіи оно опять

мира стало извѣстно, что украшающій вселенную и все благоустрояющій монаршій взоръ и свѣтозарная, дарующая милости мысль государя — слава Всевышнему Владыкѣ! — обращены на искорененіе злодѣйствъ и насилій и на водвореніе правды и справедливости, и всякій сталъ торопиться заявить (небосводной сторонѣ) высочайшей особѣ государя о предметѣ своихъ помышлений, то и я, атомоподобный рабъ, также спѣшу повергнуть къ Убѣжищу Счастія, монаршему Порогу, эту конфиденціальную записку, дабы хотя вкратцѣ стало августѣйшему падишаху извѣстно: что было поводомъ къ разстройству государства и причиною перемѣны къ худшему положенія сыновъ Адама, и какими бы способомъ можно было, съ Божьей помощью, поправить дѣло, такъ чтобы чрезъ это мало-по-малу открылись прекрасные слѣды монаршихъ попеченій ¹⁾. Первѣе всего да будетъ высочайше извѣстно, что залогъ благоустройства государства и общества и корень прочности основаній вѣры и державы есть твердое пребываніе въ законѣ мухаммедовомъ. Затѣмъ, да будетъ оказываемо высочайшее монаршее благоволеніе пекущимся о положеніи достоянія Божія, райи и подданныхъ, и занимающимся Его наукою учителямъ вѣры, а также ревностнымъ воинамъ, полагающимъ душу свою на полѣ священной брани съ невѣрными; пусть всякаго рода лучшимъ людямъ оказана будетъ честь, а негодаямъ — презрѣніе; пусть только правила прежнихъ султановъ — всели ихъ, Господи, въ горнемъ Раю! — служатъ практическимъ руководствомъ во всѣхъ предначертаніяхъ, и да соблагизволено будетъ поступать сообразно съ ихъ прекрасными нравами и похвальными обычаями, и тогда, можно надѣяться, высокое государство пріобрѣтетъ полный порядокъ и благоустройство; цвѣтники благоденствія и счастія попрежнему освѣжатся и

является какъ противоположное стоящему въ одинаковой съ нимъ формѣ прилагательному اشار. Слово же اخبار ни въ одномъ изъ своихъ значеній не можетъ служить эпитетомъ къ существительному علم.

¹⁾ Выраженіе اثار جميله въ переводѣ требуетъ дополненія, ибо слово اثار не всегда значить просто только «слѣды», «памятники», но и «слѣды, памятники извѣстной дѣятельности», а какой именно — это иногда определяется прибавленіемъ другаго слова, иногда же, какъ здѣсь, само собою вытекаетъ изъ контекста рѣчи.

зазеленѣть, и всё, какія бы не предпринимались, дѣла, милостію Всевышняго, будутъ достигать своего довершенія. А впрочемъ, воля и власть Его Присутствія, падишаха, покорителя міра».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«О великихъ османскихъ султанахъ—упокой ихъ, Всевышній Боже, въ горнемъ Рай!—, о визиряхъ, о членахъ Государственнаго Совѣта о собесѣдникахъ и приближенныхъ».

«Отъ свѣтлой и проницательной души Его Присутствія, августѣйшаго и державнѣйшаго падишаха, Убѣжища Вѣры, не должно быть сокрыто, что ваши великіе предки, начиная съ самыхъ древнихъ султановъ до султана Сулейманъ-хана Гази, лично присутствуя въ императорскомъ правосудномъ Диванѣ, прилежно заботились о положеніи государства, занимались дѣлами земли и народа, всѣхъ вообще подданныхъ своихъ, входили въ дѣла финансовыя и имущественныя, и вѣдали прочія, какъ крупныя такъ и маловажныя, вещи. Затѣмъ султанъ Сулейманъ-ханъ,—упокой его, Всевышній Господи, въ горнихъ селеніяхъ Рай! —, хотя самъ лично не засѣдалъ въ императорскомъ Диванѣ, зато когда онъ самолично отправлялся въ нѣкоторые изъ благословенныхъ военныхъ походовъ, предпринимавшихся во время его великаго царствованія, то на благополучномъ пути своемъ изволилъ вникать въ разныя дѣла и обстоятельства. Въ мирное же время, возсѣдая въ благохранимомъ Константинополѣ на коврѣ царскаго престола и опираясь на подушку благословеннаго падишахскаго трона, онъ изволилъ чрезъ рѣшетчатое окошко прислушиваться къ тому что дѣбалось въ Диванѣ, и такимъ образомъ получалъ свѣдѣнія объ извѣстныхъ дѣлахъ ¹⁾. А

¹⁾ Рѣчь идетъ о Сулейманѣ Великомъ, который выстроилъ для засѣданій Государствен. Совѣта особое съ куполомъ зданіе на второмъ дворѣ султанскаго сераля; тамъ-то и устроено было отдѣльное

А когда бывало его августѣйшая особа нѣсколько уставала отъ усиленныхъ занятій государственными дѣлами, то онъ отправлялся на охоту, отчасти представляющую собою родъ упражненій въ военныхъ дѣйствіяхъ ¹⁾, иногда въ охотничьи окрестности Эдиры, иногда—Янболы, гдѣ (доступъ къ нему былъ безпрепятственный:) ²⁾ всякій угнетенный прямо непосредственно подавалъ ему прошение, и этимъ способомъ онъ тоже узнавалъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Вслѣдствіе такого полнаго попеченія его о дѣлахъ государственныхъ, богохранимыя владѣнія исламскія въ счастливыя времена его были благоустроены и процвѣтали; сосудъ вселенной былъ преисполненъ спокойствія. А собесѣдники и приближенные до начала великаго царствованія Мурадъ-хана (III) представляли сонмъ опытныхъ, свѣдущихъ, смысленныхъ, благонамѣренныхъ, умныхъ людей. Подобно Шемсъ-пашѣ ³⁾, Джелаль-бею и Фер-

помѣщеніе для него, гдѣ онъ, сидя за занавѣшеннымъ окномъ, видимо присутствовалъ въ этихъ засѣданіяхъ. (M. D'Osson, *Tableau général de l'empire ottoman*. Paris, 1824. T. VII, стр. 212).

¹⁾ Изъ текста не видно, чтобы именно Сулейманъ такъ смотрѣлъ на охоту (*betrachtete dies als ein Art Kampf*): вѣрнѣе, что самъ авторъ придавалъ значеніе маневровъ этому пріятному препровожденію времени, столь любимому всѣми султанами, не исключая и того, для котораго предназначались доклады Кучибей. Султанъ Баязидъ I Йилдырымъ предавался этому удовольствію въ то время когда не было никакой нужды въ маневрахъ, такъ какъ это было наканунѣ дѣйствительной, и притомъ ужасной, Ангорской битвы съ Тамерланомъ, стоившей ему личной свободы. (Zinkeisen, *Geschichte des osmanischen Reiches*. Hamburg, 1840. I, 369).

²⁾ Поставленное въ скобкахъ имѣется только въ текстѣ Везика-эенди.

³⁾ Другіе османскіе писатели совершенно въ иномъ свѣтѣ представляютъ этого государственнаго мужа. Напр. Печеви говоритъ о немъ слѣдующее: «Что Шемсъ-паша заставилъ султана (Мурада III) принять вѣзтку, и тѣмъ, по его словамъ, отсталъ дому Османа за Кызыль-Ахмеды (одного изъ своихъ предковъ) — это всему свѣту извѣстно: нѣтъ ни одного кто бы не слышалъ этой исторіи». А потомъ подробно излагаетъ, ссылаясь на лѣтопись Аали-эенди, это скандальное происшествіе (Тарихи-Печеви, Рукоп. Импер. Публ. Библ. № 530, стр. 176 г.), составившее даже сюжетъ написанной какимъ-то неизвѣстнымъ османскимъ литераторомъ беллетристической повѣсти. (Hammer, *Gesch. d. Osm. Reiches*, IV, 3 и слѣд.). Подоб-

гадь-агъ¹⁾), довольствуясь щедрыми даяніями султанскими, никто изъ собесѣдниковъ и приближенныхъ, ни изъ внутренней ни изъ виѣшней придворной челяди, ни другой кто-либо никогда не

ный фактъ возбуждаетъ сильное сомнѣніе въ безкорыстіи Шемсъ-паши, и заставляетъ предположить существованіе какой-нибудь побочной, неизвѣстной намъ, причины, расположившей въ его пользу мнѣніе Кучибей: не было ли между ними какихъ-нибудь близкихъ отношеній? Продѣлку свою съ султаномъ Шемсъ-паша рассказывалъ, въ присутствіи Аали-эфенди, своему интенданту, который у Печени дважды совершенно ясно названъ قوجی کتدر — «интендантъ Кучи» (Loco citato): не одно ли и то же это лицо съ Кучибеемъ, въ ту пору только что начинавшимъ свое служебное поприще? Но неполное тожество имени قوجی съ قوجی بیک, а также и то что Гаммеръ называетъ интенданта «der alte Kiaia», читая, очевидно, въ другихъ памятникахъ قوجی کتدر вместо قوجه کتدر (Loco citato), удерживаетъ мое соображеніе насчетъ тожественности обоихъ лицъ на степени предположенія, не болѣе.

¹⁾ Г. Бернауеръ говоритъ въ примѣчаніи (Loco citato, 276), что «Ueber diesen Aga lässt sich nichts bestimmtes ermitteln», т. е. въ смыслѣ какихъ-либо свѣдѣній о жизни и дѣятельности этого лица. Между тѣмъ изъ лѣтописей видно, что въ 990 (1582) году Фергадъ-ага, бывши анычарскимъ агою, производилъ арестъ и обыскивалъ писмоводителя султанскаго казначейства, Окчи-Заде, по подозрѣнію его во взяточничествѣ. Въ 1003 (1595) году онъ, состоя въ должности бустанджи-баши (родъ шефа жандармовъ), секретно посланъ былъ султаншею-матерью въ Магнезію съ письмомъ къ старшему сыну султана Мурада III (1574—1595), въ которомъ она извѣщала его о смерти отца и приглашала съѣхать прибытіемъ въ столицу, для занятія султанскаго трона. За эту услугу, новый султанъ, Мухаммедъ III (1595—1603) пожаловалъ было Фергаду въ управленіе Египетъ; но тотъ просилъ оставить за нимъ пожизненно его прежнюю должность бустанджи-баши (Тарихи-Селяники, стр. 197 г; Тарихи-Наима, I, 57; Фезликѣ, I, стр. 17 в.). Въ слѣдующемъ году ему поручена была охрана морской стороны Стамбула, и онъ тамъ чинилъ расправу съ разными негодяями (Тарихи-Селяники, стр. 281 в.). Тогда же онъ прекращаетъ, полицейскими мѣрами, вражду между придворными садовниками и мясниками слѣшкомъ дорого продававшими тѣмъ мясо (Ibid., 283 г.). 5-го сентября 1004 года онъ производитъ арестъ Фергадъ-паши (Тарихи-Наима, I, 68). А потомъ, виѣсть съ Гезанферъ-агою, описываетъ имущество задушеннаго Фергада (Тарихи-Селяники, 242 в.). Ночью 8-го рамазана 1005 года, онъ, по высочайшему повелѣнію, распоря-

вмѣшивался въ государственныя дѣла. Тогдашній верховный визирь, покойный Мухаммедъ-паша, самостоятельно велъ визирскія дѣла. Имѣя свѣтлую голову, визирь этотъ пятнадцать лѣтъ безъ товарищей вѣровачъ правительственной фабрикѣ, и своимъ, украшавшимъ міръ, здравымъ разсудкомъ привелъ въ порядокъ вселенную ¹⁾. Верховное визирство—это высокая должность. Разъ назначенный на это мѣсто зря не долженъ быть удаляемъ, но въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ долженъ твердо сидѣть на первопресѣдательскомъ коврѣ, независимый въ своихъ распоряженіяхъ. А собесѣдники и приближенные (султанскіе) не смѣли въ высочайшемъ присутствіи вести разсужденія насчетъ визирей и улумовъ. Такъ было до времени Мухаммедъ-паши, когда Джелальбей, за нѣкоторыя непристойныя рѣчи направленные къ униженію упомянутаго визира, былъ лишенъ степени государева приближеннаго, выгнанъ изъ Константинополя и потомъ втеченіе всей своей жизни не являлся въ августѣйшемъ присутствіи ²⁾. У при-

жается въ Семибашенномъ замкѣ удушеніемъ Хасанъ-паши (Ibid., стр. 333 г.). Въ 1007 году Фергадъ-агъ поручена была расправа съ тѣми у кого окажется фальшивая монета (Ibid., 353 v.). Въ мѣсяцѣ реджебъ 1011 (1602) года онъ былъ сдѣланъ опять янычарскимъ агою на мѣсто Али-аги (Фезликъ, 71 г.) и усмиралъ взбунтовавшихся сипаговъ (Ревзетуль-Эбраръ, 493); а въ началѣ мѣсяца зулькаде былъ отрѣшенъ отъ этой должности (Тарихи-Наима, I, 168). Последнее извѣстіе о немъ относится къ слѣдующему 1012 году, а именно—что ему дано было управленіе Сирію (Фезликъ, 76 v.).

¹⁾ Здѣсь разумѣется извѣстный Мухаммедъ Соколли, умерщвленный въ 987 (1579) году, во время засѣданія въ своемъ Диванѣ, однимъ боснякомъ, издавна пользовавшимся милостями и благорасположеніемъ верховнаго визира. (Тарихи-Селяники, 63 г.). Про него Кара-Челеби-Заде говоритъ вотъ что: «Почтеннѣйшій зять его (султана Селима II), Мухаммедъ-паша, будучи верховнымъ визиремъ и блюстителемъ дѣлъ народа, съ любимцами его (султана), Шемсъ-пашей и Джелаль-беемъ, не оставили невзысканнымъ ни одного уголка въ долинѣ его добродушнаго сердца», т. е. пользовались полнѣйшимъ довѣріемъ и расположеніемъ его. (Ревзетуль-Эбраръ, 456).

²⁾ Въ петербургскомъ спискѣ это мѣсто читается такъ:
 عهد محمد پاشاده مشار الیہی تخفیفه متعلق بعض ناشایسته اقوال
 صدور اینمکله. رتبہ قرب شہریاریدن و مدینہ قسطنطنیہ دن

ближенныхъ прежнихъ султановъ и въ услуженіи у верховныхъ визирей, беглеръ-беевъ и санджакъ-беевъ, равно какъ и у стрелянныхъ, вообще были покупные рабы; а изъ тѣхъ кто получалъ содержаніе отъ падишаха, Убѣжища Міра, ни одинъ чело-вѣкъ не находился при дверяхъ ихъ. Равнымъ образомъ изъ податнаго сословія ¹⁾ и изъ торговцевъ не брали въ слуги съ жалованьемъ. Это вредно въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ платящіе подать райя и дѣти ихъ, какъ только поступаютъ на службу къ государственнымъ сановникамъ, перестаютъ платить подать, отчего происходитъ ущербъ какъ для государевой казны такъ и для владѣльцевъ большихъ и малыхъ помѣстій; во-вторыхъ, райя привыкаетъ сидѣть на конѣ и носить саблю, и это удовольствіе такъ засядетъ у него въ головѣ, что ужъ потомъ опять онъ низачто не будетъ райей, да и въ войско-то тоже негодится, и, въ концѣ концовъ, пристаеетъ къ шайкѣ негодяевъ и совер-

حتى عهد محمد پاشای ; اخراج اولنوب
مرفومده جلال بکدن خطاء حضور همايوننده پاشای مشار البهی تخفیفه
متعلق بعض ناشایسته
г. Бернауеръ, надо полагать, что его кодексъ сходенъ съ петербургскимъ, а именно: «Dies (невѣзливость приближенныхъ) dauerte bis zur Zeit des obgedachten Muhammed-Pasā, in Beziehung auf dessen Genauigkeit einige unziemliche Reden lautbar wurden. Er wurde aus der Nähe des Sultans entfernt...» и т. д. (Loc. cit., 276). Но тогда спрашивается: кто это Er, изгнанный изъ столицы? По тексту Везика и по переводу Пети де-ла-Кроа (Canon du sultan Suleiman II, стр. 169) это былъ Джелаль-бей, который у Пертюзье (La Vovnie, стр. 361) ошибочно названъ Gélal-Beu, что весьма возможно, потому что Кара-Челеби-Заде говоритъ: «Приближенный государя, мутефаррика, Джелаль-бей, гордый милостью султанскою, въ высочайшемъ присутствіи Селимъ-хана распустилъ узду языка своего относительно шейхуль-ислама Абу-с-Су'уда, и за это былъ сосланъ на мѣсто родины своей, въ мѣстечко Монастырь, гдѣ и умеръ». (Ревзетуль-Эббаръ, стр. 453).

¹⁾ И у Кучибея, и у другихъ, современныхъ ему, писателей, вездѣ, сколько я могъ замѣтить, слово رعایا употребляется для обозначенія простаго, преимущественно сельскаго, народа, безразлично по отношенію къ національности и религіи. У Хаджи-Кальвы въ одномъ мѣстѣ упоминаются شهرلو و رعایا — «горожане и поселяне». (Февлибъ, 182 г.).

шають разные злодѣйства и безпорядки. Большая часть кавалеріи и пѣхоты нѣкогда появившихся въ анатолийскомъ округѣ мерзавцевъ-мятежниковъ ¹⁾ состояла именно изъ этого сорта людей; а потому прежніе визіри тщательно избѣгали таковыхъ, а брали на службу покупныхъ рабовъ; они вовсе не пользовались и услугами падишахскихъ рабовъ, и не брали ихъ въ свою свиту. Въ былое время мѣста беевъ и беглербеевъ, и прочія императорскія должности давались опытнымъ, ревностнымъ, честнымъ и набожнымъ людямъ, и за это не брали съ нихъ ни одного бѣлячка, ни одной полушки ²⁾ взятковъ или подарковъ; и занимавшіе ихъ, пока мѣстъ не провинятся, не были отставляемы. Вособенности же санджакъ-бей и беглеръ-бей: они по 20—30 лѣтъ сидѣли на своихъ мѣстахъ. А потому у нихъ въ падишаховомъ государствѣ были превосходныя силы и средства, такъ-что когда случалась война, то всякій изъ нихъ отправлялся въ походъ съ 700—800, даже съ 1000 вполнѣ снаряженныхъ и обмундированныхъ, храб-

¹⁾ Выраженіе г. Бернауера «die unter dem Namen Gelâli's bekannt sind» (Loc. cit., 277) показываетъ, что онъ слову جلالی придаетъ значеніе собственнаго имени. А между тѣмъ въ источникахъ вездѣ оно принимается въ смыслъ просто мятежниковъ. У Хаджи-Кальфы (Фезликъ; стр. 113 г. и слѣд.) есть даже перечень мятежническихъ шаякъ — ذکرفرق جلالیان, предводителями которыхъ были: Кара-Языджи, служившій сперва при беглеръ-беяхъ сегданомъ («собачій сторожъ», какъ назывались егери и цѣлая рота янычаръ) и субаши (полицейскимъ); Хусейнъ-паша, бывшій беглеръ-бей; Дели-Хасанъ, братъ Кара-Языджи; Календеръ-Оглы, служившій чаушемъ (швейцаръ) у нѣсколькихъ беглеръ-беевъ, а потомъ бывшій кетхудою (агентъ, чиновникъ особыхъ порученій) и муселлемомъ (помощникъ изъ военныхъ ополченцевъ) у беевъ; Кара-Сандъ — цыганская скверная рожа, бывшій савсъ (узденъ, конюхъ); Тавиль, тоже изъ сегдановъ; Юсуфъ-паша, родомъ турокъ (не османлы), бывшій кетхудою у Овейсъ-паша-Оглы-Мухаммедъ-паши; Джанбуладъ-Оглы-Али-бей, самый отчаяннѣйшій изъ нихъ, который организовалъ въ 1016 году цѣлое войско, намерень янычаръ, раздѣленное на 162 отряда, съ которыми онъ разграбилъ шедшую изъ Халеба въ Константинополь казну; велѣлъ поминать свое имя на эктеніи и чеканилъ монету. (Фезликъ, 119 v.).

²⁾ У г. Бернауера явилось «kein Geld und kein Panzer» (Loc. cit.), очевидно вѣдѣніе того, что онъ читалъ جبه — «латы», «панцирь», вмѣсто حبه — «крупинка», «мелкая монета».

рыхъ собственныхъ латниковъ ¹⁾, и, ради счастливыхъ успѣховъ Его Величества ²⁾, столько оказывали мужества, столько подвиговъ. Когда враги появлялись-бывало въ какомъ-нибудь углу исламскихъ владѣній, то еще вѣсть о нихъ не успѣть-бывало дойти до Порога Счастія, какъ уже въ императорскій Диванъ доставляются злополучныя ихъ головы. Такъ, между прочимъ, когда въ великое царствованіе Султана Баязидъ-хана Святаго ³⁾ такой сильный врагъ какъ Хорватскій правитель съ многочисленнымъ оканнинымъ войскомъ вторгся въ предѣлы исламскихъ владѣній,—бывшій въ то время губернаторъ Билисскаго санджака въ Боснѣ, мужественный Якубъ-бей, немедленно явился и въ первой же стычкѣ разбилъ злосчастную армію его, покотивши его безтолковую голову по полю сраженія ⁴⁾. Такъ, когда въ слав-

• ¹⁾ Г. Бернауеръ говоритъ: «700—800 Janitscharen». Но если даже это на основаніи его списка, то всё-таки невѣрно: тимариоты должны были вести съ собой на войну конныхъ кирасировъ (*Tableau général*, VII, 275), называвшихся *جبهلو*; янычары же были сухопутное войско.

²⁾ *اوغور* *هايون شهریاریده*. Слово *اوغور* есть латинское *augurium* — «предсказаніе», «предзнаменованіе» (узнаваемое по полету птицъ); но въ турецкомъ оно означаетъ просто «счастіе», «успѣхъ», «благополучіе», такъ-что вышеозначенную фразу слѣдуетъ перевести: «для блага, успѣховъ Его Величества», а не «unter der grossherlichen Oberleitung», какъ толкуетъ г. Бернауеръ. Въ этомъ смыслѣ слово *اوغور* ставится и въ предлож. и въ дат. падежѣ, какъ показываютъ встрѣчающіеся впоследствии въ рисале Кучибей примѣры, а также аналогическія выраженія у другихъ писателей. Напр. *جان و باشلرین* *دین اوغورینه... دروغ ایتدیلر*. (Тарихи-Наима, I, 151).

³⁾ Здѣсь къ имени Баязидъ-хана II (1481 — 1512) присоединенъ эпитетъ *ولی* — «Святой», вѣроятно данный ему въ отличіе отъ Баязида I «Молніи», *بلدرم*. У Кара-Челеби-Заде онъ также называется *سلطان بایزید ولی*. (Ревзетуль-Эбраръ, стр. 388).

⁴⁾ Эта битва имѣла мѣсто въ 894 (1489) году. Замѣчаніемъ Кучибей, что безтолковая голова предводителя покатиалась по полю сраженія, разрѣшается сомнѣніе Кантиміра о томъ, былъ ли убитъ или взятъ живымъ въ плѣнъ командовавшій Кرواتскою арміею графъ Jean Torquatus. (*Histoire othomane*, II, 142, прим. *т.т.*).

ное время Абуль-Гази султана Сулейманъ-хана — милость ему и всепрощение! — въ области Добруджа ¹⁾ явился одинъ мятежникъ, извѣстный подъ именемъ Дже-Мустафы, который, набравши тысячъ 30—40 сводочъ, началъ грабить и разорять села и мѣстечки, — бывший въ то время санджакъ-бей, Ахмедъ-бей Большой, тотчасъ же прибылъ съ лвиносердыми храбрецами и расправился съ негодяими ²⁾. Такъ когда, во время султана Селимъ-хана второго (1512—1519) — благодать Божія на немъ! — флотъ богопротивныхъ грѣшниковъ, испанцевъ и венеціанъ, нанесъ поражение флоту императорскому ³⁾, и затѣмъ, въ количествѣ 90 гальотовъ

¹⁾ Такъ называется равнина, прилегающая къ р. Дунаю, въ со-
седствѣ съ Силистріей. Населеніе ея состояло изъ природныхъ ту-
роковъ, вышедшихъ изъ Малой Азіи. Кантимиръ, имѣвшій личныя сно-
шенія съ этимъ народцемъ, съ особеннымъ восторгомъ хвалить его
за необыкновенное гостепріимство и гуманность въ обращеніи не
только между собою, но и съ сосѣдями другаго языка и вѣры. (His-
toire othomane, II, 419, пр. 57). См. Описание Добруджи въ Журн.
Мин. Нар. Просв., октябрь 1872 г., стр. 315.

²⁾ Кара-Челеби-Заде говоритъ, что сынъ султана Сулеймана, Бая-
зидъ, жившій для охраны Румелии въ Адрианополѣ, командировалъ
Никопольскаго бей схватить самозванца, что и было исполнено (Рев-
зетуль-Эбраръ, 434); но имени этого бей не упоминаетъ. Въ петербург-
скомъ спискѣ онъ названъ *میرلواء بلندر*, у Вефика же *میرلواء بندر*.

Но конъектура, или же, просто, выдумка Вефика противорѣчитъ выше-
приведенному свидѣтельству Кара-Челеби-Заде; хотя г. Бендеры и
упоминается въ числѣ санджакъ румелійскихъ въ началѣ XVII в..
(Turcici imperii status, стр. 203). Я полагаю, что вѣрнѣе читать
بلندر, хотя затрудняюсь понять его, согласно съ Пети де-ла-Кроа
(Canon de sultan Suleiman II, 173), въ смыслѣ нравственнаго
превосходства Ахмедъ-бей, какъ «homme de valeur», потому что
прилагательное это въ подобныхъ случаяхъ непременно соединяется
съ какимъ-либо существительнымъ, напр. *باه*, одно-же оно скорѣе
указываетъ на физическую величину, какъ синонимъ турецкаго
اوزون — «долгій», «большерослый», — значитъ, весьма употреби-
тельный у турокъ: напр. одинъ поэтъ времени Баязида II, именно
Фирдеви, прозывался *اوزون*, въ отличіе отъ знаменитаго персид-
скаго поэта Фирдеви.

³⁾ Уничтоженіе почти всего турецкаго флота случилось въ 979—
1571 г. въ битвѣ при Лепанто. (Ревзетуль-Эбраръ, 452).

и галеръ, блокировалъ крѣпость Ая-Мавру, то храбрый вояка Янинскій бей, Гази-Турханъ-Оглы-Мустафа-бей, явился и разсѣялъ флотъ невѣрныхъ; большую часть экипажа его сдѣлалъ жертвою меча и освободилъ крѣпость отъ невѣрныхъ. Такъ въ царствованіе покойнаго султана Мурадъ-хана—благость Милосердаго на немъ!—когда Бугскіе казаки ¹⁾, вознамерившись опустошить нѣкоторыя мѣстности, подошли къ Аккерману, то упомянутый Мустафа-бей пошелъ и всѣхъ ихъ сдѣлалъ добычею остраго меча ²⁾. Безчисленно множество подобныхъ подвиговъ мужества и храбрости, оказанныхъ эмирами, изъ которыхъ каждый въ свое время, одержавши не одну побѣду, насчетъ богатой добычи строилъ мечети и училища ³⁾. Могущество ислама и блескъ религіи возрастали тогда съ каждымъ днемъ. Въ славныя времена прежнихъ султановъ капуджи-баши (капитаны гусаровъ внутренней стражи) и мутефаррика (гоффурыеры) Высокой Порты были люди достойные того чтобъ имъ ввѣрять санджаки и беглербейства, преданные османской династіи, видѣвшіе жизнь; люди со смысломъ и опытные. А секретари высокаго Дивана были все люди владѣвшіе перомъ и счетами, знавшіе законъ, и способные вести переписку съ иностранными государями. А султанскіе регистраторы и финансъ-секретари были все народъ свѣдущій, честный, умный и добросовѣстный. Чауши (жандармы) Высочайшаго Двора были люди опытные и дѣльные, годные для посольства къ иностраннымъ го-

¹⁾ Кучибей тутъ каламбурить, называя казаковъ قزاق عاق, что значитъ «казаки мутноводскіе», т. е. мятежные, бунтовщики, вмѣсто того чтобы сказать قزاق اق صو—«казаки Бѣловодскіе», т. е. Бугскіе. Слова عاق и اق оба произносятся одинаково; но первое есть арабское прилагательное «смутный», «мятежный», второе-же есть чисто турецкое и значитъ «бѣлый». У Веэика-эенди они названы просто قزاق عاق, т. е. «мятежные казаки».

²⁾ Это грабительское нашествіе казаковъ случилось въ 1584 г., когда они опустошили Молдавію до г. Бендеръ. (Hammer, Gesch. d. Osm. R., IV, 152).

³⁾ «И монастыри», добавляется у Веэика-эенди.

сударямъ ¹⁾). Содержаніе капуджи-баши, называемое *на овесъ* ²⁾),

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ есть пропускъ, который имѣется въ другихъ кодексахъ. Въ изданіи Везика читаемъ: «Размѣръ каждой корпораціи былъ опредѣленный: она ни увеличивалась, ни уменьшалась. До 1005 года въ названной корпораціи не было *идикли*: всѣ обязаны были отправляться въ императорскій походъ». Г. Бернауеръ переводитъ это мѣсто такъ: «Bis zum Jahre 1005 d. H. (1596—7) hatte in den genannten Classen Niemand im Kriege einen *Ersatzmann*, alle zogen selbst mit zur Felde». (Loc. cit., 278). Мурад-Д'Оссонъ толкуетъ, что *идикли* значить «получающій жалованье» (*salarié*), и что такъ назывались первые два разряда канцеляристовъ императорскаго Дивана, которые должны были слѣдовать за войсками только тогда когда ими предводительствовалъ самъ султанъ или верховный визирь. (Tableau général., VII, 161). А что въ 1597 г. (который падаетъ именно на 1005 годъ Мгм. эры) установлены *идикли-за'имы*, раздѣлявшіеся на два корпуса: *идикли-мутафаррика* и *идикли-чаушей*, которые отправлялись съ войсками только въ свитѣ султана или верховнаго визиря: иначе, постоянно пребывали на службѣ въ столицѣ. (Ibid., 377). Въ *Насихатнамѣ* говорится, что нѣкоторые мутафаррика и чауши владѣльцы большихъ помѣстій, и называются *идикли* (Zeitschr. d. D. M. G. B. XVIII, 711); что, нѣкоторые чауши получаютъ жалованье, другіе, напротивъ, владѣютъ большими помѣстьями, и *потому* называются *идикли*. (Ibid., 712). Отсюда яствуетъ, что добавленіе «въ названной корпораціи не было *идикли*» — относится въ текстѣ Кучибя только къ чаушамъ, какъ оно и есть у г. Бернауера, а не къ канцеляристамъ Дивана, какъ въ кодексѣ Везика. Слѣдовательно, какъ г. Пети де-ла-Кроа не вѣрно понимаетъ *идикли* въ смыслѣ «exempt d'aller à la guerre» (Loc. cit., стр. 175), такъ и г. Бернауеръ, изъ вышеприведенныхъ словъ котораго выходитъ, что имѣвшіе званіе *идикли* могли кѣмъ-либо другимъ замѣщать себя на войнѣ (einen Ersatzmann haben), потому что владѣльцы большихъ и малыхъ помѣстій должны были не *посылать*, а сами *вести* на войну соответственное получаемому ими съ своихъ помѣстій доходу число латниковъ; а если хотѣли, то могли, по фирману султана Абдул-Хамида, изданному въ 1776 году, взаменъ этого, вносить въ казну плату по 50 піастровъ за каждаго латника, подъ названіемъ *беделъ-джебелу*. (Tableau gén., VII, 377). Замѣна допускалась, по закону, только, какъ исключеніе, для малолѣтнихъ наслѣдниковъ умершихъ владѣльцевъ помѣстій. (Дополнит. статьи въ печатн. изд. рисале Кучибя, стр. 28). Вообще же уклоненіе отъ личнаго исполненія воинской повинности считалось, какъ увидимъ далѣе, противозаконнымъ.

²⁾ *اربه لق* «на овесъ» (для лошадей разумѣется), «оуражное». (Правильнѣе было бы сказать «на ячмень», такъ какъ въ Турціи ло-

по реестру опредѣлялось въ 19,999 бѣлячковъ; больше ни одной копейки. А подъ именемъ (*на башмаки*,) ¹⁾ большихъ и малыхъ помѣстій *арпалыки* никому не давались. Когда же нужно было *на башмаки*, то съ собственныхъ императорскихъ удѣловъ ас-

шадей кормить ячменемъ). Такъ назывался санджакъ, т. е. центральный пунктъ съ прилежащими къ нему окрестностями, назначавшійся служащими, только высшаго ранга, лицамъ, въ родѣ нашихъ *столовыхъ, развѣдывающихъ, подземныхъ*, и т. п. «Такъ какъ округъ Печевы, говоритъ Наима, былъ арпалыкомъ Мухаммедъ-наши, беглеръ-бея въ Яныкъ, то провіантъ (для крѣпости этой) большею частію шелъ на телегахъ изъ Печевы; ежегодно 2—3000 телегъ». (Тарихи-Наима, I, 98). «Бывшій арпалыкъ Амиръ-Хакима, Галатскій судебный округъ, снова назначенъ Мухаммеду-эфенди», сказано у Хаджи-Кальфы. (Фезлика, 242 в.). Слѣдовательно доходы съ арпалыковъ шли на покрытие расходовъ, сопряженныхъ съ отправленіемъ служебныхъ обязанностей: такъ, напр., изъ арпалыка Печевы шелъ провіантъ для цѣлаго гарнизона крѣпости Яныка. Проживавшіе при султанскомъ дворѣ крымскіе царевичи тоже получали санджакъ *на овесъ*. (Фезлика, 185 в.).

¹⁾ *باشمق* буквально значить «башмачное», «на башмаки». Если перевести на нашъ языкъ, то это будетъ равнозначуще нашему выраженію *на булаки*, или, выражаясь менѣе деликатно, *на тряпки*. Такъ назывались удѣлы, приносящіе доходу менѣ чѣмъ 20,000 бѣлячковъ и назначавшіеся на содержаніе султанскимъ метресамъ. Джевдетъ-эфенди говоритъ: «Когда нужно было назначать содержаніе хассеки-кадивиямъ (какъ назывались метресы, родившія отъ султана девочку) подъ именемъ башмакыка, то съ собственныхъ Его Величества селъ ассигновалась та сумма (19,999) денегъ, которая, такимъ образомъ, не доходила до 20,000 бѣлячковъ». (Тарихи-Джевдетъ, V, 192). Поэтому выраженіе: «подъ именемъ башмакыковъ не давались арпалыки» заключаетъ въ себѣ несообразность, такъ какъ и тѣ и другіе назначались равно изъ собственныхъ султанскихъ удѣловъ. Въ *башмц* *و تمار و زعامت ناميله كمنه به ار به لق و بر لزدي* и у Весика-эфенди, и у г. Вернауера нѣтъ слова *باشمق*. По смыслу же слѣдующей затѣмъ рѣчи, оно должно тутъ находиться, но только не въ началѣ, а рядомъ съ *ار به لق*, т. е. *башмаки* должна тогда принять слѣдующій оборотъ: «подъ именемъ зѣаметовъ и тимаровъ никому ни на башмаки ни на овесъ не давалось». Удерживая въ переводѣ смыслъ текста, я однакоже поставилъ въ скобкахъ выраженіе «*на башмаки*», какъ возбуждающее нѣкоторое сомнѣніе.

сигновалось до 19,999 бѣлячковъ, не болѣе. Старинныя большія и малыя помѣстья не обращались ни для кого ни въ *удюлы* ¹⁾, ни въ пожалованія *на башмаки*. Нѣмые ²⁾, карлики ³⁾ и прочіе комнатные государевы люди, кто бы то ни было, кромѣ жалованья, большихъ и малыхъ помѣстій не касались. Въ императорскій гаремъ поступали набиравшіеся въ Арнаутѣ (Албаніи) и Босніѣ, а также присылавшіеся въ подарокъ пограничными бейями и беглер-бейями мальчуганы ⁴⁾, равно какъ и принадлежавшіе умершимъ визириямъ рабы, изъ коихъ каждый, прослуживши нѣкоторое вре-

¹⁾ خاص — назывались частныя имѣнія султана, доходы съ которыхъ шли на него самого, на мать его, дочерей, метресь, даже визирей, пашей и областныхъ правителей. (Tableau gén., VII, 282). «Le Chas, говоритъ М. де-Жиранденъ въ своемъ мемуарѣ 1687 г., est proprement le domaine de la couronne ou plutôt le préciput réservé au prince, lors des conquêtes, et dont on fait trois portions: l'une pour lui, l'autre pour l'Eglise et la troisième pour les gens d'épée». (Цит. Беленомъ въ Journ. As., Mars-avril 1870, стр. 229). Какимъ образомъ въ переводѣ г. Бернауера это мѣсто явилось въ слѣдующемъ видѣ: «Die Besitzer von Gross- und Kleinlehen genossen vom Grossherrn keinen besondern Bezug noch ein Pantoffelgeld» (Loc. cit., 278)—не знаю; должно быть въ его списокъ тутъ есть вариантъ, которому онъ отдалъ почему-то предпочтеніе, если только ему былъ сообщенъ вариантъ спб. списка.

²⁾ دلسز — «безъ языка», «нѣмой». Такъ назывались придворные пажи, сторожившіе дверь султанскаго кабинета во время его секретной бесѣды съ верховнымъ визиремъ или муѣти, потому что объяснялись между собою, равно какъ и получали приказанія султана, не словами, а жестами. (Tableau gén., VII, 45).

³⁾ جوہ لر — «карлы». Это были просто шуты, которые въ прежнее время водились при всѣхъ дворахъ. Трое или четверо изъ нихъ, полные звнухи, служили для посылокъ между султаномъ и его метрессами. (Tableau gén., VII, 45). Я думаю, что русское слово *чучело* произошло именно изъ этого турецко-татарскаго جوہ.

⁴⁾ Селяники, напр., говоритъ, что «въ ребі'уль-эввелъ мѣсяцѣ (1004=1576 г.) хакимъ Гурджистана прислалъ своего чиновника особыхъ порученій поздравить съ вѣстествомъ на престолѣ (султана Мухаммеда III) и съ нимъ 17 пери-подобныхъ мальчиковъ и отличныхъ царскихъ соколовъ въ подарокъ». (Тарихи-Селяники, 245 г.).

ня въ императорскомъ гаремѣ, становился какъ переплавленное серебро: такъ-что по выходѣ изъ него (гарема) они не позволяли себѣ ни одного поступка выходящаго изъ предѣловъ приличія и благовоспитанности, и жертвовали своею драгоценною жизнью высокому государству, въ которомъ они возрасли и воспитались, для блага Его Величества ¹⁾. Таково-то было положеніе дѣлъ въ славныя времена прежнихъ султановъ. А впрочемъ, повелѣвать есть воля Его Присутствія, августѣйшаго и могущественнѣйшаго падишаха, Убѣжища Міра».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«О многочисленности въ прежнее время владѣльцовъ большихъ и малыхъ помѣстій; объ ихъ силахъ и средствахъ; о достоинствѣ службы ихъ государю; о степени добпорядочности и подчиненіи ихъ дисциплинѣ».

«Отъ свѣтлаго зеркала души Его Присутствія, августѣйшаго, могущественнѣйшаго и всепобѣждающаго падишаха не должно быть сокрыто: то что прежніе султаны—возвыси. Господи, степень ихъ въ обители спасенія!—столько предпринимали славныхъ походовъ и столько одерживали блестящихъ побѣдъ, что въ тѣ счастливыя времена острая сабля ихъ простиралась на Персію ²⁾).

¹⁾ Фразу *نشو و نما بولدقلری* г. Бернауеръ переводить: «Hatten sie (мальчики, Burschen) das reife Alter erreicht», тогда какъ она есть опредѣленіе къ слѣдующему слову *دولت*, согласованное съ нимъ по извѣстному правилу синтаксиса. (Grammaire raisonnée, стр. 104, №№ 477—479).

²⁾ Вмѣсто находящагося въ петербургскомъ спискѣ *توت* въ кодексѣ Вееика стоитъ *ایران و توران*; равно какъ и у г. Бернауера: «Iran, Tûran». Словомъ *توت* называется плодъ шелковичнаго дерева, и, слѣдовательно, здѣсь оно не имѣетъ смысла. Должно быть это есть ошибочно написанное *تات*, которое встрѣчается въ восьмой главѣ рисале Кучибей, при подобномъ же перечнѣ національностей, и зна-

Туркменію, Татарію, Индію, Іеменъ и на владѣнія прахоподобныхъ гяуровъ ¹⁾; и никто изъ враговъ вѣры и государства не въ состояніи былъ противиться имъ; обитаемая четверть (земли) наполнялась мухаммеданскими кликами ²⁾, и падишахи всѣхъ странъ покорялись и повиновались имъ безпрекословно, говори: слушаю-сь!;—что краса міра, громкая слава ихъ, благодаря завоеванію столькихъ крѣпостей и странъ, надѣлала такого шума въ свѣтѣ,—все это было съ помощью владѣльцевъ большихъ и малыхъ помѣстій ³⁾: они знали только брали съ разныхъ вла-

чить, по г. Будагову (Словарь, I, стр. 329), «подданные не живущіе въ городахъ, вельможеская челядь, сбродъ, сволочь». По Ричардсону **نات** есть «Name of an Arabian tribe». (См. въ его персидск. словарѣ это слово). Г. Бернауеръ толкуетъ его «Perseer» (Loc. cit., 302); у Пети де-ла-Кроа также сказано: «jusques en Perse (Loc. cit., 178). Такъ какъ буквы **ت** и **ط** часто смѣшиваются въ турецкомъ правописаніи, то, всего вѣроятнѣе, въ обоихъ случаяхъ у Кучибей подъ словомъ **نات**, или, ошибочно, **نوت**, надо разумѣть Ричардсоново «**طات** Persians, so called by a tribe who inhabit between Hamadan and Kurdistan» (См. это слово). Впрочемъ, нужно замѣтить, Кучибей не соблюдаетъ строгой логики въ раздѣленіи понятій по различнымъ категоріямъ, а потому **نات** здѣсь можетъ значить просто *сбродъ*, а не собственное имя какаго-либо народа.

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ въ кодексѣ Вефика и въ вѣнскомъ списокѣ есть слѣдующее добавленіе: **طافت پنجہ شیران نبود روبهرا** (مصرع) **مضبوطی اورزہ** т. е. «По смыслу полустигія: Невтерпѣжъ лисъ львиные когти», которое г. Бернауеръ перевелъ: «Am Ende hat der Fuchs doch nicht die Klaue des Löwen». Неправильность послѣдняго перевода очевидна.

²⁾ Въ переводѣ г. Бернауера: «mit dem muhammedanischen Glauben». Но слово **کلبانک** значитъ просто крикъ **الله الله** или **های** **هو**, съ которыми обыкновенно мусульмане бросаются въ битву. Слѣдовательно, этимъ выраженіемъ Кучибей хотѣлъ дать понять, что вселенная оглашалась военными криками турокъ, бросавшихся въ битвы; что прежніе султаны постоянно вели войны.

³⁾ Въ текстѣ **زعما و ارباب تیمار**. Такъ назывались владѣльцы населенныхъ участковъ, которыми ихъ надѣляли султаны изъ покоренныхъ земель, съ условіемъ—при первомъ востребованіи являться въ полномъ вооруженіи и на конѣ, и еще, кромѣ того, вести съ собою из-

дѣльцевъ дань и контрибуцію. Въ самомъ дѣлѣ, это была жертвовавшая головою и жизнью для блага вѣры и государства, отборная, храбрая, превосходная, покорная и послушная дружина.

вѣстное число конныхъ кирасировъ, которое опредѣлялось размѣромъ дохода, получаемого съ участка, считая по одному латнику на каждые 3,000 (у г. Будагова, ошибочно, на каждые 300) бѣлячковыхъ дохода, что технически называлось **قليج** «сабля». Участокъ, доходъ съ котораго хоть на одинъ бѣлячокъ не достигалъ 20,000, назывался *тимаръ*; въ 20,000 же бѣлячковыхъ дохода и болѣе назывался уже *зиаметъ*. (Tableau gén., VII, 373). По словопроизводству, **زعامة** есть арабское слово, которое, между прочимъ, значить «принадлежащая главнокомандующему часть военной добычи». Другое же, **تيمار**, въ латинскомъ сборникѣ (in-32°, 1630 года) подъ заглавіемъ *Turcici imperii status seu discursus varii de rebus Turcarum* объясняется такъ: «*Timarum* proprie dici potest pensio quaedam vel assignatio certorum reddituum, qui ex fundis percipiuntur bello acquisitis qui certa proportionem distribuuntur militibus... Graecis *Timarion*, beneficium, *Timarati* et *Timarioti* personae, dicitur, etymologia à voce *τιμη* ducta, quae honorem significat» (стр. 226 и 227). Несмотря на звуковое сходство, и даже нѣкоторую аналогію въ значеніи, словъ **Τιμη** и **Τιμαριον**, сущность послѣдняго вовсе не греческій. Въ словаряхъ классическаго греческаго языка (напр. въ словарѣ г. Коссовича) нѣтъ слова **Τιμαριον**; а въ *Tesaurus Graecae linguae* (T. VII, стр. 2187) прямо говорится, что «**Τιμαριον**—honoriarium встрѣчается у Дамаскина Студита и у другихъ *грековарварскихъ* писателей», и слѣдовательно отрицается его чисто-греческое происхождение. Вѣрнѣе, оно произошло изъ персидскаго **تیمار** «уходъ», «попеченіе», «стража», «охрана» (См. у Ричардсона), хотя Бьянки признаетъ его за самостоятельное турецкое (См. его словарь). Учрежденіе этого рода милиціи — заимовъ и тимариотовъ—приписывается самому основателю турецкой имперіи, султану Осману I. Въ рукописномъ сборникѣ разныхъ законоположеній, называемомъ **قانون نامه جدید**, принадлежащемъ Университетской бібліотекѣ, № 27, есть такая статья: «Законъ османскій. Самый первый распределитель должностей есть Османъ-Гази. Въ 701 году санджакъ Оны, или Кара-Хысаръ, съ землями (къ нему принадлежащими), онъ отдалъ сыну своему Урхану; Эски-Шегръ отдалъ Гюндузъ-Алпу; Аинъ-Оны Алгуръ-Алпу, а Оине-Гюли Доргуръ-Алпу» (стр. 95 в.). Эта отрасль прежнихъ военныхъ учрежденій Турціи подробно изслѣдована въ специальной статьѣ г. Белена: *Du régime des fiefs militaires dans l'islamisme, et principalement en Turquie* (Journ. As., Mars-avril 1870 г.), главнымъ источникомъ для которой служило уже упомянутое выше рисале Айни-Али.

А когда они были такъ хороши, то, въ случаѣ войнъ и сраженій, вовсе не было надобности въ придворномъ войскѣ ¹⁾. Это была преданная династїи, добропорядочная и подчинявшаяся дисциплинѣ дружина. Между ними не было ни одного посторонняго: всѣ были сыны своего очага, преемственно, отъ отца къ сыну, пользовавшіеся царскимъ иждивеніемъ. А чтобы въ число владѣльцевъ большихъ и малыхъ помѣстій какъ-нибудь не попали чужіе, то вначалѣ ни одному изъ этихъ послѣднихъ не давали грамоты на малое помѣстье. Да и сыновьямъ-то старинныхъ сипаговъ, а также урожденнымъ янычарамъ ²⁾, въ то время какъ выдается

¹⁾ قیو قوللری буквально значить «придверные слуги». Въ источникахъ словомъ قیو «дверь», обозначается всякое отдѣльное, имѣющее определенный личный составъ, штатъ, оціиальное, преимущественно придворное, учрежденіе, а также вооруженная свита вельможъ, пашей и т. п. (Исторія Решиды, II, 109. Цит. Беленомъ въ Journ. As., Août-sept. 1864, стр. 245, прим. 2). قیو соответствуетъ и нашему слову «Дворъ», отчего и Турція обыкновенно у европейцевъ называется *Портою*. Словомъ же قول «рабъ» называется вообще всякій служащій султану и получающій изъ казны жалованье. «Serviteur du prince, désigne en Turquie, quiconque reçoit de l'épargne des gages et des appointements, et quiconque a quelque charge dépendante de la cour», говоритъ Рикю. (Цитов. Беленомъ въ Journ. As., Août-sept. 1864, стр. 244). Въ частности такъ называлось янычарское войско, имѣвшее безконечное множество подраздѣленій. Итакъ, слѣдовательно, قیو قوللی значить «войско получавшее жалованье чистыми денежками», впротивоположность сипагамъ, питавшимся насчетъ доходовъ съ жалованныхъ вотчинъ.

²⁾ Тутъ есть, очевидно, небольшой пропускъ, восполненный мною изъ кодекса Вефика, а именно: قدیمی سپاهی زاده و قول اوغلی اولنله استحقاق امری و برلیدیکی زمان صحیح سپاهی زاده و قول اوغلی قول اولدیغینه и т. д. По переводу же Бернауера, трудно догадаться, что бы такое могло быть у него въ текстѣ: приведенная же здѣсь выдержка никакъ не можетъ значить «die Sipahizade wurden nach Verdienst bedacht». Слово امر здѣсь означаетъ документъ въ родѣ تذکره «удостовереніе», или برات «дипломъ», въ какомъ смыслѣ оно встрѣчается и у другихъ писателей, напр. у Навои (I, 164, 380). Фактъ же присутствія свидѣтелей при записи сипагъ-оглавоу упоминается однажды у Хаджи Кальфы. Подъ 1048 г. онъ говоритъ: «Омаръ-

полномочная грамота, пока два заима и десятеро тимариотовъ не засвидѣтельствуютъ того, что одни есть дѣйствительно потомственные сипаги, а другіе—дѣти янычарскіе. не выдавалась (эта грамота). Если-же ихъ свидѣтельство было противоположнаго свойства, и тѣ не были урожденные янычары, то всѣхъ ихъ большія и малыя помѣстья, въ урокъ цѣлому свѣту, отдавались другимъ. А желать получить грамоту на тимаръ горожанамъ и поселянамъ равнялось нечестію: давать ее этого рода людямъ было немыслимо ¹⁾. А если кто-либо изъ владѣльцевъ малыхъ помѣстій покажетъ-бывало ловкость свою и во время императорскаго похода представить голову и языка ²⁾, то ему жалуемо было на каждые десять бѣлячковъ одинъ бѣлячокъ прибавки. Если-же кто изъ владѣльцевъ малыхъ помѣстій, во время императорскаго похода, выказавши необыкновенное мужество и храбрость, представлялъ 10 — 15 головъ и языковъ, то, будучи чрезъ это достоинъ большаго помѣстья, дѣлался владѣльцемъ большаго помѣстья въ государствѣ падишахскомъ. А чтобы помѣстья и прибавка давались кому-либо отъ Порога — это было немыслимо ³⁾.

паша, ревизуя приходы и расходы императорской казны, когда сыновья челяди шести полковъ представили ему по два свидѣтеля, возобновилъ похѣренное содержаніе ихъ въ 1000 (бѣлячковъ), съ условіемъ итти въ походъ на Критъ». (Фезликъ, 296 г.).

¹⁾ Тутъ опять пропущено одно мѣсто, имѣющееся въ кодексѣ Вефика и у г. Бернауера, впрочемъ безъ ущерба для полноты смысла рѣчи, а именно: «Тѣмъ изъ тимариотовъ которые не выказали своей способности и во время императорскаго похода не представили ни головы ни языка не было прибавки».

²⁾ Такъ назывались, какъ и у насъ встарину, военнопленные, преимущественно тѣ которыхъ хватали рекогносцировщики, и которыхъ, по отобраніи отъ нихъ нужныхъ свѣдѣній, иногда убивали. Такъ напр. у Хаджи-Кальфы говорится: جنکده سرخسری بوزمش ديللری (Фезликъ, 242 v.); у Селяники: طونيلن دللری (Тарихи-Селяники, 273 г.); откуда видно, что «языкъ» значитъ «взятый живымъ непріятель».

³⁾ У Вефика сказано только объ одной прибавкѣ — ترقى. Но, какъ видно далѣе, тутъ Кучибей говоритъ лишь противъ центрального распоряженія участіями, правильное распределеніе которыхъ, по его мнѣ-

У государственныхъ сановниковъ и въ войскѣхъ ни серебряной сбруи, ни убранствъ, ни украшеній не было. Всякій изъ нихъ зарился только на хорошаго коня да на острую саблю, на панцырь да на кольчугу, на копье да на лукъ. А тимариоты жили каждый въ томъ санджакѣ, гдѣ было его большое или малое помѣстье, находясь подъ своими знаменами; жить въ другихъ мѣстахъ запрещено было. Причина такого положенія слѣдующая: если снаги каждаго санджака постоянно тамъ и находятся, то едва лишь непріятель покажется въ какомъ-нибудь углу, какъ въ три дня всѣ они налицо и готовы, такъ-что куда бы ни понадобилось отправиться, они живо спѣшатъ туда и отбываютъ свою, заслуживающую благодарность, службу. А вакантныя въ разныхъ мѣстахъ большія и малыя помѣстья, съ доходомъ въ 1000—100,000 (бѣлячковыхъ), беглеръ-бей каждой области назначалъ достойнѣйшимъ. Это заносилось въ краткій реестръ, и по его квитанціи изъ Порога выдавалась уже владѣнная грамота ¹⁾. Отъ Порога же никому не давалось содержанія. Вслѣдствіе этого въ исламскихъ владѣніяхъ не было ни одного спорнаго большаго и малаго помѣстья; посторонніе и недостойные сюда не вмѣшивались. Если-же беглеръ-бей какимъ-нибудь образомъ назначали хоть даже малое помѣстье недостойному, тогда имѣющіе на то право шли къ Порогу и поднимали вопль и жалобы, вслѣдствіе чего беглеръ-бей получалъ строгій выговоръ отъ падишаха и отставку. Поэтому всѣ владѣльцы большихъ и малыхъ помѣстій были люди воинственные и храбрые, которые жертвовали жизнью и головою за вѣру; когда встрѣчались съ врагами вѣры и государства, то помощь Всевышняго Бога была на ихъ сторонѣ, и они оставались полными побѣдителями. Изъ числа случившихся въ ту пору высочайшихъ походовъ одинъ (замѣчательный) былъ въ царствованіе покойнаго, блаженной памяти, султана Сулейманъ-хана — милость и всепрощеніе ему! — : такой негодный злодѣй

нію, можетъ быть сдѣлано только посредствомъ мѣстнаго начальства. Вотъ тутъ-то особенно наглядна сбивчивость понятій, скученность мыслей и нелогичность въ изложеніи ихъ, о чемъ я упоминалъ выше, говоря о характерѣ изложенія османскихъ рисале вообще.

¹⁾ Процедура эта описана у Гампера въ его Staatsverfassung und Staatsverwaltung, II, 275.

какъ нѣмецкій король съ необозримымъ, подобно морю, войскомъ нахлынулъ на ключъ побѣдоносныхъ границъ, крѣпость Будинъ. Покойный Суфи-Мухаммедъ-паша, беглеръ-бей Румелійскій, находясь въ то время въ Софіѣ ¹⁾, какъ только узналъ объ этомъ, тотчасъ же отправился скорымъ шагомъ туда; ударился въ самое сердце непріятеля; въ одинъ моментъ болѣе 100,000 нечестиваго войска сдѣлалъ жертвою блестящей сабли; завладѣлъ пушками, ружьями и обозомъ, и мусульманскіе воины набрали такое безчисленное множество добычи, что всякій изъ нихъ учетверилъ свои силы и средства. Такъ, по крайней мѣрѣ, объ этомъ написано въ лѣтописяхъ ²⁾. Равнымъ образомъ, когда область Босна, сдѣлавшись санджакомъ, присоединена была къ румелійскому округу, то въ немъ по краткому реестру было 12,000 сабель, что, съ слѣдующими по закону латниками, составляло 40,000 превосходнаго, отборнаго и храбраго войска. А такъ какъ силы и средства нѣкоторыхъ очажниковъ, людей ревностныхъ, именитыхъ и почтенныхъ, въ падишаховомъ государствѣ, были какъ нельзя болѣе превосходны, то иной изъ нихъ ради Аллаха велъ съ собою на войну 30, другой 40, а кто и 50 человекъ вооруженныхъ латниковъ, лишнихъ противъ положеннаго по закону, и такимъ образомъ румелійское войско состояло изъ 70—80,000 человекъ храбрыхъ, опрокидывавшихъ льва и сокрушавшихъ врага бойцовъ, которые, куда бы ни пошли, всюду чинили побѣды и завоеванія. По краткому же реестру, въ анатольскомъ округѣ было 7000 сабель, что, со включеніемъ слѣдующихъ по закону латниковъ, составляло 17,000 отличнаго, стройнаго, отборнаго войска. А такъ какъ изъ нихъ нѣкоторые очажники шли на войну съ большимъ противъ положеннаго закономъ числомъ латниковъ, то все вслож-

¹⁾ Въ 30-ти часахъ пути отъ Филиппополя, по дорогѣ въ Бѣлградъ. (Bianchi, Le premier annuaire. Paris, 1848, стр. 72).

²⁾ Эта осада Будина происходила въ 947 (1540) году. Кантимиръ говоритъ, что избіеніе совершено при внезапномъ нападеніи на безоружнаго, отступавшаго непріятельскаго войска, которое готовилось къ переправѣ чрезъ Дунай. (Hist. othom., II, 324). По словамъ Кара-Челеби-Заде, «болѣе 40,000 проклятыхъ безбожниковъ пошли въ преисподнюю ада». (Ревзетуль-Эбраръ, 428). Слѣдовательно Кучибей преувеличилъ дѣло.

ности анатолийское войско простиралось за 30,000 человекъ. Въ діарбекирской провинціи съ подвѣдомственнымъ ей Курдистаномъ также было больше 30,000 войска ¹⁾; въ арзерумской провинціи было 20,000 войска. Прочія провинціи были точно также устроены. Словомъ сказать, для того чтобы дать отпоръ иѣмцамъ королю, волею Всевышняго, достаточно было одного только румелійскаго войска, между тѣмъ какъ съ шахомъ персидскимъ управлялись войска діарбекирской, ванской и арзерумской провинцій: въ прочихъ войскахъ не было надобности. Въ числѣ войскъ румелійскихъ областей было 20,000 реестровыхъ иррегулярныхъ всадниковъ ²⁾, 40,000 бродниковъ ³⁾ и мусселемовъ ⁴⁾; да въ

¹⁾ Въ кодексѣ Везика значится болѣе 20,000; 30,000 же насчитывается въ провинціи Ванъ, къ вѣдомству которой отнесенъ и Діарбекиръ; но она вовсе не упомянута въ этомъ мѣстѣ въ петербургскомъ спискѣ.

²⁾ Назаніе اقینچی произошло отъ اقین «набѣгъ». Слѣдовательно акынджи были просто партизаны, мародеры, не получавшіе ни жалованья, ни земельныхъ участковъ, а жившіе насчетъ добычи, отнятой у непріятели. «Qui Acanzii vocantur, ut plurimum agricolae sunt, sed falluntur qui eos Haiduchis Hungarorum comparant: cum illi equites; hi pedites militare soleant. Nec recte eos a Iovio et aliis scriptoribus recentioribus voluntarios milites appellari puto; cum propter exemptiones ipsis concessas in bellum proficisci cogantur: saepius tamen Zingarorum vel Tartarorum more integras regiones depraedando pervagantur et devastant. In Dobruccia, Bulgariae provincia, ut plurimum ad Danubium desident et morantur». (Turcici imperii status, стр. 229). Хаджи-Кальфа тоже въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ объ اقچیلر دوبروجہ لی. (Фезликъ, стр. 21 v.).

³⁾ بوروکان назывались бродячіе туркоманы разсѣянные небольшими группами во Фракіи. (Этнографич. Сборникъ, вып. VI. Этнографія Европ. Турціи, стр. 42). Въ Кануннамѣ-Джедидѣ (стр. 90 и слѣд.) находится цѣлая статья заключающая въ себѣ постановленія касательно водворенія этихъ кочевниковъ.

⁴⁾ مسلم значить «изъятый отъ налоговъ». Такъ называлась конница, набранная изъ турокъ, только во время войны получавшихъ жалованье, въ мирное же время—земельные надѣлы (اقطاع) которые они обрабатывали, не платя никакихъ налоговъ въ казну. تاريخ النوارنج, исторія Са'адъ-Эддина, Рукопись библіотеки Спб. Университета № X Ms. Т. I, стр. 18 г.).

анатолийскомъ округѣ было 30,000 пѣхоты. Когда предпринимался бывало высочайшій походъ, то бѣи иррегулярныхъ всадниковъ отправлялись съ 40—50,000 въ доспѣхахъ и на конѣ ¹⁾ *акынджи* или же храброй, подобной царскимъ соколамъ, вольницы ²⁾, и опустошали страны невѣрныхъ: въ пѣхотѣ вовсе не было нужды ³⁾. Изъ юруковъ и муселлемовъ, въ случаѣ благословеннаго похода, поочередно назначалось по 5—6,000 человекъ, остальную же службу правили тѣ которые не шли на войну ⁴⁾. Бѣи упомянутой артиллеріи бродниковъ набирали ихъ и были главнокомандующими. Когда же походъ случался на анатолийской сторонѣ, то по-

¹⁾ Выраженіе *آنه طونه قادر اولان* встречается и у другихъ писателей, напр. *آنه طونه قادر اولنلر وارسون* (Тарихи-Селяники, стр. 367 v.); *اناطولیده اراذل رعابا*; *آنه بنر طونه قادر رعبتدن* (Ibid., 32 v.); *مملکتی خالی بولوب طریق بغما وغارته سالک وهر صعلوک* (Тарихи-Наима I, 239). Первая половина его понятна; только вторая представляет нѣкоторое затрудненіе. Г. Вернауеръ совсѣмъ выпустилъ его. Я думаю, что составныя слова его суть *آت* «лошадь» и *طون* «шарвары», «одежда», въ переносномъ смыслѣ «доспѣхи»; *قادر*, какъ показываетъ примѣръ изъ Нанимы, здѣсь равнозначительно слову *مالك* «владеющий», «имѣющій». Такъ что это выраженіе будетъ значить: «имѣющій лошадь (или: «способный сидѣть на конѣ») и одежду, доспѣхи», т. е., метафорически, «исполнѣ вооруженный».

²⁾ *کوکلو* «охотники». «*Ji qui Gionli dicuntur, vere sunt voluntarii milites, qui sicut et hi quos Baratti vocant, et spe alicujus muneri consequendi militant voluntarie, sine stipendio in bellum proficiscuntur. Iis Christiani plurimi admixti sunt...*» (Turciei imperii status, стр. 230).

³⁾ Въ прочихъ кодексахъ стоитъ *بابا طائعه سی* вм. *تاتار طائعه سی*, какъ называлась старинная пѣхота, вербовавшаяся изъ *турецкаго народонаселенія*, говорить Белевъ (Journ. As., Mars-avr. 1870, 225; Tableau gén., VII, 308), а слѣдовательно не «die aus Christen zusammengegrafften Fussgänger». (Hammer, Staatsverwaltung, II, 246).

⁴⁾ Въ кодексѣ Вефика сказано точнѣе: «доставляли необходимые въ войнѣ предметы».

очередно назначалось 3—4,000 человекъ пѣхоты; четыре ¹⁾ полковника (بابا باشی) изъ янычарскаго очага, въ качествѣ ихъ беевъ, были главнокомандующими и собирали эту артель въ благословенный походъ. Дѣло этой артели было копать рвы, смотрѣть за пушками и ружьями. Владѣльцы малыхъ помѣстій не занимались такого рода черною работою: заступна и кирки въ руки не брали, а только на бой и сраженіе они всегда были готовы; и если ужъ бывало осаждали какую крѣпость, то, съ помощью Всевышняго, она непремѣнно переходила въ ихъ руки. Прежде таково было положеніе дѣлъ. А впрочемъ, власть и воля моего падишаха».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«О томъ, сколь велико было прежде количество людей получавшихъ жалованье».

«Отъ свѣтлой какъ солнце души Его Присутствія, августѣйшаго падишаха, Поворителя Мира, не должно быть сокрыто, что когда Его Присутствіе, славный высокородный предокъ Вашъ, покойный султанъ Мурадъ-ханъ III, сынъ Селимъ-хана—милость и всепрощеніе имъ!—, восшедши въ 982 (1571) году на престолъ, украсилъ собою коверъ шахскаго трона, составъ слугъ получавшихъ жалованье былъ слѣдующій:

1. Гоффурьеровъ —	منقرقه کان	124
2. Отвѣдывальщиковъ—	چاشنکیران	40
3. Гайдуковъ—	چاوشان	200
4. Императорскихъ регистраторовъ—	کتاب دفتر خاقانی	40 ²⁾

¹⁾ Въ кодексѣ Везика и у г. Бернауера—14.

²⁾ Въ кодексѣ Везика и у Пети де-ла-Кроа—4.

5. Секретарей Государ. Совѣта—کتاب دیوان همایون . . . 31 ¹⁾
6. Письмоводителей казначейства—کتاب مالیہ . . . 17
7. Письмоводителей Импер. казны—کتاب خزینہ عامرہ . . . 51
8. Казначеевъ вѣшняго двора—خزینہ داران بیرون . . . 10
9. Дверниковъ высочайшей палаты—ہوا بان درگاہ عالی . . . 356
10. Дѣтей сипаговъ—ابنا سپاہیان 2,210
11. Оруженосцевъ—جماعت سحراران 3,127 ²⁾
12. Жалованщиковъ правой руки — علوفہ جیان بيمين . . . 407 ³⁾
13. Жалованщиковъ лѣвой руки—علوفہ جیان بيسار . . . 406 ⁴⁾
14. Чужестранцевъ (?) ⁵⁾ правой руки—غربای بيمين . . . 407
15. Чужестранцевъ (?) лѣвой руки—غربای بيسار . . . 407
16. Янычаръ, сегбановъ, пѣхотинцевъ и псарей—يکيچرى
وسکبان و پيادکان وزغر جيان 13,599 ⁶⁾
17. Мальчиковъ-иностранцевъ—جماعت غلمان عجميان .
въ Стамбулѣ, Адрианополѣ, Галиполи и въ соб-
ственныхъ Его Величества садахъ 7,495 ⁷⁾
18. Императорскихъ конюховъ—جماعت اسطبل عامرہ . . . 4,357 ⁸⁾
19. Кухонной прислуги—جماعت مطبخ وکیلار 489 ⁹⁾

¹⁾ Въ вѣскомъ спискѣ—30, а у Пети де-ла-Кроа совсѣмъ нѣтъ.

²⁾ У Вефика и у Пети де-ла-Кроа—2127.

³⁾ Ихъ обязанность, какъ и жалованщиковъ лѣвой руки, была стоять около императорскаго штандарта, а также сопровождать подводы съ жалованьемъ для находящагося въ походѣ войска. (Staatsverfassung, II, 239). У Вефика и г. Бернауера ихъ значится только 400: У Пети де-ла-Кроа они названы «Syrahis de la droite», и ихъ также 400.

⁴⁾ У Вефика—407; у Бернауера—400; у П.-д.-л.-Кроа также «Syrahis de la gauche 406».

⁵⁾ «*Guraba autem nomen plurale est a Carip ductum, quod pauperem et nudum denotat*», сказано въ *Turcici imperii status* (стр. 229).

⁶⁾ У П.-д.-л.-Кроа всѣ они значатся подъ общимъ именемъ «*janissaires*».

⁷⁾ У П.-д.-л.-Кроа—7490.

⁸⁾ Во всѣхъ прочихъ кодексахъ—4396.

⁹⁾ У П.-д.-л.-Кроа—48.

20. Оружейниковъ—	جماعت جبه جيان	625
21. Пушкарей—	جماعت طوبجيان	1,099
22. Возничихъ артиллеріи—	عربجيان طوب	400
23. Шатерниковъ—	جماعت مهتران خيم	229
24. Знаменосцевъ—	جماعت مهتران علم	157 ¹⁾
25. Съкироносцевъ—	جماعت نبرداران	115
26. Гонцевъ—	جماعت پيگان	27 ²⁾
27. Водопроводчиковъ—	جماعت صوبولجيان	54 ³⁾
28. Водоносовъ—	جماعت سقايان	18
29. Собств. Его В—ства скликалъ на богослуженіе—	جماعت مؤذنان خاصه	6
30. Мастеровыхъ—	جماعت اهل حرف	531 ⁴⁾
31. Врачей и цирюльниковъ—	اطبا و جرّاحان	26
Итого.		37,153 ⁵⁾

Объемъ каждого изъ упомянутыхъ разрядовъ опредѣляется вышеозначеннымъ образомъ, ни увеличиваясь, ни уменьшаясь ⁶⁾. У челяди шести полковъ ⁷⁾ черезъ каждые семь лѣтъ разъ про-

¹⁾ У Веэика и Пети де-ла-Кроа—158.

²⁾ У Пети де-ла-Кроа нѣтъ.

³⁾ У Бернауера—64; у П.-д.-л.-Кроа нѣтъ; равно какъ не упомянуты у него и водоносы.

⁴⁾ Въ прочихъ кодексахъ—537.

⁵⁾ Итогъ хотя во всѣхъ кодексахъ одинаковъ, но во всѣхъ невѣренъ: настоящая сумма по спб. списку есть 37,168; по вѣнскому 37,191; по кодексу Веэика 35,198.

⁶⁾ Въ кодексѣ Веэика къ этому добавлено: بونلرك زعامت ونيار

ارياي اولان سپاهيلره تعلقى بوغیدی, т. е. «у этихъ (поименованныхъ слугъ) не было никакого отношенія къ владѣвшимъ большими и малыми помѣстьями». Это значитъ, что послѣдніе не принимались въ расчетъ при перечисленіи слугъ состоявшихъ на жалованьи.

⁷⁾ Значеніе названія التی بلوک خلقي объясняетъ Джевдетъ-эфеенди, говоря: «Капу-кулы назывались регулярные, получавшіе жалованье, жившіе въ казармахъ и всегда наготовѣ ожидавшіе только приказаній

исходило собраніе ¹⁾, и по числу умершихъ изъ нихъ выпускаемы были старшіе аджемъ-огланы изъ императорскаго харема ²⁾; а также

очаги. Изъ нихъ пѣхотинцы составляли янычарскія роты (بکچری التی), а всадники состояли изъ челяди шести полковъ (بلوک خلقدیر), т. е. изъ очаговъ: дѣтей сипаговъ, силихдарей, гуребаи-еминъ, гуребаи-ясаръ, улуѣджіани-еминъ и улуѣджіани-ясаръ. (Тарихи-Джедетъ, V, 189). Первоначально булюки состояли только изъ первыхъ двухъ разрядовъ—сипагъ-оглановъ и силихдарей, а потомъ къ нимъ присоединены остальные четыре технически называвшіеся *четыре полка* (Tableau gén., VII, 365). Въ источникахъ, напр., говорится: «Срокъ бывшихъ въ Будинъ старшихъ солдатскихъ дѣтей (قول اوغلی) кончился, и 1000 человекъ изъ нихъ, съ жалованьемъ по 50-ти бѣлячковъ, записаны въ четыре полка (دورت بلوکه). (Фезликъ, 96 г.). Тутъ разумѣется 3-лѣтній срокъ, на который отправляемы были войска низшаго разряда для охраны вновь завоеванныхъ городовъ и крепостей, съ условіемъ, въ видѣ награды, причислить ихъ потомъ къ челяди шести полковъ—بلوک شرطيله—, что, слѣдовательно, было лестно для первыхъ, и равнялось прибавкѣ жалованья для тѣхъ, которые уже состояли въ этой корпораціи. Такъ, напр., Хаджи-Кальфа говоритъ подъ 1040 годомъ: بلوک شرطيله ايکي بيک نفر قول اوغلی و دورد اچہ نرقی شرطيله بيک نفر سپاهی و اوچ بيک بکچری و طوبجي و جبه جي و سائر بککر جمله اون بيک قدر عسکر يازوب (Фезликъ, 216 г.). Выборнымъ изъ этой же артели исключительно поручался сборъ податей и налоговъ, въ вознагражденіе за каковую комиссію они получали до 1012 года по 10 бѣлячковъ съ каждой платившей подать единицы, что называлось غلامه «мальчишеское», «послужное». Въ 1012 же году эта сумма увеличена была до 15 бѣлячковъ съ податной единицы. (Фезликъ, 86 г.).

¹⁾ Здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ значеніемъ слова قيو, въ смыслѣ «собранія», «совѣта», «засѣданія». У Селяники также въ одномъ мѣстѣ сказано: ابراهيم پاشا حضرتلری بکچری اغاسی اوينه واروب اسکی بولد اشلری و اوده باشیلری استدوب قيو ایلوب وجه معقولى بيان ايتمک اوزره جمعيت ايتدیлар. (Тарихи-Селяники, 241 в.). Слѣдовательно не было необходимости происходить этому собранію непременно «bei der Pforte», какъ, кажется, думаетъ г. Бернауеръ.

²⁾ Этотъ выпускъ технически называется въ источникахъ چقه. (Тарихи-Найма, I, 344).

оказавшіеся способными изъ янычаръ, латниковъ и пушкарей были представляемы Высокой Портѣ и помѣщаются въ вышеозначенную корпорацію. Сначала немисливо было, чтобы такъ называемая *ревизская сказка о принадлежности по происхожденію къ извѣстному полку* (одного какаго-нибудь лица) передавалась другому кому ¹⁾. Вышеозначенная артель размѣщалась и жила

¹⁾ Такъ я понимаю предложеніе *ابتدادن بلوک ولدش ناميله* Г. Берн-ауеръ, очевидно, затруднился понять это мѣсто, которое онъ перевелъ: «Es durfte aber keine Abtheilung unter dem Namen eines *ولدش* (?) einem Andern gegeben werden» (Loc. cit., 284), и говорить въ примѣчаніи: «So beide Hdshrr: *ولدش*». Но чтобы разгадать значеніе послѣдняго слова, стоитъ только раскрыть любую исторію, гдѣ говорится о смерти султана и вступленіи на престолъ его сына. Напр. *انتقال* 1003 годошъ Хаджи-Кальѣа. (Фезликъ, 17 г.). Слово *ولدش*, слѣдовательно, есть сложное изъ арабск. *ولر* — «дитя», «сынъ», и *ش*, персидскаго мѣстоименнаго аффикса, замѣняющаго собою притяжат. мѣстоименіе 3-го лица — *его*, *свой*. Въ эпоху, къ которой относится рисале Кучибей, какъ уже выше было замѣчено, примѣсь персидскаго элемента къ чисто-турецкой рѣчи въ литературѣ дошло до *plus ultra*: турецкія слова принимали персидскія окончанія; иза сего сочтались всѣ слова безъ разбора. Вышеозначенный аффиксъ *ش* не только употреблялся въ смыслѣ отдѣльнаго, самостоятельнаго мѣстоименія «свой», какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ; но образовалъ, въ соединеніи съ существительнымъ, совершенно новое понятіе. Таково именно слово *ولدش*, которое значило отмытку въ реестрѣ солдатъ, что извѣстные молодые люди дѣйствительно были ихъ дѣти, и, слѣдовательно, имѣли право считаться на службѣ и получать жалованье. Напр., Хаджи-Кальѣа говоритъ подъ 1048 годошъ: *بلوک خلقتدن ولدشاری کندو اکنده ایکیشر شاهد ویروب کریر سفری شرطی ایله بیк دیرلیکی چالق سپاهی تصبیح ایدوب سپاه طائفه سی قانون اوزره*: 1061 годошъ: *علوفه لریمزدن اوغلاریمزه ولدش ویرلیک رجا ایدره رز دیدکلرنده* (Ibidem, 314 v.) Кучибей, измѣнивъ логику, преждевременно и не-

въ Истамбулѣ, Эдирнѣ, Брусѣ и въ междудлежащихъ селахъ и мѣстечкахъ; въ прочихъ же провинціяхъ имъ запрещалось находиться. Вслѣдствіе этого никто изъ артели сипаговъ ни одному человѣку не чинилъ обидъ и притѣсненій. А янычары, пушкари и состоящіе въ другихъ очагахъ рабы Высокой Порты обыкновенно были изъ набора ¹⁾: не позволялось быть изъ другихъ на-

кстати заговорилъ тутъ о подлогѣ, состоявшемъ въ томъ что сипаги совершенно чужихъ выдавали за своихъ дѣтей, съ цѣлью получить *селедешъ*, о чемъ онъ еще будетъ толковать впоследствии. Что же касается до перевода г. Вернауера, то трудно добраться до мысли которая заключается, по его мнѣнію, въ этомъ мѣстѣ.

¹⁾ Наборъ этотъ назывался технически *دوشرمة* и производился, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ Кучибей, съ областей населенныхъ турецкими подданными христіанскаго вѣроисповѣданія. Учрежденіе этого рода рекрутчины относится, османскими историками, ко времени султана Урхана (1325 — 1359) и приписывается изобрѣтательности мудраго брата его, верховнаго визиря Ала'-Эддина. (Таджу-т-Теварихъ, I, 17 в.; Ревзетуль-Эбваръ, 342). Конскрипція эта производилась агентами, выбиравшимися изъ лучшихъ людей янычарскаго очага и называвшимися *جورباچی*, или *شورباچی* — «кашеваръ», которые, по султанскому фирману, отправлялись съ янычарами-вербовщиками *سورجی بیکچربار* въ Румелію и Анатолію и брали способныхъ къ службѣ дѣтей поселянъ. (Тарихи-Селяники, 107 г.; Фезликъ, 175 в.). Вслѣдствіи эти агенты стали злоупотреблять своимъ полномочіемъ, и притѣсняли народонаселеніе, гдѣ они производили конскрипцію, такъ что, напр., одному турнаджи-баши была отрублена голова въ 1048 г. передъ палаткою Дервишъ-аги, зато что онъ, отправившись въ Румелію на конскрипцію, грабилъ тамъ поселянъ. (Фезликъ, стр. 243 г.). Еще подробнѣе и рѣзче описываетъ злоупотребленія наборщиковъ Селяники. (Loc. laud.). Малютки-новобранцы назывались *عجمی اولغان*, или просто *عجمی*, что по-русски значитъ «нѣмцы-мальчики», или «нѣмцы», такъ какъ они, принадлежа къ народамъ другихъ языковъ, не знали турецкаго, которому они и были потомъ обучаемы. Имя *عجمی* заимствовано османами, безъ сомнѣнія, отъ арабовъ, которые называли имъ вообще всѣхъ иностранцевъ не говорившихъ по-арабски, и въ частности персіанъ, съ которыми они, вѣроятно, раньше другихъ иноязычниковъ пришли въ столкновеніе. (См. Макризи, *خطط*, I, 91 и слѣд.). Г. Белень, у котораго заимствована только-что приведенная цитата изъ Макризи (Journ-

родностей. А наборъ производился исключительно изъ арнаутовъ, босняковъ, грековъ, болгаръ и армянъ; изъ другихъ же націй онъ воспрещенъ былъ. Являвшіеся изъ этого набора въ красныхъ плащахъ ¹⁾ новички обучались мусульманскому закону и турецкому языку ²⁾. Черезъ 4—5 лѣтъ ихъ собирали съ означенныхъ въ реестрѣ мѣстъ, и они распредѣлялись по очагамъ ³⁾. Черезъ семь лѣтъ разъ была сходка янычаръ, и по числу умершихъ изъ нихъ выходило въ Порту 15—20 одѣтыхъ въ чуйки старшихъ оглановъ ⁴⁾. А янычарская дружина вообще состояла изъ холостяковъ,

As., Mars-avril 1870, стр. 193), кстати сказать, забавнымъ образомъ производить слово **عجم** отъ имени династіи *Akhamanishiya* «Achéménides», изъ которой происходили Дарій и Ксерксъ (Loc. laud., примѣч. 2), ссылаясь на авторитетъ Опперта. О принципѣ, лежащемъ въ основаніи турецкаго государственнаго учрежденія, называемаго **دوشومه**, и о томъ, какими оно сопровождалось результатами въ ходѣ и складѣ исторической жизни османскаго государства, рѣчь будетъ въ послѣдней части настоящаго изслѣдованія.

¹⁾ **قزل عبا ايله كلن عجميان**. Они такъ назывались, я полагаю, по своимъ національнымъ костюмамъ, въ которыхъ, особенно у албанцевъ, преобладаетъ красный цвѣтъ.

²⁾ У Вефика тутъ есть добавленіе: **اولان کمنه لر ايكيشر فلوريه ترکستانه فروخت ايدرلردی**

وآستانه ده بونلر ايچون انشا اولنان سرايلره قورلردی, т. е. «существовавшие для обученія ихъ лица, аги ихъ, за два флорина продавали ихъ въ Туркестанъ, и помѣщали въ устроенныхъ для нихъ въ Портѣ зданіяхъ». Не знаю, что бы это могло значить. Надо полагать, что такъ какъ иныхъ новобранцевъ для обученія закону мусульманскому и турецкому языку, и вообще для освоенія съ османскими обычаями, разсылали по разнымъ частямъ Анатолиі (*Turcici imperii status*, стр. 237), то завѣдывавшіе этимъ аги просто нѣкоторыхъ изъ нихъ продавали. Другаго объясненія я не могъ найти этой прибавкѣ, которая, очень можетъ быть, есть просто примѣчаніе Вефика, только помѣщенное имъ въ текстъ.

³⁾ Въ кодексѣ Вефика прибавляется: «по ихъ желанію и склонности». — **очагами** — **اوجاق** «огнище», — метафорически назывались корпуса янычаръ и другихъ войскъ. Слово **очагъ** и у насъ употребляется въ смыслѣ совокупности членовъ одного союза, и главнымъ образомъ союза семейнаго: *родной очагъ*, говорятъ.

⁴⁾ Этотъ выходъ сопровождался нѣкоторою торжественностью: послѣ вечерней молитвы вся рота собиралась въ своей казармѣ, куда по-

которые всё находились въ своихъ казармахъ; въ Истамбула не было ни одной души. Если-же кому-нибудь за дурное поведеніе ¹⁾ прекращалось жалованье, то возобновить уже послѣ невозможно было. Словомъ, слуги порты (قبو قولى) жили при Портѣ, а тимариоты въ своихъ тимарахъ. Въ другихъ же мѣстахъ нельзя было жить: таково было правило. Сорокъ человѣкъ изъ нихъ были извѣстны подъ именемъ «горныхъ полѣсовщиковъ», другихъ таковыхъ и званія не было. Инвалидовъ тоже не было ²⁾. А кто, по старости лѣтъ или по немощи, не имѣлъ силъ идти на войну, тому жаловано было по три бѣлячка инвалиднаго пенсіона ³⁾. Послѣ того уже позволялось и жениться; и онъ, заживши домомъ, возсылалъ молитвы о благоденствіи падишаха. Если-же у него были дѣти, то, послѣ того какъ нѣсколько ветерановъ засвидѣтельствуютъ, сказавши: «это янычарскіе дѣти нашей ка-

томъ вводили новичковъ; унтеръ-офицеры надѣвали имъ на головы янычарскій тюрбанъ и покрывали ихъ плащомъ — چاقه — грубаго сукна, послѣ чего они прикладывались къ рукъ ротнаго командира — اوده باشى, который привѣтствовалъ ихъ именемъ يولداش — «товарищъ», «сослуживецъ». (Tableau gén., VII, 329).

¹⁾ Въ кодексѣ Вефика сказано: «за неотправку на войну или за дурное поведеніе». То же и у Пети де-ла-Кроа. (Loco laudato, стр. 192).

²⁾ Въ кодексѣ Вефика тутъ варіантъ: و قرق نقر طاع قور بچیلارندن غیرى قور بچى نامى بوق ابدى صو بوللربنه مقید اولورلردى, т. е. «кромя сорока человѣкъ горныхъ полѣсовщиковъ, не было и званія таковыхъ. Они смотрѣли за водопродами. Инвалидовъ тоже не было». قور بچى были заслуженные ветераны изъ янычаръ, которые называются иногда بچیلار. (Тагрихи-Селяники, стр. 200 v.). Они проживали въ столичныхъ казармахъ и получали большой окладъ, сравнительно съ состоявшими на дѣйствительной службѣ янычарами. А اوتوراق, или اوتوراق — «сидень», «домашка» — были израненные или дряхлые инвалиды, получавшіе оклады еще выше предыдущихъ. (Tableau gén., VII, 333). Какъ и у насъ, эти отставные солдаты имѣли преимущественное право занимать должности сторожей, и т. п., въ казенныхъ учрежденіяхъ: такъ, напр., имъ поручалось смотрѣть за дворцовыми водопроводами.

³⁾ У Вефика: ترقى ايله تقاعد — «пенсіонъ съ прибавкою».

зармы», — ихъ записывали въ аджемъ-огланы, и поручали кому-нибудь изъ очага; а спустя нѣсколько времени они, своимъ чередомъ, выходили въ Порту. Въ янычарскомъ-же очагѣ было всего только три чауша да двѣнадцать опоясанныхъ парчею свѣчниковъ¹⁾, не болѣе. Янычарскіе кяхъи, равно какъ и чауши, по 7—8 лѣтъ занимали свои должности, и ни съ того ни съ сего, безъ всякой причины, не были смѣщаемы; прочіе офицеры также безвинно не получали отставки, а по нѣскольку времени были на своихъ мѣстахъ. Пѣхотные полковники, при своемъ назначеніи, дарили своимъ агамъ по 1000 бѣлячковъ, не больше; а при перемѣщеніи начальниковъ отрядовъ, и вовсе ни копейки не доставалось агамъ. Если-же кто учинить какое-нибудь преступленіе, имѣющее своимъ послѣдствіемъ отставку, то аги дѣлали засѣданіе; давали ему отставку въ присутствіи всѣхъ офицеровъ очага и вторично уже не допускали его въ очагъ. А развѣ уже случайно какъ-нибудь, за заслуги, ему жаловали малое или большое помѣстье. Таково-то было положеніе дѣлъ. А впрочемъ, повелѣвать есть воля могущественнаго моего падишаха».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

«О причинахъ измѣненія положенія верховныхъ визирей, занятія государственныхъ должностей чужестранцами, и о причинахъ первоначальной перемѣны состоянія большихъ и малыхъ помѣстій».

«Отъ высокаго ума Его Присутствія, августѣйшаго, могущественнѣйшаго падишаха мусульманскаго не должно быть сокрыто, что до 992 (1584) года²⁾ верховные визири были вполне само-

¹⁾ **موجی** назывались янычары исправившіе должность нашихъ жандармовъ. (Tableau gén., VII, 324). Г. Бернауеръ вездѣ называетъ ихъ «Profosse».

²⁾ У г. Бернауера та же цифра; но въ кодексѣ Вефика и у Петит-де-ла-Броа значится: «до 982 (1574) года». Первое, мнѣ кажется, вѣр-

стоятельны, и въ дѣла занимавшихъ мѣсто верховнаго визирства ни одна душа не могла вмѣшиваться. Отъ нихъ зависѣло брать и раздавать, отставлять и назначать. О происходившемъ между ними и государемъ никто не зналъ, и ни въ какое дѣло ни одинъ человекъ не смѣлъ вмѣшиваться. Съ тѣхъ поръ же собесѣдники и прочіе приближенные, получая мѣста возлѣ государя ¹⁾ и достигая высшихъ степеней, стали вмѣшиваться въ правительственные дѣла и предъявлять разныя нелѣпыя претензіи верховнымъ визирямъ. А если эти послѣдніе не поступали согласно съ ихъ намѣреніями, то они дѣлали между собою стачку; выискивая удобный случай, чернили ихъ въ глазахъ Его Величества и, навлекши такимъ образомъ на невинныхъ гнѣвъ государя, кого изъ нихъ довели до казни, кого до ссылки, кого до лишенія (чрезъ конфискацію) имущества; вообще всевозможныя причиняли пакости. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, Фергадъ-паша, назначенный некогда главнокомандующимъ въ войнѣ противъ Персін, усердно сражаясь на полѣ священной брани, сколько оказалъ услугъ къ благополучію Высокой Порты, присоединеніемъ нѣсколькихъ земель къ исламскимъ владѣніямъ ²⁾! Самъ персидскій шахъ вѣе, потому что 992-ой (1584) годъ еще разъ въ рисале (гл. VI) считается роковымъ, такъ какъ въ этотъ годъ Фергадъ-паша, отправленный сердаремъ воевать противъ персовъ, въ первый разъ былъ отставленъ и смѣненъ Оздемиръ-Оглы-Османъ-пашей (Ревзетудъ-Эбраръ, 465), который и былъ, по мнѣнію Кучибей, главнымъ виновникомъ зла начавшаго послѣ того сильно развѣдать организмъ османскаго государства. Въ 982 (1574) же году вззошелъ на престолъ Мурадъ III, эпоха котораго считается, и Кучибей, и другими писателями, первоначальнымъ пунктомъ съ котораго и пошли потомъ развиваться разныя злоупотребленія и безпорядки въ государственномъ управленіи.

¹⁾ Это мѣсто — *حضور همايون پادشاهیده خیزلر بولوب* — Пети дела-Кроа толкуеть: «trouvant un trop libre accès». Г. Бернауеръ прибавляетъ къ этому: «*erkundigten sich die Gesellschafter und Vertrauten des Padišah bei diesem nach der oder jener Angelegenheit, erhielten Stellen...*» (Loc. laud., 286), вѣроятно на основаніи своего списка, хотя, впрочемъ, трудно понять, что за мысль кроется въ этомъ добавленіи.

²⁾ У Вефика точнѣе опредѣляется количество завоеваній Фергадъ-паши, а именно: «онъ захватилъ 12 мѣстъ изъ пространства персидскихъ владѣній и присоединилъ ихъ къ владѣніямъ падишахскимъ». — Описываемая тутъ война началась въ 991 = 1583 году, а въ 993 =

сталъ униженно просить міра и пощады, говоря (полустиніе): «Аманъ (пощади!), высокоумный герой, Асафъ!» и послалъ племянника съ подарками и рѣдкими драгоценностями къ упомянутому пашѣ просить и умолять его (о мирѣ). Паша уступилъ его желанію, отправился—«побѣда и завоеванія у него справа, успѣхъ и благополучіе слѣва» ¹⁾ — къ Порогу Счастья; привезъ съ собою и доставилъ въ Высокую Порту также и племянника злополучнаго шаха. Въ то время когда онъ рассчитывалъ, за такія услуги, на вниманіе и благорасположеніе къ себѣ, даже на награжденіе и пожалованіе со стороны высокаго правительства, собесѣдники и приближенные — эти архимецы—оклеветали его и наконецъ довели-таки невиннаго до казни ²⁾. Такъ, напримѣръ, въ царствованія Ихъ Присутствій, султана Мурадъ-хана (III) и султана Мухаммедъ-хана Гази (III) артель сипаговъ, вышедъ изъ повиновенія, стала чинить насилія государственнымъ сановникамъ, и, говоря: «мы не хотимъ румелійскаго беглеръ-бея, Кара-Мухаммедъ-паши, и аги Двери Блаженства (харема), Гезанферъ-аги», — добилаь казни обоихъ ³⁾. Они наносили оскорбленія пѣ-

1585 г. уже персидскій царевичъ Хайдеръ-Мирза прибылъ съ Фергадъ-пашей въ Порту заключать миръ. (Ревзетуль-Эбраръ, 470).

¹⁾ Въ Кодексъ Вефика передъ этимъ присловіемъ стоитъ заголовокъ: (مصراع — «полустиніе»).

²⁾ Хаджи-Кальфа говоритъ въ его некрологѣ: «Онъ былъ отставленъ отъ должности по кознямъ злонамѣренныхъ людей». (Фезликъ, 29 v.). А Наима подробно описываетъ предательское умерщвленіе Фергадъ-паши, и взаключеніе присовокупляетъ: «Такъ-то награжденъ былъ покойный Фергадъ-паша зато что онъ столько оказалъ услугъ въ войнѣ съ персами, приведши шахскаго сына и до такой степени принизивши враговъ!» (Тарихи-Наима, I, 68).

³⁾ Г. Вернауеръ при именахъ обоихъ, упоминаемыхъ въ этомъ мѣстѣ рисале, султановъ поставилъ цифру IV; но это ошибка: Мухаммедъ IV (1649—1688) царствовалъ уже тогда когда Кучибей былъ въ могилѣ; фактъ же возмущенія сипаговъ, настоявшихъ на казни Гезанферъ-аги и Османъ-аги, имѣлъ мѣсто въ 1011 (1602) году (Фезликъ, 71 г.; Тарихи-Наима, I, 159; Ревзетуль-Эбраръ, 492), следовательно въ царствованіе Мухаммеда III (1595—1602), а не IV. Что же касается до Кара-Мухаммедъ-паши, то это, вѣроятно, тотъ самый о которомъ Наима, перечисляя визирей время царствованія Мурада III, говоритъ, что محمد پاشا مع الوزارت روم ايلي ابالتنه (Тарихи-Наима, I, 59).

которымъ моченнымъ людямъ; причиняли обиды и насилія жителямъ. Когда никто не находилъ средствъ устранить зло, то, бывшій еще живыхъ ¹⁾, Емишчи-паша, который, благодаря своему свѣтлому уму и хорошей распорядительности, держалъ въ рукахъ янычарскій очагъ, заперъ враспlohъ стамбульскія ворота и, изрубивши негодаевъ и злодѣевъ упомянутой артели, живой рукой учинилъ съ ними расправу ²⁾. Такъ вѣдь и на него напрасно нашептали Его Присутствію, падишаху, Убѣжищу Міра, и добились-таки того, что онъ былъ казненъ ³⁾. А мало ли такихъ

¹⁾ Такой смыслъ имѣетъ тутъ выраженіе **مولود اولان**. Въмѣсто него въ кодексѣ Везика стоитъ **مرحوم**—«покойный», «умершій». Но и **مولود اولان** не значить здѣсь *современный, существующій въ настоящее время*, ибо въ подобныхъ случаяхъ Кучибей присовокупляетъ нарѣчіе **حالا**—«теперь», напр. **مولود اولان ارباب نيمار** (гл. VII). Слѣдовательно, на основаніи этого выраженія не должно возникать ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что рисале Кучибей написано позже времени жизни Хасанъ-паши (+1012 г.); тѣмъ болѣе что дальше въ рисале упоминаются событія случившіяся гораздо позже 1012 г.

²⁾ Емишчи-Хасанъ-паша умѣлъ держать въ рукахъ войско, частію посредствомъ увѣщательныхъ назиданій, въ которыхъ онъ доказывалъ пользу повиновенія главнокомандующему (Тарихи-Наима, I, 148), а главнымъ образомъ—посредствомъ щедрыхъ бакшишей, такъ-что солдаты отъ умиленія цѣловали руку своего командира (Фезликъ, 61 v. и 64 v.); хотя это, впрочемъ, не мѣшало имъ, при случаѣ, пускать камнями въ палатку недавно такъ чествованнаго ими сердаря (Ibid., стр. 65 v.). Во время же мятежа, о которомъ говоритъ Кучибей, Емишчи сперва самъ спасался тайкомъ у янычарскаго аги, Фергадъ-аги (Ревзетуль-Эбраръ, 493; Тарихи-Наима, I, 162). Только когда имъ удалось, прочитавши очень трогательно составленный султанскій рескриптъ, привлечь на свою сторону янычаръ (Тарихи-Наима, I, 163), онъ уже распорядился запереть стамбульскія ворота (Ibid., 165), послѣ чего Фергадъ-ага преслѣдовалъ разбѣжавшихся, при извѣстіи объ этомъ распоряженіи, бунтовщиковъ (Ibidem).

³⁾ Наима, подробно повѣствуя о заговорѣ, составившемся изъ вліятельныхъ лицъ противъ Емишчи-Хасанъ-паши, объясняетъ его непомѣрнымъ тщеславіемъ послѣдняго, и говоритъ: «Такъ какъ онъ, безъ соперниковъ и внѣ всякой опасности, былъ вполнѣ самостоятеленъ, и мало-по-малу зловоніе гордости проникло въ ноздри ему, а потѣхами изъ глубины полости вздернутаго кверху

мужественныхъ, богатырей-храбрыхъ и честныхъ визирей, какъ Насухъ-паша и Дервишъ-паша, сплетники оклеветали! Сказавши, напримѣръ, что они злоумышляли—чего, Боже, избави и сохрани!—противъ высочайшей власти, навлекли на нихъ гнѣвъ государя ¹⁾. Слѣдующіе затѣмъ визири, поневолѣ уже сообразова-

носа его каплями высокопѣтріа и тиеславінъ выначкались мысли его, то любовь къ нему, друзей его смѣнилась враждою и ненавистью, а дружба съ нимъ пріятелей превратилась въ зложелательство (I, 173). Въ данномъ случаѣ Кучибей выказалъ недостаточность критической оцѣнки достоинствъ историческихъ личностей, которыя онъ приводитъ въ примѣръ для подтвержденія высказанныхъ имъ соображеній. Но, сколько можно понять изъ духа всего сочиненія, авторъ не беретъ во вниманіе нравственныхъ качествъ и образа дѣйствій этихъ лицъ во всей ихъ совокупности, а по частямъ: для него важенъ извѣстный моментъ въ ихъ жизни и дѣятельности, который бы подходилъ къ данному его положенію. Зашла рѣчь о внимательствѣ приближенныхъ въ дѣла визирей, и ему вспомнился случай гибели Емишчи-Хасанъ-паши вслѣдствіе ихъ козней. Онъ выводитъ его на сцену, отдавая честь его умѣнью справляться съ волновавшими государство мятежниками, но совершенно забывая другія, заслуживающія порицанія, качества этого человѣка. Такова ужъ логика османскихъ философовъ. Напр. Наима, какъ уже мы видѣли, осудилъ Нефъи за его сатиры противъ визирей, а между тѣмъ собственные отзѣвы его о визиряхъ несколько не уступаютъ, въ строгости приговора и ядовитости порицаній, вышеозначеннымъ сатирамъ. Съ подобными противорѣчіями намъ еще не разъ придется встрѣтиться; но они разрѣшаются соображеніями вытекающими изъ всей суммы данныхъ, представляемыхъ различными сочиненіями, которыя, взятая воедино, могутъ вводить въ заблужденіе. Надо, наконецъ, принять во вниманіе и затруднительное положеніе османскаго публициста, который хотѣлъ подтвердить свои мысли фактами исторіи: гдѣ было взять ему такихъ исторически-извѣстныхъ лицъ, дѣятельность которыхъ бы всецѣло была безукоризненна и прекрасна? Такихъ, можно сказать, и не было, по крайней мѣрѣ изъ того сорта людей, которые, по взгляду турка, только и могутъ идти въ примѣръ, т. е. изъ особъ высокопоставленныхъ.

¹⁾ Въ злоумышленіи противъ здоровья Его Величества, султана, былъ обвиненъ Дервишъ-паша въ 1015 (1606) г., по доносу заправлявшаго его дѣлами еврея, который, чтобы отомстить своему патрону, выказавшему-было однажды недовѣрчивость къ его честности, выкопалъ изъ погреба дома Дервишъ-паши подземный ходъ подъ стѣны дворца, и потомъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія султана, приписавши

лись съ ихъ намѣреніями и потворствовали ихъ прихотямъ¹⁾; что бы они ни захотѣли, эти не отказывали. Начавъ вмѣшиваться въ разныя дѣла, они, между прочимъ, достояніе ратниковъ мусульманскихъ, нѣсколько еоть лѣтъ тому назадъ пожалованныя этимъ²⁾ пахотными поля и села, разными путями обратили себѣ—одни въ башмаклыки, другія въ арпалыки, иныя же въ полную собственность³⁾. Всякій изъ нихъ, послѣ того какъ уболаговторялся самъ, доставлялъ нѣсколько большихъ и малыхъ помѣстій своимъ сторонникамъ, и такимъ образомъ лишили ратныхъ людей ихъ содержанія. Растащивъ мусульманскую сокровищницу, они довели государство до настоящаго его положенія. Мало того, от-

свою продѣлку злоумышленію визиря, котораго и казнили за это. (Тарихъ-Наима, I, 234). А Насухъ-паша разъ явился къ султану и сталъ требовать отъ него или безусловнаго согласія на все что онъ ни скажетъ, или же отставки. Между тѣмъ незадолго передъ тѣмъ султану донесли о намѣреніи Насухъ-паши спровадить на тотъ свѣтъ султанскаго наставника и великаго муфти. Султанъ вышелъ изъ себя и закричалъ: «вонъ измѣнникъ! изъ-за тебя Мурадъ-паша отравилъ моего дядьку!» Насухъ-паша тогда притворился больнымъ и не сталъ являться на службу, за что и былъ казненъ въ 1023 (1614) году. (Ibid., стр. 305). Что же касается до добродѣтелей обоихъ визирей, то о первомъ изъ нихъ отзываються, что онъ былъ غایت ظالم و

مذموم و طماع بدروس (Ibid., 233); а о другомъ, что онъ былъ خونی وغدار و حق قبول ایتمز مغرور و ستمکار (Ibid., 303). Тутъ же кетати замѣчу о томъ, какъ неопредѣленная терминологія у османскихъ писателей: напр. въ этомъ мѣстѣ, по смыслу рѣчи, سلطانت عليه можно передать не иначе какъ только *высочайшая власть* (у г. Вернауера «die hohe Dynastie»), тогда какъ въ большей части другихъ случаевъ оно значить просто *правительство*.

¹⁾ Въ кодексѣ Вефика добавляется: ايج خلقه متابعت و هو الرينه, т. е. «сообразовались съ намѣреніями *внутренней челяди*, ближайшихъ къ султану придворныхъ». У г. Вернауера тоже: «was der innere Hofstaat begehrte».

²⁾ У Вефика вмѣсто того находится فتح اولنمش, «qui ont esté conquis», въ переводѣ П.-д.-л.-Кроа (Loc. cit., стр. 213).

³⁾ О تمليك у г. Вернауера не говорится. Тутъ же у него находится «und würde (ein jeder) damit zufrieden gestellt», — фраза, относящаяся, и по грамматическому своему составу и по смыслу, къ слѣдующему предложению.

*

крывши двери взяточничества, они начали занимать санджаки и беглерь-бейства а также и другія государственныя должности. Съ жадностью набросившись на падаля посуловъ цѣлой толпы ¹⁾ негодныхъ и недостойныхъ людей, кому изъ нихъ давали губернаторство, кому генераль-губернаторство; тогда какъ множество достойныхъ опытныхъ, дѣльныхъ, ревностныхъ и храбрыхъ слугъ принуждены безславно сидѣть въ углу презрѣнія, повергнутые въ бѣдность и уничиженіе ²⁾. Владѣльцевъ большихъ и

¹⁾ Такъ я понимаю выраженіе *برآلای نااهل و نامستحقك لاشه*, которое г. Бернауеръ переводить слѣдующимъ образомъ: «Gelüstete einem Alaibeg nach den Bestechungsgeschenken untauglicher und unwürdiger Menschen, so verschaffte er dem einen die Stelle eines Begs und dem andern die eines Beglerbegs» (Loc. cit, 287), забывалъ, а можетъ быть и не зная, что *алайбей*, по своему посту, никакъ не могъ давать вышеозначенныхъ должностей, потому что это былъ не болѣе какъ командиръ отряда сипаговъ, подчиненный санджаку-бею, который, въ свою очередь, подчинился беглерь-бею (Tableau gén., VII, 374; Staatsverfassung, I, 338, 370). Равнымъ образомъ, онъ изгладилъ, по своему обыкновенію, метафорическое выраженіе Кучибей, сравнивающего взяточниковъ съ хищными звѣрями съ жадностью пожирающими мертвечину.

²⁾ Что касается этого предмета, то особенности страницы лѣтописи Селяники испещрены жалобами на всеобщую продажность официальныхъ лицъ, особенно близкихъ къ центру правленія, которыя, благодаря своему вліянію, торговали должностными мѣстами. Оставляя въ сторонѣ общія жалобы Селяники, приведу нѣсколько частныхъ случаевъ такого злоупотребленія, упоминаемыхъ какъ этимъ такъ и другими османскими историками. Въ 1000 году одинъ извѣстный плутъ, нѣкто Коджа-Ишикъ-Али-Челеби, бывшій два раза въ ссылкѣ и едва избавившійся отъ наказанія отнятіемъ руки, далъ взятку си-лихдарь-агъ и жиду-чучъ и по протекціи ихъ получилъ мѣсто въ анатольской конторѣ (Тарихи-Селяники, 127 г.). Въ 1001 году нѣкто сипаги-огланъ Аманъ-оглы, переславши, посредствомъ одного жида, въ харемъ большія деньги, получилъ должность янычарскаго писмоводителя, отнятую по этому случаю отъ Кара-Омара-Челеби (Ibid., 146 v.). Подъ 1003 годомъ Селяники рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Изъ лицъ извѣстныхъ тѣмъ что они даютъ, подъ именемъ подарковъ, взятки въ харемъ, есть дервишскій старѣйшина, который, управляя Галатою, съ жалованьемъ въ 40 бѣлячковъ въ день, сперва перевелъ эту сумму въ мѣсячную роспись, а прочее, говорить,

малыхъ помѣстій совсѣмъ не стало. Вслѣдствіе этого, во время случающихся войнъ и походовъ происходитъ одно лишь шатанье взадъ и впередъ безъ всякаго смысла—эта причина раззоренія до-толѣ благоденствовавшихъ мѣстностей ¹⁾; побѣды-же и завоеванія въ сторону. Управы въ государствѣ не стало: его держать въ рукахъ состоящіе на жалованьи янычары, изъ коихъ болѣе значительные поступили въ свиту къ сановникамъ ²⁾; и какіе только ни происходить мятежи и волненія, все отъ этого сорта людей. Состоящимъ на государевомъ иждивеніи что дѣлать у двери сановниковъ? Солдатъ и долженъ быть солдатомъ ³⁾. Слуги

пусть остается въ казнь. Затѣмъ сказалъ: «дайте мнѣ завѣдываніе дѣлами Ая-Суфья (главной Константинопольской мечети), съ жалованьемъ въ 100 бѣлячковъ, и я за все время управленія не буду брать его вовсе изъ казны». И что же? изъ-за этого смѣнили честнаго и знающаго Мухаммедъ-Амина-э-енди, и дали управленіе тому дервишу». (Ibid., 194 г.). Хаджи-Кальеа говоритъ подъ 1006 годомъ, что Хасанъ-паша получилъ должность верховнаго визиря подъ условіемъ доставлять султаншѣ-матери значительную сумму чистыми деньгами и подарками; что въ его время всѣ должности продавались. (Фезликъ, 39 г.). Подъ 1056 годомъ, тотъ же писатель говоритъ, что султанъ Ибрагимъ имѣлъ необыкновенную страсть къ женщинамъ, и что для покрытія издержекъ на разныя удовольствія ихъ были продаваемы съ молотка должности. (Ibid., 281 г.).

¹⁾ Вейси говоритъ, что отъ налоговъ, которые постоянно возростали вслѣдствіе безпрерывныхъ походовъ, у сельскаго населенія возникла страшная вражда къ войску, послѣдствіемъ которой были возстанія. (Китаби-Хабнамѣ, стр. 6).

²⁾ Стало быть и въ составѣ самаго войска была знать, называемая, какъ здѣсь, *نامدارلر*, или *اعيان عسكر* (Фезликъ, 219 г. и др.), вѣроятно, въ противоположность голытьбѣ, въ которой также не было недостатка въ турецкомъ войскѣ. Свита вельможеская, нужно замѣтить, была не простая дворовая челядь, употреблявшаяся для домашнихъ послугъ, а составляла, вмѣстѣ съ тѣмъ, вооруженный конвой, ходившій на войну и сражавшійся вмѣстѣ съ своимъ господиномъ. (Тарихи-Наима, I, 160).

³⁾ *خونگار دیرلکنه منصرف اولنلر وکلا فیوسنه نبلر قول قول کرکدر*. Г. Бернауеръ придаетъ этому мѣсту совершенно противоположный смыслъ, а именно: «Slaven sollen in dem Dienste der Staatswürden. träger stehen, Slaven den grossherrlichen Dienstlohn genießen». (Loc. laud., 288). Если вѣтъ варианта въ его спискѣ, то онъ невѣрно перевелъ это мѣсто.

сановниковъ были покупные рабы. Такъ опять и должно быть; а то въ императорскій харемъ совершенно противузаконно проникли туркмены, цыгане, жида, безвѣрные и незаконные мазурики и развратники горожане. Если только не будетъ предпринято какихъ-либо мѣръ противъ этого, и если большія и малыя помѣстья не будутъ даны тѣмъ, кто имѣетъ на нихъ право, то отъ этого сброднаго войска уже не видать полезной для вѣры и государства службы¹⁾, и ни одному дѣлу не довершится какъ слѣдуетъ. А впрочемъ, вѣсть и вѣда моего могущественнаго падишаха».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О нравахъ прежнихъ и о подомѣніи теперешнихъ, современныхъ улемовъ, также и о томъ, каковъ дѣйствующій у нихъ старинный уставъ».

«Отъ чистой и доброй души Его Присутствія, могущественнѣйшаго, высокороднаго падишаха не должно быть сокрыто, что послѣ правовѣрныхъ калифовъ — благословеніе Божіе на всѣхъ нихъ! — изъ прежнихъ государей не было ни одного государя такого благороднаго, какъ чистый перлъ, происхожденія, изъ такого высокаго, покровительствуемаго созвѣздіемъ счастія, чистовѣрнаго поколѣнія, каковы извѣстные своею священною ревностію султаны династїи Османской — да продлится царствованіе ея до скончанія вѣка! — и такъ легко, какъ нѣтъ, ни одному падишаху не удавались войны и походы, не доставались завоеванія странъ и областей. Въ награду за ихъ полное уваженіе и почтеніе къ святому закону и истинной вѣрѣ, они сдѣлались предметомъ столькихъ

بو درمه چانه عسكر ايله دين و دولته يرار بر خدمت كورلار¹⁾

У г. Бернауера тутъ долженъ быть непрямою вариантъ, потому что онъ вышеприведенное предложеніе перевелъ такъ: «so gewährt das Heer keine Sicherheit für mein Leben und Eigenthum, es wird der Religion und dem Reiche kein erspriesslicher Dienst geleistet». (Loc. laud., 288).

благословеній и милостей Божіих ¹⁾). Теперь же да будет Вашему Величеству извѣстно, что основаніе святаго закона есть наука; наука же держится учеными; а потому во времена высокопочтенныхъ предковъ Вашихъ ученымъ людямъ оказывалось такое почтеніе и уваженіе, какъ ни въ одномъ государствѣ. Сколько же зато видѣли плодовъ и прекрасныхъ слѣдовъ этого къ нимъ уваженія и почтенія! Устройство положенія улемовъ принадлежитъ къ весьма важнымъ дѣламъ вѣры и государства. Между тѣмъ положеніе ихъ стало крайне разстроенное и безпорядочное; обстоятельства ихъ совершенно измѣнились. Въ благодатныя времена высокопочтенныхъ, августѣйшихъ предковъ Вашихъ у улемовъ существовалъ такой законъ и обычай, а именно: самый ученый, самый добродѣтельный, самый воздержный, богобоязненный, самый пожилой и благочестивѣйшій дѣлался старѣйшиною исламскимъ и великимъ муфтіемъ. За нимъ же слѣдовалъ анатолийскій воинскій судья ²⁾). Этимъ порядкомъ воздавалось должное уваженіе къ достоинствамъ ихъ. Кто разъ занималъ почетное мѣсто муфти, тотъ послѣ не былъ отставляемъ, потому что должность эта принадлежитъ къ высшимъ ученымъ должностямъ; почетность ея не сравнится ни съ какою другою; ей не подобаешь ни отставка, ни (вторичное) назначеніе. Да и не всякій ученый годенъ для этого мѣста. Въ прежнее время старѣйшины ислама, кромѣ того что были источникомъ знанія и добродѣтели, были и правдивыми ораторами, у которыхъ никогда не было недостатка въ прекрасныхъ совѣтахъ для Его Присутствія, падишаха, Убѣжища Мира. Занимаясь благоустроеніемъ вѣры и государства, они велись о дѣлахъ рабовъ Божіихъ. Послѣ того какъ высокое мѣ-

¹⁾ По г. Бернауеру выходитъ наоборотъ: «das erhabene Gesetz und Religion erhielt durch ihre segensreiche Wirksamkeit sehr viele Beweise göttlicher Huld und Gnade». (Loc. laud., 289).

²⁾ То же и у г. Бернауера; но въ кодексѣ Веэика стоитъ: **روم ابلی** و **اناطولی فاضلعسكراری**; у Пети де-ла-Кроа: «les Kadileskiers de Romelie et de Natolie» (Loc. laud., 196). Последнее, надо полагать, вѣрно, потому что на мѣсто умершаго или отставленнаго муфти обыкновенно поступалъ румелійскій воинскій судья, а не анатолийскій, который считался ниже перваго. (Тарихи-Наима, I, 37; Фезлике, 71 г.; Реваетуль-Эбраръ, 435).

сто муфти разъ будетъ почтено подобнымъ человѣкомъ, онъ уже втеченіе всей своей жизни не долженъ быть смѣняемъ. Абу-с-Су'удъ-эфенди во всю свою жизнь не былъ увольняемъ отъ должности муфтія ¹⁾. Равнымъ образомъ, честные и справедливые воинскіе судьи по 15 лѣтъ занимали мѣста свои; а когда выходили въ отставку, то имъ жалуемо было по 150 бѣлячковъ пенсіона. Судьи трехъ городовъ ²⁾ и прочіе блюстители божескаго закона, тоже, извѣстное время занимая свои мѣста, безъ причины не были отставляемы ³⁾. Послѣ-же отставки одни изъ нихъ

¹⁾ Онъ былъ сдѣланъ муфтіемъ въ царствованіе Сулеймана Кануни въ 951=1544 г. (Ревзетулъ-Эбраръ, 435) и занималъ это мѣсто до смерти своей, случившейся четырьмя мѣсяцами раньше смерти султана Сулеймана II, а именно въ 982=1574 году (Ibid., стр. 454), хотя, какъ уже выше было замѣчено, раньше противъ него строилъ козни приближенный султана, мугеаррика Джедаль-бей, который и поплатился за это тѣмъ, что былъ сосланъ въ мѣстечко Монастырь, гдѣ и кончилъ жизнь свою, не получивши разрѣшенія возвратиться въ столицу, о чемъ онъ слезно умолялъ султана, какъ говоритъ Кара-Челеби-Заде (Ibid., стр. 453). Такъ, значитъ, твердъ еще былъ въ то время авторитетъ великаго муфтія.

²⁾ بلاد ثلاثہ есть не только встрѣчающееся въ прежнихъ сочиненіяхъ (напр. у Селяники, стр. 145 г.), но и до сихъ поръ употребляющееся (См., напр., Рузнамѣ-Джериден-Хавадисъ, № 1295), техническое названіе. Значеніе его объясняется въ одномъ мѣстѣ своей лѣтописи Найма, говоря подъ 1043 г.: *عاشر شعبانده که يوم الثلاثاء در بر شهزاده دنيابه کلوب بلاد ثلاثه متقابله ده که استانبول اسکار و*

غلطه در مع مضافاتنا آيين بغلابوب عظيم دونما و شنگ اولدی, т. е. «родился царевичъ десятаго ша'бана, который пришелся въ третій день чедъли (во вторникъ), какъ бы въ соотвѣтствіе *трехъ юродамъ*—Самбулу, Скадару и Галатъ, въ которыхъ съ окрестностями ихъ, по обычаю, было большое публичное гулянье» (I, 562). Слѣдовательно *بلاد ثلاثه* называются собственно упомянутыя три части города Константинополя.

³⁾ Институтъ судей довольно обстоятельно изложенъ въ *Насихат-намѣ*: тамъ сказано, что срокъ службы судей нисшаго разряда (*قاضی*) два года, по истеченіи которыхъ ихъ мѣста даются другимъ, а самимъ имъ назначается по 80, 100, 130 и 150 бѣлячковъ въ день содержанія. За ними слѣдуютъ муллы, получающіе 300—500 бѣлячковъ;

выходили съ пенсіономъ, иные же получали мѣсто при какомъ-нибудь училищѣ, и проводили остальную жизнь свою въ наукѣ¹⁾, богомыслии и молитвѣ о благоденствіи падишаха исламскаго. У нихъ не было, какъ у выѣзжихъ, щегольства, нарядовъ. Каждый изъ нихъ, по своей должности, соблюдалъ правду и справедливость, и былъ милосердъ къ рабамъ божіимъ, всюду куда бы онъ ни отправлялся. Выйдя-же въ отставку, они, днемъ и ночью занимаясь благородною наукою, писали разныя сочиненія: и теперь еще нѣкоторыя изъ ихъ произведеній находятся въ императорскомъ казначействѣ²⁾. Славныя имена ихъ до скончанія вѣка будутъ памятны въ устахъ народа. Господь-Истина ниспосылалъ благословеніе на имущества ихъ, и они строили разныя богоугодныя заведенія и благотворительныя учрежденія. Доселѣ во всѣхъ концахъ владѣній мусульманскихъ существуютъ ихъ соборныя и приходскія мечети, училища и школы, киновіи и обители. Теперь же путь науки въ высшей степени измѣнился³⁾. Прежде когда бывало студентъ желалъ сдѣлаться ученымъ, то онъ былъ отправляемъ къ одному изъ улемовъ, и сперва у него слушалъ вступительныя лекціи; и послѣ того какъ этотъ замѣтитъ въ немъ талантъ и способности, отсылаетъ его бывало къ одному изъ профессоровъ; а отъ этого еще къ какому-нибудь его отправляли. Такимъ образомъ, пройдя въ извѣстное время степени *хариджъ, дахиль и сахъ*⁴⁾, онъ затѣмъ поселялся въ ка-

а самую высшую юридическую инстанцію представляетъ шейхуль-исламъ. Назначеніе на мѣста и дальнѣйшее передвиженіе производится по представленію верховнаго визиря. Служба муллы не имѣетъ опредѣленнаго срока. (Zeitschr. d. D. M. G. B. XVIII, 722).

¹⁾ Селяники говоритъ, напр., что «въ мѣсяцъ джемази-уль-эввелъ салоникскій судья, Мухаммедъ-Челеби-эфенди, сынъ муфти Бустанъ-Заде-эфенди, желая жить въ столицѣ для усовершенствованія себя въ наукахъ, подавъ прошеніе о назначеніи ему пенсіона, ... и ему повѣстно дать 120 бѣлячьевъ пенсіона». (Тарихи-Селяники, 253 v.).

²⁾ Въ *Насихатимѣ*, какъ уже мы видѣли, совѣтникъ говоритъ султану, что «историческія сочиненія вѣроятно валяются гдѣ-нибудь у пашей или въ сокровищницѣ». (Loc. laud., стр. 710).

³⁾ У Веенка прибавлено: «Существующія у нихъ постановленія въ упадкѣ».

⁴⁾ *صحن*, *داخل*, *خارج* — суть техническія названія степеней знанія, въ которые посвящались учащіеся. Всѣхъ же такихъ степеней

комъ ему было угодно мѣстѣ, дѣлался кандидатомъ, и имя его вносилось въ императорскій реестръ. Старѣйшіе изъ ученыхъ степени *сазмъ* были репетиторами молодыхъ; каждому изъ нихъ назначалось по дошопнительной аудиторіи ¹⁾, и они преподавали науки живущимъ въ ней студентамъ. До 1007 (1598) года ученые степени *сазмъ* пользовались такимъ же высокимъ положеніемъ и почетомъ какъ теперешніе профессора ²⁾. Никто не былъ записываемъ въ кандидаты, пока онъ, въ качествѣ студента, извѣстное время не занимался въ училищѣ наукою. Безъ диплома никто не принималъ ни чьего студента ³⁾. Ученая карьера была въ

было 10. Но это подразделение не имѣло болѣе глубокаго основанія, которое бы стояло въ связи съ сущностью изучаемыхъ предметовъ, а было въ соотношеніи съ шлоами, различавшимися по окладамъ жалованья, назначеннымъ профессорамъ. (Staatsverfassung, II, 403). Науки и даже капитальныя по нимъ сочиненія, составлявшія предметъ публичныхъ лекцій профессоромъ, и полный курсъ образованія для людей, желавшихъ посвятить себя наукѣ, перечислялъ, въ своей автобіографіи, Кятибъ-Челеби, который самъ прошелъ всю эту мудрость подъ руководствомъ разныхъ современныхъ ему ученыхъ знаменитостей. (Автобіографіи эта издана въ текстѣ и съ переводомъ г. Виккергаузеромъ въ его Deutsch-Türkische Chrestomathie Wien, 1853 г., стр. 159 и слѣд. текста, и 166 и слѣд. перевода). Установленіе семилѣтняго срока для служебнаго передвиженія въ учебныхъ заведеніяхъ приписывается мурти Абу-с-Су'уду. (Ревзетуль-Эббаръ, 454).

¹⁾ *مدرسہ دار* были нѣчто въ родѣ нашихъ приготовительныхъ классовъ, которые, по турецкому обычаю, служили вмѣстѣ и аудиторіею и квартирою для учителей и учащихся. (Тарихи-Джеведъ, V, 174).

²⁾ *محند دانشدرلر نيك شديكي* А г. Вернауеръ предложеніе

مدرسہ قدر رفت واعتباري وار ابدی переводить: «hatten diezeitweiligen Muderris unter den Repetenten der sechsten Lehrstufe eine hohe Stellung und genossen ein demgemässes Ansehen». (Loc. laud., 291). Кучибей тутъ просто хочетъ сказать, что въ былое время студенты пользовались такимъ почетомъ, какъ теперь профессора, которыми тогда и цѣны не знали: ихъ чтили наравнѣ съ мудитегидами.

³⁾ Всякій профессоръ выдавалъ своему ученику, по окончаніи послѣднимъ курса наукъ, дипломъ, называвшійся *اجازة* — «отпускъ». Имѣя въ рукахъ этотъ дипломъ, данишмендъ могъ самъ заниматься преподаваніемъ наукъ устно, или изложеніемъ ихъ письменно. Одинъ такой дипломъ изданъ въ текстѣ съ переводомъ и примѣчаніями г. Беленомъ (въ Journ. As., Mai-juin 1855, стр. 556 и слѣд.).

высшей степени безукоризненна, чиста и регулярна. А потому среди них (ученых) не было нечестных и чужих. Всякий из них, идя своим путем, судья ли, профессора ли, и будучи все люди ученые, религиозные, почтенные и солидные, на профессорской кафедре занимались благородною наукою, а на служебномъ поприщѣ прилежно и добросовѣстно служили вѣрѣ и государству ¹⁾. Тогдашній великій старѣйшина ислама, Сан'Алла-Фенди нѣсколько разъ былъ удаленъ ²⁾, и все-таки, возвращаясь на свое мѣсто, говорилъ правду, и отнюдь не позволялъ себѣ небрежности въ дѣлѣ вѣры и государства. Эта должность не такова, чтобы тутъ можно было неглижировать; неопозволительно и лицемеріе. Мало-помалу, вследствие того что во вѣдѣхъ дѣлахъ приѣзжало лицемеріе и небрежность, и все дѣлалось спущенъ рукава, бесчисленное множество должностей роздано людямъ незаслуживающимъ ихъ, и старинный законъ нарушенъ. Равнымъ обра-

¹⁾ Въ прочихъ кодексахъ къ этому присовѣдуется: «Несомнѣнная была отъ нихъ польза рабамъ Божиимъ. Только подъ конецъ, съ 1003 (1594) г. этотъ порядокъ нарушился». Далѣе въ кодексѣ Везика и у Пети де-ла-Кроа есть такой отрывокъ, котораго нѣтъ ни въ пербургскомъ, ни въ вѣнскомъ спискахъ, а именно: «Такъ какъ нѣкогда шейхуль-исламъ Сан'Алла-Фенди нѣсколько разъ безъ причины былъ отставленъ, и вѣнскіе судьи тоже часто были смѣщаемы, то поступающіе на ихъ мѣсто, будучи, изъ страха отставки, принуждены симпатизировать заодно съ государственными сановниками, не говорили правды Его Величеству; все предались подобострастію. Но твердые въ религіи и истинные правовѣрные, не боясь отставки, говорили правдивыя рѣчи».

²⁾ Въ первый разъ онъ былъ смѣщенъ въ мухарремѣ 1010 года, благодаря самоуправству Емишчи-Хасанъ-паши, которому онъ противо-дѣйствовалъ въ его неразумныхъ замышленіяхъ и предположеніяхъ (Фезликъ, 71 г.; Ревзетуль-Эбраръ, 490); въ реджебѣ слѣдующаго года онъ опять занялъ прежнее мѣсто (Ревзетуль-Эбраръ, 492). Во второй разъ онъ былъ удаленъ въ томъ же 1011 году, опять по пред-ставленію Хасанъ-паши, который доложилъ султану, что будто бы великій муфти участвовалъ во всѣхъ мятежахъ и помогалъ бунтовавшимъ тогда сипагамъ (Фезликъ, 72 г.; Тарихи-Наима, I, 162 и 164). Но въ мухарремѣ 1013 года онъ снова назначенъ вмѣсто Абуль-Меамина (Ревзетуль-Эбраръ, 499). Наконецъ, въ третій разъ онъ былъ отставленъ стараніями верховнаго визиря Дервишъ-паши въ 1015 году (Ibid., 507; Фезликъ, 137 г.).

зомъ, такъ какъ воинскіе судьи въ короткое время низачто нипрочно были смѣняемы, то тѣ изъ нихъ которые покорыстиѣе и пожаднѣе, смотрѣли на время назначенія своего только какъ на случай, и притомъ какъ на удобный случай поживиться ¹⁾), и должности, большею частью, отдавали людямъ неспособнымъ. А съ тѣхъ поръ какъ степень кандидата не дается надлежащимъ порядкомъ, а стала продаваться, то писаря воеводъ и полицейскихъ надзирателей и нѣкоторые изъ простаго народа позакупили себѣ за 5—10,000 бѣлячковъ степень кандидата, да потомъ въ скоромъ времени и подѣлались профессорами и судьями; и сосудъ знанія наполнился невѣжествомъ. Ни великаго, ни малаго, ни хорошаго, ни дурнаго—не распознать стало. Большею частью вовсе не по праву носившіе имя улемовъ были все такого рода невѣжды и проходимцы. А то бы развѣ служившіе наукѣ и вышедшіе надлежащимъ путемъ улемы уклонились—чего насъ, Боже, сохрани!—отъ истины?! Наконецъ, такъ какъ ни хорошимъ людямъ не оказывалось больше уваженія, за нихъ добродѣтель, ни презрѣнія дурнымъ, за нихъ злокачественность, и ученый не отличался отъ неуча, отчего ученаго достоинства узнать стало нельзя, то утратился авторитетъ великихъ улемовъ въ народѣ; въ немъ не осталось ни крошки сочувствія къ нимъ; почтеніе и уваженіе исчезло. Прежніе улемы были люди религіозные и праведные; они ни на юту не уклонялись отъ истины и, помышляя о величїи и всемогуществѣ Творца Небеснаго, боялись Его; а весь народъ, въ свою очередь, боялся ихъ. Если они скажутъ—бывало: «въ этомъ дѣлѣ Богъ такъ повелѣваетъ», то всякій говорилъ только: «слушаюсь и повинуюсь»! никто не смѣлъ противорѣчить. Прежде, когда низайшій рабъ (я) только что прибылъ въ Истамбулъ, хотя великіе улемы не имѣли, подобно нынѣшнимъ, свиты и слугъ, но если, бывало, идетъ по дорогѣ какой-нибудь профессоръ, Вашъ (султановъ) богомолецъ ²⁾, то весь

¹⁾ Любопытны разсужденія по этому поводу халебскаго беглербея Хусейнъ-паши: когда его за разныя насилія хотѣли уволить отъ должности въ 1053 году, то онъ воспротивился этому, говоря: «Я за свое мѣсто заплатилъ столько денегъ, что еще не успѣлъ вернуть ихъ»,—и дѣло обошлось только перемѣщеніемъ его въ Сивась. (Фезликъ, 254 г.).

²⁾ مدرس داعلری بولدن لچمه. Бернауеръ переводитъ: «wenn

народъ свидѣтельствовалъ ему почтеніе. Они пользовались полнымъ почетомъ и авторитетомъ. Когда они выходили изъ дома, то и сами и люди ихъ всегда въ старинныхъ ¹⁾ одеждахъ, безъ украшеній и всякихъ вычуръ; попусту не баклушничали да не искали мѣстъ и должностей; всякій сидѣлъ себѣ дома да занимался наукою. А если и выходили, то развѣ на уроки или въ мечеть, или же для того чтобы посѣтить боголюбивыхъ людей. Въ глазахъ народа они были почтенны и достойны равнаго съ мудрецами уваженія. Еслибы въ настоящее время ученый и невѣжда не разсматривались одинаково, и людямъ науки и знанія было бы отдаваемо предпочтеніе, то въ короткое время, милостію Всевышняго, они бы опять достигли прежняго положенія. Давать мѣста по протекціи негодится: они должны быть даваемы тому кто ученѣе. Въ судебской карьерѣ главное дѣло есть наука, а не возрастъ, не лѣта, не положеніе, не личное уваженіе, не благородство происхожденія. Теперь если вздумаютъ соблюсти наибольшую справедливость ²⁾, дадутъ мѣсто старику; но старость, судя по-божески, не есть еще краугольный камень правосудія. Коврикъ божественнаго закона долженъ принадлежать правдивымъ и ученымъ ³⁾. Невѣжду, только потому что онъ старикъ, предпочитать ученому есть

die Schüler eines Muderris vorübergingen». (Loc. laud., 292). Но **داعلى** есть скромный эпитетъ, подобный, напр., **فقير حفيظ** = «я», мѣстоименный аффиксъ 3-го лица **لى** относится къ султану о которомъ, когда къ нему обращаютъ рѣчь, всегда говорятъ въ третьемъ лицѣ, какъ напр. **حضرتلى**. Емишчи-Хасанъ-паша, докладывая султану о необходимости смѣнить муфти Сая'Аллу-эфенди, говорилъ: «Ана-гольскій воинскій судья, г. Мустааа-эфенди, **Ваши божомолецъ** (**داعلى**), во всякомъ случаѣ, благочестивый, набожный, трезвый и солидный человекъ». (Тарихи-Наима, I, 163).

¹⁾ **بابايانه لباسار** собственно значить «отцовское платье».

²⁾ Г. Вернауеръ почему-то выраженіе **شدى زياده عدل** понялъ въ обратномъ смыслѣ, а именно: «Jetzt, in einer Zeit wo so viele Abweichungen vom Wege des Rechts vorkommen». (Loc. laud., 293).

³⁾ Въ кодексъ Вефика добавляется: «Училища также должны быть вѣрными способнымъ проникать въ тонкости науки».

обида, съ точки зрѣнія правды. Будь хоть и юноша, лишь бы ученый да правдивый, нужды нѣтъ. Да и въ имамской должно-сти болѣе знаніе сунны имѣетъ преимущество предъ возрастомъ. А особливо въ должности судейской, возрастъ и годы должны имѣть преимущество лишь въ то время когда личности будутъ равны. Если старикъ и молодой будутъ равны въ наукѣ и познаніяхъ, то лучше отдать предпочтеніе старику; а не получившій научнаго образованія имѣй хоть тысячу лѣтъ отъ роду, не будетъ отъ того пользы для рабовъ божіихъ: онъ не въ состояніи будетъ отличать истины отъ лжи. Но все дѣло въ кандидатствѣ ¹⁾; пусть только муллы не продаютъ степени кандидата, а пусть каждый даетъ эту степень только тѣмъ кто заслуживаетъ ея, и въ короткое время курсъ наукъ придетъ въ надлежащій порядокъ: люди достойные возьмутъ верхъ надъ невѣждами. А то черзчуръ ужъ многомъ стала даваться ²⁾ степень кандидата; (сообразно съ этимъ)

¹⁾ ملازمتъ употребляется въ источникахъ въ смыслѣ вообще «кандидатуры на какую-либо должность», и не только судейскую, но и военную. (Тарихи-Джедетъ, V, 169). А такъ какъ начинающіе юридическую карьеру должны сперва пройти курсъ наукъ, то окончившіе этотъ курсъ также называются ملازمъ, что равнозначуще нашему «кандидату»; а ملازمتъ, слѣдовательно, есть «звание, степень кандидата». Дипломъ же на эту степень называется еще ملازمتъ کاغذی. (Ibid., 175)

²⁾ ویریلور اولدی. Г. Шлоттманъ въ своей статьѣ *Über die Bedeutungen der türkischen Verbalformen*, трактуетъ въ § 10 о такъ, названныхъ имъ Periphrastische Praeterita (gitmez oldu — oldıjdu, gitmekde oldu — oldıjdu и т. д.), говорить, что «въ этомъ сочетаніи аористъ встрѣчается только въ отрицательной формѣ (какъ gitmez), въ положительной же единственно употребляется лишь перипразъ (gitmekde)... Pederi ve validesi zıjâretine dachi varmaz oldu («Онъ тоже не сталъ больше посѣщать родителей»). — Pes Merhume minvâli meşruh üzre yûâdet itmekde oldu («Потомъ покойникъ началъ вышеописаннымъ образомъ молиться»). Оба примѣра изъ *Тутинамэ*, стр. 4 и 39». (Zeitschr. d. D. M. G. B. XI, стр. 29). Между тѣмъ, что-же такое будетъ за форма вышеприведенное ویریلور اولدی или ایدر اولدیлар (Рисале, стр. 42 петерб. списка), а также еще

чаще стало происходить назначеніе арпалыковъ и жалованья; если одному слѣдуетъ арпалыкъ или жалованье, то въ ассигновкѣ пишутъ нѣсколькихъ кандидатовъ. Во всякомъ случаѣ званіе кандидата стало выходить изъ законныхъ предѣловъ. За это время нѣкоторые безбожные и безсовѣстные воинскіе судьи, позаписавши множество кандидатовъ, наполнили (ими) императорскій реестръ. Нѣкоторымъ изъ нихъ сдѣлана была прибавка содержанья. Въ какіе-нибудь года два вмѣсто 1—2 кандидатовъ очутилось 150. Вслѣдствіе этого положеніе судей сдѣлалось запутанное и безпорядочное; и по причинѣ такого столпленія ихъ, ни одинъ судья, уже два года носившій званіе кандидата, не могъ получить должности; ихъ постигала бѣдность и нужда, и всѣ они доходили до нищенства. Откроется одна вакансія, на нее 15—20 человѣкъ окажется желающихъ; а такъ какъ она должна же быть отдана кому-нибудь одному, то прочіе оставайся не при чемъ. Если не поботиться о нихъ, то положеніе ихъ еще хуже разстроится. Средство помочь этому заключается въ надлежащемъ распоряженіи

آلنور اولدی (Тарихи-Селяники, 197 v., 199 г., 200 v.), (Фезли-
Ibid., 199 г.), کلور اولدی (Ibid., 222 г.), باندرا اولدی (Ibid.,
98 v.), ایدر اولدی (Тарихи-жевдетъ, V, 177), и мн. др.?
По смыслу, всѣ приведенныя выраженія совершенно аналогичны съ
называемымъ у г. Шлоттмана Praeteritum cum praesente
(gitmekde oldu), т. е. они значатъ: «началъ даваться, начали дѣлать,
начали дѣлаться, началъ брать, началъ браться, начали занимать,
началъ приходить, начали дѣлать». По составу же своему это есть
приставка глагола въ соединеніи съ прошедшимъ временемъ
въ вкл. вспомогат. глагола اولق — словомъ сказать, это та
форма существованія которой въ турецкомъ языкѣ отрицаетъ.
Шлоттманъ, ставя на ея мѣсто перифразъ (gitmekde oldu). Од-
нако же объ эти формы только аналогичны, но не тождественны: шлот-
мановъ перифразъ есть praeteritum cum praesente, т. е. показы-
ваетъ, что извѣстное дѣйствіе началось и продолжается: «онъ на-
чалъ посѣщать родителей и (подразумѣвается) продолжаетъ это дѣ-
лать»; вторая же есть praeteritum cum aoristo, т. е. показываетъ,
но дѣйствіе когда-то началось, но (подразумѣвается) могло уже и кон-
читься. Слѣдовательно вышеприведенное положеніе г. Шлоттмана не-
достаточно.

званіемъ кандидата: пусть не дають степени кандидата свыше количества положеннаго закономъ, и, притомъ, чтобы никто не могъ получать ее кромѣ тѣхъ кто заслуживаетъ; чтобы ученый и неучъ не стояли на одномъ счету. Тогда, милостію Всевышняго, скоро дѣло уладится. Забета о положеніи судей есть одно изъ самыхъ важныхъ дѣлъ. А то они въ крайнемъ приниженіи и пренебреженіи. По жалобѣ какаго-нибудь квартальнаго надзирателя, или сборщика поземельной подати, ихъ лишаютъ должности; а нѣкоторые и безъ всякой причины получаютъ отставку. Въ народѣ не стало уваженія къ нимъ; представленій ихъ не стали слушать: если они заявятъ о комъ-нибудь, что онъ негодяй, то это служить къ его же возвышенію. Какъ-же имъ устранять притѣсненія и осуществлять судебные приговоры? По всякой жалобѣ не должно отнимать у нихъ должностей. Послѣ того какъ уже будетъ разслѣдовано объ ихъ несправедливости, слѣдуетъ ихъ подвергать наказанію. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того какъ съ полною точностью будетъ известно о тѣхъ изъ нихъ которые несправедливы, то, не довольствуясь простой отставкой, слѣдуетъ кого ссылать, а кому давать вѣчную отставку. Несправедливый, гдѣ бы онъ ни былъ, долженъ быть наказываемъ; отъ потворства-же государство будетъ изъ рукъ вонъ. А впрочемъ, повелѣвать есть воля Его Присутствія, падишаха, Убѣжища Міра».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

«О первоначальной причинѣ порокѣвъ состоянія большихъ и малыхъ монетѣвъ, и о томъ, въ чьи руки порешили они».

«Отъ благословеннаго и проникательнаго ума Его Присутствія, августѣйшаго, могущественнѣйшаго, обладающаго многочисленныя какъ звѣзды воинствомъ, падишаха не должно быть сокрыто, что одна важная причина возникновенія и распространенія по лицу земли мятежей и волненій, золь и смятеній, а также усиленія и преусилія мержавцевъ и злодѣевъ заключается въ томъ, что у

владѣльцевъ большихъ и малыхъ помѣстій, которые и составляли настоящую рать за вѣру и государство, теперь отнято содержаніе, и отъ нихъ ни слѣда, ни имени не осталось. Государство охвачено неурядицами и мятежами. До 992 (1584) года сѣла и пахотныя поля были въ рукахъ мужей сабли и сыновъ очага, а чужіе всякая сволоочь не имѣли къ нимъ доступа; не попадали они и въ сундуки къ вельможамъ и знатымъ¹⁾. Первоначальная перемена произошла оттого что нѣкогда назначенный главнокомандую-

¹⁾ اکبر و اعیان سپدرلینه کیرمشردی. Здѣсь подразумѣвается режимъ подлежащее *قری و مزارع*. Г. Бернауеръ-же переводитъ это такъ: «die Grossen und Angesehenen nahmen keine Korblehen», принимая, очевидно, за подлежащее *اکبر و اعیان*. Это техническое выражение встрѣчается не у одного только Кучибей, но у всѣхъ, сколько я знаю, современныхъ ему писателей. Что же касается до значенія его, то Дидъ, напр., первый стихъ 10-й строфы касыды Вейси — *سپندرده قلبی* перевелъ слѣдующимъ образомъ: «In verdunkelung liegen die Timars und Ziamets der Sipahis, sie sind ensationen geworden». (Fundgruben des Orients, B. I, 254). Когда же де-Саси нашелъ это неудобовразумительнымъ и пожалѣлъ о томъ, то Дидъ не растолковалъ хорошенько буквального смысла этого стиха касыды (Magasin encyclopédique, T. VI, стр. 444), то послѣдній, въ отвѣтъ рецензенту, сообщилъ самое подробное объясненіе слова *سپت*. Вотъ оно. «Слова *سپت sipet*, говоритъ онъ, которое лучше писать *سبت* — «затмѣніе», нѣтъ въ словаряхъ. Значеніе его можно узнать или изъ употребленія или изъ книгъ, въ которыхъ оно встрѣчается. Оно не имѣетъ ничего общаго съ персидскимъ словомъ *سپت*. Уже разница въ начертаніи обоихъ словъ указываетъ на разность значеній того и другаго. Я не знаю корня *سبت*. Однако я думаю, что оно происходитъ отъ арабскаго *سبت*, которое, между прочимъ, значить «покоиться», «почивать»; потому что похѣнные дены, въ самомъ дѣлѣ, вѣдъ приходить въ бездѣйствіе и не остаются существовать для сипаговъ». (Unfug und Betrug, стр. 581). Между тѣмъ, обращаясь къ книгамъ, находимъ, что слово *سپت* пишется, какъ въ вышеприведенной фразѣ Кучибей, и *سپل*; слѣдовательно правописаніе его если не помогаетъ, то, во всякомъ случаѣ, и не мешаетъ отысканію его кореннаго происхожденія. Въ арабскомъ оно выговаривается *سفت*, гдѣ несуществующая въ арабскомъ ала-

щимъ противъ персовъ Ыздемиръ-Оглы-Османъ-паша ¹⁾ впервые приказалъ выдать нѣкоторымъ чужестранцамъ за выказанную ими

вѣть буква ب, по общему правилу, замѣнена буквою ف. Что оно есть чисто персидское سبیل — «плетенка», «корзинка», это видно изъ употребленія его у писателей въ одинаковомъ смыслѣ съ словомъ صندوق —

«сундукъ», «шкатулка». Напр. Селяники говорятъ: عسکر اسلام فلیجلری چاوشларه و کانبلره و متفرقهلره و اکابر نوکرلرینه و ایچ اوغلنلرینه و یریلوب محصولی خادمлره و دلسزلره و سائر سفره کتمز

اکابرлره صندوقنه کیرمکه سرحد منصوره فایجلری نقص و زوال کلدی, т. е. «такъ какъ мечи войска исламскаго (какъ назывались земельные удѣлы) даются чаушамъ, письмоводителямъ, гофурьерамъ, вельможескимъ слугамъ и пашамъ внутреннихъ покоевъ, и доходы съ нихъ поступаютъ въ сундуки евнуховъ, нѣмыхъ и прочихъ не отправляющихся на войну вельможъ, то мечи богопомогаемой границы пришли въ разстройство и упадокъ». (Тарихи-Селяники, 238 г.). Въ другомъ

мѣстѣ: شمدی اول دیرلکلر آستانه ده اکابر قیوسنده نوکرلر نامه, т. е. «теперь грамоты на тѣ кормленія (т. е. на надѣлы) выдаются въ Портѣ на имя слугъ вельможъ, въ коробки и шкатулки которыхъ и поступаютъ доходы съ нихъ». (Ibid., стр. 241 v.). У Нанмы также въ одномъ мѣстѣ сказано: تیمار و زعامتлر احوالی مختل و اکثری متغیبلر سبیلله در صندوق

اولشیدی, т. е. «положеніе большихъ и малыхъ помѣстій стало запутанное: большинство ихъ попало въ сундуки» (I, 555); а въ другомъ мѣстѣ: فلیج زعامت و تیمار سیпته кیرмکه عسکر قالлді, т. е. «съ поступленіемъ большихъ и малыхъ помѣстій въ шкатулки не стало войска» (514). Слѣдовательно нѣтъ никакого сомнѣнія къ томъ, что

сіпте, или даже سبیت, тожественно съ персидскимъ سبیل, и что выраженіе سیпترلره кیردی — «разошлись по шкатулкамъ» — слишкомъ просто, чтобы приписывать ему какое-то особое, специальное значеніе, какъ это дѣлаетъ г. Вернауеръ, который такъ объясняетъ выраженіе تیمار و زعامت : d. h. die zu Konstantinopel und Adrianopel, nicht ordnungsmässig an Ort und Stelle verliehenen Lehen». (Zeitschr. d. D. M. G. B. XI, 112).

¹⁾ Біографія этого черкеса, кончившаго жизнь въ 993 году во время персидскаго похода (Ревзетуль-Эбраръ, 466), находится у Селяники и, странно, подъ 979 годомъ гижры. (Тарихи-Селяники, 40 г.).

храбрость по 3,000 бѣлячковъ ¹⁾, и этимъ путемъ они нашли для себя удобный случай (проникать на службу въ наши войска). Сперва давали хорошимъ людямъ, послѣдующіе же (главнокомандующіе), ²⁾ говоря: «вотъ это дѣло» —, а не разбирая, хорошее оно или дурное, стали давать грамоты (на награды) зря, тѣмъ кому и не слѣдуетъ, кто ни по рожденію, ни по происхожденію не пользовался содержаніемъ; даже такого рода лицамъ, какова толпа ничтожныхъ, ни къ чему негодныхъ людей изъ класса горожанъ и поселянъ. Кому хотѣлось имѣть большое или малое помѣстье, тотъ въ одинъ день получалъ малое помѣстье въ 100,000 бѣлячковъ ³⁾. И такъ какъ вананси стали даваться отъ Порога Счастья, то вельможи и государственные сановники отдавали открывавшіяся мѣста членамъ своей свиты, слугамъ и подчиненнымъ своимъ; отборныя изъ находящихся въ исламскихъ владѣніяхъ большихъ и малыхъ помѣстій, вопреки святому закону и вопреки великому канону, присвоили — одни къ башмакыкамъ, другіе къ арпалыкамъ ⁴⁾, инныя же къ собственнымъ императорскимъ имѣніямъ; нѣкоторые обратили въ наслѣдственные владѣнія и церковныя отказы, инныя же въ пенсіоны нѣкоторымъ пребывавшимъ въ тѣлесномъ здравіи лицамъ. Вообще большія и ма-

¹⁾ У Пети де-ла-Кроа: «des Timars de trois mille d'aspres de revenue». (Loc. laud., 216).

²⁾ Безъ этого прибавленія, что въ скобкахъ, трудно понять фразу **صکره کلنلر کار بو در دیوب ابو گم دیوب** и т. д., которую г. Бернауеръ перевелъ такъ: «Sie kamen und sagten: hier ist das beste Geschäft zu machen» (Loc. laud., 295), подразумѣвая подъ **صکره کلنلر** очевидно, преждее, подлежащее **اجنبی**. Но въ кодексѣ Вефика предъ-
идущее предложеніе читается иначе: **ابتداده عثمان پاشا ابولره** и т. д., и такимъ образомъ становится понятно кого надо разумѣть подъ **صکره کلنلر**.

³⁾ Последнее нѣсколько не вяжется съ тѣмъ законоположеніемъ, по которому малымъ помѣстьемъ — **تیمار** — признается лишь имѣнье приносящее не свыше 19,999 бѣлячковъ. Но здѣсь слово **تیمار** нужно, понимать въ общемъ смыслѣ «имѣнья».

⁴⁾ Хаджи-Каллеа, въ некрологѣ великаго муфти Абуль-Меаминъ. Мустафы, говоритъ, что онъ въ 1012 г. получилъ въ арпалыкъ сдѣ-

лыя помѣстья сдѣлались жертвою вельмож¹⁾. Ужь сколько времени теперь большія и малыя помѣстья во владѣніи у беглербеевъ и санджакъ-беевъ, визирскихъ агъ, у артели мѣтефаррикъ, чаушей, письмоводителей, у аравы нѣмыхъ и карликовъ, у государевыхъ любимцевъ и знатнѣйшихъ изъ полковой челяди: кто на своихъ слугъ, а кто и на несвободныхъ рабовъ выправилъ жалованныя грамоты. Имена-то людей ихъ, доходы же сами пожираютъ. Между ними есть люди имѣющіе по 20—30 и даже по 40—50 большихъ и малыхъ помѣстій, плоды которыхъ они пожираютъ; а случись императорскій походъ, то, говоря про себя: «только бы на смотру быть», дадутъ тысячи двѣ бѣлячковъ на харчи; одѣнутъ, вмѣсто кирасы и латъ, въ армякъ да шапку, и пошлютъ въ походъ нѣсколько носильщиковъ и верблюдинокъ, каждого на ломовой лошади; а сами въ роскоши и удовольствіяхъ въ усъ себѣ не думютъ, хотъ цѣлый міръ разрушется. Врагъ—чего оборони, Боже!—хотъ весь свѣтъ забери, а они не знаютъ, что такое и война. Живутъ себѣ по-княжески; а чтобъ подумать о вѣрѣ и государствѣ—это совсѣмъ и въ голову имъ не приходитъ²⁾. Мало того, такъ какъ большія и малыя помѣстья назначаются отъ Порога Счастья, то одна только десятая часть находящихся въ богохранимыхъ исламскихъ владѣніяхъ зі'аметовъ и тимаровъ безспорны; остальные же всѣ спорны. Верховный визиръ только и знай что приказывая подчиненнымъ своимъ выслушивать тяжбы о большихъ и малыхъ помѣстьяхъ: ему уже не остается времени вѣдать другія дѣла и заниматься важными государственными

авшееся вакантнымъ большое помѣстье **زعامت**, приносящее 60,000 бѣлячковъ дохода. (Фезлика, 111 г.).

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ кодексъ Вефика содержитъ въ себѣ слѣдующее прибавленіе: «Эти перемены и безпорядки сдѣлались причиною упадка храбраго войска, бывшаго виновникомъ могущества, славы и силы государства. Такимъ-то образомъ, получающее жалованье войско вербовалось изъ низшаго сорта людей, изъ которыхъ не только ни одинъ не отличался, а, напротивъ, они-то въ мирное время и служили зловнымъ оружіемъ для мятежей и возмущеній, ставшихъ, спустя короткое время, непрерывными».

²⁾ Незвѣстный росіянинъ говоритъ въ вышеупомянутомъ описаніи Турціи насчетъ воинства турецкаго слѣдующее: «Кои есть всѣ люди турецкіе во всемъ своемъ царствіи турецкомъ всѣ онѣ тѣ подглаву

предметами ¹⁾. Въ рукахъ каждого множество жалованныхъ грамотъ, да штукъ 15 — 20 подтвердительныхъ документовъ ²⁾. Въ документъ одного написано: «Право принадлежить этому. До моего (султанскаго) свидѣнія ³⁾ дошло, что противникъ его чрезъ подлогъ и обманъ вторгнулся и совершилъ правонарушеніе. Этого ввести во владѣніе, а противнику его отказать». Въ высочайшей грамотѣ и указахъ, находящихся въ рукахъ его противника, буквально то же самое: «Право принадлежить этому; ввести его во владѣніе.» Такимъ образомъ Его Присутствію, августѣйшему падишаху, Убѣжищу Мира, приписываютъ невѣжество и лживость; высочайшія грамоты и монаршіе указы дѣлають предметомъ глумленія и наносятъ ущербъ достоинству высочайшей власти. Возбуждая Зейда къ спору съ Амру, Амру же съ Зейдомъ, они всячески притѣсняють солдатъ владѣльцевъ большихъ и малыхъ помѣстій ⁴⁾. Доходы бѣдняковъ утериваются во время тяжбъ этихъ,

турские люди до войны брани онѣ худы и немогутъ онѣ войны брани держать ради того что онѣ все тѣ люди неумѣютъ и незнають бою войны воевать и все слабы и тяжкие люди онѣ есть невойсковые извычей ихъ такъ есть вдомѣхъ своихъ спокоемъ сидать».

¹⁾ У Хаджи-Кальфы подъ 1048 г. описанъ одинъ процессъ изъ-за зѣамета, который, пройдя все инстанціи, дошелъ, наконецъ, до самаго султана и кончился тѣмъ, что обоимъ спорившимъ отрубили головы. (Фезликэ, 243 v.).

²⁾ **مقررنامه** называется документъ которымъ только подтверждаются уже существующія права на владѣніе чѣмъ-либо, на занятіе известной должности: послѣдняго рода **мукаррарнамэ**, напр., было дано правителю Тульчи, Мухаммедъ-пашѣ въ 1047 г. (Фезликэ, 240 v.). «Въ 1031 году, послѣ убіенія султана Османа II, говоритъ Хаджи-Кальфа, большинство агъ были уволены; Хусейнъ-паша, дефтердаръ и Омаръ-ага сдѣлались сегбанъ-баши, а силихдаръ египетскимъ беглеръ-беемъ. Прочимъ же беглеръ-беемъ послана *подтвердительная грамота* (**مقررنامه**)». (Ibid., 172 r.).

³⁾ Это; очевидно, есть выдержка изъ султанской резолюціи, и потому Джевдетъ-эфенди въ своей исторіи, для большей ясности, вмѣсто **مسئوع همايونم اولدی** поставилъ **سمع همايونه واصل اولشدر** (V, 204).

⁴⁾ Г. Бернауеръ это мѣсто — **زیدی عمروه وعمری زیده**

и поселяне окончательно угнетены. Въ то время какъ нѣкоторые ратники, отправляясь въ походъ, ради счастливыхъ военныхъ успѣховъ Его Величества жертвуютъ жизнью и головою своею, противники ихъ пребываютъ себѣ въ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ дома. А какъ только наступитъ доходное время, то, съ грамотою отъ Высокаго Порога, кто самъ собираетъ всѣ доходы тѣхъ бѣднягъ; доходы же другихъ забираетъ блюститель правосудія, судья ¹⁾, и такимъ образомъ большія и малыя помѣстья пришли въ разстройство; покупщики и продавцы исчезли. Бывало прежде, когда придетъ въ какую провинцію указъ высокаго правительства, то въ селахъ и городахъ той провинціи дѣлалась суматоха; всѣ, большіе и малые, приходили въ страхъ; говоря: «падишахскій фирманъ пришелъ!», всякій подставлялъ уши (чтобы слушать, разумѣется). Теперь же и указы, и высочайшія грамоты, какаго бы дѣла не касались, всѣ нипочемъ: въ одинъ годъ пишется до тысячи высочайшихъ грамотъ и свидѣтельствъ, другъ другу противорѣчащихъ; а вслѣдствіе этого положеніе большихъ и малыхъ помѣстій также сдѣлалось въ высшей степени запутанное. Позаботиться же объ этомъ есть просто священный долгъ, потому что округи и провинціи во владѣніяхъ мусульманскихъ существуютъ лишь по имени, но не въ дѣйствительности: они стади тѣломъ безъ

طو تشدروب ارباب تيمار وزعامت قوللرينه کلي غدر ايدرلار, котораго недостаетъ въ его списокъ, переводить такъ. «Jndem man den Zeid für den Amr und umgekehrt den Amr für den Zeid hielt, also öfters ein Quiproquo eintreten liess». (Loc. laud., 296, пр. 3). Но طو تشدرمقъ есть понудит. «орма отъ طو تشق» — «схватиться съ кѣмъ», «ссориться». (См. это слово у Будагова).

¹⁾ Въмѣсто حکم ابدن قاضی القوب, Джевдетъ у себя написалъ просто: قاضی بلده آلور اولدی. (Тарихи-Джевдетъ, V, 204). Это значить, что господинъ, не по праву собиравшій доходы съ имѣнья отпавившагося на войну тимариота, дѣлился съ мѣстнымъ судьей, который бы, очевидно, могъ воспротивиться такому правонарушенію. А г. Бернауеръ это мѣсто переводитъ: «oder der Kâdi fällt darüber einen Machtspruch und legt selbst darauf (т. е. на доходы) Beschlagn». (Loc. laud., 296).

духа. Душой, блескомъ и красотою всѣхъ провинцій были владѣльцы большихъ и малыхъ помѣстій. Во время же предпринимаемыхъ теперь походовъ, всѣхъ солдатъ отъ владѣющихъ большими помѣстьями въ Румелии, Анатолии и другихъ провинціяхъ гоффурьеровъ, чаушей, писцовъ и прочихъ заимовъ и тимариотовъ, наберется только 7—8000 человекъ. Да и изъ тѣхъ-то большая часть все наемщики и слуги; а отъ прочихъ ни имени, ни слѣдовъ не осталось. А если такъ, то что же можно подѣлать съ 7—8000 человекъ, и какимъ образомъ можно достигнуть цѣли? Словомъ, причина того что большія и малыя помѣстья пришли въ такое состояніе, заключается въ томъ, что назначеніе на открывающіяся вакансіи производить въ Высокомъ Порогѣ верховный визирь; потому что колъ скоро беглеръ-бей давали (вакансіи) нестоящимъ, то люди достойные приходили въ императорскій Диванъ и жаловались; а когда верховный визирь отдаетъ незаслуживающимъ того людямъ, то кому же будутъ жаловаться люди достойные? Въ артели акынджи есть получающіе жалованье солдаты; другіе только слывуть подъ именемъ солдатъ; а кто и совсѣмъ отказывается отъ этого званія, такъ что осталось всего только 2000 акынджи. А румелійскіе юруки и муселлемы занялись казенными арендами ¹⁾; находящіеся же въ анатольскихъ провинціяхъ пѣхотинцы бросили даже самое названіе *тимаръ*. Теперь изъ означенной артели ни одинъ нейдетъ на войну. Ихъ обязанности исправляютъ владѣльцы большихъ и малыхъ помѣстій ²⁾—это отборное-то войско—, которые до того унижены, что занимаются даже поденщиной. При такомъ положеніи дѣлъ, какимъ же образомъ будутъ наказаны враги вѣры, и какъ будетъ правиться царская служба? Таково истинное положеніе дѣлъ. А впрочемъ, власть и воля моего государя.»

¹⁾ *مکات* — «удѣль». Значеніе этого учрежденія въ *Насихатнаме* объясняется такъ: «*Мукат*'а состоитъ въ томъ, что кому-либо сдается извѣстная пошлина или какой-нибудь рудникъ за годовую арендную плату отъ 10—50 милліоновъ піастровъ». (Zeitschrift d. D. M. G. V. XVIII, 726).

²⁾ Въмѣсто этого у Везика-эфенди сказано: «Ихъ обязанности стали исправлять солдаты тимариотовъ».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

«О причинѣ увеличенія числа существующихъ въ настоящее время солдатъ, которые получаютъ жалованье» ¹⁾).

«Солнцесіятельному уму Его Присутствія, августѣйшаго и могущественнѣйшаго падишаха, Покорителя Мира, уже доложено, сколь велико было прежде количество состоящихъ на жалованьи солдатъ. Затѣмъ, такъ какъ означенныя корпораціи со дня на день стали увеличиваться ²⁾, то развѣ хватить жалованья на такое количе-

¹⁾ У г. Вернауера добавляется: «и о возвышеніи ихъ жалованья».

²⁾ Въ кодексѣ Вефика тутъ слѣдуетъ вторичный перечень получавшихъ казенное жалованье чиновниковъ, а именно:

	Въ VII гл.	Въ III гл.
1. Госоурьеровъ высочайшаго двора	423	124
2. Отвѣдывальщиковъ	38	40
3. Императорскихъ регистраторовъ	12	40
4. Секретарей Государственнаго Совѣта	44	31
5. Письмоводителей императ. казны и писцовъ	118	17
6. Писцовъ финанс. вѣдомствъ, состоящихъ на мѣсячномъ жалованьи	18	—
7. Гайдуковъ высочайшаго двора	932	920
8. Дверниковъ	1,832	356
9. Дѣтей сипаговъ	7,000	2,210
10. Оруженосцевъ	2,500	3,127
11. Жалованьщиковъ правой руки	2,000	407
12. „ лѣвой „	1,400	406
13. Чужестранцевъ правой руки	900	407
14. „ лѣвой „	905	407
15. Императорскихъ конюховъ	4,246	4,357
16. Янычаръ, сегбановъ, пѣхотинцевъ и псарей	46,113	13,599
17. Аджемъ-оглановъ въ Констант., Адрианополи, Галиполи и въ собств. Его В—ва садахъ	9,200	7,495
18. Кухмистеровъ и офиціантовъ	4,246	489
19. Оружейниковъ	5,978	625
20. Пушкарей	1,452	1,099
21. Возничихъ артиллеріи	591	400
22. Палаточниковъ	715	229
23. Знаменосцевъ	262	157

ство солдатъ? Кромѣ этихъ еще есть 200 т. человѣкъ вовсе не солдатъ, а только слывущихъ за солдатъ и причиняющихъ всякія напіяія подданнымъ. Они-то и приводятъ государство въ смятеніе. Полковая челядь въ 992 (1584) году была отличною, правильно организованною, покорною и послушною дружиною. Въ означенномъ-же году Ыздемиръ-Оглы-Османъ-паша нѣкоторыхъ въказавшихъ свои доблести впервые съ девятью бѣлячками (жалованья) помѣстилъ въ полки ¹⁾, и сдѣлался, такимъ образомъ, причиною проникновенія чужестранцевъ. Слѣдующіе послѣ него ²⁾ (главнокомандующіе) стали дѣйствовать ³⁾ уже не разбирая, что хорошо, что дурно. Въ 1003 (1594) году Коджа-Синанъ-паша такъ называемыхъ «солдатскихъ дѣтей» посадилъ для охраны крѣпости Яныка. Спустя три года онъ выполнилъ условіе помѣстить ихъ въ полки, и они этимъ путемъ были присоединены къ вышеозначенной артели ⁴⁾. Такимъ образомъ начало было поло-

24. Съкироносцевъ	115	115
25. Курьеровъ	61	27
26. Водоносовъ	35	18
27. Собств. Е. В.—ва скликалъ на богослуженье	15	6
28. Мастеровыхъ	923	531
29. Водопроводчиковъ	54	54
30. Врачей и цирюльниковъ	36	26
Итого	96,206	37,153

¹⁾ Выраженіе **طقوز اچہ ایلہ بلوک ویروب**, оставленное г. Берн-ауеромъ безъ перевода, аналогично съ слѣдующими: **آستانہ دہ بیك** (Фезликъ, 271 v.); **درم نغر التیشرا اچہ ایلہ ابندان بلوکہ کچوب** (Ibid., 258 v.), и, слѣдовательно, означаетъ просто, что Ыздемиръ-Оглы помѣстилъ въ полки отличившихся чужестранцевъ.

²⁾ О значеніи выраженія **اندنصرکہ کلنلر**, изъ котораго г. Берн-ауеръ сдѣлалъ нарѣчіе *später*, сказано выше (стр. 123, прим. 2).

³⁾ У Вефика сказано: «стали помѣщать».

⁴⁾ Въ 1003 году записано 2000 оружейниковъ въ гарнизонъ Яныка на три года съ жалованьемъ по 9 бѣлячковъ. (Фезликъ, 15 г.; Тарихи-Наима, I, 54). А подъ 1006 годомъ въ лѣтописяхъ говорится: «За-

жено ¹⁾). Съ тѣхъ поръ всякій кому было угодно сталъ дѣйствовать тѣмъ или другимъ способомъ ²⁾; порядка и правильности не стало. Даже во имя покойниковъ дѣйствуютъ ³⁾. Явились разнаго рода нововведенія, и государство наполнилось этою корпораціею. Нѣкоторые изъ нихъ, именно тѣ которые получаютъ экстраординарное жалованье ⁴⁾, вотъ что дѣлаютъ: продастъ кто-нибудь 9 бѣлячковъ

першіеся внутри (крѣпости Яныка) на условіи поступить въ полки (بلوك شرطيله) кулъ-оглы пришли съ своими агами въ главный лагерь и, говоря: «срокъ нашей стражи кончился»—, потребовали внести ихъ въ реестръ. Но имъ, давши по 2 бѣлячка прибавки, еще отсрочили на годъ». (Фезликъ, 38 в.; Тарихи-Наима, I, 94). Но уже въ 1003 г. кулъ-оглы бунтовались и требовали казни Фергадъ-паши, зато что списковъ ихъ не вносили въ реестръ по истеченіи трехлѣтней стражи ихъ въ Ганджъ (городъ въ провинціи Гурджистанъ), гдѣ они также были оставлены, въ качествѣ гарнизона, بلوك شرطيله. (Фезликъ, 19 г.; Тарихи-Наима, I, 64). Слѣдовательно, начало тому безпорядку, который потомъ сдѣлался общимъ правиломъ, положено было нѣсколько раньше; но этотъ случай потому, вѣроятно, не принять во вниманіе Кучибеемъ, что условіе-то не было соблюдено: бунтовщиковъ разогнали, а лицъ подавшихъ къ этому поводъ сослали въ заточеніе.

جو بوزدن بر باب. Въ кодексѣ Вефика: فتح اولندی ¹⁾. فتح اولندی.

²⁾ Въ кодексѣ Вефика: «сталъ проникать». У г. Бернауера же, надо полагать, здѣсь вариантъ, потому что онъ говоритъ: «Von dieser Zeit an dient ein jeder, der will, auf zwei Namen und bezieht demzufolge doppelten Sold». (Loc. laud., 298). А можетъ быть онъ просто хотѣлъ только яснѣе передать мысль Кучибее, который, нужно замѣтить, вообще какъ-то скупъ на слова, даже иногда въ ущербъ ясности мысли.

³⁾ مرده برینه دخی ابدہ بورلر. Г. Бернауеръ передаетъ это яснѣе, а именно: «Man bezieht sogar Sold auf den Namen eines Toten». А въ кодексѣ Вефика сказано: ولرش دخی ابدہ بورلر, т. е. «устраиваютъ веледешъ» (о значеніи чего было говорено выше, стр. 98, примѣч. 1).

⁴⁾ اگر علوفه. Г. Беденъ объясняетъ значеніе термина اگر علوفه такъ: «Всякая плата, превышающая нормальную цифру, будетъ ли то изъ бюджета, или изъ доходовъ съ собственныхъ Его В—ва имѣній, и ассигнуемая военнымъ людямъ которые уже не могутъ имѣть

своего жалованья за 200—300 грошей чужому, потомъ приведетъ его да и скажетъ: «это сынъ мой»—, и тоже присоединить его къ упомянутой корпораціи. Таковыя-то лица и составляютъ то нововведеніе, которое называется *веледешъ*, чего во времена прежнихъ султановъ совѣтъ не было. У офицеровъ была вѣра и совѣсть. Жалованье умершихъ оставалось въ императорской казнѣ. Теперь же есть 5—6000 человекъ получающихъ жалованье по чужой росписи ¹⁾: никто и не спрашиваетъ, и не разбираетъ: кто ты таковъ? отъкуда ты явился? Равнымъ образомъ, существующій для полковой артели законъ, по которому она должна жить по селамъ и мѣстечкамъ находящимся между Истамбуломъ, Адриано-полемъ и Бруссой, въ настоящее время совершенно забытъ, и они разсѣялись — кто по границамъ Будина, кто въ Боснѣ, кто въ Морѣ, кто въ Гурджистанѣ и по границамъ Персіи ²⁾. Безъ же не правятъ какъ слѣдуетъ; блюстители божественнаго закона не судятъ; сборщики податей не собираютъ денегъ. Государство впало въ неизлечимую болѣзнь. Случись императорскій походъ, и поло-

вышеній въ чинахъ во время семидѣтихъ передвиженій, называ-
ется *اگر اسامه* или *اگر علوفه*. (Journ. As., Mai-juin 1864, стр. 82). Словомъ сказать, это значить «экстраординарное жалованье». Аналогическіе термины есть напр.: *اگر خلعتلر* — «экстренныя награды» (Фезликъ, 54 v.); *اگر اياچى* — «чрезвычайный посолъ» (Ibid. стр. 125 г.) и т. п.

¹⁾ *اسامه سيله*. Слово *اسامه* большею частью пишется *اسامى* напр. у Нанмы, I, 164; въ исторіи Джевета, V, 201, и мн. др.), и последнее г. Веленъ считаетъ ошибочнымъ (Journ. As., Octobre-novembre 1864, стр. 312, пр. 4). Я же думаю, наоборотъ, что *اسامى* есть настоящая коренная форма его (множ. ч. отъ арабск. существит.

اسماء), которое, какъ вообще всѣ арабскія слова съ такимъ окончаніемъ, произносится у турокъ *اسامى* и значить «имена», «номенклатура», «списокъ именъ», «реестръ». Съ теченіемъ же времени, отъ употребленія въ говорѣ, оно стало звучать *اسامه*, въ какой-то формѣ тало являться и въ книгахъ.

²⁾ Въ кодексѣ Везика добавляется: «во всѣхъ концахъ владычествуютъ; забрали села и мѣстечки въ свои руки».

вины изъ нихъ не будетъ; даже десятой доли не пойдеть: кто передалъ свое жалованье своимъ офицерамъ; иные заняты по податной части; другіе по порученіямъ ¹⁾; такъ-что въ императорскій походъ найдется много что 7—8000 человекъ изъ той артели; а между тѣмъ жалованье всѣмъ имъ идетъ изъ государственной казны. Если полковая корпорація все будетъ въ такомъ видѣ, то какимъ же образомъ въ государствѣ можетъ быть соблюденъ порядокъ, и какимъ образомъ можетъ отбываться царская служба? Таково истинное положеніе дѣлъ. А впрочемъ, воля и власть Его Присутствія, могущественнѣйшаго и какъ Джемъ славнаго падишаха.»

ليس دخی دفترلی اولوب وکیمی دخی خدمتارده موجود اولوب ¹⁾

Отправление финансовыхъ операций, нуждавшихся иногда въ содѣйствіи физической силы, составляло привилегію заслуженныхъ солдатъ, которымъ вручали дефтери (отчего они тутъ и названы **دفترلی**) и отправляли за сборомъ податей; или-же дѣлали другія подобныя порученія, называвшіяся общимъ именемъ **خدمت** — «служба». За это они

получали вознагражденіе называвшееся **غلامیه** — «мальчишеское», «прислужническое». Напр. Хаджи-Кальѳа подъ 1031 годомъ говорить:

داود پاشا قولک کولکنه کیرمک ایچون دفترلری وخدمتلری
وبریلوب چالقلری نصیح ایلش ایدی وهرکس نه استدی ایسه
بوқ دیمیوب میری خدمت و اوقاقی تولبتلری و غیرى فالمدفد نصره
خدمت استینه کندوکه مناسب بول دیر ایدی (Фезликъ, 172 г.).

Такъ какъ подобныя порученія были выгодныя дѣйствительной военной службы, то мало-по-малу начали прибѣгать къ подлогамъ, чтобы только попасть въ кандидаты на эти доходныя комиссіи: покупали другъ у друга дипломы умершихъ ветерановъ, насчетъ чего неоднократно издавались строжайшіе указы, какъ напр. въ 1012 году (Фезликъ, 86 г.; Тарихи-Наима, I, 196);—въ 1035 г. (Фезликъ, 199 г.; Тарихи-Наима, I, 440).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

«О причинѣ первоначальной порчи янычарскаго корпуса».

«Отъ благословеннаго, до тонкости проникательнаго ума Его Присутствія, августѣйшаго и могущественнѣйшаго падишаха, Убѣища Вѣры, не можетъ быть сокрыто, что причина начавшагося въ 990 (1582) года вступленія въ янычарскій очагъ чужихъ была являющаяся. По случаю происходившаго въ упомянутомъ году празднованія обрѣзанія Его Присутствія, достославнаго Вашего прадѣда, селившагося въ раю, султана Мухаммедъ-хана III ¹⁾, народу сошлось со всѣхъ сторонъ и концевъ безчисленное множество; дошла до такой степени, что нѣсколько человекъ погибло. Установить ее не было никакихъ средствъ. Наконецъ, чтобы воспрепятствовать столпленію народа, добыты были пропитанные льнянымъ масломъ ²⁾ мѣхи, и когда этими мѣхами стали разгонять толпу, то она раздалась нѣсколько. А когда, по окончаніи празднованія высочайшаго обрѣзанія, нужно было выразить признательность той артели ³⁾, то всѣ они пожелали янычарства; и такъ какъ они ничѣмъ другимъ не удовлетворялись, то со стороны высочайшаго правительства послѣдовало соизволеніе на ихъ желаніе. Когда бывшему въ ту пору янычарскому агѣ, Фергадъ-агѣ, показывалъ объ этомъ приказъ, то означенный ага составилъ со спискомъ изъ офицеровъ очага. Мнѣніе всѣхъ относительно этого было следующее: «Если такъ, сказали они, то въ нашъ очагъ будутъ вступать чужіе и иностранцы; дѣйствующие въ очагѣ законы и постановленія пойдутъ изъ рукъ вонъ; это вредно высокому государству», — и не согласились. Наконецъ, по настояніямъ

¹⁾ У Везика прибавлено: «которое продолжалось день и ночь втеченіе двухъ мѣсяцевъ».

²⁾ Г. Бернауеръ перевелъ: «an Leinstricken festgebundene», очевидно потому, что вмѣсто *ياغيله باغلنش* читалъ *ياغيله باغلنش*.

³⁾ Собственно говоря, еще не было рѣчи ни о какой артели; но въ подражаніе *طربچه* — «Schauchmannschaft», какъ говоритъ Бернауеръ, — нѣчто въ родѣ нашихъ пожарныхъ.

и просьбамъ къ Его Присутствію, падишаху, Убѣжищу Міра, къ которымъ, не разсуждавшихъ о послѣдствіяхъ, любимцевъ и приближенныхъ, со стороны высочайшаго правительства вторично сдѣланъ былъ приказъ. Упомянутый ага снова не принявъ, и пожелавъ лучше выйти въ отставку. Поступившій на его мѣсто ага, Юсуфъ-ага, помѣстилъ вышеозначенную артель въ очагъ подѣ именемъ *своихъ кліентовъ* ¹⁾, и такимъ образомъ сдѣлалъ еще одно нововведеніе. Послѣ того Акъ-Серай-Мухаммедъ-эфенди, янычарскій письмоводитель, ввелъ еще одно новшество подѣ именемъ *днтей сипаговъ*. Въ 1030 (1620) году янычарскій ага, Мустафа-ага, также сдѣлалъ одно нововведеніе подѣ именемъ *нампѣстничества* ¹⁾.

چراغی ناميله ¹⁾. Повидимому слово چراغъ здѣсь есть какое-то техническое названіе для извѣстнаго отдѣла янычаръ; но мнѣ нигдѣ еще не случалось встрѣчать его именно въ такомъ смыслѣ. Между тѣмъ, частныя, по-нашему, отношенія кліентовъ къ своему патрону въ турецкой бюрократіи легко могли составлять какую-нибудь своего рода оффицію.

بجایش ناميله ²⁾. Г. Бернауеръ оставилъ слово بجایش безъ перевода, и даже безъ транскрипціи; а въ сноскѣ, кромѣ того, замѣтилъ: «So beide Handschriften». Но въ этимологическомъ отношеніи оно не представляетъ никакого затрудненія къ пониманію его. Образовавшись, какъ и ولدش, изъ существит. جا — «мѣсто» и мѣстоименнаго аффикса 3-го лица ش, съ присовокупленіемъ предлога به — «въ», оно значитъ *вмѣсто него, замѣна*, и есть синонимъ двухъ другихъ — تراشه (взят. съ итальянск.) и بدل (арабск.), изъ коихъ послѣднимъ технически называется «сумма, платимая вмѣсто личнаго отбыванія военной повинности», которая для тимариотовъ въ 1060 году опредѣлена была въ 500 бѣлячковъ съ 1000, т. е. равнялось половинѣ всего ихъ дохода. (Фезлики, 307 г.). Но какое именно нововведеніе называется именемъ بجایش Кучибей, этому я не могъ найти объясненія въ бывшихъ у меня подѣ руками источникахъ. Обѣ откупъ-же, называемомъ بدل, упоминается гораздо раньше 1030 года въ дѣтописяхъ. Селяники, напр., говорятъ подѣ 1004 годомъ, что «владѣющіе большими и малыми помѣстьями предаются чувственнымъ наслажденіямъ и не ходятъ на войну, откупаясь—кто квитанціями (بدل اچم سی), а кто взятками». (Тарихи-Селяники, 237 в.). Можетъ быть بجایش было нѣчто въ родѣ нашихъ охотниковъ или наемщиковъ, именно то что г. Бернауеръ, по поводу *едикли*, называетъ «Ersatzmann».

Такимъ образомъ въ янычарскій очагъ налили воды ¹⁾; блескъ очага и красота его исчезли. Дѣйствовавшій у нихъ (янычаръ) законъ погибъ и уничтожился. Считается инвалидомъ кому-либо, кромѣ стариковъ и неспособныхъ къ дѣлу, противозаконно; теперь же очутилось болѣе 10,000 молодыхъ и обладающихъ тѣлесными силами полѣсовщиковъ и инвалидовъ, и такимъ образомъ сокровищница правовѣрныхъ стала напрасно тратиться и опустошаться. Чаушей прежде было всего трое, а теперь стало 40—50. Артель опоясанныхъ парчею свѣчниковъ состоитъ болѣе чѣмъ изъ 100 человекъ. Всякій изъ нихъ добивается получить роту. По этой причинѣ ежегодно происходитъ передвиженіе, и знакомыхъ съ жизнью и знавшихъ положеніе очага, громившихъ поля и лагеря и завоевывавшихъ крѣпости, лейтенантовъ зачисляютъ въ ветераны. Словомъ, ради тѣхъ благъ міра сего однимъ даютъ отставку, а другихъ назначаютъ. Многихъ заслуженныхъ сдѣлали гарнизонными инвалидами, а мѣста ихъ отдали недостойнымъ; и перемѣненіе у нихъ стало непрерывное. Когда кого-нибудь производили въ яя-башни или въ булюкь-башни, то брали съ него по 1—2000 ²⁾ грошей. Низачто нипрочно смѣщая безпорочныхъ, дѣятельныхъ и опытныхъ людей и на мѣсто ихъ самая несвѣдущихъ, незнакомыхъ съ жизнью, не испытывшихъ еще ни тепла ни холода новичковъ, раззорили и опустошили очагъ. Вообще, съ той поры ко всякой корпораціи примѣшались неизвѣстнаго закона и религіи горожане, турки, цыгане, персіяне, лазы, бродя-

¹⁾ **بو طريق ايله يکچری اوجاغنه سو قوبریلر** Г. Бернауеръ перевелъ это мѣсто такъ: «Auf diese Weise wurden dem Janicagencorps viel wilde Reiser eingepfropft». (Loc. cit., 301). Развѣ можетъ быть въ вѣнскомъ спискѣ есть варіантъ; въ настоящемъ-же видѣ этотъ переводъ его будетъ далеко отъ подлинника. Кучибей, очевидно, ꙗлам-буратъ, употребивъ здѣсь слово **اوجاق** въ прямомъ смыслѣ пылающаго каминна, въ который, вмѣсто того чтобы подкладывать дрова, подлили воды, отчего онъ, конечно, долженъ загаснуть.

²⁾ Г. Бернауеръ говоритъ въ примѣчаніи: «2000 nach Petersburger Handschrift». Но въ петербургской рукописи стоитъ: **بيکر ايکيشر بيک**, г. е. «1—2000».

ги ¹⁾, погонщики муловъ, верблюжьи вожаки, дрягили ²⁾, разбойники, мошенники и другіе разнаго рода люди; обычай и правила, такимъ образомъ, нарушены; законъ и постановленія стали не-дѣйствительны. По этой причинѣ въ государствѣ зло и смятенія, бунты и волненія безпрерывны; порядокъ и благоустройство въ сторону. Еслибы съ такимъ дряннымъ войскомъ можно было что-либо сдѣлать полезное для вѣры и государства, то прежніе султаны, — да озаритъ Всевышній Богъ гробницы ихъ! — не жаловали бы должностей и большихъ и малыхъ помѣстій людямъ достойнымъ, и не издерживали бы ежегодно столько казны на военную корпорацію, а только на то время когда предпринимается высочайшій походъ набирали бы и снаряжали изъ разнаго рода людей 100—200,000 человекъ, изъ коихъ каждый, отправивши свою службу, принимался бы за свое прежнее ремесло: портной за портняжничество, бакалейщикъ за бакалейную торговлю, дрогистъ за москотильную ³⁾. Но такого рода войско не войско. Такъ что когда Его Присутствіе, покойный султанъ Селимъ-ханъ, завоевалъ Халебъ, Сирію и Египетъ ⁴⁾, и, вслѣдствіе огромныхъ издержекъ на разныя разности во время похода, положеніе казны

¹⁾ Въмѣсто **يورك** въ кодексѣ Вефика стоятъ: **كورد واجینی** — «курды и чужестранцы».

²⁾ Въмѣсто **حمال** — «дрягили», у Вефика **اغدهجی** — «конфетчики, кондитеры».

³⁾ Изъ условнаго предложенія **اكر بو كونه درنتی عسكر ايله** г. Бернауеръ сдѣлалъ вопросительное: «Wenn es sich so verhält, wie ist es dann möglich, mit dem Heere eine dem Reiche und der Religion angemessene Besserung (?) der Staatsverhältnisse herbeizuführen?» (Loc. cit., 302), и отдѣлилъ его отъ послѣдующихъ, ему соответствующихъ и составляющихъ лишь вторую половину одного условнаго періода. Изъ перевода г. Бернауера выходитъ, что сперва Кучибей хвалитъ систему прежнихъ султановъ, которые, не желая попусту тратить казны, будто бы предпочитали лишь на время войны вербовать всякую мастеровщину, которая, по минованіи въ ней надобности, возвращалась къ прежнимъ своимъ занятіямъ; а потомъ сейчасъ же говоритъ, что «такое войско не войско», а просто дрянь. Но это сущая напраслина на Кучибей, незаслуженно взведенная на него г. Бернауеромъ: у него нѣтъ такой путаницы.

⁴⁾ Это говорится про Селима I, завоевавшего означенныя области въ 923 (1517) году.

было крайне затруднительно, то дефтердаръ занялъ у одного купца 60,000 флориновъ чистой монеты ¹⁾, и тѣмъ самымъ устранилъ этотъ кризисъ. Когда, затѣмъ, съ разныхъ сторонъ государства поступили доходы, и когда, для погашенія вышеозначеннаго долга, онъ пригласилъ купца и вручилъ ему 60,000 флориновъ, то купецъ повелъ такую рѣчь: «У меня, говорить, въ высокомъ государствѣ падишахскомъ денегъ и имущества безпредѣльное множество, а кромѣ одного сына у меня никого нѣтъ въ этомъ тѣнномъ жилищѣ. Данные мною 60,000 флориновъ пусть останутся въ пользу казны, только пусть сыну моему пожаловано будетъ въ падишаховомъ государствѣ мѣсто оружейника съ двумя бѣлячками жалованья». И онъ усердно просилъ и молилъ объ этомъ. Когда эта просьба купца доложена была Порогу государства падишахова, то послѣдовала высочайшая резолюція, которая гласила слѣдующее: «Клянусь душами моихъ великихъ предковъ, что я бы всѣхъ васъ казнилъ, да, пожалуй, въ народѣ разнесется молва: вотъ, молъ, завоеватель обѣихъ великихъ святынь (Мекки и Медины), султанъ Селимъ, позарившись на деньги одного купца, казнилъ его и умертвилъ безвинно нѣсколькихъ вирирей и своего дефтердаря,—только во избѣжаніе этого: а то бы я всѣхъ васъ сдѣлалъ жертвою меча гнѣва своего. Немедленно отдать купцу деньги, и отнынѣ впредь такихъ мерзостей не докладывать. Если только кто изъ васъ будетъ стараться втереть въ число моихъ безпорочныхъ слугъ чужихъ, то онъ отойдетъ изъ этого міра въ другой безъ покаянія». Изрекши такое проклятіе, онъ велѣлъ возратить купцу его 60,000 флориновъ. Теперь же не только за 60,000, а и за 60 флориновъ шестерыхъ сдѣлають оружейниками. Ну, какъ тутъ государству быть благоустроеннымъ!? Ну, будетъ ли тутъ хватать казны и денегъ!? Воины по происхожденію и сыны очага—вотъ настоящее войско; а съ торгашами-шакалами ²⁾ никакого дѣла не сдѣлаешь. Однимъ словомъ, въ

¹⁾ О видахъ и достоинствахъ монеты, существовавшей въ различное время въ Турціи, см. статью г. Белена: «Essais sur l'histoire économique de la Turquie». (Journ. As., Mai-juin 1864 г.)

²⁾ *بقال چقال ايله* г. Бернауеръ перевелъ: «mit Krämer und Krämergesossen». (Loc. cit., 303). Любопытно бы знать, гдѣ онъ отъ-

прежнее время исламское войско было хоть и небольшое да хорошее, безукоризненное и дисциплинированное: куда бы оно ни направлялось, всюду, по волю Всевышняго, предъ нимъ были побѣды и завоеванія, и величіе ислама возрастало. Теперь-же не стало ревности въ войскѣ ¹⁾; служба ограничивается только получающими жалованье солдатами ²⁾, и въ государствѣ посѣяны сѣмена разстройства. Хотя эти двѣ корпораціи крайне многочисленны ³⁾, а никакой пользы не видно: ни одно дѣло не дости-

искалъ такое значеніе слова **جفال**, которое значить просто «шакаль». Оно употреблено здѣсь въ такомъ же бранномъ смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ слово «собака», и, безъ сомнѣнія, потому только что приемуется съ словомъ **بقال**.

¹⁾ **حالا غير عسكر فالیوب**. Въ кодексѣ Везика вмѣсто **غير** стоитъ **غيری**; но и то и другое лишаетъ смысла все предложеніе, изъ котораго никакъ не можетъ выйти «Jetzt ist eigentlich gar kein Heer mehr da», какъ это вышло у г. Бернауера, потому что **غير** какъ отрицаніе соединяется лишь съ прилагательными, но не съ существительными. Я думаю, что это есть ошибочно написанное **غیرة** — «ревность» которое обыкновенно употребляется относительно войска. Напр. Селяники говорятъ подъ 979 г.: **لشكر اسلامده غيرت فالیوب**, т. е. «не стало ревности въ исламскомъ войскѣ». (Тарихи-Селяники, 46 в.).

²⁾ **قوللق علوفه لی قوله منحصر اولوب**. Кучибей хочетъ этимъ сказать, что теперь на службѣ состоятъ лишь получающіе жалованье солдатами, въ противоположность тимариотамъ, которые жили доходами съ своихъ участковъ. Подобная мысль повторяется въ XI главѣ, гдѣ онъ тоже говоритъ, что «теперь не стало владѣльцевъ большихъ и малыхъ помѣстій; что служба ограничивается только янычарами и челядью шести полковъ». Хотя, впрочемъ, эту фразу можно понимать и иначе, а именно, что служба ограничивается только полученіемъ жалованья, какъ переводить г. Бернауеръ.

³⁾ Хотя изъ предыдущаго и не видно, какія именно двѣ корпораціи, но надо полагать, что тутъ разумѣются пѣхота и конница, янычары и сипаги. Статистическія свѣдѣнія относительно количества османскаго войска и размѣра жалованья ему, сообщаетъ Хаджи-Кальфа въ своемъ *Дестуруль-амель*. (Zeitschr. d. D. M. G. B. XI, 125). При Сулейманѣ въ 970 году, онъ говоритъ, было всего 41,479 человѣкъ, а къ царствованію Османа II и Мустафы I эта сумма возрасла до 100,000.

гаетъ результата. Въ походъ отправляются когда захотятъ; ни одинъ не слушается; никакого нѣтъ страха и почтительности къ верховной власти. «Если, говорить, моя окладная роспись будетъ похѣрена, то возобновить ее ничего не стоитъ!»¹⁾ — имъ и горя мало. Таково ли должно быть исламское войско? Позаботиться объ этомъ во-время есть священный долгъ cadaго. А впрочемъ, власть и воля Его Присутствія, надишаха исламскаго».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

«О чрезвычайномъ увеличеніи податей и налоговъ съ бѣдной райи».

«Отъ просвѣщеннаго ума Его Присутствія, могущественнѣйшаго, великаго и славнаго, Александро-подобнаго хакана не должно быть сокрыто, что до 990 (1582) года съ бѣдной райи взиималось по 40—50 бѣлячковыхъ съ каждой головы подушной подаи²⁾; да по 40 бѣлячковыхъ косвенныхъ налоговъ³⁾; да съ каждыхъ двухъ барановъ по одному бѣлячку овечьяго налога; свыше же этого

¹⁾ Этого мѣста нѣтъ въ кодексѣ Вефика.

²⁾ جزیه называлась «поголовная подать», взиимавшаяся съ покоренныхъ турками народовъ. (Tableau gén., VII, 235).

³⁾ عوارض Люти-паша опредѣляетъ такъ: «Аваризъ, говорить онъ, есть случайный налогъ, взиимавшійся черезъ каждые четыре года, или же вообще въ неопредѣленный срокъ». (Цитов. Беленомъ въ Journ. As., Janv.-fevr. 1865, стр. 167). Но въ Насихатнамѣ прямо сказано, что «аваризъ есть подать въ 300 бѣлячковыхъ, взиимавшаяся съ cadaго мусульманскаго дома». (Zeitschr. d. D. M. G. B. XVIII, стр. 727). Стамбульскіе торговцы, жалуясь въ 1004 г. на тягость налога, называвшагося قصاب زبانی—«мясничный расходъ», сказали:

هر ییل ممالک محروسه عوارض کبی و ذمیلرک خراجی کبری
(Тарихи-Селяни-
او وزیرمه هر ییل مقرر اولوب قانون انسکزکزکد
и, 261 v.), откуда слѣдуетъ, что عوارض былъ опредѣленный ежегодный налогъ съ мусульманскаго населенія.

ничего не брали. Только комиссары ¹⁾ съ податей и налогов брали (въ свою пользу) по два, по три, много что по пяти бѣлячковъ такъ называемаго *гулямйе*; больше этого никто не смѣлъ брать. Собственные Его Величества удѣлы приносили 2441 юкъ бѣлячковъ доходу. Весь доходъ, собиравшійся повѣренными и агентами съ собственныхъ Его Величества удѣловъ ²⁾, до послѣдняго гроша

¹⁾ مباشر назывались тѣ выборные изъ шести полковъ, которымъ поручался сборъ налоговъ. Самое же порученіе называлось, какъ уже было прежде замѣчено, *مباشرت* или *خدمت*. (Фезликъ, 307 г.). По доставленіи собранныхъ суммъ въ казну, они получали извѣстный процентъ вознагражденія, называвшійся *غلامیه*—«мальчишеское, прислужническое», который они и дѣлили между собою. Такой дѣлежъ, сопровождавшійся беспорядками, происходилъ, напр., въ 1031 году въ Новой Мечети. (Ibidem, 172 v.).

²⁾ Г. Бернауеръ переводить это мѣсто такъ: «Wenn von den Intendanten (أمنّا) und den Stenereinnehmern (عِمَال) nur die geringste sogenannte Schlafsteuer eingetrieben wurde...», и въ сноску выпиываетъ отрывокъ текста: *أقل مرتبه خواب بازوسی*. (Loc. laud., 305). Но *Schlafsteuer* есть, очевидно, не болѣе какъ нелѣпость, происшедшая оттого, что вмѣсто *خواص*, какъ назывались «собственные Его Величества удѣлы», г. Бернауеръ прочиталъ *خواب*—«сонъ». Мнѣ кажется, что если даже г. Тимаевъ просмотрѣлъ этотъ важный вариантъ, то г. Бернауеръ не могъ не заключить по аналогіи, что *خواب* есть ошибка, ибо строкою раньше въ рисале стоитъ то же выраженіе—*خواص همایون بازوسی*, которое г. Бернауеръ также выписалъ въ сноску и перевелъ: «Das Einkommen von den Krongütern». Да и *خواص بازوسی* не можетъ быть передано «Schlafsteuer», потому что слово *بازو* вовсе не значить «Steuer»—«подать», «оброкъ», а «степь», «поляна», «поле», въ какомъ смыслѣ оно и встрѣчается въ отрывкахъ исторіи Нешри. (Zeitschr. d. D. M. G. B. XIII, 194 и B. XV, 360). Г. Нёльдеке, издавшій эти отрывки, говоритъ въ примѣчаніи, что онъ не нашелъ слова *بازو* ни въ одномъ лексиконѣ въ значеніи «равнины», «поляны», вмѣсто котораго у Бьянки значится *باز*. (Ibid., B. XIII, стр. 194, пр. 1). У Вамбери есть «*جازی بازی* (ch. t.), ein bewohntes Stück Land oder Ebene; pays ou plaine habitée» (Cagataische Sprach-

поступалъ въ казну. Теперь же корпорація получающихъ жалованье солдатъ увеличилась; и издержки также увеличились. А увеличались издержки, увеличились и налоги; съ увеличеніемъ же налоговъ усилились и притѣсненія райи, и государство разстроилось. Въмѣсто прежнихъ 40—50 бѣлячковыхъ, взимающихся съ каждаго платящаго дома, теперь берутъ въ пользу государственной казны 240 бѣлячковыхъ съ души; да съ каждаго подлежащаго косвеннымъ налогамъ дома по 300 бѣлячковыхъ; да съ барановъ съ каждой головы по бѣлячку. Челядь шести полковъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ взяла себѣ на комиссію сборъ падишаховыхъ денегъ; насильственно отобрала у правительственныхъ повѣренныхъ всѣ реестры; публично устраиваетъ въ святилищѣ соборной мечети султана Мухаммеда аукціоны, на которыхъ и продаетъ ихъ Зейду и Амру ¹⁾ за полтора гроша подѣ именемъ *гулямйе*. А такъ какъ эти ²⁾ не довольствуются однимъ грошемъ пользы, то въ исламскихъ владѣніяхъ стало взиматься по 7—800 бѣлячковыхъ подушнаго и косвенныхъ налоговъ ³⁾; да съ барановъ съ

studien. Leipzig, 1867. Wörterbuch, стр. 346). У г. Будагова также:

جازی یازی — «поле, степь». А یازو вездѣ переводятъ «писанье», «почеркъ», и т. д. У г. же Будагова и یازی — «степь», страннымъ образомъ, помѣщено подѣ словомъ یازمق — «писать», хотя, кромѣ простаго созвучія словъ, никакой другой связи между этими двумя понятіями не видно.

¹⁾ Т. е. «кому ни попало»; тому кто больше дастъ». Хаджи-Кальфа говоритъ подѣ 1038 годомъ, что «въ шеввалѣ мѣсяцѣ сипагамъ роздали реестры поголовной подати, и они ихъ распродала въ мечети султана Мухаммеда». (Фезликъ, стр. 208 г.). Точно также въ 1006 году: «въ Порогѣ роздано жалованье полковой челяди. Реестры поголовной подати проданы, и они (солдаты) получили свое гулямйе». (Ibid., стр. 40 v.). Въ 1040 году «продавались хараджные деестери». (Ibid., стр. 219 v.).

²⁾ آنلر — «они», т. е. Зейдъ и Амру. Въ кодексѣ Вефика, вѣроятно имъ самимъ, для большей ясности, вмѣсто этого поставлено آنلر — «покупающіе», «die Käufer», какъ переводитъ г. Бернауеръ.

³⁾ Въ 1032 году одинъ чорбаджи, посланный на слѣдствіе, донесъ, что «Абаза-паша роздалъ санджаки своимъ людямъ и наложилъ по 1000 бѣлячковыхъ на каждаго главу поселянскаго дома». (Фезликъ, стр. 176 г.). На чрезмѣрную тяжесть налоговъ на райю неоднократно жа-

каждого по 7—8 бѣлячковъ. А въ анатольскихъ губернаторствахъ такъ стали брать даже по 20—30 бѣлячковъ съ бараньей головы. Ну какъ райѣ вытерпѣть такое притѣсненіе; какъ народу вынести такую несправедливость!? Даже положеніе собственныхъ Его Величества удѣловъ разстроилось: приносившія 484 юка бѣлячковъ доходу поля и сѣла въ предѣлахъ Гурджистана, Гандже, Ревана и Багдада ушли изъ рукъ во власть врага вѣры ¹⁾. Часть изъ нихъ совершенно противозаконно обращены въ полную собственность, въ вакуфы и въ башмаклыки ²⁾; другіе изъ нихъ сдѣлались частною собственностью визирей. Съ существующихъ теперь налицо собственныхъ Его Величества селъ въ казну поступаетъ всего только 100 юковъ бѣлячковъ, а отъ прочихъ и слѣда не осталось. Словомъ, такого стѣсненія и угнетенія, въ какомъ находятся бѣдные поселяне, никогда, ни въ одной странѣ свѣта, ни въ одномъ государствѣ не было. Если въ какомъ-нибудь изъ исламскихъ государствъ кому-либо причинено будетъ самое крошечное притѣсненіе, то въ день Страшнаго суда спросится съ владыкъ, а не съ государственныхъ сановниковъ: нельзя будетъ дать отвѣта предъ Господомъ міровъ, сказавши: «Я, молъ, вотъ имъ поручилъ». Вѣющіе холодомъ вздохи угнетенныхъ сокрушаютъ дома ³⁾; слезы глазъ страдальцевъ потопляють госу-

дуется и Седяники въ своей исторіи, напр. подъ 1000 г. (стр. 130 г.); подъ 1003 г. (стр. 221 г.) и др.

¹⁾ Т. е. персидскаго шаха, завоевавшего въ то время эти области, принадлежавшія прежде Турціи.

²⁾ Это, повидимому, противорѣчитъ прежнимъ словамъ Кучибей, который раньше говорилъ, что башмаклыки не должны быть назначаемы изъ тимаровъ, а только лишь изъ собственныхъ султанскихъ удѣловъ. Но и самые хассы подраздѣлялись на девять частей, изъ коихъ каждая имѣла свое специальное предназначеніе. (Tableau gén., VII, 282). Слѣдовательно, я полагаю, Кучибей хочетъ сказать, что доходы съ нѣкоторыхъ хассовъ шли не туда куда слѣдуетъ: напр. часть долженствовавшихъ поступать въ государственную казну отдавалась въ башмаклыки.

³⁾ خانانلر — «утварь», «домъ», «семейство». По контексту рѣчи, тутъ надо разумѣть не домъ самихъ угнетенныхъ, а домъ въ смыслѣ «династій», такъ какъ говорится объ отвѣтственности предъ Богомъ владѣльцевъ за бѣдственное положеніе ихъ подданныхъ; хотя для

дарство ¹⁾ въ водѣ погибели. Отъ безвѣрія міръ не разрушится, а будетъ стоять себѣ; отъ притѣсненія же не устоитъ. Справедливость есть причина долгоденствія, а благоустройство положенія бѣдняковъ есть путь падишахамъ въ рай. То что я сказалъ ²⁾—это слова улемовъ и старѣйшинъ; а если не угодно повѣрить то можно спросить у нихъ ³⁾. А впрочемъ, воля и власть могущественнѣйшаго моего падишаха».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

«О томъ, что было причиною и поводомъ появившихся въ исламскихъ владѣніяхъ мятежей, и о количествѣ упущенныхъ изъ рукъ владѣній»

«Отъ лучезарно-свѣтлаго ума Его Присутствія, августѣйшаго и великаго падишаха, Всемірнаго Завоевателя, не должно быть сокрыто, что высокое государство османовъ,—да продлится преемственность царствованія (династїи) ихъ до скончанія вѣка!—есть великое иславное государство, для котораго, по волѣ Всевышняго, ничего не стоило бы дать отпоръ всѣмъ сосѣднимъ врагамъ вѣры, если бы они даже единодушно и разомъ со всѣхъ сторонъ сдѣлали нападеніе. А теперь сколько отнято провинцій изъ владѣній исламскихъ! А сколько причинено убытковъ-то! Сколько предприни-

выраженія послѣдняго понятія служитъ слово **خاندان**, которое, можетъ быть, и должно тутъ стоять, а не **خانان**.

¹⁾ Сообразно съ ходомъ разсужденія, слово **دنیا** тутъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ не цѣлаго міра, а государства.

²⁾ У Вефика добавляется: **کلام بنم دکلدر**—«не мои слова».

³⁾ Такъ-какъ конецъ этой главы отличается какимъ-то нравоучительнымъ тономъ, то явное дѣло, что ссылка Кучибей на авторитетъ улемовъ и шейховъ сдѣлана имъ для подтвержденія истинности приведенныхъ имъ изреченій мудрыхъ, а не всего того что заключается въ его докладахъ, кокорые онъ писалъ отъ своего лица, но не въ качествѣ представителя цѣлой корпораціи улемовъ, какъ думалъ г. Пергюзе. (См. выше, стр. 51).

малось походовъ, на которые потрачено несчетное множество казны; а между тѣмъ не видно никакой пользы для вѣры и государства! Причина этого та, что съ 990 (1582) года коронныя должности стали даваться людямъ неспособнымъ, за взятки. Достояніе воиновъ ¹⁾ разошлось по шкатулкамъ, и дѣльные люди поправы. Прежде, какъ уже было выше упомянуто, румелійскій беглеръ-бей съ однимъ только войскомъ своей провинціи давалъ отпоръ такому сильному врагу, каковъ король нѣмецкій, и оставался побѣдителемъ. Съ 980 же до 1000 года, лѣтъ 15 сряду, съ какимъ шумомъ, съ какою пышностью нашъ главнокомандующій отправлялся въ походъ на короля нѣмецкаго, а взято всего только двѣ крѣпости да четыре редута ²⁾! Что же касается до короля-злодѣя, то онъ, изъ пограничныхъ исламскихъ владѣній взявъ до 30 крѣпостей и редутовъ, которые и теперь находятся въ ру-

¹⁾ Въ кодексѣ Везика сказано: «Составляющія достояніе ратниковъ, большія и малыя помѣстья (т. е., собственно говоря, доходы съ нихъ) разошлись по шкатулкамъ».

²⁾ Тутъ явная ошибка, потому что, во-первыхъ, съ 980 до 1000 года прошло не 15, а 20 лѣтъ; во-вторыхъ, если въ означенный промежутокъ времени и были у турокъ столкновенія съ нѣмцами, то они всегда кончались успѣхомъ для первыхъ, какъ напр. тщетная осада нѣмцами боснійскаго города Новы (Cantimir, Hist. othom., III, 14), безуспѣшное нападеніе венгерцевъ на Сигетъ (Ibid., 16). А потомъ дѣйствительно, когда въ 1000 (1591) году началась война съ нѣмцами (Фезлика, 5 г.; Тарихи-Наима, I, 38) при Мурадѣ III, то она и длилась, съ перемѣннымъ счастьемъ, цѣлые 15 лѣтъ, покамѣстъ не былъ заключенъ миръ въ 1015 (1605) году при Ахмедѣ I. (Фезлика, 109 г.; Тарихи-Наима, I, 235). Да и въ кодексѣ Везика-эфенди, вмѣсто *طوقوز بوز سکساندن برو بیک تاربخندهک بری*, стоитъ *بري تاربخندن*, т. е. «съ 1000 года». Какъ бы то ни было, но у г. Бернауера вышла тутъ великая путаница и противорѣчіе, вслѣдствіе того что онъ это предложеніе слилъ съ предыдущимъ и перевелъ его такъ: «und führte (der Beglerbey von Rumelien) als Oberfeldherr im I. 1000 d. H. (1591 u. Chr.) und weitere fünfzehn Jahre nacheinander den Krieg gegen den deutschen Kaiser, welchem er während dieser Zeit mehrere Male schlug, mit viel Ehre und Glanz; aber nur zwei Festungen wurden genommen». (Loc. cit., 307). Выходитъ, будто одно и то же лицо, беглеръ-бей румелійскій, за одно и то же дѣло и выхваляется и порицается Кучибеемъ.

какъ его. Такъ нѣкогда, а именно въ 1004 году ¹⁾, въ анатолическихъ провинціяхъ появились негодаи-мятежники ²⁾. Села и мѣстечки провинцій Анатолиі, какъ-то: Карамана, Сиваса, Мер'аша, Халеба, Урфы, Діарбекра, Эрзерума, Вана и Мосула, были разграблены и разорены; нѣкоторые кварталы (г. Брусы) выжжены ³⁾. А такъ-какъ шайки арабовъ и туркменовъ тоже вышли изъ повиновенія, и ихъ нападенія и насилія на бѣдныхъ поселянъ перешли всякія границы, то вслѣдствіе этого также нѣсколько деревень разрушены, и голая земля стала жилищемъ имъ ⁴⁾. Съ Чернаго моря появились еще мятежные казаки, которые ежегодно грабили и разоряли прибрежныя села и мѣстечки, а жителей дѣлали узниками оковъ и мученій. Такъ-какъ не было никого кто бы противусталъ имъ, то они пришли въ мѣста близъ Румили-Хысара; сожгли двѣ деревни ⁵⁾ и множество садовъ; разграбили и расхитили пожитки правовѣрныхъ. Для отраженія ихъ разбоевъ

¹⁾ Въ вѣнскомъ спискѣ не обозначено года.

²⁾ Объ этихъ мятежникахъ говорено выше. (Стр. 78, прим. 1).

³⁾ Тутъ есть небольшой пропускъ, восполняемый кодексомъ Везика и вѣнской рукописью, въ которыхъ стоитъ слѣдующее: «Нѣкоторыя области были опустошены и разгромлены. Даже древняя столица, богоспасаемая Брусса, и та тоже была разграблена». Поэтому «محلانی» — «кварталы», очевидно, относится къ Брусамъ же.

⁴⁾ «یری یورد اولدی». Это значить, что дома были уничтожены, напр. черезъ сожженіе, и голая земля, гдѣ находились деревни, сдѣлалась жилищемъ обитателей ихъ. У Селяники есть выраженіе: «فقرًا وضعنا سنك برین و یوردین بقوب» — «разрушили мѣста и жилища бѣдняковъ и слабыхъ» (107 г.), откуда слѣдуетъ заключить, что бо имѣетъ еще какое-нибудь значеніе, кромѣ значенія «земли», которую сокрушить, подобно какому-нибудь жилищу, физически невозможно, развѣ только метафорически.

⁵⁾ «ایکی کوی», надо полагать, ошибочно вмѣсто «ایکی کوی», какъ значится въ кодексѣ Везика и въ вѣнской рукописи. Опустошительный набѣгъ на стамбульскія окрестности 150-ти шаекъ донскихъ казаковъ, когда они, между прочимъ, разграбили мѣстечко Новую-Деревню — «ایکی کوی» — упоминается всеми современными историками подъ 14-мъ шеввала 1037 (1628) года. (Фезликъ, 187 г.; Тарихи-Наима, I, 413; Ревзетуль-Эбаръ, 559).

и злодѣйствъ понадобилось построить въ проливѣ форты, для защиты стамбульской стороны ¹⁾. Персидскій шахъ, кромѣ тѣхъ, прежде имъ взятыхъ, нѣсколькихъ провинцій, отнялъ у насъ еще таковой укрѣпленный городъ какъ Багдадъ; завладѣлъ сіяющею свѣтомъ благодати гробницею путевода нашего на стезѣ вѣры, господина достопочтеннаго великаго имама Абу-Ханифѣ, и какихъ только не натворилъ пакостей! Вотъ уже сколько времени предпринимаются противъ него походы, на которые потрачено безчисленное множество денегъ изъ казнохранилища, и все это напрасно: у него не отнято даже ни одной двухдомовой деревушки. Да съ нынѣшнимъ войскомъ ничего и не возьмешь. Именъ также утраченъ, и перешелъ во власть тахъ называемаго имама ²⁾. Ма'анъ-Оглы тоже подъ личною повинновенію былъ революціонеръ: онъ насильно захватилъ у государства цѣлое беглеръ-бейство. Басра и Лахса тоже очутились въ его рукахъ ³⁾. Цѣлыя толпы владѣльцевъ послѣдовали его примѣру ⁴⁾, итого съ

¹⁾ استانبول طرفی, т. е., вѣроятно, стамбульской стороны Босфора. У Вефика استانبول اطرافی — «стамбульскихъ окрестностей».

²⁾ Историки говорятъ, что это былъ глава арабской секты послѣдователей Зейда, присвоившій себѣ титулъ эмируль-му'минина. Самый же фактъ отпаденія его отъ турецкаго подданства они относятъ къ 1038 (1628) году. (Фезликъ, 208 г.; Тарихи-Наима, I, 466).

³⁾ Въ кодексѣ Вефика стоятъ: «Правитель Басры и Лахсы» — بصره والحسه. Кучибей имѣетъ въ виду, конечно, Фахр-Эддина, воинственнаго князика изъ дома Ма'ановъ, которые владѣли небольшимъ клочкомъ земли въ Ливанскихъ горахъ и безпрестанно сражался съ турецкими пашами, ходившими усмирять этихъ непокорныхъ горцевъ, чинившихъ разбойничьи нападенія на путешественниковъ. Краткая исторія этихъ безпокойныхъ вассаловъ османскихъ султановъ, переведенная съ арабскаго, находится въ Jougn. As., Mars-avril 1864 г., стр. 266 и слѣд. Временемъ самаго разгара мятежа Ма'анъ-Оглы, по свидѣтельству историковъ, былъ 1023 (1624) годъ. (Фезликъ, 142 ч.; Тарихи-Наима, I, 299).

⁴⁾ طوائف ملوك شكلكنه كيرمشъ буквально значить: «толпы владѣльцевъ вошли въ его образъ». Выраженіе طوائف ملوكъ аналогично, напр., съ طوائف تجارъ (Bianchi, Dict., II, 192) и значить: «многіе, разные мелкіе владѣльцы». Такое значеніе этого мѣста, мнѣ кажется,

1000 (1591) года 19 провинцій отошло отъ исламскихъ владѣній. Остальныя владѣнія разрушены нашимъ собственнымъ тиранствомъ, и подданные разсѣялись. Каково это бѣдствіе?! Словомъ, могущество и сила верховной власти въ войскѣ; войско существуетъ казною; казна собирается съ поселянъ; существованіе же послѣднихъ обуславливается справедливостью. Въ настоящее время дѣла наши окончательно разстроены; поселяне бѣдствуютъ; казна въ недоборѣ; военные люди, при такихъ обстоятельствахъ, разбрелись въ разныя стороны; исламскія владѣнія уходятъ изъ рукъ; а шѣръ противъ этого все-таки не принимается; средствъ не изыскивается; ¹⁾—какова безпечность?! Слава Всевышнему, пока Его Присутствіе, августѣйшій падишахъ нашъ, главенствуетъ надъ лицомъ земли ²⁾ и пока онъ владыка благословенной Мекки и прославленной Медины, чтобы столько было отнимаемо владѣній, и чтобы бѣдные поселяне были угнетаемы — это совсѣмъ непристойно! Распорядиться изысканіемъ средствъ противъ этого есть непрѣмная обязанность Его Присутствія, падишаха, Убѣжища Вѣры. А впрочемъ, воля и т. д. ³⁾.

болѣе сообразно съ дальнѣйшимъ ходомъ рѣчи, нежели то какое дано ему г. Бернауеромъ, который перевелъ его такъ: «Die einzelnen Völkerschaften sind gleichsam Könige geworden». (Loc. laud., 308).

¹⁾ У Вефика и у г. Бернауера прибавляется къ этому: «разныя глупости не уменьшаются».

²⁾ У Вефика: «надъ царями земными».

³⁾ باقی امر و ابطاً. Слово ابطاً здѣсь, очевидно, есть то же что

ایضاً — «опять», и имѣетъ въ этой фразѣ смыслъ нашего сокращенія: и т. д.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

«Объ обстоятельствахъ насающихся военной корпораціи и государства».

«Отъ бдительнаго сердца Его Присутствія, августѣйшаго и могущественнѣйшаго падишаха вселенной, не должно быть сокрыто, что если не будетъ принято какихъ-либо мѣръ къ поправленію государства; если этой любезной имперіи не дано будетъ надлежащаго устройства, то Народъ Мухаммедовъ, говоря: «увы мнѣ! улы мнѣ!», — и поселяне, и обыватели, всё до одного погибнуть¹⁾. Солдаты вышли изъ повиновенія; офицеры бросили соблюдать дисциплину. Увѣщаніемъ невозможно совладать съ солдатами; ласкою нельзя исправить ихъ. Нынѣшніе солдаты таковы, что если бы все жалованье выдавалось имъ изъ мѣсяца въ мѣсяць впередъ; если бы всё нужные и необходимые для каждаго изъ нихъ предметы доставлялись казною; если бы всякій изъ нихъ просто утопалъ въ разнаго рода милостяхъ, то и тогда, хоть бы всё улемы и старѣйшины сошлись разомъ и стали бы увѣщивать ихъ, стараясь, тысячью совѣтовъ, направить каждаго изъ нихъ на путь повиновенія, и сказали бы: «вѣдь это (поведеніе

امت محمد نفسى نفسى ديوب رعایا وبرایا بالکلیه بر باد¹⁾ . Арабское выраженіе نفسى نفسى буквально значитъ: «душе моя! душе моя!» Оно здѣсь равносильно междометію отчаянія: «увы мнѣ! горе мнѣ! бѣда мнѣ!» и т. п. Въ этомъ смыслѣ оно встрѣчается и у другихъ писателей. Напр. Хаджи-Кальфа говоритъ подъ 1010 годомъ: شرت شتا ظهور ایدوب نفسى نفسى اولدی т. е. «наступила свѣтлая зима; просто бѣда стало». (Фезлика, 65 v.). У Кара-Чебели-Заде

также въ одномъ мѣстѣ сказано: آتش حرب و قتال زیاده اشتعال ... صدای نفسى نفسى عالمکیر اولدی т. е. «пламя войны и брани страшно возгорѣлось;... вопль. «увы мнѣ! улы мнѣ!» объялъ вселенную». (Ревзетуль-Эбраръ, 408). Г. Бернауеръ перевелъ вышеозначенное мѣсто такъ: «die Gemeinde Muhammeds zu einem blossen Wort herabsinken muss» (Loc. cit., 309), упустивши изъ виду депричастіе دیر, которое показываетъ, что стоящія предъ нимъ слова составляютъ цѣлое вводное предложеніе.

ихъ) вредно для государя исламскаго, для вѣры и супружества¹⁾, — все это прошло бы мимо ушей ихъ и ни крошки не принесло бы пользы. Съ отродіемъ сыновъ Адама²⁾ только и можно справиться что силою, а не резономъ³⁾. Прежніе великіе султаны обуздывали челядь шести полковъ посредствомъ янычарскаго очага; а янычарскую артель посредствомъ челяди шести полковъ; обѣ же эти артели посредствомъ солдатъ владѣльцевъ большихъ и малыхъ помѣстій, которыхъ теперь совѣмъ не стало: служба ограничивается только тѣми одними⁴⁾, и каждый изъ нихъ сталъ чисто дьяволъ. Будь только приложено монаршее попеченіе, и дѣло легко бы поправилось. Пусть только большія и малыя помѣстья будутъ приведены въ прежнее хорошее положеніе, а состоящіе на жалованьи солдаты по-возможности уменьшены, и, волею Всевышняго, порядокъ водворится въ государствѣ; высочайшая власть получить прежній блескъ свой; мечъ ислама сдѣлается побѣдоноснымъ, и враги вѣры будутъ покорены. Не въ многочис-

¹⁾ Удерживая въ переводѣ смыслъ текста — *پادشاه اسلامه و دین* — *و نكاحه ضرر*, я не могу не замѣтить странности сопоставленія брака, или, какъ переводить г. Бернауеръ, «*dem Familienverbande*» — «семейныхъ узъ», съ вѣрою, потому что супружескія отношенія далеко не такъ свято чтутся мусульманами, чтобы ихъ достоинство равнялось у нихъ высотѣ религіи или величію царской власти. Я думаю, что здѣсь случайное переначеніе, т. е., вмѣсто *و نكاحه ضرر*, не слѣдуетъ ли читать *ضرر* *نكاح*, не хотѣлъ ли Кучибей поставить очень сходное съ нимъ, и по начертанію и по произношенію, слово *نكاحه* — «вредъ», «обида», «оскорбленіе», такъ что вся фраза приняла бы слѣдующій видъ: «вѣдь это оскорбленіе и вредъ государю исламскому и религіи». Но такъ какъ въ этомъ мѣстѣ, оказывается, всѣ кодексы рисале согласны между собою, то я не рѣшаюсь конъектуру свою выдавать за несомнѣнную аксіому.

²⁾ *بنی آدم جنسی*. У Вефика же просто: *بنی آدم* — «сыны Адама».

³⁾ *حکم ایلہ*. У Вефика: *حکم ایلہ* — «кроткимъ обхожденіемъ».

⁴⁾ Подъ *کندولره* разумѣются янычары и челядь шести полковъ. Раньше, въ VIII главѣ, Кучибей тоже говоритъ: «Служба ограничивается только полученіемъ жалованья солдатами».

ленности войска польза: нужно чтобы оно было хоть и небольшое да хорошее, послушное и покорное. Его присутствіе, высочайшій предокъ Вашъ, Османъ-Ханъ Гази, въ началѣ возникновенія династїи, съ какими нибудь 1—2000 человекъ послушнаго войска сколько завоевалъ владѣній! Хотя цѣлый міръ былъ врагомъ его, однако же никто не могъ сопротивляться ему ¹⁾; мечъ ислама былъ всепобѣждающъ, и во всѣ четыре стороны запуская остріе свое ²⁾. Затѣмъ великіе предки Ваши—да озаритъ Господь гробницы ихъ!—съ небольшимъ количествомъ ревностнаго войска переходили изъ Анатоліи въ Галлиполи, въ то время когда Румелія вся была полна невѣрія и заблужденія; когда тамъ не было ни одного человека произносившаго слова великаго исповѣданія мусульманскаго ³⁾,—побѣда сопровождала ихъ ⁴⁾, и въ ихъ благодатныя времена нѣсколько тысячъ церквей обращены въ приходскія и соборныя мечети и монастыри; гимнъ пресвѣтлымъ свойствамъ Божиимъ и голосъ исповѣданія единаго Господа возносились до небесъ. А сколько крѣпостей и провинцій перешло въ ихъ владѣніе! Затѣмъ могущество ислама день ото дня все возра-

¹⁾ Это мѣсто я перевелъ согласно съ текстомъ г. Бернауера и кодексомъ Вефика, въ которомъ, вмѣсто **عالم سراپا پادشاه ايكين**, стоитъ: **عالم سراپا دشمن ايكين**; потому что, во-первыхъ, при словѣ **پادشاه** нѣтъ относительнаго мѣстоименнаго суффикса, а, во-вторыхъ, нарѣчіе **سراپا**—«съ ногъ до головы», «сплошь»,—идеть только къ существительнымъ собирательнымъ, какъ слово **عالم**—«міръ», т. е. «совокупность странъ и народовъ», между тѣмъ было бы нелѣпо сказать: «онъ былъ сплошнымъ царемъ всего свѣта».

²⁾ Буквально: «когти»—**نيجه**; но такая метафора совершенно противна духу русскаго языка. Въ кодексѣ Вефика, вмѣсто **نيجه صالدي**, стоитъ: **نيجه ولوله صالدي**, т. е. «надѣлалъ шуму».

³⁾ **گلمه، شهادت شريفه کتور بر فزد بوغيکن** г. Бернауеръ у себя въ примѣчаніи совершенно неправильно переводитъ: «Und sie (?) bekehrten es zu dem heiligen (moslemischen) Glaubensbekenntniss». (Loc. cit., 310).

⁴⁾ Вмѣсто **جناب باری کندولر**, у Вефика **نصرت باری اولوب**, т. е. «Господь Богъ былъ имъ помощникомъ».

стало: Аравія, Персидскій Иракъ, Ка'ба и Іеменъ перешли во власть государства османскаго, которое сдѣлалось такъ велико, что развѣ только Александръ Двурогій могъ бы овладѣть имъ. Разрушать такое прелестное государство взяточничествомъ негодится; а подданнымъ подвергаться насилію притѣснителей не подобаетъ. Нужно принять противъ этого мѣры. Съ этими притѣснителями и бунтовщиками слѣдуетъ расправиться. И Господь обоихъ міровъ, и Мухаммедъ Мустафа—миръ на немъ! —, да и вообще всѣ вѣрующіе не считаютъ это дѣломъ пристойнымъ и позволительнымъ. Слава Богу, августѣйшій, могущественнѣйшій падишахъ нашъ, султанъ обѣихъ сушъ и морей, отрасль дома османскаго, непобѣдимъ и счастливъ: что бы онъ не изволилъ предпринять, все это, милостію Всевышняго, не отъ празднаго воображенія. Еслибы послѣдовала высочайшая воля относительно преобразования войска, то, главнѣйшимъ образомъ, пусть большія и малыя помѣстья будутъ распределены между имѣющими право на нихъ¹⁾. Еслибы понадобилось счесть тѣхъ, кто, составляя оппозицію, служить причиною разстройства страны, то ихъ оказалось бы только человекъ 30—40, не болѣе. А если такъ, то избави Боже, чтобы Его Присутствіе, августѣйшій государь нашъ, допустилъ, для удовольствія какихъ-нибудь 30 — 40 человекъ, такое прекрасное государство быть повергнутымъ въ смятеніе и разстройство. Короче, единогласное мнѣніе всѣхъ умныхъ и проницательныхъ людей таково, что, покамѣстъ большія и малыя помѣстья не будутъ отданы имѣющимъ право на нихъ, такъ-чтобы во время императорскаго похода каждый изъ нихъ находился подъ своимъ знаменемъ,—враги вѣры не будутъ отомщены; мятежники не будутъ усмирены, и подданные не освободятся отъ рукъ притѣснителей. Истинное положеніе дѣлъ таково. А впрочемъ, власть воля, и т. д.»

¹⁾ У Вефика это мѣсто читается такъ: «то главнѣе всего нужно озаботиться о большихъ и малыхъ помѣстьяхъ: чтобы села и поля отданы были людямъ меча; чтобы зі'аметы и тимары распределены были между имѣющими право на нихъ».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

«О томъ, какиимъ образомъ могутъ отыскаться находящіеся теперь въ шкатулкахъ зіаметы и тимары, и о возобновленіи ихъ».

«Отъ благословеннаго и добродѣтельнаго сердца Его Присутствія, августѣйшаго, могущественнѣйшаго, столь же славнаго какъ Джемъ, падишаха, Убѣжища Вѣры, не должно быть сокрыто, что еслибы послѣдовала высочайшая воля о томъ, чтобы, чрезъ распредѣленіе, находящихся теперь въ рукахъ у лицъ недостойныхъ и у вельможъ въ шкатулкахъ, большихъ и малыхъ помѣстій между тѣми кто имѣть право на нихъ, былъ восстановленъ прежній порядокъ, то, по милости Всевышняго, эта воля можетъ осуществиться лишь тогда когда распредѣленіе и назначеніе произведено будетъ беглеръ-беями. Коль скоро назначеніе будетъ производиться со стороны Порога Счастья, то не будетъ различія между достойными и недостойными; не будетъ также спасенія отъ вельможъ и знатныхъ,—и оно не состоится. Такъ въ 1010 (1601) ¹⁾ году, когда Емишчи-Хасанъ-паша былъ верховнымъ визиремъ и главнокомандующимъ на венгерской границѣ, а Махмудъ-паша былъ намѣстникомъ въ Порогѣ Счастья, и затѣмъ въ 1022 (1613) году, когда верховнымъ визиремъ былъ Насухъ-паша, послѣдовало-было высочайшій, сопутствуемый счастьемъ, рескриптъ объ исторженіи большихъ и малыхъ помѣстій изъ шкатулокъ и о распредѣленіи ихъ между достойными людьми ²⁾. Но такъ какъ верховный визирь, Хасанъ-паша, производилъ это назначеніе и распредѣ-

¹⁾ У Вефика-эфенди: «въ 1011 году».

²⁾ У историковъ упоминается подъ 1010 годомъ хатти-гумаюнъ, но только заключающій въ себѣ султанскую благодарность войску за храбрость и успѣхи въ битвахъ, а также разрѣшеніе раздать награды, о которыхъ главнокомандующій Емишчи-Хасанъ-паша сдѣлалъ представленіе въ Порту, состоявшія въ пожалованіи двумъ военачальникамъ санджакатовъ, Кюстендиля и Печевы, а солдатамъ—въ прибавкѣ 5 бѣлячковъ жалованья. Причемъ самому Хасанъ-пашѣ пожалованы визирскіе хассы, изукрашенный камнями мечъ и другіе драгоценные подарки. (Фезликъ, 66 г.; Тарихи-Наима, I, 150). Но о тимарахъ и зіаметахъ тутъ ни слова не сказано.

леніе въ походѣ, а намѣстникъ Махмудъ-паша въ Порогѣ Счастья, то реформа и не осуществилась. А Насухъ-паша вытребовалъ румелійскихъ владѣльцевъ большихъ и малыхъ помѣстій въ богохранимый Эдирне (Адріанополь) ¹⁾. Тогда вельможи и знатные одѣли слугъ и рабовъ своихъ въ сипагскій мундиръ и отправили, снабдивъ ихъ грамотами. Эти всѣ явились на мѣсто смотра, и ни одного малаго помѣстья не оказалось. Еслибы въ этотъ разъ была произведена ревизія и въ Порогѣ Счастья, то она вышла бы точно такого же свойства. Итакъ большія и малыя помѣстья попрежнему остаются въ шкатулкахъ, и никакимъ путемъ они не могутъ обнаружиться. Но, съ помощью Божіею, преобразование легко бы могло осуществиться такимъ образомъ: пусть бы беглер-беймъ всѣхъ провинцій послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы они, отправившись въ свои мѣста, большія и малыя помѣстья, приносящія 1000—100,000 доходу и находящіяся въ рукахъ людей не имѣющихъ на нихъ права, распредѣлили и назначили людямъ достойнымъ. Потому что въ каждой провинціи, въ каждомъ санджакѣ и въ каждомъ дистриктѣ ветераны очага и урожденные сипаги доподлинно (всѣмъ) извѣстны. Равно какъ вточности извѣстны и всѣ тѣ большія и малыя помѣстья, которыми распоряжаются аги по чужимъ росписямъ, на имя постороннихъ, слугъ и рабовъ своихъ. Пусть только послѣдуетъ высочайшее повелѣніе, чтобы большія и малыя помѣстья такого рода недостойныхъ людей были распредѣлены и назначены достойнымъ, и отецъ, не дожидаясь сына, а сынъ отца, и братъ брата, наперерывъ ²⁾ станутъ приходить и сказывать, что, молъ, находящееся у такого-то малое помѣстье—на имя его раба и слуги, а такое-то большое помѣстье—у шута или у нѣмаго въ шкатулкѣ ³⁾;

¹⁾ Для произведенія ревизіи и распредѣленія тимаровъ, разумѣется.

²⁾ Въ кодексѣ Вефика прибавляется слѣдующее: *بول بیلن کاربانه*, т. е. «по смыслу полустипіи: «Знающій дорогу не дожидается каравана», толпясь со всѣхъ сторонъ», и т. д.

³⁾ Объ этихъ придворныхъ чинахъ, равно какъ и о значеніи метафорическо-техническаго выраженія: «помѣстья (т. е. собственно доходы съ нихъ) въ шкатулкѣ» сказано выше (стр. 84 и 122).

десять человекъ потянутся за однимъ малымъ помѣстьемъ; имѣющіе право, очевидно, явятся противниками неимѣющихъ его, и шелкъ каждаго явится на рынокъ ¹⁾; ни одно большое помѣстье, если Богу будетъ угодно, не утаится въ высокомъ падишаховомъ государствѣ: всѣ обнаружатся. Но тимариоты уже не достигнутъ прежняго своего положенія, потому что подѣ именемъ поселянъ и дѣтей ихъ, имена коихъ внесены въ императорскіе реестры, пребывали всѣ люди подобные состоящимъ на жалованьи солдатамъ; нѣкоторыя села не въ состояніи были вынести угнетеній притѣснителей, и разоренные жители ихъ разбѣжались ²⁾: ни имени, ни

¹⁾ Это, вѣроятно, турецкая народная поговорка, смыслъ которой тотъ, что подноготная каждаго раскроется.

²⁾ Это мѣсто въ петербургскомъ списокѣ имѣетъ слѣдующій видъ:
 زیرا دفاتر خاقانیه ده اسلاری مسطور اولان رعایا واولاد رعایا
 نامنده علوقه لی قول کبی اولوب نیجه قریه لر تعدی ظلمدن طاقت
 کتورمبوب امالیسی پریشان و کریزان اولوب
 Въ кодексѣ же Вефика оно читается иначе, а именно: *دفاتر خاقانیه ده اسلاری مسطور اولان رعایا واولاد رعایا کبی علوقه لی قول و کبی قول نامنده اولوب* и т. д., т. е. «изъ поселянъ и дѣтей поселянъ, имена коихъ записаны въ императорскіе реестры, иные были получавшіе жалованье солдаты, а кто лишь подѣ именемъ солдатъ». По-моему тутъ дѣло вотъ въ чемъ. Кучибей хочетъ объяснить причину, по которой тимариоты не могутъ достигнуть прежняго своего положенія, т. е., разумѣется, благоприятнаго въ матеріальномъ отношеніи, и находить ее въ томъ, что теперь имъ не съ кого больше получать оброковъ; ибо вмѣсто райи всюду лишь одни получающіе жалованье солдаты, которые, под-
 разумѣвается, не обрабатываютъ земли, живя на готовомъ хлѣбѣ. Такъ оно выходитъ изъ текста копіи Ходженса. Та же мысль и въ кодексѣ Вефика: потому тимариотамъ не достигнуть прежняго обеспеченнаго положенія, что должныя имъ заниматься обработкою полей поселяне, равно какъ и дѣти ихъ, числятся состоящими на жалованьи солдатами. А въ слѣдующемъ предложеніи, которое г. Бернауеръ въ переводѣ своемъ подчинилъ предъидущему, объясняется другая причина невыгоднаго положенія тимариотовъ, состоящая въ томъ, что не вынесшіе угнетеній разныхъ притѣснителей жители селъ и деревень разбѣжались. Подѣ словомъ же *دفاتر*, я думаю, разумѣются здѣсь реестры, въ которые вносились во время переписи (حين تحریرده) сельскіе жители принадлежавшіе къ доходнымъ участ-

знака отъ нихъ не осталось. На этомъ основаніи, сколько бы ни было приложено стараній, всё-таки они (т. е. тимариоты) не достигнутъ своего прежняго положенія. Но, по милости Божіей, и для этого есть однако же средство: еслибы государю угодно было, то они не только бы достигли прежняго положенія, но, милостью Божіей, количество ихъ могло бы увеличиться до 40—50,000 ¹⁾, даже болѣе. А откуда именно они (имѣнія) могутъ явиться, это объяснится изъ нижеслѣдующаго разсужденія ²⁾. А впрочемъ, власть и воля Его Присутствія, моего государя».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«О надлеющемъ переустройствѣ и приведеніи въ наилучшее положеніе владѣльцевъ большихъ и малыхъ помѣстій».

«Отъ благословенной, какъ зеркало блестящей души Его Присутствія, августѣйшаго и могущественнѣйшаго падишаха, Убъ-

камъ тѣхъ или другихъ сипаговъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ статей сборника закоположеній подъ названіемъ *Кануна-и-Джедидъ*. Напр. говорится въ одномъ мѣстѣ: *ربیت ایکی سپاهیہ دفترده یازلسہ* и т. д. (Стр. 63 v.). Или: *سپاہیلر بزم دفترلی رعایامزدر دیو* и т. д. (Ibidem). Эпитетъ же *خاقانیہ* показываетъ, что тутъ разумѣются подлинныя реестры: у самихъ же сипаговъ были въ рукахъ копіи съ нихъ, какъ это видно изъ статьи: *زید سپاہینک صورتہ دفترده مسطور اولان* *ربیتی* и т. д. (Стр. 89 v.).

¹⁾ Такъ-какъ выше шла рѣчь о тимариотахъ, то, слѣдовательно, и цифра 40—50,000 относится къ нимъ же, потому что, напр., по вычисленію Гаммера, въ одномъ эрзерумскомъ санджакѣ было 66 зѣметовъ и 2219 тимаровъ (*Staatsverfassung und Staatsverwaltung*, II, 261); а всего-на-все онъ насчитываетъ до 40,000 деновъ. (Ibid., 273). Поэтому напрасно г. Вернауеръ въ примѣчаніи приставилъ къ вышеозначенной цифрѣ слово *Asper*, такъ какъ тутъ дѣло идетъ вовсе не о размѣрѣ доходовъ съ тимаровъ, а о количествѣ самихъ тимаровъ.

²⁾ У Вефика: «въ нижеслѣдующихъ разсужденіяхъ». Тутъ слово *قضیه*—«дѣло», «пронесеніе», «предложеніе», «имѣетъ» очевидно, то же значеніе что и *ناخبط*—«докладъ».

*

жища Міра, не должно быть сокрыто, что еслибы высочайшее попеченіе обращено было на надлежащее преобразованіе большихъ и малыхъ помѣстій и на приведеніе ихъ въ лучшее состояніе, для того чтобы они стали въ высшее противъ прежняго положеніе, то, съ помощью Всевышняго, это легко могло бы осуществиться такимъ образомъ. Теперь составляющія частную собственность Его Величества села ежегодно даются въ управленіе ¹⁾ полковой челяди, и на бывающихъ у ней аукціонахъ продаются тому кто дастъ больше ²⁾, такъ-что подъ именемъ падишаховыхъ денегъ поступаетъ въ казну всего только сто юковъ бѣлячковыхъ ³⁾. Вотъ еслибы, вмѣсто того чтобы платить той артели чистыми деньгами ⁴⁾, состоящимъ на экстраординарномъ жалованьи (чле-

¹⁾ خدمت, какъ уже замѣчено выше (гл. IX), было общее названіе для всякаго рода порученій, дававшихся выборнымъ изъ военныхъ, и приносявшихъ послѣднимъ денежную выгоду, къ числу которыхъ нужно отнести и завѣдываніе (а не «Nutzniessung», какъ переводитъ слово خدمت г. Вернауеръ) султанскими удѣлами.

²⁾ ارالرنده بيع من يزيد اولنوب بوللق صانلر. Здѣсь представляетъ нѣкоторую трудность для пониманія слово بوللق, которое есть то же что بوللو — «денежный», «богатый». (Будаговъ, Словарь, подъ словомъ بول). Будучи повторено два раза, оно выражаетъ усиленіе, возвышеніе въ степени, и потому вся фраза будетъ значить: «продаются по деньгамъ, по деньгамъ», т. е. «тому кто денежнѣе, кто дастъ больше». Судя потому, что г. Вернауеръ прибавляетъ «Jahrg für Jahr», чему нѣтъ соотвѣтствующаго въ петербургскомъ спискѣ, надо полагать, что въ вѣнской рукописи, вмѣсто بوللق بوللق, стоитъ بوللق بللق, что значить: «изъ года въ годъ». Въ Дестуруль-амель Хаджи-Кальфы есть такое выраженіе: جاله مناصب بلغا ما بلغ بيع من يزيد اولوب اشترا ایدن ملاعين استعجال ايلر (Рукоп. В. В. Григорьева, стр. 5 verso). А потому находящееся у Кучибеевъ بوللق بوللق, мнѣ думается, есть турецкій переводъ арабскаго выраженія بلغا ما بلغ, которое видимъ въ приведенной стереотипной фразѣ, встрѣчающейся и у другихъ писателей.

³⁾ Въ кодексѣ Вефика и въ вѣнскомъ спискѣ добавляется: «Да и они идутъ на жалованье той же артели».

⁴⁾ Г. Вернауеръ перевелъ это мѣсто въ противоположномъ смыслѣ,

нашъ артели), взаимнѣ этого ихъ жалованья, давались бы собственныя императорскія села въ видѣ большихъ и малыхъ помѣстій ¹⁾), а жалованье ихъ оставалось бы въ казнѣ, то много бы оказалось сабелъ. Черезъ это и артель бы получила должное, да и государственной казнѣ была бы значительная выгода. Еще да будетъ высочайше извѣстно, что, вопреки божескому закону, существуютъ нѣкоторыя владѣнія на правахъ собственности ²⁾ и *вакуфы* ³⁾).

а именно: «Wenn man darauf absähe, diesen Leuten baares Geld zu geben». Но это противорѣчитъ контексту какъ предыдущей рѣчи (ибо сейчасъ сказано было, что доходы султанскіе шли на жалованье артели, о которой трактуется здѣсь), такъ и послѣдующей (потому что далѣе говорится о сбереженіи казны чрезъ удержаніе жалованья). Я думаю, что фраза *اول طائفه به نقد افچه ویرمکدن ايسه* имѣетъ грамматическій оборотъ служащій для выраженія сравненія (См. Bianchi, Dict., слово *ايسه*), хотя тутъ и опущено слово *ابو*, или *يك*, или *اعلا*, соответствующее нашему *лучше*.

¹⁾ Повидимому здѣсь Кучибей самопротиворѣчитъ, такъ-какъ онъ раньше сказалъ, что не слѣдуетъ давать тимаровъ лицамъ состоящимъ на жалованьи. Но это самопротиворѣчіе только кажущееся.

Въ предложеніи *خواص هابون قریه لری اگر علوفه لی اولنلره* *اگر علوفه لی* — дополненіе — *علوفه سنه بدل زعامت و تیمار ویریلوب اولنلره* — относится къ предыдущему — *اول طائفه به* — и значить: «состоящимъ изъ той артели на экстраординарномъ жалованьи»; а *خواص*

زعامت و تیمار и *قریه لری هابون* есть два именит. падежа при страдат. глаголѣ *ویریلوب* — одинъ именит. подлежащаго (по вопросу: что?), другой именит. дополненія (по вопросу: чѣмъ? или во что?). По моему разумѣнію выходитъ, что Кучибей предлагаетъ обратить султанскіе удѣлы въ зѣаметы и тимары, вмѣсто того чтобы сборъ доходовъ съ нихъ давать на комиссію членамъ вышеозначенной полковой челяди (которые барышничали, съ лихвою перепродавая свои хыдметы) и употреблять собираемые ими доходы на жалованье той же челяди.

²⁾ *تبلیک* — «владѣніе на правахъ полной собственности». (Belin, Journ. As., Fevr.-mars 1862, p. 186, № 276).

³⁾ *اوقاف*. *Вакуфомъ* называется всякій благочестивый отказъ, дѣлаемый на поминъ души въ пользу мечетей или какихъ-нибудь благотворительныхъ учрежденій. Значеніе *вакуфовъ* и законоположенія касательно этого имущественнаго института подробно изло-

Съ виду это, кажись, хорошо, а на самомъ дѣлѣ есть растрата общественнаго имущества; потому что доходы съ селъ и полей мусульманскихъ областей есть достояніе общественной казны: право на нихъ принадлежитъ воинамъ и ратникамъ за вѣру. Расходъ ихъ опредѣленъ закономъ. На чемъ-же основываются акты объ этихъ отказахъ ¹⁾? Допускаемые закономъ вакуфы суть благочестивые отказы, благотворительныя заведенія и богоугодныя учрежденія, основанныя для всѣхъ правовѣрныхъ, изъ владѣній завоеванныхъ прежними султанами—упокоемъ ихъ, Господи, въ горнѣмъ Раю! А такъ-какъ во времена оныя беи и беглеръ-беи, предпринимая походы ради Аллаха, оказывали немало услугъ къ благополучію высокаго государства ²⁾, то великіе султаны, въ вознагражденіе за эти услуги, жаловали имъ въ полную собственность села и пахотныя поля изъ завоеванныхъ владѣній. А они, основывая, съ соизволенія султанскаго, въ пользу всѣхъ правовѣрныхъ богоугодныя заведенія и благотворительныя учрежденія, строили мечети, богадѣльни, монастыри, и дѣлали для нихъ отказы ³⁾. Вакуфы такихъ поборниковъ вѣры, беевъ и вокновъ, какъ Гази Эвреносъ-бей, Турханъ-бей, Михаль-оглы и другихъ, ревностно ратовавшихъ на пути Божіемъ, разрѣшены имамами мусульманскими ⁴⁾; прочіе же не законны. Нужды нѣтъ, что (потомъ) ни одинъ человѣкъ не оказывалъ никакой достойной вѣры и государства услуги, и не завоевывалъ не только цѣлыхъ областей, но даже какой-нибудь двухдомовой деревушки: довольно было только

жены въ статьѣ г. Белена «Etude sur la propriété foncière en pays musulmans, et spécialement en Turquie» (Journ. As., Février-mars 1862, стр. 156 и слѣд.).

¹⁾ وقفیه, значить еще «реестръ въ который вносятся отказы, дѣлаемые въ пользу мечети».

²⁾ Въ кодексѣ Веэика и у г. Бернауера прибавляется: «завоевавши нѣсколько владѣній».

³⁾ Г. Бернауеръ перевелъ: «Machten fromme Stiftungen für der gleichen Personen». Но тутъ ни о какихъ лицахъ нѣтъ рѣчи: говорится лишь объ учрежденіяхъ, въ пользу которыхъ дѣлались отказы.

⁴⁾ Въ текстѣ они названы ائمه دين, что значить буквально: «имамы вѣры», т. е., подразумѣвается, «единой истинной вѣры, мусульманской».

быть приближеннымъ падишаха, чтобъ деревни и пахотныя поля, изъ нѣскольکو сотъ лѣтъ тому назадъ завоеванныхъ и составлявшихъ государственную собственность владѣній, тѣмъ или другимъ способомъ обратить въ полную собственность себѣ и дѣтямъ своимъ. А потомъ уже и дѣлали вакуфы для какихъ имъ было угодно мѣстъ ¹⁾. Справедливы-ли такого рода отказы? Позволительно-ли, чтобы они пожирались прихлебателями ²⁾? Дѣлать полную собственностью такого рода людей достояніе государственной казны не дозволяется по закону; поэтому, и отказныя грамоты ихъ не

¹⁾ Въ кодексѣ Вефика, кромѣ того, еще находится слѣдующее: «А нѣкоторые подъ именемъ вакуфовъ установили недвижимую собственность своимъ дѣтямъ».

²⁾ Въ спискѣ г. Бернауера этого мѣста нѣтъ; а петербургскій вариантъ онъ, въ примѣчаніи, переводить такъ: «Und wie darf man sie (Stiftungen) überhaupt in Besitz nehmen?» Въ копіи Ходженса и въ кодексѣ Вефика оно читается такъ: **وانی (وقف) بسمله ايله نیجه**. Но слово **بسمله**, какъ сокращеніе извѣстнаго мусульманскаго выраженія: **بسم الله**, не имѣетъ здѣсь смысла. Остается предположить, что это есть испорченное **بسمه** — «питаніе», «кормленіе», «питомецъ», «слуга», такъ-что **بسمله ايله تناول** будетъ значить: «пожираніе кормильщиками, вдунами», — и разумѣть подъ этими послѣдними или только-что упомянутыхъ дѣтей любимцевъ султанскихъ, или же, принимая **بسمله** въ значеніи «упитанный», «пресыщенный», «паразитъ», самихъ кліентовъ султана, пользовавшихся для своихъ корыстныхъ видовъ властью своего патрона. Здѣсь, я полагаю, просто перестановка двухъ слоговъ, состоящихъ изъ плавныхъ звуковъ, которые весьма легко между собою переплетаются: у насъ, напримѣръ, слово **лима** въ петербургской и новгородской губерніяхъ произносятся **ли-ма**; а подобные законы звукосочетаній общи для всѣхъ языковъ. Несмотря на то что безграмотности рукописи рисале Кучибей, имѣющаго не книжное а фонетическое правописаніе, осуждены Вефикомъ на изгнаніе изъ печатнаго изданія, нѣкоторые изъ нихъ всё-таки избѣгли этой участи, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: **قوايد** **چکرین** (22) **چکرک** (21) **اصل** **اصیل** (стр. 2) **قواعد** **صائقه** (26) и др., къ числу которыхъ, очевидно, надо отнести и **بسمله**.

имѣютъ основанія. А когда основаніе чего-либо ложно, какъ же могутъ быть вѣрны изъ него выводы? Такого рода владѣнія есть фонды государственной казны и достояніе воиновъ и ратниковъ. Для вѣры и государства было бы полезно вотъ что: тѣ села составляющія (теперь) полную собственность, и тѣ вакуфы, которые 200 лѣтъ тому назадъ, по праву и справедливости, сдѣлались таковыми, оставить въ томъ же положеніи ¹⁾, а незаконные и составляющіе достояніе государственной казны раздѣлить артели солдатъ получающихъ жалованье, и такимъ образомъ было бы оказано высочайшее содѣйствіе къ приобрѣтенію нѣсколькихъ тысячъ сабель. Это поведетъ и къ увеличенію количества сабель и къ значительному приращенію казны; и сколько пользы-то окажется! Но если въ числѣ такихъ вакуфовъ окажутся мечети и монастыри, то имъ не подобаетъ быть уничтоженными: можно изъ царской казны ассигновать маленькія содержанья, что было бы добрымъ и прекраснымъ дѣломъ со стороны августѣйшаго падишаха ²⁾. Деревни же и пахотныя поля также должны найти своихъ хозяевъ. Еслибы теперь собственныя императорскія села и доходы съ противозаконныхъ вакуфовъ и полныхъ владѣній, вмѣсто того чтобы имъ обращаться туда куда не слѣдуетъ ³⁾,

¹⁾ Въ кодексѣ Вефика тутъ вариантъ, а именно: «Еслибы законно существующія въ полной собственности и вакуфахъ села, по правдивой и вѣрной ревизіи, были оставлены въ томъ же положеніи».

²⁾ Слѣдовательно, Кучибей только противъ полной секуляризаціи церковныхъ имуществъ, и вовсе не прочь поубавить доходы мечетей и принадлежащихъ къ ихъ вѣдомству богоугодныхъ учреждений. Вѣроятно, онъ, совѣтуя это, руководился свѣжимъ примѣромъ подобнаго секвестра въ пользу казны излишнихъ доходовъ съ вакуфовъ, на который рѣшились, послѣ долгихъ преній, въ 1031 = 1622 году, въ царствованіе Мустафы I — фактъ, увѣковѣченный у историковъ, по обще-восточному обычаю, хронограммою بحرب الاوقاف (Фезлика, 172 в.; Тарихи-Наима, I, 358). Хотя, впрочемъ, Селяники еще подъ 1062 г. говорятъ, что «повелѣно было продать состоящія подъ именемъ отказовъ и недвижимыхъ имѣній (اوقاف وعقاری نامنه) и принадлежащія мечетямъ и муаллемамъ дома». (Тарихи-Селяники, 176 в.).

³⁾ نامحل برلره صرف اولنمقدن ايسه. Это опять тотъ же сравнительный оборотъ рѣчи, о которомъ я уже сказалъ выше (стр. 157).

были розданы и распределены артели настоящих¹⁾ солдат²⁾, то поденная плата 40—50,000 человек—это, значитъ, больше нежели по 20 бѣлячковъ съ каждаго, а въ годъ больше 2000 мѣшков³⁾ бѣлячковъ—стала бы поступать въ казну, и тогда бы приходъ сталъ превышать расходъ. И чтобы, по возможности, одно село давалось двумъ человекѣмъ, и два села одному человекѣ⁴⁾; а когда кто-либо изъ состоящихъ на жалованьи отличныхъ,

И тутъ опять недостаетъ слова соответствующаго русскому *лучше*. Повтореніе этого оборота едва ли можно приписать случайности: я полагаю, что это есть своеобразный эллипсисъ, который однако же не упоминается въ нынѣшнихъ грамматикахъ, можетъ быть потому что въ настоящее время онъ болѣе не употребляется.

¹⁾ *يوللر ايله كالمش*. Это техническое выраженіе, встречающееся во всѣхъ памятникахъ, означаетъ движеніе по службѣ совершающееся путемъ постепеннаго прохожденія обязанностей, законной выслуги, а не благодаря какимъ-нибудь побочнымъ обстоятельствамъ. Такъ напр. Селяники подъ 1003 годомъ говорятъ: «Повелѣно быть, по старинному обычаю, выпуску ичъ-оглановъ покойнаго падишаха... Нухъ-ага по протекціи султанин-матери (والده سلطان شفاعتیا) высочайше уволенъ въ отставку съ законеннымъ пенсіономъ; а младшій штабмейстеръ Ахмедъ-ага поочереди (يوليله) сдѣлся главнымъ дверникомъ». (Тарихи-Селяники, 204 г.). А потомъ то выраженіе въ переносномъ смыслѣ значитъ «настоящій, правильнымъ образомъ проложившій себѣ дорогу». Противоположное ему выраженіе есть *يولسر كالمش*. (Фезликъ, 172 г.).

²⁾ Въ кодексѣ Вефика тутъ слѣдуетъ: «40—50,000 человекъ, оставивши свое жалованье казнѣ, получили бы малыя помѣстья (تیماره چقارلردی)».

³⁾ У Вефика: «2,000 вьюковъ»—разница громадная, потому что киса—*کيس* = 500 бѣлячкамъ, а вьюкъ—*بوك* = 100,000 бѣлячкамъ. У г. Вернауера, согласно съ кодексомъ Вефика, «200,000,000 Asper». Поѣднее, я полагаю, вѣрнѣе, потому что, напр., Хаджи-Кальфа въ своей *Дестуруль-амель* говоритъ, что въ 970 (1566) году было 40,479 человекъ солдатъ, получавшихъ 1,223,000,000 бѣлячковъ жалованья. Ркп. В. В. Григорьева, стр. 7 г.).

⁴⁾ То же и у г. Вернауера. Но въ кодексѣ Вефика сказано на оборотъ: *ويبرليه*—«чтобы не давалось» и т. д. Первое, по моему мнѣнію, вѣрнѣе, потому что Кучибей, видимо, настаиваетъ на безуслов-

храбрыхъ богатырей, пожелаетъ и будетъ просить, — то такимъ просителямъ пусть бы давалось съ величайшимъ удовольствіемъ. Если Богу угодно, владѣльцевъ большихъ и малыхъ помѣстій, вмѣстѣ съ прежними саблями, окажется болѣе ста тысячъ, такъ что если случится благословенный походъ, то они не попросятъ изъ казны ни денегъ, ни провіанта, ни верблюдовъ; и какіе бы ни случились походы, они, милостію Всевышняго, во всѣхъ отношеніяхъ будутъ нетрудны, и съ врагами вѣры можно будетъ какъ угодно расправиться. А впрочемъ, власть и воля Его Присутствія, августѣйшаго государя мусульманскаго».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

«О томъ, какой отвѣтъ, на спросъ злополучнаго шаха Аббаса у визирей своихъ о состояніи османскаго государства, дали ему эти послѣдніе» ¹⁾.

«Отъ распространяющаго благоуханіе моря щедротъ сердца, и отъ солнцелещущаго ума Его Присутствія, августѣйшаго, могущественнѣйшаго падишаха, Убѣжища Вѣры, не должно быть сокрыто, что нѣкогда персидскій шахъ Аббасъ ²⁾, въ началѣ сво-

ной оцѣнкѣ людей по заслугамъ и достоинству ихъ, такъ-что кто стѣбитъ, тому слѣдуетъ давать не одно, а два села; менѣе же достойнымъ — одно село на двоихъ. Положимъ, что совместное владѣніе еще можетъ вести къ спорамъ; но что могло бы быть худаго отъ владѣнія двумя и больше селами — трудно догадаться.

¹⁾ Въ кодексѣ Веефика нѣсколько иное заглавіе: «Слѣдуетъ разсказать, передаваемый о злополучномъ шахѣ Аббасѣ, касательно преобразованія государства».

²⁾ Во всѣхъ спискахъ ему даны разные эпитеты: у Веефика онъ названъ شقاوت التباس — «злополучный»; у г. Вернауера — خناس — «дьяволъ», или «der Dämonische», какъ переводитъ онъ. Но самый неудобопонятный эпитетъ находится въ петербургскомъ спискѣ — دلال الناس. Последній, очевидно, есть ошибка вмѣсто اذلال الناس, т. е. «самый низкій изъ людей». (См. Лексиконъ Ценкера, подъ словомъ اذلال).

его царствованія, собравши къ себѣ своихъ сановниковъ, улемовъ и умныхъ людей, задавъ имъ такой вопросъ: «Что-за секретъ, что-за чудо, что великіе султаны османскіе достигли такой степени силы, могущества и славы и сдѣлались обладателями безчисленнаго множества странъ, тогда-какъ мы слабы и безсильны? Объясните и растолкуйте мнѣ это поскорѣе», сказалъ онъ. Они же выпросили нѣсколько дней сроку. Затѣмъ, когда, собравшись въ кабинетъ своемъ, учредили засѣданіе и посовѣтовались, то мнѣніе и воззрѣніе всѣхъ ихъ имѣло основаніемъ своимъ и опорою слѣдующее: «Тайна того, что султаны османской династіи сдѣлались такими могущественными и покорили чуть не весь свѣтъ, заключается въ томъ, что когда одинъ изъ визирей садеть на коверъ верховнаго визирства и займетъ передній уголъ великаго сановничества, то ему даются въ руки бразды самостоятельности, и уже, кромѣ него, ни одна душа въ правительственные дѣла не вмѣшивается. Лица занимающія извѣстныя должности и мѣста безъ вины не отставляются. А мужи меча и брани — народъ безкоризненный, соблюдающій дисциплину и истокровнаго происхожденія: среди нихъ нѣтъ чужихъ и пришлецовъ. У нихъ нѣтъ роскоши и украшеній, пышной сбруи и богатыхъ убранствъ. Подданные пребываютъ въ спокойствіи; сокровищницы полны принадлежащихъ общественной казнѣ денегъ¹⁾. Отказныя и сиротскія деньги въ ея казнохранилища

¹⁾ Такъ я понимаю выраженіе: مال بیت المال ايله خزينه لر مالا. مال اولوب, гдѣ слово خزينه значить просто: «казнохранилище, складъ, депо», а بیت المال — «общественная», или, точнѣе, «государственная казна»; хотя слово خزينه еще означаетъ частную казну султана, называемую также خزينة اندرون — «внутренней казною», (Staatsverfassung, II, 168); а для بیت المال имѣются синонимическія названія: خزينة عامره — «богатая, обильная казна», ميرى — «государство, казенное» (имущество т. е.), «казна», «сискъ». (Tableau gén., VII, 260). Въ переводѣ же г. Бернагера — «der Staatsschatz und der grossherrliche Privatschatz sind wohl gefüllt» (Loc. cit., 315) — совершенно произвольно игнорировано имъ стоящее въ началѣ предложенія слово مال — «деньги».

не поступают¹⁾; насильно ни одного бѣячка не берется съ рабовъ Божиихъ. Вслѣдствіе этого созвѣздіе ихъ государства блестяще; всѣ средства къ достиженію желаемого готовы; мечи ихъ побѣждаютъ; планы ихъ удаются»²⁾. Когда всѣ въ этомъ были согласны, то явились къ пропащему шаху, и все выше-означеннымъ образомъ изложили и объяснили ему. Онъ же, сказавъ имъ на это: «въ самомъ дѣлѣ, то что вы говорите—сущая правда, и рѣчи ваши заслуживаютъ всякаго вѣроятія»³⁾; одобрилъ мнѣніе и разсудительность ихъ; тотчасъ же снялъ бывшія на немъ богатая одежды, золотой поясъ и украшенную драгоценными камнями саблю съ чреслъ своихъ, и надѣлъ трехъ-копеечное⁴⁾ черное исподнее платье и простую саблю. Пламенно желая установить миръ и согласіе съ падишахомъ исламскимъ, онъ прислалъ въ Высокую Порту своего племянника⁵⁾, и обязалъ себя

¹⁾ Это, должно быть, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что вакуфы и сиротскія деньги не касаются собственно общественной казны, идущей совершенно на другія нужды государства, а имѣютъ свое особое управленіе, свой бюджетъ; каковъ бы балансъ его ни былъ. Иначе это было бы самопротиворѣчіемъ со стороны Кучибей, который только-что, въ предъидущей главѣ, говорилъ о пользѣ секуляризаціи излишнихъ доходовъ съ вакуфовъ.

²⁾ Такъ надо понимать выраженіе *هتلى جالب*, которое г. Бернауеръ переводитъ: «Ihr Hochsinn und Muth geht auf immer neue Eroberungen aus». (Loc. cit.. 316).

³⁾ *مصدق*. Г. Бернауеръ переводитъ: «Durch die Geschichte bestätigt»: должно быть у него варіантъ.

⁴⁾ Въ кодексѣ Везика: *اوچوز اچه لق*, равно какъ и у г. Бернауера: «für dreihundert Asper», что не совсѣмъ похоже на ту скромность, которую напустилъ на себя Аббасъ, и потому, мнѣ кажется, въ петербургскомъ спискѣ вѣрнѣе сказано.

⁵⁾ Г. Бернауеръ приводитъ въ примѣчаніи исторію Цинкейзена, III, 671, гдѣ разсказывается о мирныхъ переговорахъ шаха Аббаса съ Мурадъ-пашею въ 1019 (1610) году, при посредствѣ какого-то Хайръ-Эддина Чауша, (Тарихи-Наима, I, 282), когда шахъ, дѣйствительно, сузилъ высылать турецкому правительству ежегодно 200 выюковъ шелку въ видѣ дани съ отнятыхъ у него турками провинцій, возвращеніе которыхъ онъ ставилъ непременнымъ условіемъ мира. (Ibid., 283). Но, судя потому что посломъ со стороны шаха, говоритъ Кучибей, былъ

ежегоднымъ въ 200 вьюковъ шелку подаркомъ. А когда онъ, заключивши также миръ и съ ханомъ Узбекскимъ, былъ совершенно спокоенъ и обезпеченъ, то велѣлъ глашатаямъ повсюду объявить строжайшее распоряженіе такого рода: «Всякій кто станетъ употреблять серебряную сбрую и драгоценныя одежды и будетъ причинять подданнымъ и обывателямъ обиды и притѣсненія, тому я распорю внутренности; домъ его сокрушу; людей и дѣтей его перебью». Затѣмъ онъ собралъ своихъ хановъ и предоставилъ имъ полную самостоятельность. Одного умнаго и опытнаго изъ нихъ сдѣлалъ главнымъ ханомъ ¹⁾, съ полною самостоятельностью. Онъ далъ должности всѣмъ ханамъ пожизненно; а послѣ нихъ ихъ дѣтямъ. Онъ твердо стоялъ на своемъ словѣ; ничуть не отступалъ отъ него. Такъ-что Тавризскій эялетъ, который вотъ уже 30 лѣтъ какъ перешелъ въ его власть ²⁾, все былъ (въ управленіи) у одного хана, по имени Пиръ-Будака: онъ и смѣнялъ его. Когда покойный Теккѣли-Мухаммедъ-паша, будучи иранскимъ беглеръ-беемъ, умертвилъ вышеупомянутаго Пиръ-Будака, то погибельный шахъ на мѣсто него сдѣлалъ ханомъ сына его; а когда и сынъ его умеръ, то онъ такому ребенку, какъ четырехлѣтній внукъ его, отдалъ Тавризскій эялетъ, который и теперь у этого внука Пиръ-Будакова. Эриванскій эялетъ вотъ уже двадцать восемь лѣтъ какъ въ его власти. Сперва онъ его

племянникъ его, я полагаю, тутъ надо разумѣть уже разъ упомянутый имъ фактъ мирныхъ переговоровъ, веденныхъ Фергадъ-пашею съ племянникомъ Аббаса, Хайдеръ-мирзою въ 998=1589 году (کتاب تاریخ نامہ، СПб. 1862 г. Т. II, 293; Ревзетуль-Эбраръ, 470), которого Наима ошибочно называетъ сыномъ, а не племянникомъ шах-имъ. (Тарихи-Наима, I, 68). Очень можетъ быть, что Кучибей смѣшалъ эти два факта, т. е. въ условія мира, заключеннаго Хайдеръ-мирзою съ Фергадъ-пашею, поставилъ обязательство шаха платить 200 вьюковъ шелку, которое имѣло мѣсто при позднѣйшемъ договорѣ, веденномъ Хайръ-Эддиномъ Чаушемъ и Мурадъ-пашею.

¹⁾ خان خانان, или, какъ у Везика, خانلرخانی.

²⁾ Тавризмъ взятъ Аббасомъ въ 1012=1603 году. (Malcolm, Histoire de la Perse. Paris, 1821 г. Т. II, 322). Этотъ фактъ также отчасти опредѣляетъ время составленія докладовъ Кучибей, которое, вѣроятно, приходится въ началѣ 1042 года.

отдалъ своему хану Эмиръ-Гюне, и впродолженіи всей жизни не смѣнялъ его; а когда этотъ умеръ, отдалъ сыну его; и теперь Эриванская область въ рукахъ сына Эмиръ-Гюне. Прочія ханства тоже такимъ способомъ роздалъ онъ дѣльнымъ и извѣстнымъ людямъ, и ни одного не смѣнялъ; а провинившихся казнилъ. Войско свое онъ тоже преобразовалъ какъ ему хотѣлось, составивши его изъ 12,000 превосходныхъ состоявшихъ на жалованьи солдатъ, и назначивши 40,000 человекъ своимъ ханамъ и султанамъ ¹⁾. Съ такимъ-то количествомъ солдатъ онъ завоевалъ провинціи Гиланъ и Мазандеранъ; взялъ нѣсколько провинцій изъ областей индійскихъ и узбецкихъ; изъ исламскихъ ²⁾ владѣній также отнялъ нѣсколько крѣпостей. Находясь между тремя мусульманскими падишахами и близъ Гурджистана, онъ всѣмъ имъ давалъ сдачи саблей. Причина этого та, что войско его было хоть и небольшое да хорошее и безукоризненное; что онъ такимъ именно образомъ ³⁾ давалъ должности и прилагалъ полное попеченіе о подданныхъ. Если погибелый шахъ этотъ, безвѣрный беззаконникъ, творя правду и справедливость, сталъ могущественъ, то что же говорить о нашемъ падишахѣ, который есть Калифъ Вселенной и Убѣжище Государства и Вѣры? Стоить только его благородному, украшающему міръ, взору обратиться въ сторону правды и справедливости, и навѣрное, милостію Всевышняго, всѣ семь климатовъ покорятся всепобѣждающему мечу его, и всѣ концы владѣній его получатъ полное спокойствіе. Порядокъ и благоустройство крѣпко привязаны къ благороднымъ сердцамъ падишаховъ. Падишахи—это душа государства: если душа здорова, то и тѣло также здорово ⁴⁾. Если государи направ яются къ

¹⁾ У г. Бернауера прибавлено: «Zur Bedeckung und zum Gefolge».

²⁾ Т. е. «изъ османскихъ». Турки обыкновенно называютъ свое государство «мусульманскимъ» катъ-экзохѣнъ, точно такъ же какъ рускіе называютъ себя «православными», тоже попреимуществу.

³⁾ شوله, т. е., подразумѣвается, «такъ, какъ было сказано». Въ кодексѣ Везика прямо стоитъ: مؤبد, что, въ переводѣ г. Бернауера, значить: «Für immer und ewig».

⁴⁾ Это сравненіе общеупотребительное у писателей того времени. Такъ мы уже встрѣчали его въ «Снѣ» Вейси.

добрѣ, то и въ мірѣ всецѣло водворяется порядокъ; если-же они направляются къ злу, плохи тогда обстоятельства: деревья не приносятъ плодовъ; на землѣ не растутъ травы. Существованіе падишаховъ — большой талисманъ. Таково настоящее положеніе вещей. А впрочемъ, власть и воля моего падишаха».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Объ уничтоженіи взяточничества, о назначеніи высшихъ должностей ¹⁾ людямъ способнымъ, объ ограниченіи штатовъ и о нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ относително большихъ и малыхъ помѣстій обстоятельствахъ ²⁾.

«Отъ лучезарнаго ума Его Присутствія, августѣйшаго, могущественнѣйшаго, высокостепеннаго падишаха не должно быть сокрыто, что причина столькихъ золъ и смятеній, смуть и волнений, разоренія жителей и областей, уменьшенія казны и денегъ заключается во взяточничествѣ. Пока не послѣдуетъ высочайшей воли о томъ, чтобъ удалить съ лица земли трупъ взяточничества ³⁾, до тѣхъ поръ справедливости быть не можетъ, и нельзя возстановить благоустройства государственнаго. Если же послѣдовала бы высочайшая воля о коренномъ уничтоженіи взяточничества, то первымъ дѣломъ слѣдуетъ, чтобъ верховный визирь сталъ самостоятельнымъ, и чтобъ ни одна душа ни изъ внѣшней

¹⁾ У г. Бернауера: «Ulemâstellen». Надо думать, въ его списки вставлены: *مناصب عليه*, вмѣсто *مناصب عليه علمیه*.

²⁾ Все это оглавленіе въ кодексъ Везика имѣетъ слѣдующій видъ: О томъ, какимъ образомъ возможна реформа относительно вельможъ и членовъ Дивана, а также уничтоженіе взяточничества».

³⁾ *لاشهء رشوت* г. Бернауръ переводитъ: «Der Dämon der Bestechlichkeit». Не знаю, почему онъ уже въ другой разъ избѣгаетъ точнаго значенія метафоры Кучибей, который сравниваетъ взяточниковъ съ ядовитыми псами пожирающими падаль.

ни изъ внутренней (придворной) челяди не вмѣшивалась въ правительственныя дѣла. Лица, состоящія на службѣ у верховныхъ визирей, пусть будутъ изъ рабовъ ихъ, а не должны быть изъ получающихъ содержаніе и значащихся въ реестрѣ ¹⁾. Отыр-вающіеся во владѣніяхъ исламскихъ эялеты и санджаки должны быть навсегда жалуемы надлежащимъ путемъ и законно являющимися, способнымъ и извѣстнымъ, умнымъ и почтеннымъ беглеръ-беямъ и санджакъ-беямъ. Равнымъ образомъ, находящіеся у нихъ на службѣ латники тоже не должны быть казенно-коштные, а покупные рабы. Покамѣстъ не будетъ доказано какого-либо ихъ проступка или преступленія, они не должны быть отставляемы. Если же, въ самомъ дѣлѣ, они совершаютъ преступленіе, и ихъ насилия и злодѣянія будутъ доказаны, то, не довольствуясь одною лишь отставкою, ихъ слѣдуетъ еще, согласно съ закономъ божескимъ и канономъ ²⁾, наказать. Большія и малыя помѣстья вообще должны назначать беглеръ-беи, а со стороны Порога Счастья ни подъ какимъ видомъ не должно быть вмѣшательства. Ученыя мѣста должны быть жалуемы ученымъ и добродѣтельнымъ людямъ ³⁾. Срока ихъ не слѣдуетъ сокращать ни на одинъ день ⁴⁾. Невѣждъ нужно удалять отъ занимаемыхъ ими мѣстъ и впредь уже не назначать. Башмаклыки должны быть даваемы изъ собственныхъ императорскихъ деревень, а кадастровыя большія и малыя по-

¹⁾ **ديرلکلو و دفتولر** суть синонимы, которые означаютъ получающихъ казенное содержаніе реестровыхъ солдатъ. Слѣдовательно, Кучибей тутъ противъ такъ называемыхъ у насъ *деньщиковъ*, т. е. людей получающихъ содержаніе отъ казны, но состоящихъ на частныхъ послугахъ у высшихъ военныхъ и другихъ чиновъ.

²⁾ **الشرع والقانون**. Подъ первымъ разумѣется основаніе правового быта общее для всѣхъ мусульманъ-суннитовъ, а именно: Коранъ, сунны и законоученія четырехъ имамовъ. Второе же, греческое *kanon*, означаетъ законоположенія, освящаемыя обычаемъ, разумомъ, или установленныя верховною властью. (Toderini, *Litteratur der Türken*, I, 39, и Hammer, *Gesch. d. Osm. Reiches*, I, 86).

³⁾ У Вефика и у г. Бернауера далѣе говорится: «Проессора не должны брать никакихъ взятокъ».

⁴⁾ Подъ этимъ, вѣроятно, нужно разумѣть срокъ службы ученыхъ, который, какъ уже выше было замѣчено, Абу-с-Су'удомъ опредѣленъ въ семь лѣтъ. Г. Бернауеръ оставилъ безъ перевода это мѣсто.

имѣстья не должны даваться. Арпалыки капуджи-баши Высокой Порты точно опредѣлены въ общемъ кадастровомъ реестрѣ. Эти-то арпалыки и должны быть назначаемы; а большихъ и малыхъ помѣстій отнюдь не слѣдуетъ давать подъ именемъ арпалыковъ. Они ¹⁾ должны быть годные для беглеръ-бейства люди. Равнымъ образомъ, мутефаррика Высокой Палаты тоже должны быть способны для санджакъ- и беглеръ-бейства. Письмоводители императорскаго Дивана должны быть люди съ познаніями и образованные, умѣющіе писать бумаги разными почерками. Императорскіе регистраторы и письмоводители министерства финансовъ должны быть честные и правдивые люди. Для каждаго разряда, относительно количества (членовъ) его, должна быть опредѣлена норма, ни возвышать ни понижать которой не должно. Отъ сверхштатныхъ же, будутъ ли то гоффурьеры, или чауши, или письмоводители, должны быть отобраны ихъ гоффурьерскія, чаушскія и письмоводительскія грамоты, и всѣ они должны сдѣлаться заимами и тимариотами. Пусть будетъ высочайше повелѣно, чтобы всякій изъ нихъ шелъ въ походъ, по старинному закону, съ надлежащими латниками. Артели же неспособныхъ идти на войну и владѣть мечемъ шатовъ и нѣмыхъ, по старинному закону, должно быть ассигнуемо жалованье, большія же и малыя помѣстья должны быть отданы имѣющимъ право на нихъ. А коли корпораціямъ мутефаррика, чаушей, письмоводителей, и прочимъ владѣльцамъ большихъ и малыхъ помѣстій, кто бы тамъ они ни были, по ихъ лѣтамъ и возрасту, по родовому происхожденію, по провинціямъ въ которыхъ они живутъ, по доходамъ и по примѣтамъ ихъ, даны грамоты ²⁾, и уже обревизованы, то надлежитъ

¹⁾ У Вефика тоже неопредѣленно сказано: «Всякій изъ нихъ (?) вышеозначеннымъ образомъ», и т. д. Но, очевидно, что тутъ разумеются капуджи-баши, какъ оно и есть у г. Бернауера.

²⁾ Выраженіе *دیرلکلی و اشکالری اوزره برواتی و برات ویریلوب* въ кодексѣ Вефика-эенди имѣетъ такой видъ: *دیرلکلی ایله اشکال* *اشکال* откуда какъ будто-бы слѣдуетъ, что слово *اشکال* имѣетъ у Кучибей специальное, техниче кое значеніе «документа», подобно соединенному съ нимъ союзомъ *و* слову *برات* — «грамота». Въ переводѣ же г. Бернауера «für... die Bezüge ihres Standes ihre

опять производить ревизію по тѣмъ грамотамъ, для приведенія государства въ лучшее положеніе. Въ такомъ случаѣ уже никто не можетъ получать содержанія подъ чьимъ-нибудь именемъ; нельзя также будетъ получать его на слугъ и несвободныхъ рабовъ. Когда въ рукахъ каждаго будетъ грамота съ примѣтами его, въ родѣ, напр., *вольной* ¹⁾, то она должна быть въ надлежащемъ

ordnungsmässigen Beräte in gehöriger Form ausgestellt und revidirt worden sind» (Loc. cit., 319) اشكال, напротивъ, совершенно лишено своего настоящаго значенія. И то и другое не вѣрно: слово اشكال (множ. отъ شکل) просто-на-просто значить «черты лица», или, выражаясь канцелярскимъ слогомъ, «примѣты», которыя выписываются въ паспортахъ нашего податнаго сословія. Въ доказательство этого я приведу Наиму. У него однажды, по поводу назначенія тимаровъ и ревизіи произведенной, вѣроятно вслѣдствіе докладовъ Кучибей, въ 1042 г., сказано: سپاه و یکجیریدن نچه کمسنه لر قانون ارزره علوفه لر ین براغوب تیمار آلدیار و متفرقه و چاوش جله یوقلنوب اشکال لری بازلدی (Тарихи-Наима, I, 535). Въ другой разъ, по такому же точно случаю, подъ 1043 годомъ онъ говоритъ: تیمار و زعامتلر احوالی مختل و اکثری منغلبلر سبیلله در صندوق اولمشیدی یوقلمه لر ابدوب قلیجاری برار و توانا یکیتلره توجه ابدوب هر برینک براننده حلبه و سیماسن بازدیروب (Тарихи-Наима, I, 555). Въ этой послѣдней выдержкѣ, вмѣсто اشكال, употреблено синонимическое ему حلبه و سیماسن — «одежда и черты лица».

هر کشینک اشکالی ابله اولان برانی بدنده عتق نامه سی کبی ¹⁾ اولوب. Г. Бернауеръ понимаетъ это такъ: «Der formgerechte Berät, den ein jeder hat, ist in seiner Hand so gut wie Freilassungsbrief», т. е. опять не даетъ слову اشكال истиннаго, спеціальнаго значенія. Притомъ, по его выходить, что грамоту, о которой тутъ идетъ рѣчь, Кучибей хочетъ только уподобить документу выдаваемому отпускаемымъ на волю рабамъ, «вольной». Но это сравненіе мнѣ тутъ кажется не совсемъ уместнымъ: «вольная» едва ли могла имѣть какой-нибудь смыслъ для лицъ свободныхъ по происхожденію; изъ предъидущаго же не видно, чтобы все только одни рабы не по праву пользовались казеннымъ содержаніемъ.

иѣтъ тщательно свѣрена ¹⁾). Въ прежнее время, когда въ людяхъ была правдивость и честность, въ такого рода мѣрахъ не было надобности. А теперь ужасно развились обманъ и мошенничество. Такъ-что, покамѣстъ на это не будетъ обращено вниманія, войско не исправится; отъ вѣдѣтельности чужихъ ²⁾ не будетъ спасенія ³⁾. Таково положеніе дѣлъ. А впрочемъ, и т. д.).

ГЛАВА ШЕСТЬНАДЦАТАЯ.

«О безпорядкахъ во времена покойнаго султана Сулеймана».

«Отъ свѣтозарнаго, какъ зеркало отражающаго міръ божественнаго вдохновенія, ума Его Присутствія, державнѣйшаго и

¹⁾ Выраженіе *قبيلہ تطبیق اولنور* г. Бернауеръ переводить: «mit dem Originalregister zu vergleichen». Но это только лишь подразумѣвать должно; а не есть прямое значеніе фразы, потому что *قبیل* не значитъ «Originalregister»; существительное же *تطبیق*, входящее въ составъ сложнаго глагола, требуетъ послѣ себя не творит. падежа съ предлогомъ *اِلَیْہ*, а дательнаго. (См. примѣръ въ Хрестоматіи Викергаузера, стр. 300 текста)

²⁾ «И отъ вельможъ», сказано у г. Бернауера.

³⁾ Въ кодексѣ Везика-эфенди слѣдуетъ продолженіе, котораго нѣтъ ни въ петерб. ни въ вѣнскомъ экземплярахъ, а именно: «Пусть коронныя должности даются людямъ способнымъ; пусть большія и малыя помѣстья съ полною заботою и попеченіемъ тоже такимъ образомъ управляются, и тогда кому будутъ давать взятки посульщики? и съ кого будутъ брать ихъ взяточники? Такимъ образомъ, милостію Всевышняго, взяточничество совершенно исчезнетъ изъ государства. Вособенности относительно взяточничества сказано: «Проклялъ Богъ того кто даетъ и того кто беретъ взятки». Народъ возлагаетъ свое упованіе на Его Присутствіе, августѣйшаго падишаха нашего: что онъ сообразовитъ дѣйствовать сообразно съ этими скудоумными соображеніями: что онъ приложитъ свое благородное попеченіе о назначеніи должностей людямъ способнымъ и объ искорененіи въ государствѣ взяточничества. Препрославленный Податель милостей да поможетъ и споспѣшествуетъ этому!»

августѣйшаго падишаха, Тѣни Божіей, не должно быть сокрыто, что изъ обстоятельствъ, послужившихъ въ славное время Его Присутствія, покойнаго и всепрощеннаго султана Сулейманъ-хана, причиною разстройства государства, первое было то, что онъ пересталъ самолично присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ. Мало-по-малу дошло до того, что не только войны, но даже беи и беглеръ-беи перестали знать своего падишаха ¹⁾. Вторая причина та, что, сразу сдѣлавши верховнымъ визиремъ одного изъ слугъ собственного Его Величества харема, именно сляхадаря Ибрагимъ-пашу, онъ первый не соблюлъ основнаго правила. А затѣмъ уже всякій падишахъ, выдвигая излюбленныхъ слугъ своихъ, въ короткое время дѣлалъ ихъ визирями. Люди этого рода не имѣли никакого понятія о положеніи государства; гордые же молодостью и благосклонностью къ нимъ падишаха, они не нисходили даже и до того, чтобы спрашиваться у людей свѣдущихъ, и вслѣдствіе такой полнѣйшей безпечности ихъ нарушился порядокъ въ государствѣ. Третья причина та, что, выдавши почтеннѣйшую дочь свою, султаншу Мигръ-у-Магъ за Рустемъ-пашу, произвелъ этого послѣдняго въ верховные визири. Вслѣдствіе полнѣйшаго своего къ нему расположенія, и во исполненіе его желанія, отдалъ ему въ полную собственность столько селъ изъ областей, завоеванныхъ еще во времена своихъ предковъ, что ихъ хватило бы для составленія казны любого изъ мелкихъ владѣльцевъ ²⁾. А онъ устроилъ нѣсколько благотворительныхъ за-

¹⁾ Такъ и у г. Бернауера. Но у Веэика сказано наоборотъ: «Не только войны, но беи и беглеръ-беи перестали быть извѣстны султану». Послѣднее, кажется, вѣрнѣе: личная извѣстность служащихъ султану, естественно, давала ему возможность правильнѣе оцѣнивать достоинства ихъ. Но и первое не лишено смысла. Кучибей, желалъ опредѣлить полную бездѣятельность султановъ, говорить, что они не только не показывались своему войску, которое не разъ поднимало ропотъ на то что они не ходили сами на войну (напр. Тарихи-Селяники, 240 г.), но что болѣе или менѣе близкіе къ нимъ люди, какъ беи и беглеръ-беи, и тѣ въ глаза ихъ не видѣли, потому что они перестали являться даже въ Государственный Совѣтъ. ●

²⁾ ملوك طوائفدن بر پادشاهه. Въ кодексѣ же Веэика: طوائف ملوك. Будемъ ли читать по петерб. списку, т. е. ملوك طوائف, какъ называются у историковъ Арсакиды (Абуль-Фида, изд. Флейшера, стр.

веденій и учредилъ вакуфы. Теперь дѣтямъ его изъ тѣхъ вакуфовъ ежегодно идетъ сто юковъ бѣляковъ ¹⁾. По смерти же такого рода посессоровъ султанскихъ удѣловъ, эти послѣдніе отбирались въ государственную казну. Послѣдующіе (верховные визиря) также начали учреждать вакуфы. Вопреки священному закону, столько теперь растрчено и растеряно богатствъ составляющихъ достояніе общественной казны! Въ чаяніи небесной награды впади въ достойное наказанія преступленіе. Четвертая причина заключается въ томъ, что собственныи императорскіи имѣнія и доходныя статьи, составляющія имущество всѣхъ вѣрующихъ, верховный визирь Рустемъ-паша, заботясь объ увеличеніи государственной казны, впротивность священному закону, отдалъ въ аренду ²⁾. Добросовѣстные и почтенные люди не брались за арен-

78), а также владѣльцы племенъ кочующихъ въ Анатолиі и Карамані (Фезлики, 194 г.; Тарихи-Наима, I, 251); или же приемъ чтеніе кодекса Вефика, гдѣ *طوائف ملوك* есть выраженіе которое уже встрѣчалось раньше въ рисале (гл. X), и значеніе котораго объяснено нами выше (стр. 146, прим. 4), — смыслъ текста будетъ одинъ и тотъ же: богатство османскаго министра сравнивается съ казною владѣльца дѣлага, хоть и небольшого, государства.

¹⁾ По мусульманскому праву, учредитель *вакуфа* можетъ назначить часть доходовъ съ него въ пожизненное пользованіе матери своихъ дѣтей. (Journ. As., Fevr.-mars 1862 г., стр. 160, № 187).

²⁾ Г. Белявъ, въ своей статьѣ «Essais sur l'histoire économique de la Turquie», по этому случаю вотъ что говоритъ: «Rustem-Pacha l'instigateur de ces mesures est sévèrement blâmé par les uns (Conf. Relazione Venete et les Négociations), il a trouvé chez d'autres, tels que Petchevi, de chaleureux défenseurs. D'après divers chiffres, sur lesquels le même auteur, en se faisant le panégyriste de l'intégrité et de la moralité du premier ministre, évalue le montant de sa fortune, le *ghourouch* vallait, à cette époque, 40 aqché». (Journ. As., Août-sept. 1864 г., 281) Печеві дѣйствительно съ похвалою отзывается о Рустемъ-пашѣ. Но именно приводимыя имъ *divers chiffres* громаднаго состоянія, важнаго этимъ визиремъ, и говорить не въ пользу послѣдняго. Что же касается до Кучибей, то онъ относится къ дѣятельности Рустемъ-паши помимо его нравственныхъ принциповъ, и считаетъ его мѣры просто ошибкою государственнаго человѣка, не добиваясь до внутреннихъ побуденій руководившихъ имъ въ этомъ случаѣ, которые, по словамъ Печеві, если и состояли, то лишь въ желаніи увеличить доходы государственной казны. А что Печеві выхваляетъ мнимую

даторство, которое поэтому и перешло въ руки презрѣнныхъ, подлыхъ жидовъ и гяуровъ-управляющихъ. А это повело къ разстройству и разоренію арендъ и собственныхъ императорскихъ селъ. Пятою причиною было то, что покойный, всепрощенный упомянутый падишахъ, видя силу и крѣпость своего войска и обиліе казны, увеличилъ блескъ и роскошь ¹⁾. Визиря тоже стали подражать ему. А затѣмъ, по изреченію: «Подданные слѣдуютъ обычаю царей своихъ» ²⁾, и весь народъ предался роскоши и изнѣженности. Мало-по-малу дошло до того, что жалованья имъ не стало хватать на прожитіе, и они принуждены были прибѣгнуть къ насиліямъ и беззаконіямъ ³⁾. Государство же разрушается

мудрость этого богача-чиновника, въ этомъ также нѣтъ ничего удивительнаго, ибо результаты самыхъ вредныхъ распоряженій внутреннихъ политиковъ обнаруживаются обыкновенно не тотчасъ. А извѣстно, въ какомъ положеніи находились финансы Турціи послѣ Сулеймана.

بادشاه مشارالیه قوللرینک (قولک) کمال قوتین و
خزینہ نک و فرتن کوروب زینت و شهرتی ارتوروب و زرا دخی

آنله تابع اولوب. Что же можетъ быть проще и яснѣе этого? Но г. Бернауеръ говоритъ иначе: «Die übrigen Westre, als sie die ausserordentliche Machtentwicklung des genannten seligen Pâdişâh und seines höchsten Staatsdieners (Rüstem Paşâ) (?) und die Füllung des Schatzes sahen, auch ihrerseits höhern Prunk und Glanz entwickelten und dem Beispiele jener folgten». (Loc. laud., 321). Изъ простой мысли—что султанъ, имѣя сильное войско и богатую казну, сталъ окружать себя блескомъ, и что визиря также стали подражать ему въ этомъ —, въ переводѣ вышло, что визиря стали позволять себѣ роскошь, имѣя въ виду возрастаніе могущества султана и (что особенно странно) Рустемъ-паши.

²⁾ У насъ есть соответствующая пословица: «Какое попѣ, такое и приходѣ».

³⁾ Когда Гурджи-Мухаммедъ-паша въ 1017 году сдѣланъ былъ правителемъ Египта, съ именнымъ повелѣніемъ султана искоренить тамъ разныя злоупотребленія и защитить жителей отъ притѣсненій чиновниковъ, и когда онъ, собравши всѣхъ аяновъ, эмировъ, кашшафовъ (смотрителей каналовъ), повѣренныхъ, управляющихъ и челядь шести полковъ, показалъ имъ этотъ указъ и заявилъ объ отмѣнѣ разныхъ налоговъ, производившихся губернаторами, управляющими, агентами; а вособенности когда потребовалъ, чтобы войска отказались отъ злоупотребленія, называвшагося «поборомъ» — طلبہ, то сперва всѣ присутствовавшіе въ собраніи изъявили согласіе подчиниться требо-

отъ насилій и беззаконій. Ни одно новшество не причиняетъ ни одному государству столь явнаго и губительнаго вреда какъ роскошь и пышность. Рассказываютъ о зятѣ Рустемъ-паши, Ахмедъ-пашѣ, который былъ четвертымъ визиремъ во время похода на Сигеть, а впоследствии сдѣлался верховнымъ визиремъ, что вначалѣ, когда онъ только-что сдѣлался визиремъ, изъ предметовъ роскоши у него было только двѣ шубы: одну онъ надѣвалъ въ императорскій Диванъ, а другую носилъ дома; зато у него было 4—500 покупныхъ рабовъ и приличный цейхаусъ. Главныя квартиры ¹⁾ прочихъ визирей точно также были превосходны: каждый изъ нихъ содержалъ на дачахъ своихъ по сту косяковъ ²⁾ муловъ да по сту косяковъ верблюдовъ. Такъ-что когда бывало приходилъ фирманъ объ отправленіи куда-нибудь въ походъ, то они не покупали ни одной лошади, ни одного верблюда, а на третій же день живою рукою отправлялись въ назначенное мѣсто: имъ не нужно было еще приводить въ порядокъ свою главную квартиру. Что же касается до настоящаго времени, то военные, будутъ ли они чиновники или комиссіонеры, всѣ свои доходы употребляютъ на домъ, сады, кіоски, да на соболѣи шубы, малюты ³⁾ и другія украшенія. Случись-же идти на войну, они не въ состояніи были бы выступить и съ двумя слугами. Роскошь—

ваніямъ новаго начальника; но нѣкоторые изъ нихъ только сдѣлали видъ, что согласились, а потомъ стали собираться на сходки въ мечетяхъ и волноваться, говоря: «поборы—это нашъ доходъ». Наконецъ, когда визирь выставилъ противъ мятежниковъ войска, чтобы усмирить ихъ силою, они заявили: «Да какіе-жъ мы мятежники? Боже сохрани, чтобъ мы не повиновались падишаху! А только намъ не хватаетъ нашего жалованья, и мы поневоли должны прибѣгать къ поборамъ. Безъ этого намъ жить нечѣмъ; бѣдность и нужда заставляютъ насъ брать». (Фезлика, 124 в.; Тарихи-Наима, I, 264 и слѣд.)

¹⁾ قیولاری. Здѣсь слово قیو означаетъ именно ту часть домохозяйства визирей, которая стояла въ тѣсной связи съ ихъ службою, т. е., напр., содержимые ими солдаты, съ аммуниціей и прочими военными принадлежностями.

²⁾ قطارъ значитъ «лінія, рядъ, серія», но не Stück, какъ передаетъ это слово г. Бернауеръ.

³⁾ ملوطه—родъ одежды.

это бѣда! сказывали (мудрые); и въ самомъ дѣлѣ: большая бѣда. Таково настоящее положеніе вещей. А впрочемъ, власть и т. д.»

ГЛАВА СЕМЬНАДЦАТАЯ.

«О благоденствіи временъ царствованія покойнаго и всепрощеннаго султана Сулеймана».

«Бъ высочайшему стремени Его Присутствія, державнѣйшаго, могущественнѣйшаго падишаха, Убѣжища Мира, моя рабская просьба такова: да будетъ извѣстно, что превосходнѣйшій изъ падишаховъ высокой османской династіи—продли ее, Всевышній Боже, до дня воздаянія! — есть покойный султанъ Сулейманъ-ханъ, такъ какъ при немъ государство было обширно, казна богата, и войско было сильно. Но въ его же время возникли и обстоятельства послужившія причиною разстройства государства. А такъ-какъ тогда государство было въ самомъ блестящемъ положеніи, то и не замѣчали признаковъ ихъ въ то время: лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ они обнаружались. Въ прежнее время Его Присутствіе, Посланникъ Божій—благослови его, Господи, и спаси!—, а также четыре избранника ¹⁾—благословеніе Божіе на всѣхъ нихъ!—, и прочіе султаны ²⁾—озари, Господи, гробницы ихъ!— собственноручно присутствовали въ Диванѣ и сами заботились о дѣлахъ рабовъ Божіихъ. Такого (какъ теперь) уклоненія не было ³⁾. Вслѣдствіе этого они имѣли надлежащіе свѣдѣнія о

¹⁾ Подъ چهارگزینъ разумѣются четыре первые калифы, преемники Магомета: Абубекръ, Омаръ, Османъ и Али, которые иногда называются также چهار علمъ—«четыре знамени», چهار یارъ—«четыре друга».

²⁾ У Вефика-эфенди и у г. Бернауера: «калифы и султаны».

³⁾ Предложеніе چندان احتجاب یوغیدی можно понять слѣдующимъ образомъ: «Такого какъ теперь уклоненія отъ дѣлъ со стороны

положеніи государства. Таковъ-то обычай утвердился-было и въ этомъ высокомъ государствѣ. Могущественный султанъ Селимъ (I) — милость Покровителя надъ нимъ! — самолично велъ дѣла Дивана въ старомъ кабинетѣ ¹⁾, и потому какъ государь зналъ своихъ слугъ, такъ и слуги знали своего государя. Было четыре знающихъ, опытныхъ и съ свѣтлою головою визири ²⁾, изъ коихъ каждый, бывши нѣкоторое время санджакъ-беємъ и беглеръ-беємъ, заботился о своемъ цейхгаузѣ и о прочихъ необходимыхъ предметахъ, тѣсно связанныхъ съ обязанностью его достойной вѣры и государства службы. Послѣ того какъ уже приобрѣтали надлежащія познанія въ дѣлахъ государства, они дѣлались анатольскими беглеръ-беями. Потомъ, побывши румелійскими беглеръ-беями, они становились уже визириями. Засѣдая подъ куполомъ, они знали о всѣхъ дѣлахъ. Верховные визири ихъ ³⁾ были самостоятельны: въ правительственныя дѣла никто не вмѣшивался. Благородныхъ дочерей своихъ выдавали за лицъ заслуженныхъ и благороднаго происхожденія, или же за питомцевъ высокопочтеннаго харема. Падишахскіе зятья не сидѣли въ Порогѣ, а находились внѣ его и воздерживались отъ вмѣшательства въ дѣла государства и въ правительственныя распоряженія. Внѣ же (столицы) имъ жаловали санджаки, гдѣ они и находились втеченіе всей своей жизни. Будучи все люди сильные и могущественные, они приводили въ цвѣтущее состояніе тѣ мѣста, куда отправлялись, и оказали много подвиговъ на богопомогаемыхъ границахъ. Составляющіе казну правовѣрныхъ собственные императорскіе удѣлы,

султановъ не было; хотя, впрочемъ, нужно замѣтить, это чрезчуръ смѣло сказано.

¹⁾ Какъ уже было замѣчено прежде, Сулейманъ II, сынъ Селима, выстроилъ *новое* зданіе специально назначенное для засѣданій Государственнаго Совѣта.

²⁾ Должно быть, Кучибей разумѣетъ тутъ четырехъ верховныхъ визирей, бывшихъ въ царствованіе Селима I, а именно: Герсекъ-Ахмедъ-пашу, Хадымъ-Синанъ-пашу, Юнусъ-пашу и Пири-пашу. (Перечень визирей по Хаджи-Кальфѣ у Гаммера, въ *Gesch. d. Osm. Reiches*, II, 674).

³⁾ *وزیر اعظمی*, т. е. или визири Селима I, или же вообще прежнихъ султановъ. У Везика сказано безотносительно: *وزیر اعظم*.

или же казенныя доходныя статьи, отдавались на аренду честнымъ и почтеннымъ людямъ, которые высылали, при подробномъ отчетѣ, собиравшіяся ими по правдѣ и справедливости деньги. Каждую провинцію отдавали занимающимся наукою, честнымъ и религіознымъ муфтіямъ ¹⁾, которые вовсе не были отставляемы отъ своей судейской должности. Они береглись отъ государственной казны, отъ сиротскихъ и насильственно вымогаемыхъ денегъ; ни сокровищницы правовѣрныхъ не отдавали никому на сѣдѣніе, ни чьихъ-либо денегъ безъ всякаго права не забирали въ общественную казну. У падишаховъ, у сановниковъ, у военныхъ людей никакихъ богатыхъ украшеній, и вообще никакой роскоши не было. Поступали согласно съ священнымъ закономъ; древнему канону османскому воздавали подобающее уваженіе, и въ высшей степени остерегались новшествъ. Таково истинное положеніе дѣлъ. А впрочемъ, власть и воля Его Присутствія, августѣйшаго падишаха, Убѣжища Мира».

«Суть заключающагося въ книгѣ».

«Къ благословенному и благородному стремени Его Присутствія, августѣйшаго и могущественнѣйшаго падишаха, Убѣжища Вѣры, просьба дерзкаго раба такова: ради Всевышняго Господа и

¹⁾ مفتی لره. Но въ кодексѣ Вееика и въ вѣнскомъ спискѣ, вмѣсто этого: стоять, مفتش لره — «Revisoren», какъ переводить г. Бернауеръ. Первое, по моему мнѣнію, вѣрнѣе, потому что مفتش значитъ «слѣдователь, сѣщикъ, фискалъ», и назначеніе чиновниковъ этого имени было совершенно отличное отъ обязанностей судейскихъ; а потому сейчасъ же слѣдующая у Кучибей оговорка, что «они не были отставляемы отъ своего судейскаго мѣста», только и имѣетъ смыслъ лишь относительно муфтіевъ. Для устраненія такой видимой несообразности, г. Бернауеръ, очевидно произвольно, сдѣлалъ подлежащимъ втораго предложенія слово Kādî's, котораго нѣтъ ни въ петербургскомъ спискѣ, ни въ кодексѣ Вееика, гдѣ стоитъ относительное мѣстоимѣніе که, или انلر, ясно указывающее на связь обоихъ предложеній, вслѣдствіе единства ихъ субъекта.

возлюбленнаго Посланика Его, да не послужать всё вышедшія отъ сего ничтожнаго и дерзкаго раба слова и рѣчи грязью, могущую произвести ржавчину на отражающемъ міръ зеркалѣ свѣтотзарнаго сердца Вашего; ибо все что я-ни написалъ тутъ, я писалъ ради собственнаго удовольствія ¹⁾, а не съ злымъ намѣреніемъ противъ кого-нибудь. Я писалъ только то, что, по крайнему моему разумѣнію, хорошо и полезно для высокаго государства: въ словахъ моихъ мною руководило одно доброжелательство, — свидѣтели тому Препрославленный, Превознесенный Господь-Истина, чистая душа, Мухаммедъ Мустафа—благословеніе и миръ надъ нимъ!—а также и прочіе великіе пророки и славные ангелы. Какъ же мнѣ было не высказать то, что столько уже лѣтъ предпринимаются походы; столько потрачено и растеряно казны правовѣрныхъ, а поселяне и обыватели въ угнетеніи; войско исламское безсильно и слабо; никакого толку не выходитъ; ни одно дѣло не довершается. При видѣ такой безпечности Вашей ²⁾ просто сердце кровью обливается. За такія насилія и беззаконія, которыя теперь совершаются, въ день Страшнаго суда спросится съ моего августѣйшаго падишаха. А если падишахъ мой объ этомъ вовсе ничего и знать не будетъ, то каковѣ же тогда быть на допросъ-то? Неужели-же не нужно пособить этому? То, что прошлый годъ въ мѣстечкѣ (Бешикташѣ) близъ резиденціи Вашего Величества разразилась молнія; что разрушились стѣны священной Ка'бы; что сердца взысканныхъ Вашимъ хлѣбомъ и благодѣя-

¹⁾ *حظاً نسلم ایچون* значить «ради удовольствія моихъ потомковъ». Но это не вяжется съ содержаніемъ втораго предложенія; а потому я въ переводѣ держался кодекса Вефика и вѣснаго списка: въ томъ и другомъ это мѣсто читается такъ: *حظاً نفسم ایچون*, т. е. «ради собственнаго удовольствія». Но такъ какъ и это послѣднее несогласно съ тѣмъ, что Кучлбей говорить далѣе о внутренней потребности высказаться, то, слѣдовательно, онъ писалъ свои доклады не *pour rassurer le temps*, а, вѣрнѣе, «ради собственнаго успокоенія».

²⁾ Последнее отзывается порядочною продерзостью, хотя слово *غفلتاری* иначе и нельзя перевести. Но то что дико для европейца, должно быть, не казалось такимъ для грубаго, но зато неліцемерно-правдиваго, азіатца.

ніями рабовъ, которые обыкновенно рисковали жизнью и головою ради счастливыхъ успѣховъ Вашего Величества, теперь хитростью дьявола уклонились въ сторону зла, и что они столько натворили гадостей; а также и то, что—Прославленная и Превознесенная Истина, продли до всеобщаго воскресенія и увѣковѣчь эту высокую династію!—вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ не является на свѣтъ ни одного новаго отпрыска, ни одного свѣжаго розанчика изъ высокодержавнаго царствующаго дома, ни одного принца царской крови, а тѣ которые явились-было, волею Божіею, не остались живыхъ, — все это не есть ли знаменіе Божіе моему падишаху? ¹⁾ Всевышній, Препрославленный Богъ даетъ знаменіе рабу своему, котораго Онъ любитъ. Не всякій можетъ быть предметомъ знаменія Божія. Поэтому надо быть бдительнымъ и осторожнымъ. Словомъ, еслибы, по опредѣленію Всевышняго и Препрославленнаго Господа, притѣсненія и угнетенія жителей были прекращены и уничтожены, а большія и малыя помѣстья были распределены между людьми достойными, то,—ужь когда прежде было всего только 54,000 ²⁾ сабель, да никто, ни съ суши ни съ моря, ни съ Востока ни съ Запада, не могъ противостоять,—теперь, если только будетъ обращено надлежащее, какъ выше писано, вниманіе на противозаконныя вакуфы, полныя владѣнія и собственные императорскіе удѣлы, и они будутъ розданы людямъ достойнымъ, съ приобрѣтеніемъ многихъ и многихъ леновъ, волею Всевышняго, явится 100,000 сабель, что составитъ вмѣстѣ съ латниками 4—500,000 обмундированнаго и вооруженнаго

¹⁾ Какова разница во взглядѣ на одно и то же событіе Кучибей и Наимы. Одинъ паденіе молніи въ султанскій кіоскъ считаетъ знаменіемъ Божіемъ, которымъ Богъ явно хочетъ обратить вниманіе султана на тѣ беззаконія, которыя, по его безпечности, вокругъ него дѣются. Тогда-какъ Наима, упоминая объ этомъ событіи, ставитъ его въ связи съ тѣмъ, что султанъ читалъ сатиры Нее'и; такъ-что, по его мнѣнію, ударъ молніи хотя также былъ знаменіемъ Божіимъ, но только, въ данномъ случаѣ, напоминавшимъ султану о недостойномъ съ его стороны поступкѣ — чтеніи такихъ скверныхъ вещей, каковы сатиры на визирей стихотворца Нее'и. (Тарихи-Наима I, 489).

²⁾ **الى دورت**. Въ кодексѣ Везика: **قرق دورت**; а у г. Бернауера: «40—50,000».

войска. Въ такомъ случаѣ уже никому бы и въ голову не пришло сопротивляться; существующіе тамъ и сямъ враги вѣры по-неволѣ покорились бы и подчинились, и сдѣлались бы, по волѣ Божіей, данниками, какъ раба; потому что посланники ихъ и шпіоны, которые постоянно находятся здѣсь, когда увидятъ такой порядокъ и благоустройство, то скажутъ: «Вотъ, молъ, уже цѣлыхъ 60 лѣтъ османская династія—да продлится царствованіе ея до скончанія вѣка!—пребывала во снѣ безопасности; а теперь, мы и не знали, какъ она вдругъ очутилась въ полномъ бодрствованіи и принялась за поправленіе своихъ прежнихъ ошибокъ». Они падутъ всѣдухомъ и изнемогутъ отъ страха и ужаса; они содрогнутся и будутъ впередъ давать контрибуцію и поголовную подать. Это государство такое великое государство, что коль скоро оно получитъ надлежащій порядокъ и благоустройство, то, Богъ дастъ, ничто уже не измѣнится (въ немъ) къ худшему¹⁾. Оно такое государство, что если бы—чего, Боже, упаси!—во время войны на поляхъ сраженія десять разъ случилось войску исламскому потерѣть пораженіе, то и тогда бы, милостію Всевышняго, Высокая Порта не понесла никакого ущерба, и мухаммеданская вѣра не поколебалась бы; потому что если погибнетъ одинъ; то на его мѣсто явится десятеро, ибо въ этомъ высокомъ государствѣ неисчерпаемая, подобно золотому, серебряному, бронзовому²⁾ и мѣдному рудникамъ, бездна людей. Въ Босніи и Арнаутѣ есть такіе люди, что одинъ выйдетъ на 12—20 сабель. У нихъ есть смѣлые и отважные молодцы. Если на самого незначительнаго изъ нихъ будетъ обращено монаршее вниманіе, и дано будетъ имъ содержаніе, то всякій изъ нихъ сдѣлается львомъ-людоедомъ. Очевидно, что на одно вакантное жалованье явится 15—20 желающихъ. Въ мусульман-

¹⁾ Въ кодексѣ Везика и въ вѣйскомъ спискѣ: «вовсе нечего уже будетъ бояться».

²⁾ نوع. Правда, что бронзы не существуетъ въ природѣ; и въ другихъ спискахъ о ней не упоминается. Но на одномъ этомъ основаніи нельзя считать присутствія въ рисалѣ слова نوع явною ошибкою: это доказываетъ только слабость познаній Кучибей въ метал-
лургіи, и только.

скихъ владѣнiяхъ, по чудодѣйству Пророка, цѣлые рудники храбрыхъ и залежи мужественныхъ людей. Прочiя государства не таковы: если ихъ войско хоть одинъ разъ потерпитъ пораженiе, то оно уже въ цѣлыя 10 лѣтъ не придетъ въ себя: коль скоро у ивы отсѣкутъ вѣтви, она обращается въ сухое бревно. Пусть только со стороны монарха будутъ приложены попеченiя, и высокое это государство сдѣлается подобнымъ имперiи Александра Двурогаго. Такъ, когда въ 1009 году ¹⁾ происходила осада крѣпости Яныка, въ ту пору, по высочайшему повелѣнiю, прибылъ на войну и прежнiй ханъ крымскiй, Гази-Герай-ханъ, знаменитый, изъ потомковъ рода Чингизова, своимъ умомъ, проницательностью, познанiями въ наукахъ, мiровѣдъ ²⁾ и знатокъ исторiи, человѣкъ разсудительный ³⁾; славный ханъ, какихъ не было. При приближенiи его къ высочайшему лагерю, верховный визирь, Синанъ-паша, выславъ ему навстрѣчу всѣхъ беглеръ-беевъ съ войсками. Когда войско исламское двинулось стройными полками, то поля и долины наполнились солдатами. Упомянутый Гази-Герай, пробѣгая взглядомъ исламское войско, солдата за солдатомъ, какъ увидѣлъ румелiйскiй корпусъ — этихъ нѣсколько тысячъ повязанныхъ чалмами и съ пронзительными шпорами ⁴⁾, журавлинокрылыхъ всад-

¹⁾ Въ кодексѣ Вефика и въ вѣнскомъ спискѣ: «въ 1003 году». Собственно, осада Яныка началась въ 1002 году (Тарихи-Наима I, 51), а въ 1003 г. эта крѣпость была уже взята турками. (Ibid., 53). Но Кучибей не гнался тутъ за точностью, потому, вѣроятно, что хотѣлъ только приблизительно опредѣлить перiодъ продолжавшейся цѣлые 15 лѣтъ войны съ нѣмцами, во время которой взята была крѣпость Яныкъ, и когда, между прочимъ, принималъ участiе въ войнѣ ханъ крымскiй.

²⁾ جهان شناس. Это значитъ: «знатокъ географiи».

³⁾ صاحب اذعان г. Бернауеръ перевелъ такъ: «Ein gehorsamer Vasall», т. е. предпочелъ дать слову اذعان значенiе «послушанiя», а не «разума», хотя первое никакъ не можетъ идти за-урядъ съ только-что перечисленными качествами крымскаго хана

⁴⁾ У г. Бернауера сказано: «So viele tausend bestaubte, mit Wunden gezeichnete». Но это не соответствуетъ ни тексту петерб. списка,

иновъ и отважныхъ, какъ на парусахъ носящихся, молодцовъ ¹⁾,
то просто остолебѣлъ; у него сперся духъ, и онъ воскликнулъ:

въ кодексу Вефика, изъ которыхъ въ одномъ это мѣсто читается
такъ: **بو قدر بيك**. а въ другомъ: **بو قدر طارقي ويارمه مهموزي**.
صارقي ويارمه مهموزي. Вѣроятно, въ вѣнскомъ спискѣ, вмѣсто
ошибочнаго **طارقي**, или болѣе правильнаго **صارقي**—«повязанный ки-
сею, чалмою», стоитъ **طيراقلي** — «пыльный». Марсилья именемъ
طيراقلي (Topracly) называетъ вообще всѣ мѣстные войска, содер-
жащія областными правителями и тимариотами, въ противоположность
живущимъ въ столицѣ и получающимъ казенное жалованіе. (L'état mili-
taire de l'empire ottoman, 1732 г., ч. I, стр. 92 и др.) Но такое значе-
ніе слова **طيراقلي**, какъ синонима **يرلو**—«мѣстный», нейдетъ сюда. А
يارمه مهموزي уже никоимъ образомъ не имѣетъ того смысла, какой
данъ ему г. Бернауеромъ, потому что **مهموز** есть «*congrom de مهمز*
— *mihmez, Éregon*», говоритъ Бьянки. (Dict., II, 1060). Что-же ка-
сается до слова **يارمه**, то въ значеніи — «полѣно, чурбанъ», оно
также нейдетъ сюда; но я думаю, что это есть имя дѣйствія отъ глагола
يارمق «расколотъ, разрубить», и относительно шпоръ будетъ зна-
чить «пронзить». Если даже послѣднее объясненіе слова **يارمه**, можетъ
быть, покажется нѣсколько натянутымъ, то, во всякомъ случаѣ, оно
болѣе пригодно здѣсь и естественно, нежели производство его отъ
يارا — «рана», сдѣланное г. Бернауеромъ.

¹⁾ **طورنا قناتلي و يحمالي يياكنلي دلو رلري**. Ни одна
комбинація сходныхъ буквъ, составляющихъ слово **يحمالي**, не даетъ
слова, которое бы имѣло значеніе идущее къ смыслуцѣлой фразы. Въ ко-
дексу Вефика это мѣсто читается совершенно иначе, а именно: **طونه**

طونه, очевидно, **كچدی**, гдѣ **كچدی**, **کچدی** **حنالی آنلو** **دلورلری** **کوردرکه**,
относится къ предъидущему предложенію, т. е. будетъ: «столько тысячъ
повязанныхъ чалмами и съ пронзительными шпорами молодцовъ пере-
шли Дунай». А потомъ уже слѣдуетъ новое предложеніе: «Какъ онъ
увидѣлъ храбрецовъ—выкрашенныхъ хною всадниковъ». Слово **حنالی**

есть то же что **حنالو**—«выкрашенный хною», и можетъ тутъ отно-
ситься къ конямъ; такъ-какъ, по словамъ Бьянки (См Dict., слово
حنّا), у турокъ есть обычай красить не только собственные волосы и
брови, но и лошадиныя гривы.

«Съ такимъ войскомъ, падишахи османской династїи могутъ, подобно Александру, завоевать весь востокъ и западъ и творить то что творилъ Сулейманъ. Неужели же падишаху, обладающему, подобно Александру и Дарію, такимъ войскомъ, еще есть надобность въ какомъ-нибудь отрядѣ голяковъ-татаръ!?» Въ самомъ дѣлѣ, когда еще не произошло перемѣны въ беглеръ-беяхъ и санджакъ-беяхъ, и пока большія и малыя помѣстья не разошлись по шкатулкамъ, войско исламское было превосходно. Куда бы ни предпринимался высочайшій походъ, всюду завоевывались провинціи и крѣпости, такъ что въ годъ бывало раза два-три происходили городскія общественныя празднества. Но, по опредѣленію Божію, вотъ уже нѣсколько времени какъ большія и малыя помѣстья разошлись по шкатулкамъ: ихъ стали жаловать сидящимъ въ Истамбулѣ нѣженкамъ. Съ тѣхъ поръ какъ не стали давать ихъ очажникамъ и способнымъ, храбрымъ молодцамъ, а также послѣ того какъ беглеръ-бей ¹⁾ стали смѣняться, — порядки нарушились; а враги вѣры и государства столько отняли владѣній во время этой безурядицы! Для блага вѣры и государства нужно, какъ уже выше сказано, чтобы всякое жалованье ²⁾ даруемо было людямъ заслуживающимъ его. Покровительствуя съ искреннею, душевною готовностію препоясывающимся на царскую службу и уже извѣстнымъ своими услугами рабамъ своимъ, за недоказанныя преступленія не слѣдуетъ губить ихъ, потому что хорошихъ, опытныхъ и пекущихся о вѣрѣ и государствѣ честныхъ людей мало попадаетъ; негодныхъ же многое множество. Всѣ негодныя суть враги хорошихъ людей. А когда такъ, то хорошій человѣкъ есть родъ философскаго камня. Согласно съ нимъ и должно поступать. Препрославленный и Превознесенный Господь да вселитъ въ благородномъ сердцѣ Его Присутствія, августѣйшаго падишаха нашего, рѣшительность и мужество въ поправленію государства, и да укрѣпитъ и утвердитъ его въ Своихъ сыплющихся перлами глаголахъ; да направитъ дѣйствія грядущихъ за нимъ падишаховъ и ихъ визирей по этому, основанному на истинѣ, рукописанію!»

«Конецъ книги».

¹⁾ У Вефика сказано: «и бей»; а у г. Бернауера: «и санджакъ-бей».

²⁾ У Вефика и у г. Бернауера: «всякая должность и всякое жалованье».

Итакъ вотъ тѣ литературные памятники, явившіеся въ эпоху начала упадка османскаго государства, въ которыхъ отразилось политическое міросозерцаніе османскихъ мыслителей. Мнѣ остается теперь резюмировать мысли объ основахъ государственнаго строя, заключающіяся въ приведенномъ рисалѣ Кучибей, дополнивши и сопоставивши ихъ съ воззрѣніями прочихъ писателей, сочиненія которыхъ тутъ мною указаны, что и составитъ предметъ слѣдующей главы настоящаго изслѣдованія.

III.

Государство, учать юристы, есть общество людей, связанных между собою единством занимаемой ими территоріи, единством дѣйствующаго у нихъ закона и единством существующей у нихъ верховной власти ¹⁾. Быть его, говорятъ они, зиждется главнымъ образомъ на извѣстныхъ отношеніяхъ двухъ элементовъ его — отношеніяхъ власти и ея органовъ къ обществу, народу. Характеръ же этихъ отношеній точнѣе всего могъ бы быть опредѣленъ сущностью общественнаго союза, называемаго государствомъ, и высшею, идеальною цѣлью, такъ сказать, мировымъ назначеніемъ этого союза. Но познаніе сущности государства, какъ вообще познаніе сущности всѣхъ вещей, недоступно человѣческому разуму. Поэтому остается довольствоваться однимъ понятіемъ цѣли, или, лучше сказать, цѣлей, имѣющимъ громадное значеніе въ дѣлѣ практическаго примѣненія вытекающихъ изъ него принциповъ, да и то въ такомъ ограниченномъ смыслѣ, въ какомъ это понятіе принимается публицистами реальнаго направленія, впротивоположность прежнимъ раціоналистамъ-телеологамъ, т. е. въ смыслѣ совокупности тѣхъ условій общегита и интересовъ извѣстнаго общественнаго союза которые должны быть обезпечены и осуществлены дѣтельностью верховной власти этого союза ²⁾.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію основъ государственнаго строя Турціи, мы видимъ слѣдующее. Достоверно извѣстно, что османы есть одно изъ племенъ тюркскаго происхожденія, именно одинъ изъ отдѣловъ орды такъ называемыхъ турковъ-

¹⁾ Напр. см. «Современныя воззрѣнія на государство и національность», А. Д. Градовскаго. Москва, 1872 г., стр. 33.

²⁾ Ibidem, стр. 79.

сельчуковъ, вышедшихъ въ XI в. по Р. Х. изъ степей Средней Азии въ Переднюю Азію ¹⁾). Слѣдовательно, въ основаніи общественнаго быта ихъ должны лежать нравы и обычаи общіе всѣмъ среднеазиатскимъ кочевникамъ. Но о времени степной жизни ихъ имѣются лишь самыя скудныя свѣдѣнія, сохранившіяся въ запискахъ византійскаго посла Земарха къ какому-то тюркскому владѣльцу Дизабулу, да отчасти въ китайскихъ лѣтописяхъ. Но и по тѣмъ отрывочнымъ извѣстіямъ можно съ несомнѣнностью заключить объ общности первобытнаго ихъ міросозерцанія съ таковымъ же другихъ среднеазиатскихъ ордъ, о бытѣ и жизни которыхъ есть довольно точныя свѣдѣнія. Достоверная исторія турокъ застаётъ ихъ хотя и не осѣдлымъ, но уже близкимъ къ осѣдлому быту и, притомъ, омусульманившимся народомъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли сказать, что государство османовъ имѣло опредѣленныя границы въ территоріальномъ отношеніи, когда они, съ момента появленія своего въ малоазійскихъ предѣлахъ византійской имперіи, чуть не съ каждымъ днемъ подвигались впередъ, все болѣе и болѣе суживая византійскія границы и расширяя, насчетъ нихъ, собственныя владѣнія, пока, наконецъ, завоеваніемъ Константинополя, они, такъ сказать, добровольно не положили предѣла собственному, дотолѣ неудержимому, стремленію? Но что же это такое было за государство, не имѣвшее опредѣленной территоріи: чѣмъ держалось единство составлявшего его народа, въ періодъ времени до окончательнаго водворенія его въ областяхъ прежней византійской имперіи; каковъ былъ внутренній бытъ его?

Государство османское образовалось слишкомъ быстро, слишкомъ экстренно, такъ-что главный, основной элементъ его, племя османовъ, не успѣло подольше пожить чисто-народною, внѣгосударственною, эническою жизнью; не успѣло сложить про эту жизнь сказаній, какія находимъ у другихъ народовъ, и потому даже приблизительное о ней понятіе можно составить лишь на основаніи послѣдующихъ памятниковъ, въ которыхъ сохранились черты прежняго устройства общественнаго быта османовъ, обна-

¹⁾ Zinkeisen, Geschichte des osman. Reiches. Hamburg, 1840. Т. I, 28.

руживающія всѣ признаки первоначальной принадлежности ихъ къ исконнымъ обитателямъ степей Средней Азіи. Изъ нихъ видно, что османская орда представляла собою не болѣе какъ военный станъ. Предводительство и верховенство въ этомъ станѣ принадлежало одному лицу изъ выдававшегося своими доблестями рода, давшего, по среднеазиатскому обычаю, имя и всему народу, какимъ явился именно родъ Османа. Центромъ орды была ставка ея предводителя. Такъ-какъ самую видную часть кибитки степняка составляетъ лазейка въ нее, состоящая изъ высокаго порога и двустворчатой двери, обыкновенно и до сихъ поръ украшиваемой рѣзбою и разными грубыми арабесками, то эта принадлежность палатки главнаго вождя, составляющей центръ военнo-кочеваго стана, сдѣлалась эмблемою и самаго стана, и осталась такою даже тогда когда онъ превратился въ осѣдлое государство: Турція стала называться *Высокою Дверью*, или *Портою*—*آستانه*—*Высокимъ Порогомъ*—*قبر*.

Дверь, или порогъ султанской резиденціи навсегда остался пунктомъ, большею или меньшею близостью къ которому опредѣлялась степень значенія и достоинства подданныхъ, называвшихся общимъ именемъ рабовъ—*قول*—, которые составляли другой, личный элементъ полукочеваго османскаго государства. Имя рабъ въ данномъ случаѣ не имѣло у турокъ того позорнаго смысла, какъ у насъ, а означало, скорѣе, «слугу-пособника», «сподвижника»—*بولداش*. Въ самомъ дѣлѣ, Османъ роздалъ покоренные города въ удѣлы своимъ дѣтямъ, изъ коихъ одинъ, Урханъ, наследовалъ отъ отца верховную власть, а прочіе стали его подручниками, вассалами. Такими же точно вассалами были и прочіе, кромѣ кровныхъ родственниковъ султана, полководцы, какъ напр. Ляля-Шагинъ и др. Отсюда мало-по-малу, по мѣрѣ дальнѣйшихъ завоеваній, образовалась цѣлая масса феодаловъ, имѣвшихъ земельные надѣлы съ обязательствомъ вести съ собою на войну соотвѣтствующее количеству ихъ дохода число вооруженныхъ конныхъ воиновъ. Вотъ эти-то феодалы, называвшіеся за'имами и тимариотами, и были настоящими членами государственно-общественнаго союза османскаго; настоящіе, по-нашему, граждане. Съ ними-то и имѣлъ дѣло носитель верховной власти; съ ними

онъ совершалъ завоеванія и дѣлилъ добычу, отнятую у непріятеля, собираясь воевать съ которыми, онъ выставлялъ у своей ставки знамена—طوغ—, замѣнявшія нашъ манифестъ о началѣ войны — обычай, удержавшійся до позднѣйшихъ временъ въ Турціи.

Степнякъ попреимуществу конный воинъ, а потому и первоначальное османское войско все было конное, какъ показываютъ старинныя названія: اشكنجی или سپاه—«всадникъ», اقنجی—«набѣжчикъ». Пѣхота же, какъ извѣстно, была искусственнымъ изобрѣтеніемъ мудраго государственнаго мужа, Ала'-Эддина, старшаго брата Урханова. Поэтому даже и въ позднѣйшей турецкой администраціи важную роль играло учрежденіе арпалыковъ (ارپالقی—«на овесъ»), какъ назывались жалованные города съ окрестностями въ кормленіе высокопоставленнымъ лицамъ во время отправленія ими извѣстной службы, требовавшей разныхъ издержекъ, какова, напр., охрана крѣпости. Вождь конной дружины былъ всадникъ попреимуществу, и потому стремя султанскаго сѣдла имѣло немало важное значеніе въ іерархической градаціи слугъ его: اوزنکی اغا—«господинъ стремянной» — было довольно значительнымъ званіемъ.

Въ какихъ же были отношенія между собою глава стана и его подданные?

При первобытномъ дружинномъ устройствѣ среднеазиатскихъ ордъ, въ которыхъ господствовалъ духъ равенства, строгая дисциплина однако же всегда признавалась самымъ вѣрнымъ, самымъ надежнымъ залогомъ военныхъ успѣховъ. Не меньшую силу дисциплина эта имѣла, надо полагать, и у османовъ, что выражалось въ титулѣ верховнаго властителя ихъ خونگار—«кроволійца» ¹⁾. Это значитъ, что онъ имѣлъ власть надъ жизнью и смертію своихъ подданныхъ; имѣлъ право казнить ихъ и жаловать.

¹⁾ Такъ толкуетъ это слово, какъ синонимъ слова خونریز, Менинскій. Но Вуллерсъ называетъ это «falsa significatio» (См. это слово въ его лексиконѣ), считая его, безъ всякихъ, впрочемъ, основаній, сокращеніемъ слова خد اوند کلر. Но, спрашивается, отчего же

Самыя почетныя награды со стороны султана достойнымъ слугамъ своимъ, состоявшія изъ «осѣдланнаго коня» — *اکرلو آت* — и «дорогихъ шубъ» — *سور کورکی* —, равнымъ образомъ есть остатки кочевыхъ обычаевъ: Чингизъ-ханъ тоже награждалъ тулупами.

Кочевой бытъ сказывается и въ древнихъ законоположеніяхъ о зимнихъ и лѣтнихъ кочевкахъ — *قشلاق و ییلاق*; въ постановленіяхъ о правахъ и условіяхъ пользованія водою и травою, весьма важныхъ для народа, главный источникъ богатства котораго составляютъ стада. И т. д.

Но эта степная простота общественного быта, естественно, должна была уступить мѣсто сложности государственнаго механизма, когда турки, завоевавши Константинополь, столкнулись лицомъ къ лицу хотя и съ отжившею, но высшею византійскою цивилизаціею. Когда они нашли готовую, вѣками сложившуюся, цѣлую государственную машину, что имъ было дѣлать съ нею? Они не рѣшились передѣлывать ее съизнова: это потребовало бы съ ихъ стороны немалыхъ и притомъ совершенно излишнихъ и бесполезныхъ усилій: имъ и безъ этого жилось хорошо; а потому они сами приспособились къ формамъ византійской администраціи. Равнымъ образомъ, византійская мишурная пышность

тогда въ титулѣ султанскомъ слово *خداوندگار* приняло ту сокращенную форму, а въ названіи провинціи «Худавендгаръ» — нѣтъ? Законъ-то выговоръ, кажется, одинъ и тотъ же для того и другаго. Но и Вуллерсъ, и, за нимъ, г. Будаговъ, на это не даютъ никакого отвѣта. Вѣроятно, сомнѣніе возбуждается тутъ дикою грубостью этого титула, которая, правда, непривычна для цивилизованныхъ европейцевъ, но вовсе не есть исключительное явленіе у азіатцевъ. Агенты хановъ Золотой Орды, занимавшіеся сборомъ поголовной подати съ русскихъ, назывались просто-на-просто *баскаками* — *باصقا*, т. е. «давящими», на томъ, очевидно, основаніи, что эта финансовая операція зачастую сопровождалась процедурой, охарактеризованной въ Евангеліи выраженіемъ: «емъ его давяше, глаголя: отдаждь ми, имже еси долженъ». (Мѡ., XVIII, 28). Во всякомъ случаѣ, подобная откровенная грубость, по своей правдивой естественности, несравненно выше и нравственнѣе прикрывательства многихъ весьма неблаговидныхъ административныхъ функцій изысканно-вѣжливыми титулами, какими изобилуетъ европейская табель о рангахъ.

также имѣла свою привлекательную сторону для первобытнаго человѣка: вспомнимъ, какъ послы князя Владиміра обезумѣли при видѣ той церемоніальности, какой обставлено было богослуженіе, совершенное напоказъ этимъ искателямъ и испробователямъ новой вѣры! Дворъ византійскій на послѣднія свои средства щеголялъ пестротой и блескомъ обстановки и большимъ количествомъ личнаго штата, окружавшаго царственную особу императора. Естественно, что эта пышность не могла не подѣйствовать обаятельно и на турокъ: султаны турецкіе не побрезгивали перенести византійскую обстановку въ свою собственную резиденцію. Это признають сами османскіе историки. Напр. Селяники, по поводу чрезмѣрныхъ государственныхъ расходовъ, превышавшихъ доходы въ царствованіе Мурада III, говорить, между прочимъ:

دولت و سلطنت روم رونقى قالفوب آسانهء سعادتك آیین و اسلوب قدیمی تبدیل و تغییر اولغه سبب و مصارف دولت فوق الحد اولوب
اتلافات و مخدرات نهایتده اولوب... حق نبارك تعالى اعمال و
افعالزه اختلال و بربوب برکتی قالدردی, т. е. «блескъ византійскаго государства и правительства, воспрнявши, сдѣлался причиною измѣненія и порчи старинныхъ обычаевъ и правилъ Порога Счастья: государственные расходы перешли всякія границы; расточительность и роскошь достигли крайнихъ предѣловъ... Всевышняя и Препрославленная Истина-Богъ послалъ разстройство въ дѣла и дѣйствія наши; лишилъ (ихъ) благословеній Своихъ» ¹⁾).

При всемъ томъ, однако же, никто не скажетъ, что османы огречились: ихъ бытъ и жизнь представляютъ нѣчто оригинальное и совершенно отличное отъ быта грековъ и, главнымъ образомъ, прочихъ европейскихъ народовъ. Чтѣ же такое наложило на нихъ печать личности, ставящей ихъ въ разрядъ азіатскихъ, а не европейскихъ народовъ? Неужели же это одинъ исламъ, который турки приняли еще въ то время когда они, составляя одну орду съ ихъ родичами Огузами, жили въ Мавераннагрѣ, а именно въ IX в. по Р. Х.? ²⁾ Переходу ихъ въ магометанство способство-

¹⁾ Тарихи-Селяники, 199 г.

²⁾ Zinkeisen, loco citato, 25.

вало давнишнее столкновение ихъ съ арабами и персіянами въ царствованіе династіи Саманидовъ, а главнымъ образомъ то, что принятіе ислама было для нихъ средствомъ къ полученію значительныхъ матеріальныхъ выгодъ, предоставлявшихся мусульманскими правителями перевертнямъ, на что особливо были щедры калифы багдадскіе, которые, потерявши авторитетъ въ глазахъ своихъ туземныхъ подданныхъ, думали найти опору въ чуждыхъ пришельцахъ, давая имъ высшія правительственныя должности и ввѣряя свою особу защитѣ ихъ. Въ половинѣ же X в. послѣдовало формальное принятіе ислама Огузами и сосѣдними съ ними турецкими племенами, по иниціативѣ и примѣру ихъ хана Салу, или, какъ онъ съ тѣхъ поръ сталъ называться, Чанака, а еще иначе Кара-хана ¹⁾).

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что исламъ въ значительной дозѣ проникъ во всѣ отрасли государственно-общественнаго устройства Турціи; что начала его видны во всѣхъ учрежденіяхъ опредѣляющихъ быть членовъ османскаго государства; что на основахъ ученія Мухаммеда покоится много законоположеній касательно частной и общественной жизни ихъ. Но, съ другой стороны, ошибочно считать Турцію и представительницею чистаго, правовѣрнаго мусульманства, въ смыслѣ живаго воплощенія того ученія которое возникло совсѣмъ на иной почвѣ, аравійской, проповѣдано устами Мухаммеда и ближайшихъ его друзей-послѣдователей. Не было еще на свѣтѣ ни одного религіознаго ученія, которое бы не подвергалось болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ, подъ вліяніемъ индивидуальныхъ особенностей, присущихъ разнымъ народамъ, исповѣдующимъ это ученіе, общее міросозерцаніе которыхъ, въ свою очередь, находится въ сильной зависимости отъ окружающихъ ихъ, физическихъ и общественныхъ, условій. Въ этомъ отношеніи нѣтъ основаній дѣлать исключеніе для религіи Магомета. А между тѣмъ, это исключеніе дѣлалось и дѣлается. Исламъ всегда былъ камнемъ преткновенія въ дѣлѣ истолкованія бытовыхъ основъ Турціи. Общепринятое доселѣ мнѣніе таково, что Турція есть государство мусульманское попреимуществу, и потому чего бы только дѣло ни кос-

¹⁾ Zinkeisen, loc. laud., 26.

нулось—внутренняго ли ея устройства, вѣшнихъ ли отношеній, все сводится къ одному исламу, которому навязывается много такого, что совершенно чуждо духу этого ученія, взятаго въ числѣ его видѣ. Обыкновенно полагаютъ, что обширность турецкой территоріи есть результатъ завоевательныхъ стремленій внушаемыхъ ученіемъ Магомета, будто-бы заповѣдавашаго своимъ послѣдователямъ неустанно воевать со всѣми немусульманами, и освятившаго дѣло религіозной пропаганды; что быстротою усилія и возвышенія своего она обязана мусульманскому фанатизму и фаталистической отчаянности своего войска, и т. д. Мало того, на Турцію смотрятъ даже какъ на оеократію въ родѣ древне-иудейской или римско-католической. Г. Щебальскій, напр., говоритъ въ упомянутой статьѣ своей на этотъ счетъ: «Не слѣдуетъ забывать, что султанъ есть вѣхъ и калифъ всѣхъ мусульманъ-суннитовъ: захочетъ ли онъ отказаться отъ духовнаго господства надъ большею частью мусульманскаго міра, и не скажетъ ли этотъ восточный папа, подобно западному, *non possumus?*» ¹⁾). Насколько справедливы подобныя мнѣнія, и сколь велика въ нихъ доза парадоксальности и предразсудочности, это можетъ обнаружиться лишь при ближайшемъ, непосредственномъ знакомствѣ съ воззрѣніями самихъ турокъ относительно строя государственной общественной жизни. А такъ-какъ писатели, съ которыми приходится имѣть дѣло, принадлежать эпохѣ уже довольно отдаленной отъ временъ зарожденія османской имперіи, когда уже многое старое позабылось, многое измѣнилось, претворилось или стерлось отъ соприкосновенія съ другими элементами, то нужна особенная осторожность въ обращеніи съ произведеніями ихъ; нужно отличать реальное и существенное въ ихъ словахъ и выраженіяхъ отъ того что есть только одна словесная форма, риторическая фигура, въ которую облечена вовсе не та мысль, какая на первый взглядъ кажется присущею слову: восточная рѣчь щеголяетъ двусмысленностью выраженій. Слѣдуетъ вникать въ сущность и историческое значеніе тѣхъ или другихъ понятій, чтобы не впасть въ односторонность взгляда, въ какую впадаетъ большинство изслѣдователей государственнаго строя Турціи.

¹⁾ Русскій Вѣстн., январь 1870 г., стр. 221.

Какъ же турки разсуждаютъ о государствѣ? Какъ они смотрятъ на происхожденіе и цѣль этого общественнаго союза? Изъ какихъ оно состоитъ, по ихъ понятію, элементовъ, и въ какихъ должны находиться отношеніяхъ между собою эти элементы?

Когда они говорятъ о государствѣ, называемомъ у нихъ арабскимъ словомъ *دولت*, то они рассматриваютъ его уже какъ данное явленіе, какъ совершившійся фактъ: по крайней мѣрѣ миѣ не случалось встрѣчать у нихъ ни философическихъ, ни богословскихъ разсужденій о природѣ этого общественнаго союза — ни о его происхожденіи, ни о его цѣли. Первое, какъ я уже замѣтилъ, не существенно, и вызывается развѣ простымъ человѣческимъ любопытствомъ; но понятіе цѣли важно по практическимъ результатамъ, изъ него проистекающимъ. Единственный изъ писателей разсматриваемой здѣсь эпохи, отличающійся по крайней мѣрѣ стремленіемъ къ абстракціи понятій, къ умозрѣнію — это Хаджи-Кальфа. Но и его разсужденія о государствѣ не восходятъ дальше сравненія строя и жизни этого общественнаго организма съ комплекціею и жизнью человѣческаго тѣла. «Да не будетъ сокрыто, говоритъ онъ, что слово *девлетъ* — «правленіе», «владычество» —, главнымъ образомъ означаетъ человѣческой государственный союзъ (*ملک و سلطنت معنایه اولان دولت بر نوع آیین*).

(*اوزره اجتماع بشریہ دن عبارتدر*). По словамъ посвященныхъ въ тайны природы вещей и знакомыхъ съ тонкостями умозрительной и практической философіи искателей истины, чрезъ долгія и внимательныя наблюденія доподлинно стало извѣстно, что общественное положеніе людей соотвѣтствуетъ индивидуальному, и что оба они представляютъ во многихъ отношеніяхъ аналогію между собою. Прежде всего, физическая жизнь человѣка дѣлится на три періода: періодъ роста, періодъ застоя, и періодъ ущерба. Хотя продолженіе времени этихъ трехъ возрастовъ для каждаго человѣка вѣдѣльно — есть опредѣленное; но оно разнится по мѣрѣ болѣе крѣпкаго или болѣе слабаго сложенія. Эти три періода возраста — время роста, время застоя и время дряхлѣнія — существуютъ и для государственнаго союза», и т. д. ¹⁾). Параллель, очевидно, не глубокая;

¹⁾ Дестурль-амель, Рип. В. В. Григорьева, стр. 2 в., и Zeitschr. d. D. M. G. B. XI, 118.

тѣмъ не менѣе изъ нея выходить, что соединеніе людей въ общество, по мнѣнію автора, есть такое же естественное явленіе, какъ и бытіе самого человѣка, и что существованіе его также самоцѣльно, какъ и жизнь человѣка; жизнь для жизни—вотъ конечная причина, цѣль бытія человѣческихъ общественныхъ союзовъ, называемыхъ государствами, независимо отъ непостижимыхъ, предвѣчныхъ наизрѣній Всевышняго, участіе которыхъ въ судьбѣ человѣческой признается мусульманами въ такой же мѣрѣ какъ и христіанами. Последнее особенно очевидно изъ разсужденій Наимы, скомпилировавшаго введеніе къ своей исторіи изъ *Дестуруль-амель* Хаджи-Кальфы и др. подобныхъ сочиненій ¹⁾.

Яскѣе и опредѣленнѣе становится понятіе о цѣли, такъ сказать, міровомъ назначеніи государства, по взгляду турокъ, изъ разсужденій ихъ касательно самаго устройства государства; изъ мнѣній ихъ объ отдѣльныхъ частяхъ этого сложнаго механизма; хотя и въ этомъ случаѣ они являются также болѣе эмпириками, нежели абстрагистами, за исключеніемъ опять-таки Хаджи-Кальфы, у котораго видны попытки къ обобщенію и осмысленію фактовъ общественной жизни. Онъ считаетъ государство состоящимъ изъ трехъ элементовъ: власти, народа и имущества, говоря: «Что, прежде всего, народъ есть вѣренное султанамъ и эмирамъ достоиніе Божіе; что, далѣе, не можетъ быть (надлежащаго) управленія безъ (способныхъ) людей; а людей (такихъ) безъ денегъ; а денегъ безъ народа—это не требуетъ никакихъ объясненій» ²⁾. Послѣдуемъ же въ изложеніи политическихъ воззрѣній османскихъ писателей его классификаціи составныхъ элементовъ государства, тѣмъ болѣе что она, какъ самая естественная, принимается и современными европейскими публицистами.

Продолжая развивать свою аналогію между индивидуальнымъ и собирательнымъ человѣческимъ организмомъ, Кятибъ-Челеби говорить, что «какъ чувствовостигаемое тѣло человѣческое состоитъ изъ четырехъ жизненныхъ соковъ, содержащихся въ четырехъ составныхъ элементахъ, и вожжи водительства и правленія, при посредствѣ чувствъ и физическихъ силъ, находятся въ надеж-

¹⁾ Тарихи-Наима, I, 18.

²⁾ Дестуруль-амель, Рук., стр. 3 в., и Zeitschr., loc. cit., 119.

ныхъ рукахъ разумной души; такъ и общественный организмъ состоитъ изъ четырехъ главныхъ членовъ, въ которомъ бразды руководства и управленія, при посредствѣ, соответствующихъ чувствамъ и физическимъ силамъ, государственныхъ сановниковъ, твердо держатся въ надежныхъ рукахъ, представляющаго разумную душу, высочайшаго султана» ¹⁾. Мысль эта есть общая всѣмъ разбираемымъ здѣсь писателямъ: и Вейси также говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего «Сна»: «Падишахи есть сердце государствъ. Если сердце не въ порядкѣ и выйдетъ изъ нормальнаго положенія, то и все тѣло непремѣнно разстроится» ²⁾. У Кучибей та же мысль: «Падишахи — это сердце государства. Если сердце здорово, то и все тѣло также здорово» ³⁾. Итакъ, слѣдовательно, главенство и верховная власть въ государствѣ должна принадлежать одному лицу, султану, который пользуется ею неограниченно и самостоятельно, ни съ кѣмъ не дѣлясь правами своими и отвѣтствуя за свои дѣйствія лишь передъ однимъ Богомъ. Последнее вытекаетъ изъ слѣдующихъ словъ Кучибей: «Если, говорить оиъ, въ какомъ-либо изъ исламскихъ государствъ кому-нибудь причинено будетъ самое крошечное притѣсненіе, то въ день Страшнаго суда спросится съ владыкъ, а не съ государственныхъ сановниковъ: нельзя будетъ дать отвѣтъ предъ Господомъ міровъ, сказавши: «я, молъ, имъ поручилъ» ⁴⁾. На что же опирается такой абсолютный авторитетъ единоличнаго владетеля?»

Вопросъ объ источникѣ власти султана весьма важенъ, такъ какъ съ нимъ связано и опредѣленіе характера всего государственнаго строя Турціи, основывающагося на отношеніи этой власти къ остальнымъ элементамъ: личному — подданнымъ, и матеріальному — имуществу. Судя потому, что и у Кучибей, и у другихъ писателей, подданные называются *دواع رب العالمين* — «достояніемъ Господа міровъ» ⁵⁾, или *وديعه الهیة* — «достояніемъ

¹⁾ Дестуръ-амель, Рип., стр. 30 и слѣд., и Zeitschr., loc. cit., 120.

²⁾ Китаби-Хабнамѣ, Булакск. изд., стр. 5.

³⁾ Рисале, гл. XIV.

⁴⁾ Глава IX.

⁵⁾ Рисале Кучибей, предисловіе.

Божіимъ» ¹⁾, надо заключить, что авторитетъ этотъ, по ихъ мнѣнію, основывается на волѣ Бога, которому угодно довѣрить управленіе рабами своими—الله عباد ²⁾ — тому или другому властителю. Вейси тоже, устами султана Ахмеда I, говоритъ: «Если бы Всевѣдущій Владыка, Господь Богъ Всемогущій, предназначилъ мнѣ османскій тронъ не тогда когда государство до такой степени разстроилось, а даровалъ бы мнѣ его въ благоустроенномъ, цвѣтущемъ состояніи, то управленіе государствомъ, визаніе и рѣшеніе дѣлъ подданныхъ, шло бы какъ слѣдуетъ» ³⁾. Это показываетъ, что, по ихъ воззрѣніямъ, въ государствѣ должна быть признаваема только законная власть, права которой могутъ быть выведены изъ воли Божіей. Слѣдовательно, всякая узурпація, всякая тираннія, всякій захватъ власти не законны, должны быть отрицаемы, и характеризуются у османскихъ писателей выраженіемъ: الحكم لمن غلب ⁴⁾, или: حكم غالبك ⁵⁾ — «право сильнѣйшаго, кулачное право».

Но Богъ, какъ существо невидимое, не входитъ въ примыя сношенія съ людьми. Всякій народъ, сообразно съ своими религіозными понятіями, имѣетъ своихъ посредниковъ, своихъ передатчиковъ и истолкователей воли Божіей. У мусульманъ, въ томъ числѣ и у турокъ, такимъ посредникомъ признается Магометъ. Но тщетно было бы у него искать опредѣленій воли Божіей относительно полномочій верховной власти. Правда, что самъ Магометъ соединялъ въ своемъ лицѣ, съ обязанностью религіознаго учителя, и власть свѣтскаго правителя надъ послѣдователями его ученія; но онъ не изрекъ на этотъ счетъ никакихъ опредѣленныхъ постановленій, которыми бы вѣрующіе могли руководиться послѣ него. Окружавшіе смертный одръ его асхабы сочли за бредъ, когда онъ обратился къ нимъ съ такою просьбою: «Дайте мнѣ чернилъ и бумаги: я вамъ напишу книгу, чтобы вы не заблуж-

¹⁾ Дестуруль-амель, Ркп., стр. 3 в.

²⁾ Рисале, гл. V, XIV.

³⁾ Китаби-Хабнамѣ, стр. 6.

⁴⁾ Ревзетуль-Эбраръ, стр. 555.

⁵⁾ Ibidem, стр. 18.

дались послѣ меня» ¹⁾), — и потомъ подняли страшный споръ о томъ, кому быть преемникомъ пророка въ имамскомъ достоинствѣ. Одни говорили: **ان الامامة ثبتت بالنص و التعيين** — «имамство утверждается на словѣ Божіемъ и назначеніи»; другіе же настаивали на противномъ, говоря: **ان الامامة ثبتت بالاتفاق** — «имамство основывается на общемъ согласіи и избраніи» ²⁾). Эта неопредѣленность и разногласица заставила правовѣрныхъ муджтегидовъ прибѣгнуть къ разнымъ софистическимъ изворотамъ и натяжкамъ, чтобы какъ-нибудь примирить два одинъ съ другимъ несовмѣстные принципа—избирательный и наследственно-преемственный: они признали только фиктивное избраніе и согласіе народа, de facto же узаконили преемственность власти по назначенію ³⁾). Но несмотря и на опредѣленія имамскаго достоинства и порядка преемственности его, выработанныя усилиями юристовъ-муджтегидовъ, всё-таки, говорить Шрегристани, «ни изъ-за чего такъ жестоко не спорили во все времена и не обнажали меча, какъ изъ-за имамства» ⁴⁾). Еще ближайшіе преемники Магомета, такъ называемые калифы, тѣмъ или другимъ путемъ достигшіе этого сана, считались не просто повелителями, въ смыслѣ обыкновенныхъ свѣтскихъ правителей, а повелителями вѣрующихъ, въ смыслѣ и духовныхъ владыкъ душъ своихъ правовѣрныхъ-подданныхъ, калифами всего міра. Но и въ самомъ калифатѣ въ непродолжительномъ времени выдохлось такъ или

¹⁾ **سفينة الراغب و دفينه المطالب** — сборникъ статей изъ разныхъ писателей. Булакское изд. 1255 г. гиджры, стр. 88. Приведенныя выдержки взяты изъ сочиненія Шегристани: **الملل و النحل**. Биографіи османскихъ писателей XVIII и XIX вв., Фатымъ-эфенди, приписываетъ этотъ сборникъ извѣстному в. визиру Мухаммеду Рагыбъ-пашѣ, и называетъ его **سفينة العلوم** (تذکره خاتمة الاشعار). Константиноп. литогр. изд. 1271 г. гиджры, стр. 123).

²⁾ Сеѣинету-р-Рагыбъ, стр. 91.

³⁾ См. объ этомъ въ краткой но довольно обстоятельной монографіи Марка Миллера подъ заглавіемъ: «Ueber die oberste Herrschergewalt nach dem moslimischen Staatsrecht», напечатанную въ Abhandlungen der Philosophisch-philolog. Classe der Königlich. Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1847 г. Band IV., стр. 29.

⁴⁾ Сеѣинету-р-Рагыбъ, стр. 89.

иначе сложившееся преданіе о мнимой святости особы калифа, благодаря зазорному поведенію многихъ изъ нихъ. Тѣмъ болѣе это преданіе не имѣло важнаго значенія въ глазахъ мухаммеданскихъ неофитовъ, вышедшихъ изъ степей Средней Азіи, такъ-что, напр., одинъ изъ этого рода духовныхъ чадъ намѣстника пророка, а именно орда Гулагу, считая грѣхомъ пролить кровь его, прибѣгли къ иному способу лишенія жизни Мота'семъ-Билляга, зашивши его въ мѣшокъ и затоптавши ногами ¹⁾; а всё-таки убили. Не было причины привиться и продолжать жить этому преданію и у объяснившихся турокъ-османовъ, состоявшихъ въ недалекомъ родствѣ съ тою ордою, чтобы ни съ того ни съ сего у нихъ родилось предствленіе о своей хищнической ордѣ какъ о религіозномъ обществѣ, а о своемъ предводителѣ какъ о духовномъ отцѣ и владыкѣ этого общества. Неговоря уже о томъ, что имамъ долженъ если не самъ быть совершенный муджтегидъ, то по крайней мѣрѣ имѣть возлѣ себя такого муджтегида, который бы разрѣшалъ непредвидѣнные пророкомъ и прежними муджтегидами вопросы, являющіеся съ развитіемъ жизни ²⁾. А между тѣмъ ученый XVII в., Мухыйю-д-Динъ-Ибнъ-Сендъ-Омаръ, по вопросу о куреніи табаку, отрицаетъ существованіе въ *нынешнія времена* (т. е. въ его времена) какихъ бы то ни было муджтегидовъ, опираясь на авторитетъ знаменитаго Байдзави, и считаетъ необходимымъ рѣшить вышеозначенный вопросъ по аналогіи съ прежнимъ постановленіемъ, - равносильнымъ изреченію пророка Давида: «Всяка трава скотомъ, и злакъ на службу человѣкомъ» ³⁾. Препятствіемъ къ непосредственной связи прерогативъ верховной власти султана съ магометанскимъ догматомъ объ имамствѣ служить уже одно то, что среднеазіатскіе турки-султаны не состояли ни въ какомъ родствѣ съ привилегированнымъ арабскимъ племенемъ Бурайшитовъ, изъ котораго, въ силу изреченія пророка, долженъ непремѣнно происходить имамъ ⁴⁾. Я не берусь подробно доказывать здѣсь несомнѣнность султаната съ калифатомъ чисто съ канонической точки

¹⁾ Китаби-Хабнамѣ, стр. 32.

²⁾ Ueber die oberste Herrschergewalt, стр. 27.

³⁾ Въ прибавленіи къ рукописному сочиненію Закарія Альянсари по мусульманской юриспруденціи, принадлежащему г. Османову, стр. 1 в.

⁴⁾ Ueber die oberste Herrschergewalt, стр. 30.

зрѣнія, тѣмъ болѣе что это уже сдѣлано, и довольно удачно, г. Шовень-Бельяромъ ¹⁾. Нѣтъ на свѣтѣ ни одной каверзы, которую бы досужіе казуисты, а вособенности теологи-казуисты, не нашлись обставить, хоть и натянутыми, да законоподобными мотивами. Другія же законоположенія повторяются ими по простой рутинѣ, хотя бы они въ дѣйствительности давнымъ-давно утратили всякое жизненное значеніе. Но сила не въ этомъ: мало ли что имѣетъ видъ закона и прикрывается буквою его: дѣло въ убѣжденіяхъ, во взглядѣ на таковыя законоположенія тѣхъ для кого они созданы: Въ разсматриваемомъ здѣсь вопросѣ, опредѣленіе имамскаго достоинства въ какомъ-нибудь каноническомъ сочиненіи, въ родѣ *Мультека* (ملتقى الأبحر) Ибрагима Халеби, менѣе важно, нежели мнѣніе о прерогативахъ верховной власти султана османскихъ писателей, которое далеко не тождественно съ догматическою доктриною о томъ же предметѣ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что они держатся убѣжденія согласнаго съ догмою, а именно, что султанъ, будучи свѣтскимъ властителемъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и глава магометанской церкви, называя его вездѣ *پادشاہ اسلام* — «падишахъ исламскій», а, главное, иногда *خلیفه روی زمین* — «калифъ вселенной». Кучибей, напр., говорить: *پا دشا مزه که خلیفه روی زمین و پناه دولت و دیندرهمان که رای شریف عالم آرا لری عدل و داد طرفنه منصرف بیوربله*, т. е. «пусть только благородный, украшающій міръ, взоръ падишаха нашего, который есть *Калифъ Вселенной* и Убѣжище Государства и Вѣры, обратится въ сторону правды и справедливости» ²⁾. Вейси, рассказывая въ своемъ «Снѣ» о томъ, какъ онъ готовился подслушивать бесѣду царей, говорить: «Какое великое счастье услышать умныя рѣчи такого мудраго падишаха какъ Александръ Двурогій, а вособенности падишахъ нашъ вѣдъ *калифъ вселенной* (*روی زمین خلیفه*), и я съ нимъ

¹⁾ Въ его сочиненіи «De l'empire ottoman, de ses nations et de sa dynastie (par. M. Chauvin-Beillard)». Paris, 1845. Livre I, chap. III, p. р. 50—70. При всей доказательности логическихъ выводовъ автора этой книги, довѣріе къ ней нѣсколько ослабляется отсутствіемъ цитатъ какъ отвергаемыхъ авторомъ мнѣній, такъ и тѣхъ на которыхъ онъ основываетъ свои возраженія.

²⁾ Рисале, гл. XIV.

побесѣдую?» ¹⁾ Этотъ титулъ султана встрѣчается и у Селяники ²⁾. Мало того: Наима, повѣствуя о мятежѣ сипаговъ въ 1041 году, влагаетъ въ уста султана слѣдующія обращенныя къ нимъ рѣчи: *بكا كه خليفهيم مطمع اوليوبو جلاليلرو خارمیلر متابهسندہ*, т. е. «не повинаясь мнѣ, *калифу*, они (возмутители сипаговъ) сдѣлались мятежниками и бунтовщиками» ³⁾. Но значить ли это что-нибудь болѣе кромѣ высокопарнаго титула, подобнаго многимъ другимъ, которые въ ходу у османскихъ писателей? Неужели, напримѣръ, можетъ притти кому-нибудь въ голову, на основаніи почетнаго, хотя и нечѣснаго, титула *عصمة بناء*, употребляющагося у турокъ для матери султана, серьезно доказывать приснодѣвственность этой, произведшей на свѣтъ потомство, дамы? Если у европейцевъ немало есть титуловъ, которые далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ качествамъ носящихъ ихъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и турецкому султану усвоенъ титулъ *калифа вселенной*, въ смыслѣ только самаго мусульманнѣйшаго государя, безъ всякаго притязанія на духовное главенство, какое несправедливо приписывается ему. Что турки смотрять на султана только какъ на представителя свѣтской власти въ своемъ государствѣ, только какъ на блюстителя правосудія, въ обширномъ смыслѣ этого слова, на обязанности котораго лежить лишь поддерживать нормальныя отношенія членовъ государства, защищать ихъ интересы и заботиться объ ихъ благосостояніи въ области земнаго ихъ существованія, не ставя мѣриломъ этой нормальности, этихъ интересовъ, этого благосостоянія, болшую или меньшую близость своихъ подданныхъ къ вѣчному спасенію, достигаемому путемъ соблюденія правилъ и предписаній истинной мусульманской вѣры; что, слѣдовательно, дѣйствія его самого и правительственныхъ органовъ верховной власти не слѣдуетъ разсматривать какъ вытекающія изъ отеческихъ отношеній представителя этой власти къ своимъ духовнымъ чадамъ, подданнымъ,—это я заключаю на основаніи слѣдующихъ данныхъ, представляемыхъ сочиненіями разсматриваемыхъ здѣсь мною писателей.

¹⁾ Китаби-Хабнаме, стр. 4.

²⁾ Тарихи-Селяники, 246 в.

³⁾ Тарихи-Наима, I, 525.

Во-первыхъ, имамъ въ смыслѣ духовнаго владыки мусульманскихъ народовъ долженъ быть лишь одинъ ¹⁾, следовательно существованіемъ одного калифа вселенной исключается власть другихъ подобныхъ ему. Между тѣмъ Кучибей, говоря: *ممالك اسلامیه*دن

بر مملکتہ ذرہ قدر بر فردہ ظلم اولسہ روز جزادہ ملوکدن

سوال اولنور وکلادن صورلر, т. е. «если въ какомъ-либо изъ мусульманскихъ государствъ причинено будетъ кому-либо самамалѣйшее притѣсненіе, то въ день Страшнаго суда спросится съ владыкъ; съ государственныхъ же сановниковъ не спросится» ²⁾—, тѣмъ самымъ допускаетъ не только въ возможности, но и въ дѣйствительности, существованіе многихъ мусульманскихъ государствъ, кромѣ Высокой Порты и независимо отъ султанской державы, владѣльцы которыхъ правятъ самостоятельно и отвѣтственны лишь предъ однимъ Богомъ. Далѣе, тотъ же Кучибей, по какому случаю онъ называетъ султана *калифомъ вселенной*? Вся его рѣчь, гдѣ находится это мѣсто, такова: «Если, говоритъ онъ, погибельный шахъ этотъ (персидскій шахъ Аббасъ), безвѣрный беззаконникъ, *творя правду и справедливость*, сталъ могущественъ, то что же говорить о нашемъ падишахѣ, который есть Балифъ Вселенной, Убѣжище Государства и Вѣры» ³⁾. Еслибы султанское достоинство, по его мнѣнію, заключало въ себѣ, кромѣ прерогативъ свѣтской власти, и полномочія божественныя, то онъ никоимъ образомъ не могъ бы ставить въ параллель султану персидскаго шаха, такъ-какъ въ дѣлѣ вѣры ничего не можетъ быть общаго между правовѣрнымъ мусульманиномъ и заблудшимъ еретикомъ, осужденнымъ на вѣчныя мученія въ будущей жизни. Но онъ проводитъ однако же параллель, и на томъ, очевидно, основаніи, что всё-таки находить между ними что-нибудь общее. Это общее есть, безъ сомнѣнія, одинаковость призванія, назначенія ихъ на землѣ—блюсти правду и справедливость. Онъ только сравниваетъ ихъ въ степени удовлетворительности исполненія ими

¹⁾ Ueber die oberste Herrschergewalt, стр. 22.

²⁾ Рисале, гл. IX.

³⁾ Ibidem, гл. XIV.

своего долга, своего назначенія: если *нестырный* шахъ, т. е. такой, который, по самому своему положенію заблудшаго и, слѣдовательно, богопротивнаго еретика, путемъ исполненія своего призванія, творя правду и справедливость, сталъ могущественъ, то тѣмъ болѣе подобнаго результата должно ожидать отъ такого же образа дѣйствій султана, который есть представитель правовѣрія; на сторонѣ котораго, слѣдовательно, и помощь Божія, и большая, по самому свойству истинности исповѣдуемой имъ религіи, возможность правильно судить о томъ, что справедливо и что нѣтъ, безошибочно отличать истину отъ лжи. Эта параллель вается лишь чисто внѣшняго, юридическаго отношенія обоихъ властителей къ своимъ подданнымъ; а она была бы немислима, еслибы эти отношенія шли дальше, простирались въ духовную жизнь подвластныхъ имъ народовъ. Черты, которыми Кучибей, отъ лица сановниковъ Аббаса, изображаетъ высокое положеніе османскаго государства, всѣ касаются его внѣшняго благоустройства и житейскаго благополучія его членовъ. «Подданные, говоритъ онъ, пребываютъ въ спокойствіи; сокровищницы полны принадлежащихъ казнь денегъ... Всѣ средства къ достиженію желаемаго готовы; мечи ихъ (султановъ) побѣждаютъ; планы ихъ удаются» ¹⁾. Взаключеніе онъ присовокупляетъ: «Если государи направляются къ добру, то и въ мірѣ всецѣло водворяется порядокъ; если же они направляются ко злу, плохи тогда обстоятельства: деревья не приносятъ плодовъ; на землѣ не растетъ травы» ²⁾. Отсюда видно, сколь мало внѣжжтейскаго, возвышеннаго, заключается, по взгляду турокъ, въ призваніи, назначеніи главы ихъ государства, султана. Слѣдовательно, выраженія Кучибей и другихъ писателей: *پادشاه اسلام* — «*падишахъ исламскій*», *ممالك اسلام* — «*владѣнія исламскія*», *عسکر اسلام* — «*войско исламское*», *اعداء دين* — «*враги вѣры*», и т. д., есть чистыя метафоры, которыя вовсе не значать, чтобы турки считали все свое существованіе мертвымъ орудіемъ исламизма, отрехшись отъ всѣхъ благъ тлѣннаго міра сего. Подъ знаменемъ вѣры всюду виднѣется самая обыкновенная, матеріальная подкладка.

¹⁾ Рисале. гл. XIV.

²⁾ Ibidem.

Въ этихъ доводахъ я долженъ присовокупить еще одинъ. Всѣ предписываемыя мусульманамъ религіею ихъ обязанности дѣлятся на *فرض العين* — неизбежныя для каждаго правовѣрнаго, и *فرض الکتابه* — такія, исполненіе которыхъ одними лицами освобождаетъ другихъ. Въ числу первыхъ относится, между прочимъ, и *хаджъ* — *حج* — «путешествіе въ Мекку на поклоненіе Черному Камню Ка'бы»¹⁾. Если это религіозное предписаніе тяготеетъ надъ всякимъ правовѣрнымъ, то тѣмъ болѣе надъ имамомъ, путеводителемъ въ дѣлѣ спасенія ввѣренныхъ его попеченію душъ мусульманскихъ. Когда же султанъ Османъ II въ 1031 году собрался исполнить этотъ священнѣйшій долгъ истинно-вѣрующаго; а между тѣмъ содаты начали тогда бунтоваться, подозрѣвая въ благочестивомъ предпріятіи султана тайное намѣреніе уничтожить османское войско, замѣнивши его египетскимъ; то бывшій въ ту пору шейхъ-исламъ Аса'дъ-эфенди прислалъ султану фетву, которая гласила слѣдующее: *باسماهله حج لازم دكلدر برنده او طوروب عدل*, т. е. «падишахамъ хаджъ вовсе не нуженъ: лучше, сидя на своемъ мѣстѣ, блюсти справедливость»²⁾. Коротко и ясно. Еслибы турки смотрѣли на своего султана какъ на первосвященника, то Аса'дъ-эфенди не дерзнулъ бы сказать, что хаджъ вовсе лишнее дѣло для предстоятеля народа Божія, не рискуя быть обвиненнымъ въ безбожіи за вышеприведенную фетву, данную имъ въ качествѣ каноническаго постановленія, которое, исходя изъ живаго источника правильнаго пониманія закона, для всѣхъ обязательно, или же въ видѣ частнаго мнѣнія, — это все равно. Притомъ фетва Аса'да-эфенди не мотивирована никакимъ экстреннымъ обстоятельствомъ, которымъ бы оправдывалось небреженіе султана хаджемъ, подобно тому какъ оно для Али оправдывается непрерывными его войнами: *ولم يحج في شيء من سنه*³⁾; она, напротивъ, самаго общаго свойства. Итакъ,

¹⁾ Религіозныя наставленія императора Бабура, въ Турецкой Хрестоматіи И. Н. Березина, ч. I, стр. 228. А также *Собраніе суннъ* въ переводѣ г. Гаммера въ *Fundgruben des Oriente*, т. I, стр. 150.

²⁾ Фезлике, 166 ч.; Тарихи-Наима, I, 346.

³⁾ Сеѣинету-р-Рагыбъ, стр. 381.

хотя турки, какъ сунниты, должны бы были въ теоріи признавать необходимость верховной власти **بالشرع**—по принципу религіи, въ безусловное послушаніе волѣ Божіей объ этомъ¹⁾; въ дѣйствительности же она сознается ими какъ постулатъ естественнаго человѣческаго общежитія—**بالعقل**, т. е. они признають принципъ рациональный, осуждаемый однако же муджтегидами, какъ ересь изобрѣтенія мутазилитовъ²⁾. Участіе же воли Божіей допускается ими въ этомъ случаѣ въ такой же мѣрѣ, въ какой оно, по ихъ понятіямъ, неизбежно и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ человѣческихъ, по смыслу изреченія: **العبد يدبر والله يقدر**—«человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ»³⁾. Хотя энергическій и сообразительный султанъ Мурадъ IV, можетъ быть и не безъ задней мысли—возвысить авторитетъ своей власти, опираясь на предписанія закона Божія, величалъ себя *калифомъ*, и поставилъ во главѣ своей усмирительной рѣчи⁴⁾ къ возмущившимся сипагамъ текстъ Корана: **اطيعوا الله واطيعوا الرسول**—«повинуйтесь Богу и Пророку»⁵⁾, однако же то обстоятельство, что онъ долженъ былъ «перевести и *растолковать* имъ смыслъ этого стиха»⁶⁾, показываетъ, какъ далеки они были отъ мыслей, которыя султанъ старался внушить имъ. Довольно обратить вниманіе на слова Кучибей: **دنیا کفر ایله یقلمز طورر ظلم ایله طورمز عدالت طول**, **عمره سبیلد و انتظام احوال فقرا پادشاهلره موجب جنتدر**, т. е. «отъ безвѣрія міръ (или государство) не разрушится, а будетъ стоять себѣ; отъ тираніи же не устоитъ. Справедливость есть причина долгоденствія, и благоустройство положенія бѣдняковъ есть путь падишахамъ въ рай»⁶⁾—, чтобы видѣть, какъ въ понятіи верховной власти турки отдѣляютъ область земную, житейскую, отъ области вѣры, религіи. Изъ этого, равно какъ и изъ другихъ, уже приведенныхъ, свидѣтельствъ османскихъ

¹⁾ Ueber die oberste Herrschergewalt, стр. 21.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Тарихи-Селяники, 153 v.; Тарихи-Наима, I, 518.

⁴⁾ Сура IV, стихъ 62.

⁵⁾ Тарихи-Наима, I, 525.

⁶⁾ Рисале, гл. IX. Та же мысль высказана и Наймою. (Тарихи-Наима, I, 18).

авторовъ, видно, что султанъ, по ихъ воззрѣнію, есть только блюститель правосудія, въ обширномъ смыслѣ этого слова, которое есть залогъ спокойствія и благоденствія подданныхъ и условіе величія и процвѣтанія государства ¹⁾). Какъ таковому, ему всѣ обязаны безусловнымъ повиновеніемъ: сопротивленіе его повелѣніямъ есть мятежъ, и требуетъ казни виновнаго. На большомъ собраніи, происходившемъ въ смутное время 1041 г., одинъ судья анатолическаго округа сказалъ султану: بادشاهم هر کیم امریکه مخالفت بايدرسه عاصی اولور قتلی واجدیر, т. е. «государь, кто противится твоей власти, тотъ мятежникъ; его слѣдуетъ казнить» ²⁾). Безусловныя права верховной власти такъ твердо укоренились въ общественномъ сознаніи турокъ, что мятежники никогда открыто не объявляли себя противниками ея: они всегда выражали недовольство только на распоряженія тѣхъ или другихъ правительственныхъ органовъ, должностныхъ приводить въ исполненіе высочайшую волю ³⁾). То обстоятельство, что мятежники всегда прежде старались получить фетву отъ муфти, а потомъ уже заявляли свои требованія, доказываетъ, какъ сильно было чувство законности въ туркахъ. Если муфти давали фетву, то это не значить, чтобъ они затѣвали мятежъ или дѣлались пособниками бунтовщиковъ, въ чемъ, напримѣръ, Емишчи-Хасанъ-паша обвинялъ передъ султаномъ муфти Сан'Аллу-эфенди ⁴⁾, а значить только, что претензіи недовольныхъ были справедливы: еще бы не бунтоваться солдатамъ, когда имъ или вовсе не платили жалованья, или если и платили, то чуть не фальшивою монетою, которой никто не принималъ на рынкѣ. Но когда развращенное вельможными командирами войско въ послѣдствіи сопротивлялось нѣкоторымъ благимъ мѣропріятіямъ, къ какимъ надо отнести и указъ Мурада IV объ отиѣнъ хыдме-

¹⁾ Рисале Кучибей, гл. XIV.

²⁾ Тарихи-Наима, I, 527.

³⁾ Такаго рода заявленіе, мы видѣли, сдѣлано было Гурджи-Мухаммедъ-пашѣ мятежниками въ Египтѣ въ 1018 году. (Фезлика, 125 г.). Точно также и выборные отъ сиаговъ сказали султану: «Государь, ты нашъ государь, Тѣнъ Божія, и мы тебѣ отнюдь не сопротивляемся: мы друзья твоихъ друзей и враги твоихъ враговъ». (Тарихи-Наима, I, 525 и 529).

⁴⁾ Фезлика, 72 г.

товъ и объ ограниченіи числа кандидатскихъ вакансій въ 1041 г., то муфти Хусейинъ-эфенди былъ на сторонѣ правительства и рекомендовалъ, въ случаѣ если сипаги не послушаютъ увѣщанія, всѣхъ до одного переказить ихъ ¹⁾. Оно, это чувство законности, столь было могущественно у нихъ, что даже въ ту пору, когда деспотизмъ съ одной стороны, мятежи и непокорность съ другой, находясь въ непрерывной борьбѣ между собою, сильно расшатывали основы государственнаго благоустройства, и тогда даже самъ султанъ отдѣлался молчаніемъ отъ публичныхъ укоровъ одной женщины, сына которой онъ совершенно незаконно велѣлъ казнить ²⁾.

Безусловный авторитетъ верховной власти дѣлаетъ неприкосновенною личность носителя этой власти. Г. Миллеръ, на основаніи того что у мусульманъ не существуетъ законовъ объ оскорбленіи величества, а между тѣмъ встрѣчается обвиненіе въ безбожій за нанесеніе обиды одному юристу, заключаетъ, что авторитетъ членовъ юридической корпораціи несравненно выше въ сознаніи мусульманъ авторитета верховной власти ³⁾. На это можно сказать вотъ что. Вообще писанные законы мусульманскіе не такъ подробны и предусмотрительны, какъ кодексы европейскіе, а потому, напр., въ Турціи весьма широкое примѣненіе имѣетъ аналогія. Если нашли возможность оскорбителя юриста подвести подъ категорію кафировъ, то не трудно распространить и далѣе это опредѣленіе. Изъ словъ Фергадъ-наши, обращенныхъ къ возмущившимся кулъ-оглы, которые требовали зачисленія ихъ въ шесть полковъ въ 1003 г.: *اولو الامر اطاعت اتمیملر کندولر کافر وعورتلری* *بااین اولدیغین بلزمیمیز*, т. е. «развѣ вы не знаете, что неповажующіеся властямъ суть сами и жены ихъ кяфиры?!» ⁴⁾—, слѣдуетъ заключить о положительномъ существованіи какихъ-нибудь имѣющихъ силу закона хадисовъ относительно этого предмета. Недостатокъ опредѣленныхъ законоположеній касательно полноправія и

¹⁾ Тарихи-Наима, I, 529.

²⁾ Diez, Wesentliche Betrachtungen, von Resmi-Achmed-Efendi, стр. 29.

³⁾ Ueber die oberste Herrschergewalt, стр. 38.

⁴⁾ Тарихи-Наима, I, 64.

неприкосновенности личности верховнаго властителя восполняется обычнымъ правомъ. Положимъ, что на сходкахъ можно было безнаказанно говорить заглазно такія рѣчи: «Нашъ падишахъ (Мустафа I) — сумасшедшій; ни читать, ни писать не умѣть; этотъ рескриптъ написанъ такою-то служанкою» ¹⁾; или даже въ глаза: «Если ты (султанъ) не исполнишь того что мы говоримъ, то нѣтъ надобности, чтобы ты былъ намъ падишахомъ» ²⁾; ибо въ толпѣ трудно найти виноватаго. Но, напримѣръ, султанъ Ибрагимъ, зато только, что какой-то телегой загородили ему дорогу, когда онъ шелъ къ одному имаму, казнилъ визиря Салихъ-пашу, разгнѣвавшись на его небрежность и нераспорядительность въ данномъ случаѣ ³⁾. Про Мурада IV говорятъ, что онъ такого нагналъ страха на народъ, преслѣдованіемъ и казнями табакокуровъ, что даже «у себя дома никто не смѣлъ говорить о дѣлахъ султанскихъ» ⁴⁾. Дервишъ-паша былъ казненъ по ложному доносу о покушеніи на жизнь султана ⁵⁾. Кучибей ужасается даже отъ косвеннаго нанесенія оскорбленія чести султана тѣмъ, что изъ Порты выдавались, конечно по докладамъ чиновниковъ, за его подписью противорѣчащіе другъ другу указы ⁶⁾. Такой абсолютизмъ единоличной власти султана едва ли можетъ быть выведенъ изъ ученія Магомета, по которому имамъ есть только избранное лицо отъ всего народа. Государственный принципъ мусульманскій, въ чистомъ его видѣ, есть демократическій, и, какъ таковой, онъ долженъ быть въ духѣ тюркскихъ народовъ—этихъ, можно сказать, демократовъ по природѣ. Но въ туркахъ-османахъ принципъ этотъ парализованъ понятіями совершенно противоположнаго свойства, которыя составляли основу государственнаго быта покоренныхъ ими европейскихъ народовъ, и которыя можно назвать

¹⁾ Фезликъ, 177 в. Придворный исторіографъ Наима, взявши дѣликомъ повѣствованіе Хаджи-Кальфы о мятежническомъ сходбищѣ въ мечети султана Мухаммеда-Завоевателя (Константинополя) въ 1032 г., совершенно переименовалъ это мѣсто, смягчивши рѣзкость выраженій подданныка. (Тарихи-Наима, I, 369).

²⁾ Тарихи-Наима, I, 517.

³⁾ Фезликъ, 287 в.

⁴⁾ Тарихи-Наима, I, 554.

⁵⁾ Рисале Кучибей, гл. IV.

⁶⁾ Ibidem, гл. VI.

общимъ именемъ византизма, когда кочевники эти, вышедши изъ степей Средней Азіи, заняли осѣдлое вмѣстѣлище византійской имперіи, гдѣ по одну сторону всталъ самовластный деспотъ — султанъ, а по другую его рабы—подданные. Кто же эти послѣдніе, составляющіе собою личный элементъ государства?

«Въ Турціи нѣтъ сословій, говоритъ Сенковский,—нѣтъ ни дворянства, ни духовенства, ни мѣщанъ, ни поселянъ, нѣтъ разрядовъ, нѣтъ родословныхъ, ни частныхъ историческихъ преданій» ¹⁾. По мусульманскому принципу равенства всѣхъ вѣрующихъ передъ единымъ закономъ ²⁾, такъ бы и должно было быть. Но въ дѣйствительности мы видимъ не то: османскіе публицисты иначе разсуждаютъ объ этомъ. Кятибъ-Челеби, сказавши, что государственнй организмъ, по аналогіи съ человѣческимъ тѣломъ, состоитъ изъ четырехъ главныхъ членовъ: ученыхъ (علماء), военныхъ (عسکر), купцовъ (تجار) и поселянъ (رعایا) ³⁾, косвеннымъ образомъ опредѣляетъ взаимную разницу этихъ сословій, сравнивая каждое изъ нихъ съ болѣе или менѣе важными составными элементами человѣческаго тѣла. Улемы, по его, есть самый драгоценный, жизненный сокъ государственнаго тѣла, подобно крови; есть сердце, источникъ духовной жизни. Войско онъ сравниваетъ съ лимфой; торговцевъ съ желтою, а поселянъ съ черною желчью. Отъ соразмѣрнаго количества каждаго изъ элементовъ и дѣятельности ихъ, говоритъ онъ, зависитъ здоровое состояніе и процвѣтаніе государства; нарушеніе же равновѣсія между ними ведетъ къ разстройству его ⁴⁾. Съ физиологической точки зрѣнія всѣ упомянутые элементы важны для здоровья человѣка; такъ-что

¹⁾ Собр. Соч., т. VI, стр. 102.—Мнѣніе это раздѣляетъ и В. В. Макушевъ. (Журн. Мин. Нар. Просв., октябрь 1872 г., стр. 309.)

²⁾ Изреченіе Абубекра («республиканскаго калифа», какъ его называетъ г. Миллеръ) гласитъ такъ: **ان الاسلام جمعكما و سوى بين** **الملك والسوقة في الحر**, т.е. «по истинѣ исламъ соединилъ васъ обоихъ и сравнялъ владѣтеля и подданныхъ относительно обязанностей къ Богу» (буквально: «въ разстояніи отъ Бога»; а по Миллеру: «in Bezug auf Strafen»). Цитовано у г. Миллера же: loc. laud., стр. 47.

³⁾ Дестуръ-амель, Ркп., стр. 4 v., и Zeitschr. d. D. M. G. B. XI, 120.

⁴⁾ Дестуръ-амель, Ркп., стр. 4 v., и Zeitschr. d. D. M. G. B. XI, 121.

трудно сказать, которому можно отдать предпочтение. Только въ отправленіяхъ существуетъ если не дѣйствительная, то, по крайней мѣрѣ, условная разница, въ отвлеченіи сливающаяся съ сущностью органа, которому принадлежитъ она. А потому и классификація членовъ государства Хаджи-Кальфы также, я полагаю, основана на разницѣ въ функціяхъ, а не на различіи самой природы, самой сущности этихъ государственныхъ элементовъ. Но *comparaison n'est pas raison*: вмѣсто догадокъ обратимся лучше къ положительнымъ и опредѣленно выраженнымъ воззрѣніямъ другихъ писателей. Кучибей допускаетъ существованіе въ государствахъ нѣсколькихъ классовъ (اصناف) общества, изъ коихъ каждый имѣетъ свои права, свое назначеніе, свой способъ комплектованія.

Въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить классъ вельможъ. Изъ словъ Кучибей, что «султанскія дочери прежде выдавались за людей состоятельныхъ и благороднаго происхожденія (حسب و نسب صاحبی)»¹⁾, слѣдуетъ заключить, что онъ признаетъ существованіе родовой аристократіи. И дѣйствительно, нѣкоторыя фамиліи до позднѣйшихъ временъ славилась древностью и знатностью происхожденія. Таковъ, напр., родъ Михаль-Оглы, получившій начало отъ ренегата-христіанина Михаила, сперва врага, а потомъ закадычнаго друга султана Османа I²⁾; или потомки Турханъ-бея, основателя богатой турецкой колоніи Турново³⁾. Хаджи-Кальфа, въ некрологѣ нѣкоего Кара-Челеби-Заде-Мухаммеда-эфенди, говоритъ про него: مولاناى مزبور خاندان قدیم و مشهوردن , اولوب , «т. е. упомянутый мевляна происходилъ изъ древней и знаменитой фамиліи»⁴⁾. Такую родовую аристократію составляютъ потомки первыхъ завоевателей занимаемой Турціей территоріи, которые раздѣляли между собою по участкамъ покоренныя области, съ обязательствомъ быть всегда наготовѣ сражаться съ непріятелемъ, еслибы только онъ вздумалъ вторгнуться въ предѣлы ихъ государства—заимы и тимариоты, на которыхъ и смотрятъ османскіе публицисты какъ на настоящихъ, такъ сказать,

¹⁾ Рисале, гл. XVII.

²⁾ Zinkeisen, Gesch. d. osm. R., I, 68.

³⁾ Fallmerayer, Fragmente aus dem Orient. B. II, 221.

⁴⁾ Фезлике, 224 в.

хозяевъ государства, называя ихъ душою, блескомъ и красотою его¹⁾. Оно и естественно: если въ настоящее время, время высокой цивилизаціи, всякій шагъ впередъ во внутреннемъ благоустройствѣ и развитіи того или другаго народа совершается съ палкою въ рукахъ противъ вѣшнихъ враговъ, готовыхъ, изъ своихъ корыстныхъ видовъ, мѣшать этому прогрессу, то въ средніе вѣка и въ ближайшую слѣдующую за ними эпоху, въ эпоху почти безпрерывныхъ и повсемѣстныхъ войнъ, вѣшная безопасность была вопросомъ первой важности въ жизни; оттого, конечно, оборона государства считалась самымъ высокимъ, самымъ благороднымъ дѣломъ. Когда степень величія и могущества государства исключительно опредѣлялась размѣромъ и состояніемъ его военной силы, тогда, само собою разумѣется, тѣ кто составляли эту силу, занимали въ немъ самое видное мѣсто; образовали собою высшій слой всего личнаго элемента его. Вчастности это надо сказать о Турціи: турки были совершенно правы, говоря про свое государство, что оно «саблей добыто и саблей только можетъ быть поддержано»²⁾. Вломившись въ совершенно чуждую имъ страну и будучи окружены со всѣхъ сторонъ враждебнымъ къ нимъ населеніемъ, которое готово было, при первомъ удобномъ случаѣ, свергнуть съ себя ихъ владычество, даже болѣе—выгнать ихъ изъ предѣловъ Европы, турки, понятно, должны были постоянно быть насторожѣ и заботиться о средствахъ и силахъ справляться съ своими противниками. Оттого-то они и разсуждаютъ такъ: **سلطنت**

عليه نك شوكت و قوتى عسكر ايله در «могущество и сила имперіи въ войскѣ»³⁾. Оттого-то они такъ высоко и ставятъ военное сословіе заимовъ и тимаріотовъ, что считают неприличнымъ для нихъ даже и во время войны заниматься такою черною работою, какъ копанье рововъ, чистка оружія и т. п.⁴⁾. Поэтому-то они и выдѣляютъ ихъ изъ остальной массы населенія, ожесточенно вооружаясь противъ проникновенія въ ихъ среду чуждыхъ элементовъ и наставляя на родовомъ владѣніи земельными участками—един-

¹⁾ Рисале Кучибей, гл. VI.

²⁾ «Сокъ достопримѣчательнаго». Библ. для Чт. Т. 124, стр. 4.

³⁾ Рисале Кучибей, гл. X.

⁴⁾ Ibidem, гл. II.

ственной матеріальною опорою потомственного дворянства для поддержанія чистоты состава своей корпораціи. «Между ними, говоритъ Кучибей, не было ни одного чужаго: всѣ были сыны своего очага, преемственно отъ отца къ сыну пользовавшіеся царскимъ иждивеніемъ» ¹⁾. Или, въ другомъ мѣстѣ: «Какое бы то ни было большое или малое помѣстье умершаго (тимариота) пусть отдается его сыну... Если у покойнаго не будетъ дѣтей, то—братьямъ его и ихъ дѣтямъ; а коли и этихъ не будетъ, то пусть отдается дядѣ его и двоюроднымъ его по отцѣ братьямъ» ²⁾.

Но кромѣ такого святаго дѣла, какъ оборона отъ внѣшнихъ враговъ, государство, ставшее изъ полукочеваго военнаго лагеря осѣдлымъ обществомъ, нуждается и въ другихъ не менѣе важныхъ услугахъ своихъ гражданъ, для внутренняго своего благоустройства. Послѣднее прежде всего достигается охраненіемъ правъ каждаго изъ членовъ его, возданіемъ каждому того, что принадлежитъ ему по правдѣ и справедливости. Эта потребность воззвала къ жизни новый классъ людей, посвящающихъ себя изученію нравственной стороны челоѣка, обусловливаемаго въ дѣйствіяхъ своихъ высшими требованіями духовной природы своей и предписаніями закона Божія,—для того чтобы быть способными служить руководителями въ опредѣленіи согласныхъ или несогласныхъ съ правдою и справедливостію дѣяній членовъ государства и ихъ взаимныхъ отношеній. Поэтому, вслѣдъ за древнѣйшимъ по происхожденію военнымъ сословіемъ, возникло сословіе улемовъ, правильно организованное, благодаря учено-религіозно-правительственной ревности нѣкоторыхъ султановъ. Изъ нихъ комплектовался личный составъ судебнаго института; они же занимали и другія служебныя должности, въ которыхъ требовалась грамотность. А усложнившаяся, съ теченіемъ времени, административная дѣятельность правительства создала еще одно сословіе, представлявшее собою смѣсь двухъ элементовъ—военнаго и чисто чиновничьяго — янычаръ. Эти два сословія, улемы и янычары, хотя въ сущности были равны, по положенію, съ сословіемъ заи-

¹⁾ Рисале, гл. II.

²⁾ Дополнит. статьи къ рисале, въ изд. Вееыка, стр. 28.

новъ и тимариотовъ, но только, стоя ближе къ центру государства и орудуя кормиломъ правленія его, постепенно заслонили собою этихъ послѣднихъ: мало-по-малу родовая знать или слиялась, или же просто стушеввалась передъ знатью по выслугѣ: قوللق и خدمت — «рабство и служба» —, вотъ что стало девизомъ членовъ высшаго сословія, ученыхъ и военныхъ чиновниковъ. Но не всѣ изъ нихъ были въ собственномъ смыслѣ اعيان دولت و كبار مملکت, какъ называются у турецкихъ писателей вельможи; а только тѣ, которые, занимая высшіе служебные посты, принимали участіе въ правительственныхъ дѣлахъ государства; хотя трудно съ точностью опредѣлить, до которой именно степени чиновной іерархіи простиралось «аянство» въ источникахъ встрѣчаются лишь общія выраженія въ родѣ اعيان عسكر — «военные вельможи» ¹⁾, или علماء و فضلاء اشراف اعيان — «благородные вельможи изъ знатныхъ и почтенныхъ ученыхъ» ²⁾. Хаджи-Кальфа упоминаетъ еще какихъ-то اعيان بلد — «вельможъ городскихъ», «вельможъ страны» ³⁾. Подъ этими послѣдними нужно разумѣть только мѣстныхъ, областныхъ аристократовъ, въ противоположность аристократіи столичной, и именно въ цитованныхъ мною мѣстахъ Фезликэ разумеются вельможи городовъ Діарбекра и Сиваса. У историковъ, въ перечнѣ аяновъ временъ царствованія Мурада IV, значатся только великіе муфти, верховные визири, румелійскіе и анатольскіе воинскіе судьи, стамбульскіе судьи и дефтердари ⁴⁾. Судя по тому, да-же, что на экстренное собраніе въ 1042 году, для обсужденія вопроса объ отнѣнѣ хыдметовъ, при Мурадѣ IV были приглашены слѣдующія лица: верховный визирь, шейхуль-исламъ, воинскіе судьи, представитель потомковъ Мухаммеда, нѣсколько знатныхъ и почтенныхъ улемовъ, муллъ, судей; янычарскіе аги, офицеры и аги другихъ очаговъ, а также выборные — вліятельныя лица изъ янычаръ ⁵⁾; но ни о горожанахъ, ни о поселянахъ, по-

¹⁾ Фезликэ, 219 г., 291 г.

²⁾ Тарихи-Наима, I, 524.

³⁾ Фезликэ, 225 г., 288 г.

⁴⁾ Фезликэ, 252 г.; Тарихи-Наима, I, 699.

⁵⁾ Тарихи-Наима, I, 524.

ложенія которыхъ главнымъ образомъ и касался обсуждавшійся на означенномъ собраніи вопросъ, вовсе не упоминается, — надо вообще заключить, что тѣ два класса. ученый и военно-чиновный, считаются высшими, а другіе два, упоминаемые въ источникахъ, شهرلو — «горожане» и رعایا — «поселяне», — низшими. Одни имѣли право входить, въ извѣстномъ, законномъ порядкѣ и до извѣстной степени, въ разсмотрѣніе положенія дѣлъ государства; обсуждать различныя правительственныя мѣры; содѣйствовать приведенію ихъ въ исполненіе; а другіе должны были лишь подчиняться законоположеніямъ и распоряженіямъ, постановлявшимся верховною властью съ участіемъ первыхъ. Это подтверждается также и отзывами разсматриваемыхъ мною османскихъ публицистовъ, которые хотя еще и не забыли того, что настоящее зерно государства, краса и опора его, есть родовые, потомственные помѣщики-турки; но уже сжились съ разными новыми порядками, и даютъ самостоятельное мѣсто, въ своихъ разсужденіяхъ о правильномъ государственномъ устройствѣ, сословіямъ улемовъ и янычаръ, благонадежность которыхъ они въ значительной степени приписываютъ правильной организаціи того и другаго.

Организація перваго представляется у нихъ въ слѣдующемъ видѣ. Оно, такъ же какъ и сословіе тимаріотовъ, зиждется, до извѣстной степени, на родовой наслѣдственности, на чтѣ указываетъ прибавка زاده — «урожденный», прилагающаяся обыкновенно къ именамъ ученыхъ происходившихъ изъ знатныхъ родовъ. Сколько, напримѣръ, было улемовъ изъ одной фамиліи Бара-Челеби-Заде ¹⁾. Сынъ великаго муфти всегда ужъ принадлежалъ къ сословію своего отца ²⁾. Учительская каѳедра тоже иногда переходила отъ отца къ сыну ³⁾. Однако же, главный, можно сказать исключительный, путь попасть въ эту корпорацію, по общему мнѣнію турецкихъ писателей, есть «путь науки» —

¹⁾ Тарихи-Наима, I, 699; Фезликэ, 46 г., 224 г.

²⁾ Напр. улемъ Мевля Мустафа-Ибн-Абу-с-Су'удъ былъ сынъ извѣстнаго муфти Абу-с-Су'уда. (Фезликэ, 50 в.). Въ біографіи историка и великаго муфти Са'ад-Эддина говорится, что дѣти его принадлежали къ сословію улемовъ. (Journ. As., Août-septembre 1863 г., стр. 262).

³⁾ Фезликэ, 206 в.

طريق علم. Наука у восточныхъ вообще, въ томъ числѣ и у турокъ, считается весьма могущественнымъ средствомъ, способнымъ что называется переродить человѣка: какое громадное значеніе, напримѣръ, даетъ ей Кучибей, посвятившій самую длинную главу своего трактата разсмотрѣнію этой стороны государственной общественной жизни ¹⁾. Замкнутое въ составъ своихъ дѣйствительныхъ членовъ, сословіе улемовъ однако же открыто для всѣхъ безъ различія желающихъ пройти въ него дверь науки, начиная съ самой низшей, первой степени студента — دانشمند. При этомъ только учителямъ предоставляется право дать ему ходъ или нѣтъ, признавши его способнымъ къ наукѣ или неспособнымъ ²⁾. Оттого въ некрологахъ ученыхъ мужей мы видимъ не однихъ только наслѣдственныхъ улемовъ: тамъ попадаются вышедшіе и изъ воспитанниковъ султанскаго харема ³⁾, и изъ горожанъ ⁴⁾, и изъ торговцевъ ⁵⁾, и никто изъ разсматриваемыхъ мною писателей не считаетъ этого противозаконнымъ или противообычнымъ, лишь бы только избравшій ученую карьеру прошелъ надлежащій курсъ наукъ, а не втерся въ эту корпорацію какимъ-нибудь косвеннымъ образомъ, будучи самъ полнѣйшимъ неучемъ ⁶⁾. Не даромъ, значить, Хаджи-Балфа сравниваетъ улемовъ съ животворнымъ духомъ, проникающимъ во всѣ члены и суставы организма ⁷⁾: они не были совершенно изолированы отъ остальнаго народа, подобно какой-нибудь индійской или египетской кастѣ, а открывали всѣмъ свободный доступъ въ свою корпорацію, подъ однимъ лишь, очень нелегкимъ, впрочемъ, для выполнения, условіемъ — посвятиться во всю мудрость религіозно-юридической науки.

¹⁾ Рисале, гл. V.

²⁾ Кучибей, гл. V.

³⁾ Таковъ Джебелъ-Муслиху-д-Динъ († 1025) завербованный въ числѣ мальчиковъ изъ персіянъ и получившій воспитаніе въ харемѣ, по выходѣ изъ котораго онъ избралъ себѣ ученую карьеру. (Фезликъ, 151 в.).

⁴⁾ Мунедджимъ-Мухаммедъ-Челеби († 1040) былъ изъ стамбульскихъ горожанъ — استانبول اوغلزلرندن. (Фезликъ, 218 в.).

⁵⁾ Отецъ Эвлія-Мухаммеда-эенди († 1045) былъ рыночникъ — اهل سوقدن, а именн шапочникъ — طاقیه جی. (Фезликъ, 236 г.).

⁶⁾ Кучибей, гл. V.

⁷⁾ Дестуруль-амель, Ркп., стр. 4 в., и Zeitschr. d. D. M. G. B. XI, 120.

Совсѣмъ иначе смотрятъ османскіе публицисты на военнo-чиновничій классъ—янычаръ. Двойственность назначенія этого войска поставлена была принципомъ уже при самомъ сформированіи его. По свидѣтельству историковъ, Ала'-Эддинъ, посовѣтовавшись съ вельможами, рѣшилъ вербовать молодыхъ и годныхъ къ службѣ христіанъ, въ тѣхъ, между прочимъ, видахъ, что они *آرزوی وصول مناصب و امید حصول مراتب ابله مقام خدمت و اطاعتده* «въ чаяніи полученія должностей и въ надеждѣ достиженія степеней будутъ оказывать готовность къ службѣ и повиновенію» ¹⁾). Такое исключительное положеніе, въ принципѣ, янычарскаго войска не ограничилось головами создавшихъ его, но проникло и въ сознаніе остальнаго турецкаго общества, выраженіе мнѣній котораго представляютъ разсматриваемые мною писатели. Если главное условіе правильной организаціи сословія улемовъ, по ихъ мнѣнію, есть принятіе въ члены его только людей прошедшихъ надлежащій курсъ науки, то полезность службы вѣрѣ и государству корпорации янычаръ, полагаютъ они, находится въ прямой зависимости отъ соблюденія кореннаго, исконнаго закона и обычая—комплектовать эту корпорацию посредствомъ конскрипціи, технически называвшейся — *دوشورمه* — «наборомъ» (*κατέξοχήν*), который производился съ арнаутовъ, босняковъ, грековъ, болгаръ и армянъ ²⁾). Изъ означеннаго населенія вербовались мальчики, которые обучались мусульманскому закону и турецкому языку, и потомъ, на происходившемъ каждые семь лѣтъ собраніи янычаръ, опредѣляемы были въ различные отаги, namъsto умершихъ членовъ этой корпорации ³⁾). Чрезъ эту религіозно-лингвистическую ассимиляцію инородческіе новобранцы, по словамъ Кучибей, «дѣлались подобными переплавленному серебру, такъ-что, по выходѣ изъ султанскаго харема, не позволяли себѣ ни одного неприличнаго поступка и не щадили жизни своей для высокаго государства, въ которомъ они возрасли и воспитались, для блага Его Величества» ⁴⁾). Составлявшееся изъ этихъ питомцевъ харема

¹⁾ Тажу-т-Теварихъ, Ркп., I, 17 в.

²⁾ Кучибей, гл. III.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem.

янычарское войско предназначалось, между прочимъ, и для внутренней государственной службы, и потому должно было постоянно находиться въ главныхъ правительственныхъ центрахъ—въ Стамбулѣ, Адрианополѣ, Бруссе и ихъ окрестностяхъ: жившіе въ послѣднихъ двухъ городахъ составляли нѣчто въ родѣ резерва, тогда какъ состоявшіе на дѣйствительной, нисней или высшей, военно-административной службѣ, должны были жить непремѣнно возлѣ самаго рычага государственной машины, въ Портѣ¹⁾. Постоянный притокъ силъ въ янычарскую корпорацію извнѣ самъ собою уничтожалъ внутренній источникъ этихъ силъ; она, по принципу, должна была состоять изъ холостяковъ: вступленіе въ бракъ дозволялось членамъ ея, что называется *rouge la bouche bouche* ихъ жизненной трапезы: жениться могли только никуда негодные старые и больные инвалиды²⁾, да еще тѣ счастливыя, на долю которыхъ выпадало сдѣлаться султанскими зятьями³⁾. Мало того, даже и по зачисленіи въ янычарскую корпорацію, оказавшіеся негодными члены ея должны были исключаться безвозвратно⁴⁾.

Считая военную службу сословнымъ достояніемъ собственно однихъ тимариотовъ, а потомъ, въ силу исторической необходимости и въ видѣ уступки, также и корпораціи янычаръ, османскіе публицисты возстаютъ противъ включенія въ тотъ и другой отдѣлъ войска людей не принадлежащихъ къ нему по родовому происхожденію или не набранныхъ путемъ вышеупомянутой конскрипціи; однимъ словомъ они противъ такъ называемаго нынѣ ландвера. Въ *Насихатнамѣ* совѣтникъ говоритъ султану: «Не слѣдуетъ включать въ янычары никого изъ райи или изъ горожанъ»⁵⁾. Точно также разсуждаетъ объ этомъ и Кучибей. «Желать, говорить онъ, получить грамоту на тимаръ горожанамъ и поселянамъ равнялось нечестію: давать ее этого рода людямъ было невысказуемо»⁶⁾. Далѣе: «Съ той поры (съ конца XVI и начала XVII в.) ко всякой корпораціи (служебной) примѣшались неизвѣстнаго закона

¹⁾ Рисале Кучибей, гл. III.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Кучибей, заключит. глава.

⁴⁾ Рисале, гл. III.

⁵⁾ Zeitschr. d. D. M. G. B. XVIII, 708.

⁶⁾ Рисале, гл. II.

и религіи горожане, турки, цыгане, персіане, лазы, бродяги, погонщики муловъ, верблюжьи поводыльщики, дрягили, разбойники, мошенники и другіе разнаго рода люди.... Еслибы съ такимъ дряннымъ войскомъ можно было сдѣлать что-либо полезное для вѣры и государства, то прежніе султаны не жаловали бы должностей, а также большихъ и малыхъ помѣстій, людямъ достойнымъ, и не издерживали бы ежегодно столько казны на военную корпорацію, а только на то время когда предпринимается высочайшій походъ набирали бы и снаряжали изъ разнаго рода людей 100—200,000 человекъ, изъ коихъ каждый, отправивши свою службу, снова принимался бы за свое прежнее ремесло: портной за портняжничество, бакалейщикъ за бакалейную торговлю, москотельщикъ за москотильную. Но такого рода войско не войско»¹⁾. Особенно неблагоприятно они относятся къ горожанамъ, профессію которыхъ преимущественно составляетъ торговля. Кучибей, послѣ разсказа о томъ, какъ султанъ Селимъ I, образъ дѣйствій котораго онъ неоднократно приводитъ въ примѣръ въ своихъ докладахъ, отказалъ купцу опредѣлить сына его въ военные, и какъ онъ строго отнесся къ этой противозаконной и противообычной попыткѣ, присовокупляетъ: «Воины по происхожденію и сыны очага—вотъ настоящее войско, а съ торгашами-шакалами никакого дѣла не сдѣлаешь»²⁾. Такая нетерпимость ихъ къ торговцамъ въ данномъ случаѣ можетъ быть объяснена вообще пренебрежительнымъ отношеніемъ турокъ къ самой профессіи этого класса. Ресми-Ахмедъ эфенди въ своемъ описаніи Польши, говоритъ, что «поляки наложили на жидовъ всѣ городскія занятія *требующія хитрости и униженія*, каковы торговля, сборъ пошлинъ и прочее»³⁾. Основаніе очень простое: никто такъ нагло не лжетъ и не унижается, какъ торговцы—черта крайне противная гордому и честному по природѣ турку. Да и вообще развращенность нравовъ развита въ нисшемъ городскомъ населеніи болѣе чѣмъ въ какихъ другихъ классахъ общества. Но если гдѣ, такъ именно въ дѣлѣ обороны государства отъ внѣшнихъ враговъ и охраны

¹⁾ Ibidem, гл. VIII.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Журналъ «Москвитянинъ», 1855 г. Т. V, стр. 112.

интересовъ его внутри, нужна преданность этимъ интересамъ; необходимы честность и нравственныя убѣжденія, существованіе которыхъ Кучибей, очевидно, допускаетъ лишь у однихъ природныхъ турокъ и воспитанныхъ, по крайней мѣрѣ вѣжливымъ образомъ, въ турецкихъ понятіяхъ, мальчиковъ; на вербованныхъ изъ христіанскаго населенія Турціи. Тогда-какъ сословіе горожанъ и поселянъ представляло смѣсь въ національномъ и религіозномъ отношеніяхъ.

Устраненіе же отъ всякой государственной службы поселянъ, райи, османскіе публицисты мотивируютъ чисто-фискальнымъ, экономическимъ значеніемъ для государства этого сословія: поселяне, съ ихъ точки зрѣнія, составляютъ такую же доходную статью, какъ и воздѣлываемыя ими поля, пасомыя ими стада, и т. п. «Могущество и сила имперіи, говорятъ Кучибей, въ войскахъ; войско же существуетъ казною; а казна собирается съ поселянъ» ¹⁾. А между тѣмъ «платящіе подать поселяне и дѣти ихъ, продолжаетъ онъ, какъ только поступать на службу къ государственнымъ савовникамъ, перестаютъ платить подать, отчего происходитъ ущербъ какъ для государевой казны, такъ и для владѣльцевъ большихъ и малыхъ помѣстій. Далѣе, райя привыкаетъ сидѣть на конѣ и носить саблю. и это удовольствіе такъ засядетъ у него въ головѣ, что ужь потомъ онъ опять низачто не будетъ райей; да и въ войско-то не годится, и, въ концѣ концовъ, пристаётъ къ шайкѣ негодяевъ и совершаетъ разныя злодѣяства и безпорядки» ²⁾. А потому, по словамъ Наимы, «прежніе султаны защищали райю отъ притѣсненій; не допускали разоренія селъ и мѣстечекъ; но терпѣть не могли, чтобы кто-либо изъ райи, бросая хлѣбопашество и земледѣліе, приходилъ и поселялся въ городѣ» ³⁾.

Несомнѣнно только то, что всѣ обязательныя отношенія поселянъ къ сипагамъ, на доходныхъ участкахъ которыхъ жили они, ограничивались платежемъ положеннаго оброка. Для боль-

¹⁾ Рисале, гл. X.

²⁾ Ibidem, гл. I.

³⁾ Тарихи-Наима, I, 16. Та же самая мысль высказана и Хаджи-Кальфомъ въ его *Дестуруль-амель*. (Ркп. В. В. Григорьева, 5 ч., и Zeitschr. d. D. M. G. B. XI, 122).

шей гарантіи этого платежа, *хозяева земли* (صاحب ارض), какъ называются въ Канунѣ сипаги, имѣли право оставившаго ихъ участокъ и поселившагося въ другомъ мѣстѣ, или просто сбѣжавшаго, поселенина, до истеченія 10-лѣтней давности, силою возвратить въ свое помѣстье ¹⁾. Но, напримѣръ, государственныя подати взимались непосредственно правительственными комиссарами ²⁾. Существованіе же мѣстныхъ судей указываетъ на то, что тяжбы поселянъ подлежали разбирательству въ общемъ судѣ ³⁾; а слѣдовательно они не были подсудны своему помѣщику: даже съ нимъ самимъ могли вести процессы въ общемъ судѣ ⁴⁾.

Но только этою чисто-пассивною ролю — исправно платить подати и налоги и за это надѣяться на охрану со стороны правительства своей личной и имущественной цѣлости — ограничивалось положеніе ниснихъ сословій въ государствѣ: ни на самоуправленіе, ни, тѣмъ болѣе, на участіе ихъ въ общихъ дѣлахъ государства, у писателей османскихъ нѣтъ никакихъ положительныхъ указаній.

Г. Миллеръ, перечисляя членовъ общества, должностныхъ, по мусульманскому праву, участвовать въ избраніи имама, полагаетъ, что подъ такъ названными у него «die Primaten der Stadt» надобно разумѣть цеховыхъ и гильдейскихъ старшинъ ⁵⁾. Но когда въ 1004 г. константинопольскіе торговцы, тяготясь, при усилившейся въ то время всеобщей дороговизнѣ, налогомъ, называвшимся *فَصَاب زبانی* ⁶⁾, вздумали просить властей обратить вниманіе на свое затруднительное положеніе, то они собрались всѣ сколько ихъ ни было въ столицѣ и предъявили свою просьбу на улицѣ выходявшимъ изъ Дивана визирямъ самолично ⁷⁾, а не чрезъ посредство своихъ представителей, какъ бы слѣдовало ожи-

¹⁾ Кануннамѣн-Джедидъ, 87 г.

²⁾ Вучибей, гл. IX.

³⁾ Ibidem, гл. IX.

⁴⁾ Кануннамѣн-Джедидъ, 111 г.

⁵⁾ Ueber die oberste Herrschergewalt, стр. 53, прим.

⁶⁾ То же что Гаммеръ называетъ «Kasabije». (Staatsverfassung und Staatsverwaltung, II, 215, 306).

⁷⁾ Тарихи-Селяники, 261 ч.

дать, еслибы таковые дѣйствительно существовали у горожанъ турецкаго государства. Равнымъ образомъ, хотя въ разсказѣ о мятѣжѣ торговцевъ, происходившемъ въ 1061 году, Хаджи-Кальфа и упоминаетъ о какомъ-то *بازستان كنداسی* — «старостѣ гостиннаго двора»; но всѣ дѣла тутъ дѣлаются самими торговцами, кромѣ того, развѣ, что великій муфти взялся похлопотать за нихъ передъ султаномъ, когда верховный визирь не выслушалъ ихъ представленій ¹⁾.

Но если поселяне и горожане лишались права носить оружіе, то кто же, спрашивается, были тѣ «латиники» — *جبهلولر*, которыхъ обязаны были водить съ собою на войну владѣльцы большихъ и малыхъ помѣстій, и дѣйствительно водили, по свидѣтельству Кучибей, даже въ количествѣ 30, 40 и 50 человекъ свыше положеннаго закономъ? ²⁾. Вопросъ этотъ, сколько я знаю, обойденъ во-всѣхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ; даже въ такихъ которыя специально посвящены военному устройству Турціи ³⁾. Вѣроятно, этихъ-то латниковъ и разумѣетъ Кучибей подъ *ارباب تيمار و زعامت قوللری* ⁴⁾. «Да и тѣ, большею частью, все наемщики и слуги» — *کراچی و خدمتکار* — говоритъ онъ съ видомъ недовольства такимъ положеніемъ дѣлъ ⁵⁾. Я думаю, что это были точно такіе же домохозяды какихъ имѣли, по словамъ его, вельможи, и которые состояли изъ покунныхъ рабовъ. «Въ прежнее, говоритъ онъ, время у приближенныхъ султанскихъ и въ услуженіи у верховныхъ визирей, беглеръ-беевъ и санджакъ-беевъ, равно какъ и у стремянныхъ, вообще были покупные рабы — *عبد مشترالر*» ⁶⁾. Такъ, зять Рустемъ-паша, Ахмедъ-паша,

¹⁾ Фезликъ, 313 г.

²⁾ Рисале, гл. II.

³⁾ Таково, между прочимъ, недавно вышедшее сочиненіе г. Тишendorфа «Das Lehnwesen in den moslemischen Staaten insbesondere im osmanische Reiche (Leipzig, 1872)» — двойникъ уже упомянутой мною статьи г. Белена «Du régime des fiefs militaires dans l'islamisme et principalement en Turquie» (Journ. Asiatique, Mars. avril 1870), неизвестно почему-то игнорированной г. Тишendorфомъ.

⁴⁾ Рисале, гл. VI.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Ibidem, гл. I и IV.

имѣлъ 4—500 такихъ рабовъ, составлявшихъ его военную прислугу ¹⁾. Имѣя въ виду предложеніе Кучибей брать на службу охотниковъ изъ жителей Босніи и Албаніи, отличавшихся военною храбростію ²⁾, и замѣчаніе: «Случись же итти на войну, то они (вельможи) не въ состояніи были бы выступить и съ двумя слугами» ³⁾ (خدمتکار), надо заключить, что подъ вышеупомянутыми «наемщиками» — کراچی — онъ разумѣетъ самыхъ простыхъ чернорабочихъ, нанимающихся для исполненія какихъ бы то ни было послугъ, тогда-какъ свита вельможъ и, по аналогіи, тимариотовъ, должна состоять главнымъ образомъ изъ покупныхъ рабовъ, или хотя и изъ наемныхъ слугъ, но специально предназначенныхъ для военнаго дѣла подъ предводительствомъ своего господина или хозяина, который и вѣдался самъ съ ними, такъ-что государству до нихъ не было никакого дѣла.

Возбуждаетъ нѣкоторое недоразумѣніе слѣдующее мѣсто рисале Кучибей: «Большія и малыя помѣстья сдѣлались жертвою вельможъ, изъ коихъ одни выправили жалованныя грамоты на своихъ слугъ, а другіе на несвободныхъ рабовъ своихъ» (آزادسن) ⁴⁾ (قوللری اوزربنه): какъ это могло случиться, трудно объяснить. Но такъ-какъ это считается Кучибеемъ за явное беззаконіе, то можно и не входить въ разслѣдованіе хотя бы даже законоподобныхъ основаній такого ненормальнаго явленія въ государственномъ строѣ Турціи XVII в., въ которой тогда начали царить всевозможные беспорядки.

Теперь посмотримъ, каковы должны быть, по взгляду османскихъ публицистовъ, взаимныя отношенія двухъ личныхъ элементовъ государства—власти и общества, народа, чтобы жизненный процессъ этого общественнаго организма могъ назваться нормальнымъ, здоровымъ.

Цѣлью государственнаго общежитія, какъ уже мы видѣли, есть, по мнѣнію ихъ, благополучіе гражданъ, которое достигается

¹⁾ Рисале, гл. XVI.

²⁾ Ibidem, заключит. гл.

³⁾ Ibidem, гл. XVI.

⁴⁾ Ibidem, гл. VI.

безопасностью государства отъ вѣншнихъ враговъ и спокойствіемъ его внутри. Этими двумя основными задачами его опредѣляются всѣ дѣйствія верховной власти и ея органовъ.

Основное воззрѣніе ихъ то, что султанъ, которому одному принадлежитъ верховная власть въ государствѣ, долженъ самъ непосредственно править, г. е. въ военное время предводительствовать войсками, въ мирное—заниматься веденіемъ внутреннихъ дѣлъ. Въ такой небольшой общинѣ, какова была первоначальная религіозная община, основанная Магометомъ, который съ ближайшими преемниками своими приводится Кучибеемъ въ примѣръ самоличнаго управленія дѣлами государства ¹⁾, или какую представляло собою османское государство въ началѣ своего возникновенія, не было никакой трудности правителямъ самолично вѣдать всѣ дѣла своихъ подданныхъ. Но въ государствѣ съ обширною территоріею и съ многочисленнымъ народонаселеніемъ оно физически невозможно, и нуждается въ суррогатѣ. Такимъ суррогатомъ является весь личный составъ чиновниковъ и разныя административныя и др. учрежденія, дѣйствія которыхъ основываются на довѣріи къ нимъ султана, предъ которымъ однимъ они и отвѣтственны.

Единственнымъ основаніемъ этого довѣрія публицисты османскіе считаютъ способность должностныхъ лицъ къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ служебныхъ обязанностей. Мысль о томъ, что личныя достоинства должны быть служебнымъ цензомъ, съ особенною настойчивостью проводится ими ²⁾. А такъ-какъ всякое дѣло требуетъ практическаго навыка въ немъ, то іерархическую постепенность въ службѣ они считаютъ школою, въ которой всякая низшая должность есть лишь подготовительная ступень къ слѣдующей высшей ³⁾.

Оцѣнка достоинствъ должностныхъ лицъ, по крайней мѣрѣ занимающихъ высшія правительственныя мѣста, предоставляется самому султану, который, для личнаго знакомства съ ними дол-

¹⁾ Рисале, гл. XVII.

²⁾ Кучибей, гл. IV и др.; Вейси, *Китаби-Хабнамѣ*, стр. 32; Тарихи-Селаники, 198 г. и др.

³⁾ Кучибей, гл. XVII.

женъ принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ высшаго правительственнаго учрежденія, въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, *Дивана* ¹⁾. Но затѣмъ, коль скоро данное лицо признано способнымъ и облечено довѣріемъ, то лишено этого довѣрія оно должно быть не иначе какъ при наличности доказательствъ въ недобросовѣстномъ исполненіи имъ своего долга и въ злоупотребленіи возложеннымъ на него довѣріемъ. «Въ былое время, говорить Кучибей, мѣста беевъ и беглеръ-беевъ и прочія императорскія должности давались опытнымъ, ревностнымъ, честнымъ и набожнымъ людямъ.... и занимавшіе ихъ, покажѣсь не провинятся, не были отставляемы» ²⁾. Вособенности онъ отставляеть полноту довѣрія къ высшему представителю администраціи, верховному визирю. «Верховное визирство—это высокая должность. Разъ назначенный на это мѣсто зря не долженъ быть удаляемъ» ³⁾. То же мнѣніе высказывается и относительно членовъ судебныхъ учреждений. «Кто разъ, продолжаетъ онъ, занималъ почетное мѣсто муфти, тотъ послѣ не былъ отставляемъ.... Равнымъ образомъ, честные и справедливые воинскіе судьи по 15 лѣтъ занимали мѣста свои.... Судьи трехъ городовъ и прочіе блюстители божескаго закона, тоже, извѣстное время занимая свои мѣста, безъ причины не были отставляемы» ⁴⁾. Основаніе весьма раціональное: прочность положенія какъ администраторовъ такъ и судей, гарантированная надлежащею оцѣнкою ихъ дѣйствій, вмѣстѣ съ соблюденіемъ правильной очереди въ назначеніи на мѣста, есть ручательство за добросовѣстность исполненія ими своихъ обязанностей. «Такъ-какъ, говоритъ Кучибей, воинскіе судьи въ короткое время низачто нипрочно были смѣняемы, то тѣ изъ нихъ которые покорыстиѣе и пожаднѣе, смотрѣли на время своего назначенія только какъ на случай, и притомъ какъ на удобный случай поживиться, и должности, большею частью, отдавали людямъ неспособнымъ» ⁵⁾.

¹⁾ Рисале Кучибей, гл. XVII.

²⁾ Ibidem, гл. I.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem, гл. V.

⁵⁾ Ibidem, гл. V.

Отвѣтственность правительственныхъ органовъ, естественно, предполагаетъ самую широкую автономію ихъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Поэтому невмѣшательство съ чьей бы то ни было стороны въ распоряженія органовъ административной и судебной власти составляетъ второй пунктъ, который публицисты османскіе ставятъ однимъ изъ первыхъ условий правильнаго хода дѣла въ государствѣ. Они говорятъ такъ: «Первымъ дѣломъ слѣдуетъ, чтобы верховный визирь былъ самостоятеленъ, и чтобы ни одна душа ни изъ вѣшной ни изъ внутренней (придворной) челяди не вмѣшивалась въ правительственныя дѣла» ¹⁾.... «Компаньоны и собесѣдники (султанскіе) не смѣли (въ прежнее время) въ высочайшемъ присутствіи вести разсужденія насчетъ визирей и улемовъ» ²⁾. Строгость этого требованія справедливости ставится ими выше не только какихъ-либо частныхъ отношеній, но даже родственныхъ симпатій носителя верховной власти. Бучибей указываетъ какъ на примѣрный образъ дѣйствія прежнихъ султановъ, которые зятьевъ своихъ отправляли на службу въ провинціи, пресѣкая, тѣмъ самымъ, вліяніе непотизма на веденіе дѣла въ центрѣ государства, въ столицѣ ³⁾.

Изъ этого основнаго принципа, пропорціональности между отвѣтственностью и автономіей, само собой вытекаетъ, какъ его конечное, логическое слѣдствіе, необходимость столь ревностно проповѣдуемой османскими публицистами децентрализаціи: если султанъ облагалъ полною довѣренностью ближайшихъ исполнителей его воли, то эти послѣдніе не имѣли основанія, въ свою очередь, отказывать въ таковомъ же довѣріи своимъ подчиненнымъ. Мысль о важности и пользѣ децентрализаціи неоднократно высказывается Бучибеемъ, по поводу самаго главнаго пункта всего его трактата, а именно по поводу назначенія тимаровъ и зѣаметовъ. «Большія и малыя помѣстья, говоритъ онъ, вообще должны назначать беглеръ-бей, а со стороны Порога Счастья ни подъ какимъ видомъ не должно быть вмѣшательства» ⁴⁾. Потому что

¹⁾ Рисале, гл. XV.

²⁾ Ibidem, гл. I.

³⁾ Ibidem, гл. XVII.

⁴⁾ Ibidem, гл. VI.

стягиваніе всѣхъ дѣйствій правительственныхъ органовъ къ центру ослабляетъ и даже совершенно уничтожаетъ силу контроля этихъ дѣйствій, который только и возможенъ при существованіи противоположной системы, децентрализации. «Причина того, продолжаетъ Кучибей, что большія и малыя помѣстья пришли въ такое (разстроенное) положеніе, заключается въ томъ, что назначеніе на открывающіяся вакансіи производить въ Высокомъ Порогѣ верховный визирь; потому что коль скоро беглеръ-беки давали ихъ недостойнымъ людямъ, то люди имѣющие право приходили въ императорскій Диванъ и жаловались; а когда верховный визирь отдастъ недостойнымъ, то кому же будутъ жаловаться люди достойные?» ¹⁾. Но самую существенную выгоду предоставленія свободы дѣйствій мѣстнымъ властямъ онъ видитъ въ томъ, что центру недоступны необходимыя данныя для надлежащаго и правильного удовлетворенія нуждъ отдаленныхъ отъ него концевъ государства; тогда-какъ при содѣйствіи самихъ управляемыхъ эти данныя легче могутъ получаться, а потому и распоряженія тѣхъ-кто управляетъ должны быть правильнѣе. «Пусть, говоритъ онъ, только послѣдуетъ высочайшее повелѣніе беглеръ-беямъ всѣхъ провинцій, чтобы они, отправившись на свои мѣста, распредѣлили большія и малыя помѣстья людямъ достойнымъ: тогда имѣющие право на нихъ, очевидно, явятся противниками неимѣющихъ его, и шелкъ каждого явится на рынокъ» ²⁾.

Признавая необходимость полнаго довѣрія султана къ главнымъ органамъ административной и судебной власти, османскіе писатели смотрятъ на нихъ какъ на совершенно равныхъ одинъ другому; по крайней мѣрѣ свободу суда отъ вліянія и произвола администраціи считаютъ самымъ главнымъ условіемъ правдивости его. Это условіе у нихъ стоитъ въ тѣсной связи съ другимъ, не менѣе важнымъ, съ безсмѣнностью судей. Такъ, великій муфти; представитель сословія юристовъ, по мнѣнію Кучибей, имѣетъ равное право съ представителемъ административной корпорации, верховнымъ визиремъ, непосредственно разсуждать о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ съ султаномъ и подавать ему совѣты.

¹⁾ Рисале, гл. XV.

²⁾ Ibidem, гл. XII.

«Должность эта (муфти), говорит онъ, принадлежить къ высшимъ ученымъ должностямъ; почетность ея не сравнится ни съ какою другою; ей не подобаетъ ни отставка, ни (вторичное) назначение» ¹⁾. Равнымъ образомъ, объ отношеніи другихъ членовъ судебного института къ административнымъ чиновникамъ онъ вотъ что говоритъ: «По жалобѣ какаго-нибудь квартальнаго надзирателя или сборщика поземельной подати. ихъ (судей) лишаютъ должности; а нѣкоторые и безъ всякой причины получаютъ отставку. Какъ же теперь имъ устранять притѣсненія и постановлять судебные приговоры? Только послѣ того какъ уже будетъ разслѣдовано объ ихъ несправедливости, слѣдуетъ подвергать ихъ наказанію» ²⁾.

Любопытно теперь знать, каковъ, по взгляду османскихъ публицистовъ, признающихъ абсолютную власть султана за самую правомѣрную форму правленія, долженъ быть характеръ отношеній органовъ верховной власти къ тѣмъ на кого распространяется ихъ полномочіе и правительственная дѣятельность, при исполненіи ими своихъ обязанностей. Кучибей, разсуждая объ испорченности и строптивости въ его время войска, говоритъ слѣдующее: «Увѣщаніемъ невозможно совладать съ солдатами; ласкою не исправишь ихъ». И потомъ далѣе: «Съ отродіемъ сыновъ Адама только и можно справиться что силою, а не резономъ» ³⁾. Хаджи-Кальфа проводить ту же мысль, только еще съ большею опредѣленностью: онъ прямо уже даетъ въ руки мечъ тѣмъ кто призванъ водворять порядокъ въ государствѣ. «Первое средство, говоритъ онъ; къ восстановленію разстроеннаго состоянія государства есть то, чтобы явился мужъ меча (صاحب سیف), который бы заставилъ людей слушаться закона» ⁴⁾. Или еще: «Пусть государственные сановники со всею ревностью начнутъ поступать по справедливости; пусть они сдѣлаютъ войско орудіемъ къ ограниченію расточительности и, съ помощью непреборимой военной силы, осуществляютъ полезныя мѣропріятія» ⁵⁾. Изъ этого выходитъ, будто-

¹⁾ Рисале, гл. V.

²⁾ Ibidem.

³⁾ По другому варианту: «а не кроткимъ обхожденіемъ». (Рисале, гл. XI).

⁴⁾ Дестурь-амель, Ркп., стр. 9 в., и Zeitschr. d. D. M. G. B. XI, 129.

⁵⁾ Ibidem.

бы они понимаютъ власть въ смыслѣ неограниченнаго произвола, грубаго насилія; предпочитаютъ употребленіе меча дѣйствию на внутреннее убѣжденіе человѣка. Оно дѣйствительно такъ, только не безусловно. Сужденіе Кучибей совершенно частнаго свойства: онъ ожесточается противъ распущенности войска; а первое условіе добропорядочности его есть строгая дисциплина; войско само есть сила, а съ силою, въ самомъ дѣлѣ, только и можно справиться что силою же. И потому Кучибей для управы съ солдатами, которые, говоритъ онъ, сдѣлались «чистыми дьяволами», повидимому не пренебрегаетъ даже правиломъ: «*devide et impere*», одобряя образъ дѣйствія прежнихъ султановъ, которые «челядь шести полковъ обуздывали посредствомъ янычарскаго очага; а янычарскую артель посредствомъ челяди шести полковъ; обѣ же эти артели посредствомъ солдатъ большихъ и малыхъ помѣстій» ¹⁾. А чтобы понять истинный смыслъ вышеприведеннаго мнѣнія Хаджи-Бальфы, нужно обратиться къ другимъ дополнительнымъ даннымъ. По всемъ признакамъ, сочиненіе его *Дестуруль-амель*, въ главныхъ чертахъ своихъ, основано на томъ же источникѣ мудрости проницательныхъ, какъ онъ говоритъ, мыслителей, который, въ видѣ выдержки, вошелъ и въ скомпилированное изъ разныхъ сочиненій введеніе къ Исторіи Наимы, а именно изъ نصیحت السلاطین, сочиненія Кыналы-Заде-Али-эфенди, заимствовавшаго его, въ свою очередь, изъ твореній нѣкоего ученаго Абду-р-Рахмана Шпрази ²⁾. Въ одной изъ статей названнаго сочиненія, находящихся во введеніи, трактуется объ *ارباب سيف و قلم* — «мужахъ меча и пера» —; и говорится, что военная сила должна играть роль въ государствѣ лишь при зарожденіи его, когда нужно расширить и утвердить предѣлы его сонмъ и водворить порядки внутри, да въ послѣдній періодъ бытія его, въ періодъ разстройства и упадка, когда нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ силы ³⁾. Имѣя въ виду это, можно утвердительно сказать, что и Хаджи-Бальфа, и Кучибей, отдають предпочтеніе грубой силѣ предъ доброй волей въ дѣйствиі правительства лишь въ смыслѣ экстренной

¹⁾ Рисале, гл. XI.

²⁾ Тарихи-Наима, I, 23.

³⁾ Ibidem, 27.

мѣры, необходимой въ положеніи османскаго государства, которое они, безъ сомнѣнія, считаютъ критическимъ. Но чтобы они этому, имѣющему ограниченное значеніе, мнѣнію своему придавали общій, абсолютный характеръ, едва ли можно допустить. Въ этомъ отношеніи замѣчательно одно мѣсто въ исторіи Наимы, гдѣ онъ, повѣствуя о преслѣдованіяхъ и казняхъ, какимъ подвергались во время Мурада IV табакокуры, заключаетъ свой рассказъ слѣдующею сентенціею: *خلق حقى كوجله قبول ایتمزلى قتل عام*, т. е. «народъ насильно не приметъ истины: хоть ты всѣхъ ихъ перебей, они не бросятъ своихъ привычекъ» ¹⁾. А потому, говорятъ османскіе писатели, наибольшаго благоустройства въ государствѣ въ обыкновенное время можно ожидать лишь отъ людей мыслящихъ, ученыхъ и грамотныхъ, чрезмѣрное количество которыхъ отнюдь не можетъ быть вредно для государства, какъ вреденъ избытокъ воинства ²⁾. И Бучибей придаетъ громадное значеніе нравственному вліянію на народъ представителей интеллигенціи, хотя это и выражаетъ лишь въ формѣ сожалѣнія объ утратѣ ими такого вліянія ³⁾. Даже Хаджи-Кальфа, который, правду надо сказать, питаетъ нѣкоторую слабость къ военной корпораціи ⁴⁾, не находя, подобно прочимъ писателямъ, особеннаго вреда въ усиленіи ея, лишь бы только соблюдаемы были законы и постановленія касательно правильной организаціи ея ⁵⁾, выше всѣхъ ставитъ всё-таки ученыхъ, называя ихъ источникомъ духовной жизни для всего тѣла — государства ⁶⁾. Да и вообще писатели османскіе смотрятъ на мужей пера и науки какъ на друзей народа, которые не должны ограничивать отношеній своихъ къ нему сухимъ, чисто-чиновничьимъ, исполненіемъ своихъ обязанностей, а входить въ положеніе его, принимать участіе въ

¹⁾ Тарихи-Найма, I, 644.

²⁾ Ibidem, I, 27.

³⁾ Рисале, гл. V.

⁴⁾ Симпатія эта объясняется тѣмъ, что онъ самъ по происхожденію своему принадлежалъ къ военному сословію. (См. автобіогр. его въ Хрестоматіи Виккергаузера, стр. 159 текста).

⁵⁾ Дестуръ-амель, Ркп., стр. 7 в., и Zeitschr. d. D. M. G. B. XI, 126.

⁶⁾ Ibidem, Ркп., стр. 4 г., и Z. d. D. M. G., B. XI, 120.

интересахъ его; словомъ сказать, должны имѣть дѣло съ душою и совѣстью людей, а не, какъ чиновники, съ формой и буквой. «Да будетъ, говорить Кучибей, оказываемо высочайшее монаршее благоволеніе пекущимся о положеніи достояніи Божіа, подданныхъ, и занимающимся Его наукою учителямъ вѣры» ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, по его словамъ, въ прежнее время они строили разныя богоугодныя заведенія, приходскія и соборныя мечети; заводили училища и школы; созидали киновіи и обители—все дѣла громадной важности въ развитіи общественной жизни ²⁾. Великіе муфти были совѣтниками султана ³⁾ и печалователями народа въ нуждахъ его, какъ это мы уже видѣли выше ⁴⁾. По общему мнѣнію османскихъ писателей, «залогъ благоустройства государства и общества и корень прочности основаній вѣры и державы есть твердое пребываніе въ законѣ Мухаммедовомъ» ⁵⁾. «Османское государство, говорятъ они, возвеличилось исконнымъ почитаніемъ священнаго закона; ибо со времени царствованія Кеюмерса до послѣдняго момента ни одинъ падишахъ не издавалъ такихъ постановленій относительно почитанія священнаго закона, какъ султаны османской династіи, которые во всякомъ предписаніи относительно какаго бы то ни было дѣла имѣютъ обыкновеніе семь-восемь разъ ссылаться на священный законъ» ⁶⁾. А «основаніе святаго закона есть наука; наука же держится учеными» ⁷⁾. Вотъ гдѣ, стало быть, причина того высокаго значенія, какое приписывается ими ученымъ. Какъ истолкователи закона Божіа и основанныхъ на немъ постановленій, ученые считались источникомъ той правды и справедливости, отъ которой зависить общественное спокойствіе и взаимное довольство гражданъ. А какъ люди посвящающіе себя служенію пользамъ народа, прямо вытекающимъ изъ предписаній магометанской религіи, берущей подъ свое покровительство бѣдныхъ адептовъ своихъ, улемы, вѣдавшіе вакуфы, закяты, и т. п. предметы,

¹⁾ Рисале, предисловіе.

²⁾ Рисале, гл. V.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Фезликъ, 313 г.

⁵⁾ Рисале Кучибей, введеніе.

⁶⁾ Китаби-Хабнамѣ, стр. 36.

⁷⁾ Рисале Кучибей, гл. V.

шедшіе на дѣла общественной благотворительности, являлись ближайшими благодѣтелями народа, котораго они руководили также и на пути къ спасенію, наставляя его въ правилахъ вѣры и назидая въ ученіи о практической добродѣтели. Тогда-какъ дѣятельность административныхъ чиновниковъ имѣть, по ихъ взгляду, чисто виѣшній характеръ: она направляется главнымъ образомъ къ сохраненію независимости государства въ его отношеніяхъ къ другимъ, себѣ подобнымъ, и къ изысканію внутри его средствъ къ этому охраненію: тѣ суть люди пера и науки, аэт и—мужи меча и силы.

Но такое гуманное назначеніе и признаніе улемовъ на служеніе обществу однако же имѣть извѣстные предѣлы: они не всегда ограничиваются въ своихъ отношеніяхъ къ обществу перомъ и словомъ, но прибѣгаютъ иногда и къ содѣйствію меча, т. е., другими словами, свобода совѣсти не имѣть, во взглядѣ и жизни турокъ, того простора, какой признается безусловно необходимымъ для благополучія и преуспѣянія общественной жизни современными европейцами. Въ законахъ османскихъ, по крайней мѣрѣ, есть, напримѣръ, такого рода постановленія, что мусульманъ, живущихъ въ нѣкоторыхъ селахъ, гдѣ нѣтъ мечетей, и потому не совершается общественной молитвы, правитель можетъ насильно принудить къ постройкѣ мечети и подвергать наказанію небрегущихъ богослуженіемъ ¹⁾)—фактъ достаточно ясно свидѣтельствующій о вмѣшательствѣ власти въ дѣла религіозной совѣсти. Кромѣ этого, писатели разсматриваемой мною эпохи упоминаютъ не объ одномъ случаѣ преслѣдованія за религіозныя убѣжденія. Вольнодумцами оказывались преимущественно сами же улемы. Такъ, въ 1021 г. былъ казненъ профессоръ степени *хариджъ*, нѣкто Недажлы Абду-р-Рахманъ, по приговору кѣзы-аскеровъ румелійскаго Ахы-Заде-эфенди, и анатолийскаго Ас'ада-эфенди, зато что онъ отвергалъ воскресеніе мертвыхъ, Страшный судъ и будущую жизнь. Ас'адъ-эфенди въ концѣ своего отвѣта на запросъ по этому случаю Турначи-паша говоритъ слѣдующее: «По собственному же его (Абду-р-Рахмана) нечестивому мнѣнію, онъ избавленъ (посред-

¹⁾ Кануннамѣи-Джедидъ, стр. 114 в. Постановленіе это издано въ 944 г. при Сулейманѣ II.

ствомъ казни) отъ бѣдствій сего міра; правотѣрные спасены отъ его рукъ, а вѣра мусульманская отъ языка его» ¹⁾. Въ 1027 г. едва не подвергся такой же участи ученый Яхья-Заде-Ахмедъ-эфенди за непристойныя рѣчи относительно святыхъ мѣстъ и Пророка ²⁾, да спасся бѣгствомъ въ Персію. Обвинителями его были улемы Яхья-эфенди и Хасби-эфенди. Наконецъ въ 1032 г. произошелъ ужаснѣйшій скандалъ по тому обстоятельству, что одинъ изъ судей, наказанный палками по приказанію верховнаго визиря, жестокаго негодя Мэрэ-Хусейнъ-паши, обвинилъ его въ томъ, что онъ, въ бытность свою египетскимъ беглеръ-беємъ, произво-силъ нечестивыя рѣчи. Синедріонъ улемовъ, подъ предсѣдатель-ствомъ бывшаго въ то время уже на покой Яхья-эфенди, собрав-шійся въ мечети Мухаммеда-Завоевателя, потребовалъ его къ суду; а онъ прибѣгнулъ къ защитѣ янычаръ. Послѣдніе добыли ему амнистію султана, на котораго за это и посыпались уже приве-денныя мною выше ругательства членовъ благочестиваго соборнища, принужденныхъ разойтись, не добившись никакого результата ³⁾.

У самихъ писателей, сообщающихъ эти факты, нѣтъ положи-тельно выраженныхъ мнѣній относительно свободы совѣсти; даже тонъ разсказа этихъ фактовъ нисколько не изобличаетъ ихъ воз-зрѣній касательно этого предмета. Только Кучибей отчасти вы-сказался въ одномъ мѣстѣ, гдѣ онъ едва ли не имѣетъ въ виду вышеприведенные случаи вольнодумства улемовъ, говоря слѣдую-щее: «Большую частью вовсе не по праву носившіе имя улемовъ были все такого рода (какъ онъ описалъ) невѣжды и проходимцы. А то бы развѣ служившіе наукѣ и вышедшіе надлежащимъ пу-темъ улемы уклонились—чего насъ, Боже, сохрани!—отъ исти-ны?!» ⁴⁾. Слѣдовательно, онъ охотно присоединяется къ осудив-шимъ означенныхъ еретиковъ-безбожниковъ. Да и странно было бы ожидать иного воззрѣнія на религиозное свободомысліе отъ средневѣковаго турка, если оно теперь, въ Европѣ, далеко не поль-зуется подобающимъ ему признаніемъ. Въ то время когда Кучи-

¹⁾ Фезликэ, 70 в., Тарихи-Наима, I, 109.

²⁾ Фезликэ, 156 г.

³⁾ Фезликэ, 177 г.; Тарихи-Наима, I, 368.

⁴⁾ Рисале, гл. V.

бей писалъ свое рисале какъ турки безцеремонно поступали съ христіанскими церквами, обращая ихъ въ мечети ¹⁾, или даже разрушая ихъ ²⁾, такъ, въ свою очередь, и христіане подь страхомъ смерти принуждали магометанъ принимать свою вѣру ³⁾. «Какъ войско мусульманское, говоритъ Хаджи-Кальфа, повечерамъ восклицаетъ: *Аллахъ! Аллахъ!*, такъ и гяуры каждое утро и вечеръ кричали: *Исусъ! Исусъ!*» ⁴⁾ (بزوش). Само собою разумѣется, что у народа, у котораго еще не выработалось яснаго представленія своихъ національных чертъ, отличающихъ его отъ другихъ народовъ; еще не пришли въ сознание присущія только ему одному особенности, — эти отличительныя черты сознаются имъ подь формою исповѣдуемой имъ религіи. Оттого онъ такъ и нетерпимъ къ тѣмъ, кто не одинаковыхъ съ нимъ религіозныхъ убѣжденій: у него въ этомъ случаѣ съ ревностью по Богѣ соединяются національныя побужденія, подь вліяніемъ которыхъ онъ считаетъ всякаго врага своей вѣры вмѣстѣ врагомъ и своей національности, своего государства. На этомъ же, очевидно, основаніи турки и непріятелей-иностранцевъ не иначе называютъ какъ *اعداء دين* — «врагами вѣры», и возсылаютъ свои благословенія на сподвижниковъ Пророка, зато что они «алмазоблещущимъ, кораллоточивымъ мечемъ брани сдѣлали поверхность земли одноцвѣтною съ рудникомъ бадахшанскимъ отъ крови враговъ вѣры» ⁵⁾. Это доказывается вособенности ясно выраженнымъ мнѣніемъ Наимы. «Противники-иновѣрцы, говоритъ онъ, вообще не имѣютъ внутренней любви къ мусульманамъ: еслибы у нихъ была такая любовь и расположеніе, такъ они перешли бы въ исламъ. А, слѣдовательно, они повинуются или для того чтобы извлечь какую-либо выгоду для себя, или чтобы отвратить какой-нибудь вредъ» ⁶⁾. Это значить, что турки не безусловно враждебно относятся ко всѣмъ иновѣрцамъ, изъ простой религіозной нетерпимости, а потому что видятъ въ нихъ

¹⁾ Фезликэ, 21 в.

²⁾ Ibidem, 254 г.

³⁾ Тарихи-Селяники, 175 в.

⁴⁾ Фезликэ, 69 г.

⁵⁾ Китаби-Хабнамэ, стр. 2.

⁶⁾ Тарихи-Найма, I, 442.

своихъ національныхъ недруговъ. Въ этомъ взглядѣ соединяются два элемента, религіозный и, главнымъ образомъ, національный. Поэтому если уже говорить о фанатизмѣ турокъ, то подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть не слѣпой, абстрактный религіозный фанатизмъ, въ которомъ трудно человѣку дать отчетъ себѣ, а сознательный, реальный патріотизмъ, который можно дотого точно опредѣлить, что даже перевести на деньги, какъ показываетъ счетъ представленный германскимъ канцлеромъ послѣ недавней войны съ Франціею. Вышеприведенная же сентенція Наими, что «люди не примутъ истины насильно» ¹⁾, еще въ большей степени ослабляетъ осужденіе мусульманъ-турокъ въ закоснѣломъ исповѣданіи ими права религіозно-правственного деспотизма однихъ людей надъ другими вообще и государственной власти надъ своими подданными в особенности.

Но этимъ еще не все сказано о правильномъ государственномъ устройствѣ, какъ оно сложилось въ понятіяхъ османскихъ мыслителей. Выше было уже замѣчено, что кромѣ личныхъ, живыхъ элементовъ государства, въ составъ его входитъ еще одинъ, мертвый, матеріальный элементъ, а именно территория, или имущество въ обширномъ смыслѣ этого слова. Большинство юридическихъ опредѣленій, касающихся этого элемента, входитъ въ область гражданскаго права, вѣдающаго частныя правоотношенія членовъ государства; съ чисто-государственною же стороною онъ соприкасается въ той мѣрѣ, въ какой это соприкосновеніе вызывается отношеніемъ власти и ея органовъ къ обществу, народу. Отношенія эти, имѣютъ ли они въ виду охраненіе цѣлости государства отъ внѣшнихъ враговъ, или спокойствіе и благоденствіе его внутри, въ томъ и другомъ случаѣ требуютъ матеріальныхъ средствъ для своего осуществленія. Средства эти идутъ на вещественныя издержки и на вознагражденіе носителя власти, на которое онъ имѣетъ право за услуги, оказываемыя имъ своимъ подданнымъ, тѣмъ что онъ управляетъ государствомъ, непосредственно или въ лицѣ своихъ агентовъ — администраторовъ и судей, которые также причастны, въ той или другой мѣрѣ, этому его праву.

Хаджи-Кальфа совершенно вѣрно сравниваетъ доходы государ-

¹⁾ Тарихи-Наима, I, 644.

ственные, или, какъ онъ ихъ просто называетъ, деньги, съ пищею, поѣдаемою чревомъ государства — казною. Откуда-же добывается эта пища? Такъ-какъ податной классъ, райя, уподобляется имъ черной желчи, которая лишь способствуетъ пищеваренію и служить суррогатомъ настоящей пищи, сама-же не есть еще пища ¹⁾, то, слѣдовательно, по его мнѣнію, главный источникъ государственныхъ доходовъ составляетъ земля. А такъ-какъ земля, для извлеченія изъ нея продуктовъ, требуетъ труда человѣческаго, то въ общемъ, ходячемъ, представленіи турецкихъ писателей эти два фактора богатства страны сливаются въ понятіи одного изъ нихъ, обрабатывающаго землю — класса поселянъ. Оттого они и говорятъ просто, что «казна собирается съ «поселянъ» ²⁾. И дѣйствительно, самый большій расходъ, расходъ на содержаніе военной силы, падающій, посредствомъ ленной системы, именно на производительность почвы; административныя должности и функціи оплачивались такъ называемыми арпалыками и хассами; издержки Двора покрывались доходами съ хассовъ же и башмакыками. При этомъ не было раздѣленія бюджета на вещественные расходы и на собственно вознагражденіе за трудъ служащихъ. Кто же собственникъ этого источника богатствъ, земли? Кучибей отвѣчаетъ на это, что «и императорскія имѣнія, и прочія доходныя статьи суть имущество принадлежащее всѣмъ вѣрующимъ» ³⁾; есть собственность всего народа. Отсюда вытекаетъ то общее заключеніе, подтверждаемое отзывами османскихъ писателей, что власть и ея органы не должны смотрѣть на общественную казну какъ на собственный карманъ, изъ котораго они могутъ брать когда угодно и сколько угодно: государственные доходы должны итти на дѣйствительныя нужды государства, и отдаваться въ распоряженіе учреждений и лицъ, вполнѣ соответствующихъ своему назначенію, соразмѣрно пользѣ приносимой ими государству. Поэтому то что составляетъ общественное достояніе, не должно быть обращено въ частную собственность. Кучибей, наприимѣръ, объ

¹⁾ Дестурль-амель, Ркп., стр. 4 в., и Zeitschr. d. D. M. G. B. XI, 121.

²⁾ Кучибей, гл. X; Дестурль-амель, Ркп., стр. 3 в., и Zeitschr. d. D. M. G. B. XI, 119.

³⁾ Ривале, гл. XVI.

этомъ разсуждаетъ такъ: «Нужды нѣтъ, что ни одинъ человѣкъ (въ послѣднее время) не оказываетъ никакой полезной вѣрѣ и государству услуги, и не завоевываетъ не только цѣлыхъ областей, но даже какой-нибудь двухдомовой деревушки: довольно ему только быть приближеннымъ падишаха, чтобы деревни и пахотныя поля, изъ нѣскольکو сотъ лѣтъ тому назадъ покоренныхъ и составлявшихъ государственную собственность владѣній, тѣмъ или другимъ способомъ обратить въ полную собственность себѣ и дѣтямъ своимъ» ¹⁾. Другой видъ частной, и притомъ весьма крупной, собственности представляютъ собою въ Турціи такъ называемые вакуфы, т. е. отказы, дѣлаемые частными лицами въ пользу мечетей и благотворительныхъ заведеній. Но, вѣрный принципу неотчуждаемости государственнаго имущества, Кучибей отвергаетъ и эти *мнимыя*, какъ онъ ихъ называетъ, добрыя дѣла частныхъ лицъ, и предлагаетъ секвестровать вакуфы, учрежденные владѣльцами имѣній, которые совершенно противозаконнымъ образомъ получили право собственности на нихъ: «когда, говоритъ онъ основаніе чего-либо ложно, то какъ же могутъ быть вѣрны изъ него выводы?» ²⁾. Далѣе, для правильности употребленія доходовъ, не слѣдуетъ, по мнѣнію публицистовъ, смѣшивать, при расходованіи, самыхъ доходныхъ статей, такъ-что, наприимѣръ, арпалыки и башмакылыки должны быть назначаемы изъ собственныхъ императорскихъ удѣловъ, а большія и малыя помѣстья не должны попадать въ эту категорію ³⁾.

Радикально отрицая всякое паразитство въ государствѣ, публицисты османскіе и для дѣйствительныхъ-то слугъ государства ставить слѣдующія ограниченія. Во-первыхъ, государство нуждается только въ извѣстномъ количествѣ услугъ, какъ въ военно-административной, такъ и въ судебной части своего управленія, а потому оно не должно допускать безконечнаго возрастанія массы военныхъ, чиновниковъ и судей, непроизводительно потребляющихъ доходы его: должно имѣть опредѣленную норму, штатъ для каждаго рода службы ⁴⁾. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Хаджи-

¹⁾ Рисале, гл. XIII.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, гл. XV.

⁴⁾ Ibidem.

Кальфа расходится съ Кучибеемъ, допуская безвредность увеличенія числа войска ¹⁾, причемъ онъ не совсѣмъ удачно старается выйти изъ самопротиворѣчія, въ которое явно чрезъ это впадаетъ, сказавши прежде, что здоровое состояніе общественнаго организма зависитъ отъ равновѣсія классовъ общества ²⁾. Второе ограниченіе заключается въ томъ, что и дѣйствительные слуги государства должны пользоваться предоставленною имъ частью доходовъ лишь въ размѣръ достаточномъ на покрытіе сопряженныхъ со службою ихъ издержекъ: расходы-же собственно на свою личность, на свою домашность, не должны превышать обыкновенной нормы житейской обстановки остальныхъ смертныхъ: роскошь въ служилыхъ сословіяхъ, по мнѣнію публицистовъ, есть явленіе ненормальное, которое, не оставаясь дѣломъ совѣсти того кто позволяетъ себѣ ее, можетъ быть преслѣдуемо репрессивными мѣрами ³⁾. Основаніе для этого они видятъ не только въ ослабленіи роскошью энергіи, особенно военнаго класса, и въ пораженіи ею всѣхъ лучшихъ качествъ людей ⁴⁾; но, главнымъ образомъ, въ томъ, что она есть какъ бы явное воровство общественнаго добра; есть вывѣска-беззаконій и зловредности людей предающихся ей. Сопровождаясь въ большинствѣ случаевъ разными насиліями и злоупотребленіями, она ложится всею своею тяжестью на нисшій классъ народа, составляющій, вмѣстѣ съ обрабатываемою имъ землею, источникъ тѣхъ матеріальныхъ средствъ на которыя праздный паразитъ окружаетъ себя неподобающими удобствами, даже болѣе — позволяетъ себѣ разныя излишества. «Мало-по-малу, говорить Кучибей, дошло до того, что ни чиновникамъ ихъ доходовъ, ни воинымъ ихъ жалованья, не стало хватать на прожитіе, и они принуждены были прибѣгнуть къ насиліямъ и беззаконіямъ. А государство разрушается отъ насилій и беззаконій. Ни одно новшество не причиняетъ ни одному государству столь явнаго и губительнаго вреда, какъ роскошь и пышность. Роскошь—это бѣда! сказывали (мудрые): и въ самомъ дѣлѣ, большая бѣда» ⁵⁾.

¹⁾ Дестурь-амель, Ркп. стр. 7 в., и Zeitschr. d. D. M. G. B. XI, 126.

²⁾ Ibid., Ркп., стр. 4 в., 6 в., и Z. d. D. M. G. B. XI, 121, 124.

³⁾ Ibid., Ркп., стр. 9 в., и Z. B. XI, 130.

⁴⁾ Кучибей, гл. VI, XVI.

⁵⁾ Рисале, гл. XVI.

На этомъ же, очевидно, основаніи, т. е. что у служилыхъ людей, какъ чуждыхъ всякихъ производительныхъ занятій, не можетъ быть законнаго скопленія богатствъ, конфискація имущества оштрафованныхъ сановниковъ есть, слѣдовательно, только возвращеніе казны того что принадлежитъ ей по праву ¹⁾. Надо полагать, что и рабы умершихъ визирей поступали, какъ говоритъ Кучибей, въ императорскій харемъ ²⁾, тоже вслѣдствіе конфискаціи, составляя часть имущества отпавшагося на тотъ свѣтъ ихъ господина.

Вся роль государства относительно матеріальнаго богатства страны, по мнѣнію османскихъ писателей, ограничивается сколь возможно большею пощадю продуктовъ земли, воздѣланной трудами рукъ нисшаго класса, котораго не слѣдуетъ обременять непосильными налогами, потому что «если бѣдные райя будутъ подавлены и угнетены, то они не въ состояніи будутъ трудиться и добывать, и казна останется пустою» ³⁾. Въ этихъ видахъ, думаютъ они, правительству прежде всего необходимо соблюдать правильную раскладку податей и налоговъ, съ каковою цѣлью слѣдуетъ производить правильную ревизію распредѣленія народонаселенія по мѣстностямъ ⁴⁾; ограждать народъ отъ произвола имѣющихъ съ нимъ дѣло чиновниковъ ⁵⁾ и отъ насилій солдатъ; назначая имъ опредѣленные мѣста для жительства, а не позволяя жить гдѣ имъ вздумается ⁶⁾; обезопасивать жизнь и собственность обывателей

¹⁾ Г. Беленъ говоритъ, что конфискація имущества казеннаго въ 1053—1643 г. силихдаря есть первый случай, упоминаемый историками. (Journ. As., Octobre-novembre 1864 г., стр. 312). Но Селяники еще подъ 1004—1595 г. говорятъ, что имущество казеннаго верховнаго визира Синанъ-паши поступило въ казну, и притомъ взяты не одни деньги, но и вещи, которыя были проданы съ молотка. (Тарихи-Селяники, 265 г.). Мало того: самъ Наима, на котораго ссылается г. Беленъ, рассказываетъ о подобной же конфискаціи имущества Хосревъ-паши, случившейся въ 1041—1631 году. (Тарихи-Наима, I, 516).

²⁾ Рисале, гл. I.

³⁾ Дестурель-амель, Ркп., стр. 4 в., и Z. d. D. M. G. B. XI, 121.

⁴⁾ Насихатнамѣ, въ Zeitschr. d. D. M. G. B. XVIII, 716.

⁵⁾ Кучибей, гл. IX.

⁶⁾ Ibidem, гл. VII.

посредствомъ хорошаго полицейскаго дозора ¹⁾; и, наконецъ, не отдавать достоянія своего народа, земли и другихъ доходныхъ статей, въ руки пришлецовъ и чужестранцевъ — жидовъ и гауровъ ²⁾. Но чтобы государство, обставляя производительныя силы страны чисто вѣшнимъ покровительствомъ, касалось и внутреннего процесса самой производительности; входило въ разсмотрѣніе самыхъ способовъ и средствъ этой производительности; или давало бы ей какое-либо въ ту или другую сторону направленіе; словомъ говоря, чтобы оно, кромѣ простой охраны, принимало бы какое-нибудь положительное участіе въ общественно-экономической жизни народа, объ этомъ нѣтъ никакихъ данныхъ въ относящихся къ предмету настоящаго изслѣдованія сочиненіяхъ османскихъ писателей.

Такова въ общихъ чертахъ политическая философія османовъ. И принципы ихъ, поправдѣ, нельзя назвать ни узкими, ни шаткими. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало задатковъ для жизни и развитія государства, устроеннаго на такихъ началахъ: что въ немъ обоюсторонняя, хотя и жесткая, но зато стоящая вѣ всякихъ постороннихъ вліяній, руководящаяся однимъ закономъ и требованіями справедливости, верховная власть, которая править посредствомъ заслуживающей довѣрія и пользующейся этимъ довѣріемъ, а не стянутой узами абсолютнаго централизма, администраціи и независимаго отъ этой-последней суда; что въ немъ народъ хотя и дѣлится на сословія, но дѣленіе это основывается не на сознаніи кореннаго, природнаго различія людей, а лишь на разности способовъ лежащаго на нихъ удовлетворенія государственныхъ нуждъ и исполненія извѣстныхъ обязанностей, направленныхъ, въ ихъ совокупности, къ общему вѣшнему и внутреннему благосостоянію народа; что территория его и всѣ продукты ея считаются достояніемъ цѣлаго народа, а не одного какаго-нибудь привилегированнаго класса; вслѣдствіе чего подати и налоги въ немъ не превышаютъ силъ плательщиковъ, будучи взимаемы въ необходимомъ только на покрытіе неизбѣжныхъ расходовъ количествъ, и равномерно распределяемы на всѣхъ, кромѣ той части общества которая исполняетъ служеб-

¹⁾ Насихатнамѣ, loc. cit., 711.

²⁾ Рисале Кучибей, гл. XVI.

ныя, военно-административныя и судебныя, - обязанности, сама за это получая вознагражденіе, но также соотвѣтственно своимъ услугамъ, а не въ видѣ опирающейся на одну силу монополіи, отнимающей все у однихъ и отдающей другимъ; что въ немъ экономическіе дѣатели, пользуясь необходимымъ покровительствомъ власти, свободны въ то же время отъ всякой лишней опеки; что свобода совѣсти хотя и подлежитъ извѣстнымъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ со стороны власти, но зато религіозная исключительность является тутъ суррогатомъ еще не вполне развившагося и не вполне сознаннымъ патриотизма, долженствующимъ служить къ сплоченію еще не совсемъ окрѣпшихъ и сросшихся элементовъ его?

Но то ли представляла современная писателямъ, высказавшимъ означенныя мысли о правильномъ государственномъ устройствѣ, дѣйствительность: таково ли было османское государство въ эпоху ихъ литературной дѣятельности, какимъ они желали бы его видѣть? Если же нѣтъ, то что же мѣшало осуществленію тѣхъ началъ общественной жизни, которыя, безъ сомнѣнія, ими впервые только систематически формулированы и высказаны, но уже раньше таились въ сознаниіи цѣлаго народа, выразителями мыслей котораго явились они? Отвѣтъ на это дастъ слѣдующая и послѣдняя глава настоящаго изслѣдованія.

IV.

Отвѣтъ этотъ намъ уже отчасти извѣстенъ: несообразное съ истинными началами благоустроенной общественной жизни положеніе османскаго государства и было причиною появленія разсматриваемыхъ нами сочиненій, въ которыхъ авторы ихъ вопіютъ противъ полнѣйшей безурядицы и попранія всякихъ здравыхъ общежительныхъ принциповъ въ бытѣ современной имъ Турціи. Приведенное цѣликомъ рисале Кучибей представляетъ картину, изображающую это печальное положеніе, которое съ полною силою обнаружилось лишь послѣ Сулеймана II, и въ эпоху упомянутыхъ авторовъ уже достигло своего апогея. Въ немъ представлены тѣ порядки, плодомъ которыхъ была постепенная утрата Турціею своего значенія въ ряду другихъ государствъ, и все большее и большее внутреннее разстройство. Взглянемъ поближе на эти порядки, и прежде всего обратимся къ началу всѣхъ началъ, къ главѣ государства.

Кучибей тѣмъ-и начинаетъ свои доклады, что сѣтуетъ на бездѣятельность султановъ. «По завоеваніи имперіи, побѣдители, говоритъ Ибнъ-Хальдунъ, отказываются отъ добровольно принятыхъ на себя трудовъ и хлопотъ, и предаются отдохновенію, покою и ничего-недѣланью» ¹⁾. То же случилось и съ османскими султанами. До завоеванія Византіи дѣятельность ихъ была въ высшей степени напряженная. Они вели, можно сказать, лагерную жизнь: Ены-шегръ, Брусса и Адрианополь были только временными ихъ резиденціями; ихъ мысли и взоры были устремлены на Византію. Но лишь только они добились этого предмета давнишнихъ своихъ желаній; лишь только они Византію сдѣлали Стамбуломъ, какъ уже считали свое дѣло конченнымъ: имъ ничего болѣе не оставалось какъ только почить на лаврахъ побѣдъ своихъ. Уже Баязидъ II явно предпочиталъ тревогамъ дѣловой жизни безмятеж-

¹⁾ Notices et extraits des manuscrits, etc. T. XIX, 343.

ное пребываніе въ своихъ султанскихъ палатахъ, хотя и ссылался на немочь, какъ это мы видѣли выше. Неутомимый Сулейманъ II какъ-будто хотѣлъ вдвойнѣ возвыситься надъ своими предками, ведя безпрестанныя внѣшнія войны и работая надъ устройствомъ внутренняго управленія. Но и онъ подконецъ, почувствовавъ ли усталость, или изъ сознанія собственнаго величія и для приданія таинственной важности своей особѣ, сталъ удаляться отъ участія въ дѣлахъ правительственныхъ, придумавъ средство невидимо присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, сидя за рѣшеткою окна въ нарочно для этого устроенномъ и приспособленномъ зданіи ¹⁾. Преемники его все далѣе и далѣе скрывались за рѣшетчатымъ окошкомъ, покажѣсть наконецъ совсѣмъ не ушли въ глубь своего харема; а съ ихъ особою и все управленіе государства переселилось туда же. «Въ прежнее время, говоритъ Кучибей, султаны самолично присутствовали въ Диванѣ и сами заботились о дѣлахъ рабовъ Божіихъ. Такого (какъ теперь) уклоненія не было» ²⁾. И въ самомъ дѣлѣ, Селяники прямо свидѣтельствуетъ, что султанъ (Мурадъ III) вовсе не ходилъ въ Диванъ, а верховный визирь Ибрагимъ-паша одинъ вѣдалъ всѣ государственныя дѣла ³⁾; неговоря уже о томъ, что онъ не ходилъ самъ на войну, а отправлялъ въ походъ сердарей ⁴⁾. Ближайшимъ слѣдствіемъ такого уклоненія султана отъ личнаго надзора за веденіемъ государственныхъ дѣлъ было то, что онъ лишился средства знакомиться съ способностями и достоинствами тѣхъ лицъ которыми онъ долженъ былъ довѣрять управленіе, самъ только номинально оставаясь главою государства и правителемъ его. ⁵⁾ Восполнить это средство пришлось на долю тѣхъ кто ближе всѣхъ стоялъ къ султану и постоянно окружалъ его, такъ-что, слѣдовательно, весь ходъ дѣлъ долженъ былъ принять направленіе соотвѣтственное духу и взглядамъ людей окружавшихъ властителя. Такими людьми относительно султана была вся нисшая и высшая челядь, наполнявшая сераль его и постоянно тамъ обитавшая. Она-то теперь и

¹⁾ Кучибей, гл. I.

²⁾ Ibidem, гл. XVII.

³⁾ Тарихи-Селяники, 246 г.

⁴⁾ Ibidem, 237 v.

⁵⁾ Кучибей, гл. XVI.

взялась за дѣло, на которое давно уже зарилась, да только не имѣла доступа, по причинѣ самодѣтельности верховныхъ визирей. Разные компаньоны и приближенные султанскіе, которые прежде только «высматривали уголки въ долину благороднаго сердца своего патрона», какъ говоритъ Кара-Челеби-Заде ¹⁾, теперь расположились въ этой долину какъ у себя дома. Если къ этому присовокупить еще немалое вліяніе женщинъ, какъ неизбежное слѣдствіе сердечной слабости повелителя, возраставшей прямо пропорціально его бездѣтельности ²⁾, то правомѣрное, единодержавное правленіе османскаго государства необходимо должно было превратиться въ одну сплошную придворную интригу.

Дальнѣйшему ослабленію авторитета верховной власти способствовала неопредѣленность закона о престолонаслѣдіи и существованіе въ то же время систематическаго обезвреженія членовъ султанской фамиліи, которые могли бы явиться соперниками царствующаго султана, путемъ умерщвленія ихъ для блага государства — *خبر عالم ابجون* —, какъ выражаются турецкіе историки ³⁾, или путемъ пожизненнаго почетнаго заключенія въ харемныхъ покаяхъ, которое, при значительной продолжительности своей, доводило ихъ до идіотскаго состоянія, какъ показываетъ примѣръ султана Мустафы I. Вслѣдствіе этого, воцареніе того или другаго султана придворные не считали дѣломъ установленнаго закономъ порядка, а ставили его лишь въ зависимость отъ собственнаго произвола, и свое участіе въ этомъ разсматривали какъ фактъ дающій имъ право на безпрепятственное и безнаказанное совершеніе беззаконій, какъ привилегію на взяточничество ⁴⁾. Для большаго-же обезпеченія себѣ простора дѣйствій, обыкновенно одна партія старалась оттѣснить членовъ другой, посредствомъ назначенія ихъ на службу въѣ столицы ⁵⁾.

Теперь основное начало государственной службы, доказанная способность и опытность служащихъ, замѣнилось протекціею, осно-

¹⁾ Ревзетуль-Эбраръ, 456.

²⁾ Фезликъ, 281 г., 288 г., 293 в.

³⁾ Ibidem, 159 в.

⁴⁾ Ibidem, 183 в.

⁵⁾ Ibid. 157 г.; Тарихи-Наима, I, 537.

ванною или на личномъ расположеніи ¹⁾ или, и это въ огромномъ большинствѣ случаевъ, на подкупѣ ²⁾. Починъ нарушенія этого начала принадлежитъ великому законодателю, Сулейману II, потому что «онъ сразу сдѣлалъ верховнымъ визиремъ одного изъ слугъ собственнаго харема, именно сияхдара Ибрагимъ-пашу, и тѣмъ впервые не соблюлъ основнаго закона» ³⁾. Потомъ, «выдавши говорить Кучибей, почтеннѣйшую дочь свою Мигр-у-Магъ за Рустемъ-пашу, произвелъ этого-послѣдняго въ верховные визири. Вслѣдствіе полнѣйшаго своего къ нему расположенія и во исполненіе его желанія, отдалъ ему въ полную собственность столько селъ изъ областей, завоеванныхъ еще во времена своихъ предковъ, что ихъ (т. е. доходовъ съ нихъ) хватило бы для составленія казны любого изъ мелкихъ владѣльцевъ» ⁴⁾. Этимъ онъ далъ знать, что личное расположеніе, основанное на непотизмѣ, можетъ вести къ высокому и обезпеченному положенію въ такой же, если еще не въ большей, мѣрѣ, какъ и дѣйствительная, полезная услуга государству, вопреки основнымъ законоположеніямъ. А людямъ, отъ которыхъ государству нечего было ожидать какой бы то ни было пользы, только того и нужно было: они съ радостью ухватились за беззаконіе самого законодателя и поспѣшили воспользоваться тѣми благодѣяніями которыя государство оказываетъ въ видѣ благодарности своимъ полезнымъ дѣтелямъ.

Но для этой цѣли имъ нужно было обставить себя всевозможными благопріятными условіями и устранить препятствія. Такое препятствіе представляло собою высокое положеніе верховнаго визиря, и потому темная сила харема прежде всего сюда направила свое дѣйствіе, и добилась того что поработила себѣ главнаго блюстителя порядка въ государственномъ управленіи: приближенные заставляли верховныхъ визирей дѣлать то что имъ хотѣлось. «А если, говоритъ Кучибей, эти-послѣдніе не поступали согласно съ ихъ намѣреніями, то они дѣлали между собою стачку; выискавъ удобный случай, чернили ихъ въ глазахъ Его Величества и, навлекая та-

¹⁾ Тарихи-Селяники, 157 г., 204 г.; Ревзетуль-Эбраръ, 480, и др.

²⁾ Тарихи-Селяники, 123 в., 146 в., 164 г., и др.

³⁾ Кучибей, гл. XVI.

⁴⁾ Ibidem.

кимъ образомъ на невинныхъ гнѣвъ государя, кого изъ нихъ довели до казни, кого до ссылки, кого до лишенія имущества» ¹⁾. Нужно ли къ приводимымъ у Кучибей фактамъ казни визирей по интригамъ и наущенію придворныхъ прибавлять еще другіе: рѣдкій изъ нихъ кончилъ свою жизнь естественною смертію. Наученные опытомъ своихъ предшественниковъ, «послѣдующіе визири, продолжаетъ онъ, поневолѣ уже сообразовались съ намѣреніями ихъ (придворныхъ) и потворствовали прихотямъ ихъ: что бы они не захотѣли, эти не отказывали» ²⁾. А намѣренія эти были очень просты: всѣ стремленія ихъ были направлены къ одной цѣли, а именно—«сколотить, какъ выражается Селяники, бѣлую деньгу про черный день» ³⁾, надѣ чѣмъ они, по его словамъ, денно и нощно трудились безъ усталы. Жалованье придворные и безъ того уже получали отъ Двора, изъ доходовъ собственныхъ императорскихъ имѣній ⁴⁾. Но главное богатство страны было въ рукахъ османскихъ рыцарей, заимовъ и тимариотовъ. Вотъ ихъ-то земельные участки и сдѣлались первою добычею алчныхъ вельможъ: они обратили ихъ себѣ въ башмаклыки и арналыки: доходы съ этихъ надѣловъ перешли въ шкатулки шуговъ, нѣмыхъ, карликовъ и прочей придворной челяди ⁵⁾. Путь къ этому облегченъ былъ опять-таки Сулейманомъ II, котораго не даромъ Кучибей считаетъ главнымъ виновникомъ всѣхъ золъ, съ такою силою охватившихъ, со времени его царствованія, османское государство, повидимому возвеличенное и возвышенное различными его правительственными мѣропріятіями. Фирманомъ 3 реджеба 937=1530 г. онъ отнялъ у мѣстныхъ влостей право распоряженія большими и малыми помѣстьями, перенесши завѣдываніе ими въ Порту ⁶⁾, чѣмъ подорвалъ второй основной принципъ государственнаго строя Турціи, принципъ децентрализаціи. А такъ-какъ центральное управленіе, начиная съ главы его, верховнаго визиря, было во власти харема, то обитатели послѣдняго и хозяйничали надъ государственнымъ имуще-

¹⁾ Рисале, гл. IV.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Тарихи-Селяники, 198 в.

⁴⁾ Кучибей, гл. XV.

⁵⁾ Ibidem, гл. VI.

⁶⁾ Des osm. Reiches Staatsverfassung und Staatsverwaltung, I, 351

ствомъ какъ хотѣли. Тѣмъ болѣе, что фирманомъ разрѣшено было владѣть большими и малыми помѣстьями всеѣмъ безъ различія, не исключая и райи ¹⁾. Тогда придворные, «начавъ виѣшиваться въ дѣла, достойныя ратниковъ мусульманскихъ, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ пожалованныя имъ пахотныя поля и сѣла, разными путями обратили себѣ—одни въ башмаклыки, другія въ арпалыки, нныя же въ полную собственность. Всякій изъ нихъ, ублагодарившись самъ, доставлялъ нѣсколько большихъ и малыхъ помѣстій, клиентамъ своимъ» ²⁾. Не мудрено послѣ этого, что они выправляли владѣнныя грамоты на своихъ слугъ и даже на несвободныхъ рабовъ ³⁾.

При этихъ условіяхъ, придворная служба, очевидно, была болѣе выгодна чѣмъ всякая другая: иначе, напримѣръ, Фергадъ-ага не отказался бы отъ предложенной ему султаномъ Мухаммедомъ III чести управленія Египтомъ, предпочтя пожизненно остаться при Дворѣ въ должности бустанджи-баши ⁴⁾. Выгода положенія при Дворѣ повела къ постепенному возрастанію придворныхъ штатовъ, какъ показываютъ статистическія данныя, сообщаемыя османскими писателями ⁵⁾. Жадность такой массы паразитовъ уже не могла быть удовлетворена однимъ способомъ зачисленія на ихъ имя большихъ и малыхъ помѣстій. Поэтому приближенные султанскіе, «открывши двери взяточничества, начали занимать мѣста санджакъ-беевъ и беглеръ-беевъ и другія государственныя должности. «Съ жадностью набросившись на стервятину посуловъ разныхъ негоднѣвъ, кому изъ нихъ давали губернаторства, кому генералъ-губернаторства» ⁶⁾. «Люди грамотные и умѣющіе писать, говорить Селяники, обязывались регулярно изъ мѣсяца въ мѣсяцъ давать посулы и подарки нѣмымъ, шутамъ, эвнухамъ; и даже высшія должности стали открыто продаваться» ⁷⁾. Первенство въ этомъ

¹⁾ Ibidem, 350.

²⁾ Кучибей, гл. IV.

³⁾ Ibidem, гл. VI.

⁴⁾ Тарихи-Селяники, 197 г.; Фезликъ, 17 ч.

⁵⁾ Кучибей, гл. III, VII; Тарихи-Селяники, 276 ч.

⁶⁾ Кучибей, гл. IV.

⁷⁾ Тарихи-Селяники, 123 ч.

обыкновенно принадлежало матери султана ¹⁾, а если вѣрить упомянутой выше исторіи про Мурада III и Шемсъ-пашу, то и самому султану ²⁾. «Мало-по-малу дошло до того, что уже ни одного дѣла нельзя было сдѣлать безъ взятокъ», говоритъ Селяники ³⁾. Оттого у историковъ безпрестанно встрѣчается замѣчаніе, что на визирствѣ сидятъ либо дураки, либо отъявленные негодяи ⁴⁾. Точно также и прочія должности доставались людямъ неспособнымъ и недостойнымъ, лишь бы они были въ состояніи дать кому слѣдуетъ взятку и заплатить еще, кромѣ того, куртажъ маклеру за его посредничество въ этомъ дѣлѣ ⁵⁾.

Занятіе правительственныхъ должностей, начиная съ должности верховнаго визиря, исчадіями харема, проникнутыми общимъ духомъ, царившимъ въ немъ, распространило тлетворное вліяніе на всѣ жилы государственной администраціи, которая, вмѣстѣ съ янычарскимъ войскомъ, и сдѣлалась бичемъ народа.

Это-послѣднее до временъ султана Сулеймана довольствовалось своимъ положеніемъ, исправно получая то что ему слѣдовало, и ни въ чемъ не нуждаясь, такъ-какъ оно, по дѣйствовавшему тогда закону, состояло изъ холостяковъ, и пребывало въ спокойствіи. Но когда, съ позволенія того же Сулеймана, янычары обзавелись семьями, а между тѣмъ, по недостатку казны, расхищенной officialными ворами, правительство стало платить имъ монетою которой не принимали на рынкѣ, то они начали бунтоваться. Результатомъ перваго возстанія ихъ было разрѣшеніе записывать въ реестры янычарскихъ дѣтей ⁶⁾. Этимъ было положено начало безконечному увеличенію янычарскаго корпуса, и возникновенію разныхъ злоупотребленій въ этомъ войскѣ. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ злоупотребленій было такъ-называемое *веледешиз*, состоявшее въ выдаваніи янычарами постороннихъ лицъ за своихъ дѣтей,

¹⁾ Фезликъ, 39 в.

²⁾ Тарихи-Печевѣ, Рпп. Имп. Публ. Библ., № 530, стр. 176 в.

³⁾ Тарихи-Селяники. 165 в.

⁴⁾ Ibid., 232 в.; Ревзетуль-Эбраръ, 547.

⁵⁾ Тарихи-Селяники, 232 в., 235 в.

⁶⁾ Relationi di Giovan Francensco Morosini, цит. г. Ранке, въ «Fürsten und Völker von Süd-Europa im 16-und 17-ten Jahrhundert. Berlin, 1837. В. I, 65.

для полученія казеннаго жалованья ¹⁾, а также полученіе жалованья офицерами и солдатами по росписямъ умершихъ своихъ подчиненныхъ и сослуживцевъ ²⁾. Но окончательная порча войска всё-таки же шла сверху, отъ командовавшихъ имъ начальниковъ. А именно, когда придворныя интриги дотого усилились, что государственная служба сдѣлалась какимъ-то рискованнымъ ажіотажемъ, лоттереею, то болѣе энергичные и хитрые визири, для упроченія своего положенія и обезопасенія себя отъ вліянія вышеозначенныхъ интригъ, начали искать опоры въ янычарахъ. Чтобы привлечь ихъ на свою сторону — **قولك کوكلنه کبرمک ایجون** —, какъ выражается Хаджи-Кальфа, они не щадили казенныхъ денегъ на бакшиши имъ, и тѣмъ самымъ положительно развратили войско, отвыкшее, со времени удаленія отъ него султановъ, отъ всякой дисциплины, и не видѣвшее, вслѣдствіе упадка воинственнаго духа и стремленія ихъ къ новымъ завоеваніямъ, для себя никакой цѣли и пользы въ прямой и вѣрной службѣ; но терпѣвшее нужду отъ неисправнаго выплачиванія ему жалованья, и притомъ еще недоброкачественною монетою, при поднявшейся тогда дороговизнѣ на жизненные припасы. Такими крайними развратителями войска были вособенности Емишчи-Хасанъ-паша, Мэрэ-Хусейнъ-паша ³⁾ и безпутный арабъ — **عرب بولسز کلمش** — Даудъ-паша, вышедшій въ визири по протекціи, такъ-какъ онъ былъ мужъ султанской кормилицы ⁴⁾. Подобный ихъ образъ дѣйствій могъ бы имѣть еще хоть какое-нибудь оправданіе, еслибы они руководились какими-либо добрыми намѣреніями, которыя клонились бы къ пользѣ государства; но они запасались благорасположеніемъ къ себѣ войска съ тою цѣлью, чтобы, опираясь на силу оружія, свободнѣе дѣйствовать въ чисто-своекорыстныхъ видахъ и безнаказаннѣе чинить разныя злоупотребленія и жестокости; какъ свидѣлствуютъ историки, сохранившіе намъ характеристики этихъ государственныхъ дѣятелей ⁵⁾.

Въ то время какъ визири и другіе сановники виѣсть съ придворными расхищали государственную казну и избирали кандидатовъ

¹⁾ Кучибей, гл. VII.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Фезликэ, 177 в.; Тарихи-Наима, I, 368.

⁴⁾ Фезликэ, 172 в.

⁵⁾ Фезликэ, 93 в., 181 г.; Тарихи-Наима, I, 132, 371.

на разныя должности, которыхъ они смѣщали тотчасъ же по назначеніи, чтобы обирать новыхъ претендентовъ, простые солдаты, янычары и сипаги шести полковъ, бросивъ назначенныя имъ для постоянного квартированія казармы въ Стамбулѣ, Адрианополѣ, Брусѣ и ихъ окрестностяхъ, разбрелись по всѣмъ направленіямъ ¹⁾, грабя и притѣсняя сельскихъ жителей ²⁾, или же занимались спекуляціею. Грабили они главнымъ образомъ тогда, когда были командированы за сборомъ податей, для рекрутчины мальчишковъ, для произведенія переписи народной и по другимъ порученіямъ ³⁾. Иные изъ нихъ, не переставая получать казенное жалованье, поступали, ради извѣстныхъ выгодъ, къ вельможамъ въ свиту, которая, по правиламъ, должна была состоять изъ покупныхъ рабовъ, слѣдовательно получать содержаніе отъ своего господина, а не отъ казны ⁴⁾. Но болѣе всего они предпочитали заниматься спекуляціею, перепродавая росписи на полученіе жалованья умершихъ сослуживцевъ, или продавая съ аукціона податные реестры и патенты на разныя доходныя комиссіи ⁵⁾. Такимъ образомъ казна расходовалась бездна на жалованье войску, состоявшему преимущественно изъ фиктивного контингента, такъ-что въ случаѣ войны никто не являлся къ сбору, несмотря на всѣ угрозы, которыя отъ имени султана объявлялись во всеуслышаніе чрезъ приходскихъ имамовъ и муэззинновъ въ мечетяхъ ⁶⁾. Поэтому, чтобы привлечь къ походу и безъ того ѣвшихъ казенный хлѣбъ солдатъ, или заставить ихъ сидѣть гарнизономъ въ какой-нибудь отдаленной пограничной крѣпости, нужно было сулить имъ еще новыя льготы, входить съ ними въ условія, напр. кому сулить прибавку жалованья, кому перечисленіе въ высшій разрядъ войскъ или возобновленіе вычеркнутой изъ реестра росписи ⁷⁾.

А войны, между тѣмъ, велись непрерывно, хотя совершенно потеряли свою прелесть для солдатъ, въ былое время обогащав-

¹⁾ Кучибей, гл. VII.

²⁾ Ibidem, гл. XIII; Тарихи-Селяники, 235 в.

³⁾ Тарихи-Селяники, 107 в., 130 г.; Фезликъ, 124 г., 154 г., 243 г.; Тарихи-Наима, I, 440.

⁴⁾ Кучибей, гл. IV.

⁵⁾ Ibidem, гл. IX; Фезликъ, 208 г., 219 в.

⁶⁾ Тарихи-Селяники, 235 в.

⁷⁾ Фезликъ, 69 в., 96 г., 110 г., 215 г., 247 г.

шихся насчетъ отнятой у непріятеля добычи. Онѣ не вызывались какими-нибудь историческими обстоятельствами, а большею частью были дѣломъ воли и намѣреній личныхъ, и потому шли вяло, не сопровождаая никакими успѣхами; сдѣлались, по выраженію Кучибей, «шатаньемъ взадъ и впередъ и фальшивую личиною раззоренія благоустроенныхъ областей государства» ¹⁾. «До сихъ поръ, вотъ уже втеченіе дѣлхъ сорока лѣтъ, рѣдкій годъ проходитъ безъ войны... Вслѣдствіе налоговъ для ежегодной отправки и возвращенія войска, между поселянами и этимъ послѣднимъ возникла страшная вражда», говоритъ Вейси ²⁾. Правители, безъ сомнѣнія, очень хорошо понимали всю тѣсоту и даже вредъ этихъ кампаній; но поддерживали ихъ, принося общественное благо и спокойствіе въ жертву собственнымъ расчетамъ и интригамъ. Такъ, напр., въ 1018 г. верховный визирь Мурадъ-паша отправился главнокомандующимъ усмирять мятежниковъ, явившихся въ Анатоліи. Покончивъ съ ними, онъ хотѣлъ-было возвратиться, но не смѣлъ сдѣлать этого безъ высочайшаго разрѣшенія. Тогда онъ сталъ письменно просить объ этомъ ходатайства приближенныхъ: до такой степени палъ въ это время авторитетъ верховнаго визира. Но по проiskамъ исправлявшаго должность его въ Портѣ каиммакама, Мустафы-паши, и еще нѣсколькихъ недруговъ, которымъ было выгодно чтобы онъ подольше отсутствовалъ, ему послано было предписаніе перезимовать въ Эрзерумѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и весною предпринять экспедицію противъ персидскаго шаха, что вовсе не входило въ планъ его первоначальной отправки ³⁾. Мало того: изъ личнаго соперничества, намѣстники отсутствовавшихъ визирей, чтобы скомпрометировать военную репутацію послѣднихъ, не доставляли имъ ни провіанта, ни денегъ, ни вспомога-тельнаго войска ⁴⁾. Вслѣдствіе этого, для удовлетворенія войска, главнокомандующіе произвольно налагали на мѣстныхъ жителей контрибуціи. Когда султанъ Мурадъ IV, по жалобѣ Берміанскихъ поселянъ, сдѣлалъ запросъ Кучукъ-Ахмедъ-пашѣ, зачѣмъ онъ сдѣлалъ налоги на райю и совершалъ вымогательства и насилія, тотъ отвѣ-

¹⁾ Рисале Кучибей, гл. IV.

²⁾ Катаби-Хибнамѣ, стр. 5 и 6; Тарихи-Селяники, 222 в.

³⁾ Фезликѣ, 123 г.; Тарихи-Наима, I, 261.

⁴⁾ Фезликѣ, 200 в.

чалъ: «Виноватъ. Но если я что и бралъ съ райи, такъ издержалъ на солдатъ же и волонтеровъ» ¹⁾).

Словомъ, администрація турецкая представляла собою такое явленіе, что Вейси не придумалъ иного сравненія для нея кромѣ протухлой головы начавшей разлагаться рыбы, говоря:

«Еслибы ты спросилъ: кто на свѣтѣ разбойники и мошенники? Это, безъ всякаго сомнѣнія, *асасъ-баши* и *су-баши* ²⁾).

Рыба, говорятъ, начинаетъ протухать съ *головы*; стало быть, понятно, кто виновникъ безпорядковъ» ³⁾).

Но разложеніе не ограничилось головою: оно пошло по всему организму. Если администрація держалась на нитригахъ и взяточничествѣ, то не лучше нея былъ и судъ: онъ также не избавился отъ вліянія харема, и утратилъ свою самостоятельность; сдѣлался продажнымъ, и изъ благотѣльнаго для народа учрежденія, умиротворявшаго людскую совѣсть, превратился въ чудовищное, возмущавшее до глубины души, зло, мѣняя правду и справедливость на деньги.

Началось съ того, что глава судебныхъ учреждений, великій муфти, лишился своего положенія, равнаго прежде положенію верховнаго визиря. Если нѣкогда, при Магометѣ II, муфти Молла-Хосревъ, разсердившись на случайное невниманіе къ нему султана во время торжественной церемоніи, тотчасъ же сложилъ съ себя званіе муфти и уѣхалъ въ Бруссу ⁴⁾), то муфти Бустанъ-Заде при Мурадѣ III былъ уволенъ зато только, что онъ, по поводу жалобы анатольскихъ судей на своего казы-аскера, Баки-пашу, написавшаго, между прочимъ, оскорбительную эпиграмму на великаго муфти, сказалъ: «Если не смѣстятъ этого взяточника и посульщика и не отправятъ его въ ссылку, то я самъ оставлю мѣсто муфти и уйду въ другое государство» ⁵⁾). Потомъ, муфти Сан'-Алла-

¹⁾ Тарихи-Наима, I, 540.

²⁾ Блюстители благочинія и общественнаго спокойствія, полицейскіе чиновники.

³⁾ Насихати-Исламболъ, строфа 13 и 14. Вейси играетъ тутъ словами, воспользовавшись присутствіемъ въ названіи чиновниковъ *асасъ-баши* и *су-баши* слова *باش* — «голова».

⁴⁾ Hammer, Geschichte des Osman. Reiches, II, 245.

⁵⁾ Фезлякъ, 2 в.

эфенди, приводимый Кучибеемъ въ образецъ истиннаго, твердаго въ правилахъ, шейхуль-ислама ¹⁾, нѣсколько разъ былъ смѣщаемъ по милости самыхъ негодныхъ людей, въ родѣ Ёшипчи-Хасанъ-паши, которому онъ составлялъ противовѣсъ въ его самоуправныхъ, вредныхъ распоряженіяхъ ²⁾, или другаго подобнаго же визиря, Дервишъ-паши ³⁾. Муфти Яхья-эфенди получилъ отставку, благодаря настоянію верховнаго визиря Реджебъ-паши ⁴⁾. «Подобно тому какъ въ лицѣ Абу-с Су'уда высокое званіе муфти, говоритъ Хаджи-Кальфа, достигло своего совершенства, такъ въ этомъ благожелателѣ государства (т. е. въ Яхья-эфенди) оно нашло печать свою» ⁵⁾. И дѣйствительно, процессъ, возбужденный ревнителями въры противъ Мерэ-Хусейнъ-паши, всего нагляднѣе свидѣтельствуешь объ упадкѣ авторитета представителя судебной власти въ разсматриваемую эпоху. Когда потребовали въ засѣданіе суда этого визиря, то муфти объявилъ, что нужно сперва добиться отставки его отъ должности верховнаго визиря, а то, говоритъ, трудновато будетъ расправиться съ нимъ ⁶⁾. А подсудимый прибѣгъ къ защитѣ янычаръ, которые и разогнали благочестивое собраніе, готовые въ услугамъ своего патрона, снискавшаго расположеніе ихъ къ себѣ щедрыми бакшишами. При этомъ они дѣйствовали во имя высочайшей воли султана, а также и воли султанши-матери ⁷⁾. Мало того: «печать муфтіевъ», отставной Яхья-эфенди, предсѣдательствовавшій на томъ собраніи, и другіе ревнители правовѣрія, всѣ были сосланы въ заточеніе ⁸⁾.

Султанъ Мурадъ IV, отправившись на охоту въ Анатолію, велѣлъ казнить Никейскаго судью, зато что онъ, по невѣдѣнію ли, или по оплошности, не встрѣтилъ его, когда онъ подходилъ къ его округу. Такое незаконное самоуправство султана безъ судебного приговора, на основаніи одного *урфи*, т. е. воли его, ужасно

¹⁾ Рисале, гл. V.

²⁾ Фезликэ, 71 г.; Тарихи-Наима, I, 167.

³⁾ Фезликэ, 137 г.

⁴⁾ Ibid., 219 v.

⁵⁾ Ibid., 256 v.

⁶⁾ Тарихи-Наима, I, 368.

⁷⁾ Ibidem, 369.

⁸⁾ Ibid., 370

показалось дикимъ, и возбудило говоръ столичныхъ юристовъ. Разъ они собрались на вечеръ къ одному изъ нихъ и бесѣдовали. Какой-то негодай доложилъ султаншѣ-матери, будто бы собралась сходка, на которой разсуждаютъ о *джулусѣ*, т. е. воцареніи. Та сейчасъ курьеръ съ письмомъ къ султану. Муфти Хусейнъ-эфенди, подъ предлогомъ будто бы ссылки въ Мекку, былъ схваченъ и задушенъ. Сынъ его, у котораго происходило собраніе, тоже былъ сосланъ; прочіе участники пирушки подверглись той же участи ¹⁾.

Если таково было зависимое положеніе высшаго представителя судебной власти отъ произвола администраціи, то что же говорить про другихъ, низшихъ судей. Ихъ стали смѣщать по одной жалобѣ полицейскаго чиновника (*صوباشی*) или сборщика поземельной подати, до и вообще по всякой жалобѣ безъ разбора ²⁾. Причина понятная: коль скоро стали торговать должностными мѣстами, то, разумеется, чѣмъ больше открывалось вакансій, тѣмъ было лучше для торговавшихъ ими, которые поэтому и придирались ко всякому удобному случаю смѣстить судью, чтобы дать назначеніе другому за взятку. О правильномъ разбирательствѣ жалобъ на злоупотребленія судей и говорить нечего. Образчикомъ явной безразборчивости можетъ служить случай, сообщаемый Кара-Челеби-Заде. Поступила жалоба на Гѣмюрджинскаго наиба. Адрианопольскій бустанджи-баши былъ посланъ на экзекуцію. Но покамѣстъ онъ прибылъ, мѣсто прежняго наиба занималъ уже другой. И что же? Этотъ-последній совершенно невинно пострадалъ отъ руки того «палача-злѣдѣя» — *جلاد بد نهاد* ³⁾. Другой подобный же случай былъ съ Меныменскимъ наибомъ, Бекромъ-Челеби, который казненъ по одной жалобѣ воеводы, съ которымъ онъ былъ не владахъ, потому что не потакалъ злоупотребленіямъ его ⁴⁾. Чтобы представить себѣ непрочность положенія судей, стѣбитъ только взглянуть на біографію Вейси, который занималъ 19 различныхъ судейскихъ мѣстъ, и въ томъ числѣ семь разъ былъ судьей въ городѣ Уску-

¹⁾ Фезликъ, 225 в.; Ревзетуль-Эбраръ, 580.

²⁾ Кучибей, гл. V.

³⁾ Ревзетуль-Эбраръ, 584.

⁴⁾ Тарихъ-Наима, I, 623.

бѣ¹⁾. Послѣ этого не мудрено, что они смотрѣли на свое назначеніе какъ на случай, которымъ слѣдовало воспользоваться сколько возможно скорѣе для своихъ цѣлей. Получивши мѣсто, они разумѣется, прежде всего старались наверстать свои расходы по назначенію; а сознавая свою зависимость отъ административныхъ чиновниковъ, они предпочитали дѣйствовать съ ними заодно, боясь отставки и даже казни, и потому не пренебрегали, напр., дѣлить доходы тимариотовъ пополамъ съ незаконными претендентами на сборъ этихъ доходовъ, вмѣсто того чтобы быть оберегателями правъ собственности отсутствующихъ хозяевъ²⁾. Безнравственность суда еще болѣе усиливалась отъ невѣжества судей, въ корпорацію которыхъ стали проникать всякіе неучи, въ родѣ писцовъ и полицейскихъ чиновниковъ³⁾, которые покупали себѣ ученыя степени и, по достиженіи судейскаго мѣста, судили вкривъ и вкосъ, частію изъ корысти, частію же, можетъ быть, и вслѣдствіе круглага своего невѣжества. Страницы лѣтописи Селяники испещрены жалобами на продажность суда, вслѣдствіе того что въ кандидаты на судейскія должности записывались невѣжды и негодяи, пропешшіе дверью подкуна⁴⁾. Вейси такъ характеризуетъ современное ему состояніе правосудія въ государствѣ:

«Еслибы ты спросилъ о дѣлахъ судей, то возможно ли описать ихъ:

Когда господинъ судья твой врагъ, то ужъ нищи помощи только у Бога!»⁵⁾.

Правда, что матеріальный интересъ и нужда въ сильной степени управляютъ дѣйствіями людей. Поэтому взяточничество судей османскихъ водилось и въ прежнія времена. Еще Нешри, въ своей исторіи, рассказываетъ случай, какъ султанъ Баязидъ I Илдырымъ велѣлъ было сечь живыми судей, зато что они стали брать взятки. Но ему доложено было, чрезъ одного шута его, что имъ нечѣмъ жить, и онъ отиѣнилъ казнь; а установилъ законный доходъ въ пользу судей съ рѣшеній и приговоровъ по всѣмъ дѣ-

¹⁾ Gesch. d. Osm. Dichtkunst, III, 204.

²⁾ Кучибей, гл. VI.

³⁾ Ibidem, гл. V.

⁴⁾ Тарихи-Селяники, 46 в., 97 г., 165 в., и др.

⁵⁾ Насихати-Исламболъ, строфа 4.

ламъ, подлежащимъ вѣдѣнію ихъ, подъ названіемъ رسم الخمسة¹⁾, или تسجيل الخمسة²⁾ و رسم قسمت. Но, съ другой стороны, еще больше оказываетъ вліяніе на развращенность суда нравственное тяготѣніе надъ волею и совѣстью представителей его какой-нибудь сторонней силы, вособенности силы административной. Поэтому оправдательные доводы депутатовъ отъ анатоляскаго судебного округа передъ султаномъ Мурадомъ IV на знаменитомъ турецкомъ Стоглавомъ соборѣ, происходившей въ 1014=1631 г., на мой взглядъ, заслуживаютъ полнаго довѣрія, потому что подтверждаются фактическими данными, находимыми у историковъ. Депутаты говорили: «Государь, избави Боже, чтобы мы за взятки ложь дѣлали истиной, а истину превращали въ ложь! Мы употребляемъ все что только въ нашихъ силахъ къ исполненію предписаній Книги Божіей. Но что-же мы подѣлаемъ, когда слова наши не доходятъ до слуха Вашего Величества; когда докладовъ нашихъ не слушаютъ; когда сипаги, подъ предлогомъ порученій, приходятъ и чинятъ въ подвѣдомственныхъ намъ округахъ всевозможныя мерзости и насилія? Кому-же намъ жаловаться, когда представленій нашихъ не читаютъ? А еслибы мы вздумали воспротивиться насиліямъ какаго-нибудь мятежника и тирана воеводы, или сборщика податей, то сказали бы: «вотъ, молъ, они препятствуютъ сбору государевыхъ денегъ; взяли взятку, да и прикрываютъ райю; мѣшаютъ намъ при исполненіи нами возложенныхъ на насъ порученій». А если они сами напишутъ на насъ исполненное лжи и клеветы донесеніе, то безъ всякаго разслѣдованія дѣла насъ отставляютъ. Страшась злобы ихъ, отъ которой нѣтъ намъ убѣжища, мы, слабые и безсильные, влечимъ тугу и униженіе». Затѣмъ разные судьи разсказываютъ различныя случаи насилій, которымъ они подвергались со стороны правительственныхъ агентовъ, которые били ихъ палками, отнимали имущество и причиняли тому подобныя незаконныя притѣсненія³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли уже, что одинъ судья, котораго Хусейнъ-паша изначто наказалъ палочными ударами, не нашелъ иного средства отмстить за при-

¹⁾ Zeitschr. d. D. M. G. B. XV, 353—355.

²⁾ Кануннаме-и-Джедидъ, стр. 109 v.

³⁾ Тарихи-Наима, I, 567.

чиненную ему несправедливость, какъ только обвинивши злодѣя въ безбожїи; хотя, впрочемъ, и это оказалось бесполезнымъ ¹⁾).

Въ пользу ученой корпораціи, къ которой принадлежали и судьи, много говорить уже одно то, что, несмотря на безсовѣстность и незаконныя дѣйствія нѣкоторыхъ членовъ ея, если и являлись люди, болѣвшіе душею о бѣдственномъ положеніи народа и возвышавшіе голосъ противъ угнетеній его, то всѣ они были именно изъ сословія улемовъ ²⁾). Доказательствомъ тому служатъ сочиненія, въ которыхъ изображается разстройство и упадокъ османскаго государства и бѣдственное положеніе его народа: Селяники, Вейси, Кучибей, Хаджи-Бальфа, и др.—все были «мужи пера», т. е. члены ученаго, книжнаго сословія, впритивоположность собственно чиновному классу, который довольствовался, для исполненія своего назначенія, мечемъ и палкою. Положимъ, Вейси укоряетъ современныхъ ему учителей народа, что не стало въ нихъ любви къ Богу, и что *не назидательны* для народа ихъ поученія, говоря:

«Еслибы была хоть крошка любви къ Богу въ сердцахъ вашемъ,

То вы бы не взирали на тлѣнный міръ сей, а исчезали бы въ мысляхъ о Богѣ.

Оттого-то народъ не слушаетъ словъ проповѣдниковъ и не обращаетъ на нихъ вниманія.

¹⁾ Тарихи-Наима, 368.

²⁾ Для устраненія какихъ-либо сомнѣній, я долженъ повторить здѣсь замѣчаніе г. Миллера, что подъ улемами вовсе не слѣдуетъ разумѣть непремѣнно лицъ духовнаго сана: они могутъ проходить всякаго рода обязанности, въ томъ числѣ и церковно-служебныя, въ которыхъ требуется извѣстная, установленная закономъ и обычаемъ, научная подготовка. (Ueber die oberste Herrschergewalt, 89). Каземъ-Бекъ утверждаетъ противное, говоря, что «на Востокѣ *ученіе* (улемы) и *духовные* суть одни и тѣ же», и противопоставляетъ имъ ученыхъ изъ дворянъ и купцовъ, которые, говоритъ онъ, называются *фазлы*, *сахибъ-кемалъ*, и т. п. (Бабъ и Вабиды, стр. 2, пр. 3). Но къ какому-же тогда разряду отнести судей? А вѣдь должность судьи вовсе не то что, напр., должность имама или хатиба. Поэтому я держусь мнѣнія г. Миллера и принимаю названіе *улемы* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его этотъ ученый.

Развѣ увѣщанія ихъ были бы понапрасну воздухъ, еслибы въ душѣ ихъ была равность по Богѣ?!¹⁾ Очень могло быть, что проповѣди шейховъ и ваизовъ надоедали благочестивымъ слушателямъ, когда онѣ были пустымъ разглагольствованіемъ объ отвлеченныхъ догматическихкихъ истинахъ, понятныхъ только самимъ проповѣдникамъ. Но когда они касались дѣйствительной жизни, то всегда задѣвали за живое своихъ слушателей; вызывали въ нихъ тѣ или другія чувства, и возбуждали волю ихъ къ дѣйствию. Они, то вызывали противъ себя бурю негодованій и ругательствъ, то приводили толпу въ необыкновенное умиленіе. Когда Казы-Заде-эфенди порицалъ въ проповѣдяхъ своихъ пляски дервишей, то эти поднимали шумъ и кричали ему: «Перестань, ягненокъ!»²⁾ Съ другой стороны, въ смутное время послѣ убіенія султана Османа II, волновавшаяся чернь была растрогана до слезъ и приведена въ еще большую ярость проповѣдью шейха Ибрагима-эфенди, который разсказалъ, какъ онъ будто-бы видѣлъ во снѣ, что новаго султана ожидаетъ участь постигшая его предшественника³⁾. Слушалъ и султанъ катехизаторовъ, подобныхъ Мухаммеду-Диню-эфенди, которые въ его придворной мечети, и съ его же позволенія, поучали его въ заповѣдяхъ Божіихъ, и только слегка касались современныхъ обстоятельствъ, указывая вообще на упадокъ благочестивой ревности и, вслѣдствіе того, превосходство невѣрныхъ въ войнахъ съ правовѣрными⁴⁾. Но такихъ проповѣдниковъ, которые горѣли дѣйствительною ревностью служить своимъ словомъ благу народа; которые рѣшались во всеуслышаніе обличать злоупотребленія и пороки правителей и руководителей его, эти-последніе не очень-то жаловали. Такъ, проповѣдникъ соборной мечети султана Сулеймана, Абдуль-Керимъ-эфенди, за произнесенную имъ въ этомъ духѣ проповѣдь, былъ тотчасъ же схваченъ и административнымъ порядкомъ высланъ изъ столицы⁵⁾. Что-же послѣ этого оставалось имъ дѣлать, какъ не разглагольствовать о темныхъ догматическихкихъ истинахъ вѣры?

¹⁾ Насихати-Исламболъ, строфа 23.

²⁾ Автобіографія Хаджи-Кальфы, въ Хрест. Вилкергаузера, стр. 160.

³⁾ Фезликъ, 173 г.

⁴⁾ Тарихи-Селяники, 243 г.

⁵⁾ Ibidem, 308 г.

Другіе же изъ нихъ хотѣли непосредственнымъ участіемъ въ дѣлахъ государственныхъ способствовать поправленію ихъ, и, безъ сомнѣнія, успѣли бы многое сдѣлать, располагая необходимыми для этого свѣдѣніями. Такъ, Селяники, желая занять мѣсто бухгалтера султанской кухни, читалъ въ присутствіи визирей и аяновъ докладъ свой о безпорядкахъ въ этой части хозяйственнаго управленія, и представилъ самыя точныя статистическія данныя о постепенномъ возрастаніи, съ каждымъ царствованіемъ, суммъ потреблявшихся, какъ онъ выражается, «ядцами, пійцами и ворами султанской кухни». Но, говорить, толку не вышло: несмотря даже на рекомендацію бывшаго тогда казы-аскеромъ Санъ-Аллы-эфенди, отозвавагося о немъ какъ о свѣдущемъ и честнѣйшемъ человѣкѣ, онъ не получилъ этого мѣста ¹⁾. Подобные люди не могли нравиться тамъ, гдѣ нужно было не знаніе, а ловкость; не честность, а умѣнье изъ всего безъ разбора извлекать выгоду. Люди, выказывавшіе стремленіе дѣйствовать съ добросовѣстною самостоятельностью, были оттѣсняемы и даже уничтожаемы. Жертвою такого рода честныхъ стремленій былъ, напр., дефтердаръ Бекръ-паша, посаженный въ Мардинскую крѣпость и задушенный тамъ по приказанію отъявленнаго негодяя, верховнаго визира Хосревъ-паша, впротівность намѣреніямъ котораго поступалъ онъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ своихъ ²⁾.

Въ то время какъ эти маленькіе люди старались чѣмъ могли возстановить разстроенное государство и облегчить положеніе угнетеннаго народа; тѣ которые стояли во главѣ его продолжали подрывать всѣ его основы. Они извели природныхъ дворянъ, тимариотовъ, съѣвши доходы ихъ; они потомъ безжалостно угнетали и народъ, будучи призваны понастоящему заботиться о благосостояніи его, питаясь за это, и питаясь очень сытно, отъ трудовъ рукъ его. Они не щадили его, хотя бы даже ради собственнаго благополучія: если овца опаршивѣтъ, или даже околѣтъ, то, безъ сомнѣнія, некого тогда стричь будетъ. Виѣсто того чтобы, благоразумнымъ распределеніемъ податей и налоговъ, поддерживать силы нисшаго класса и, предоставленіемъ нѣкоторыхъ льготъ

¹⁾ Тарихи-Селяники, 178 ч.

²⁾ Фезлихъ, 209 ч.

и выгодъ мѣстному населенію, развивать внутреннюю производительность страны, харемная администрація, истерпавши и поглотивши всѣ прямые источники государственныхъ доходовъ, принялась за косвенные, призывавши, въ послѣднемъ случаѣ, на помощь къ себѣ всякаго рода пришлецовъ и чужестранцевъ. Кучибей, исчисляя причины упадка османскаго государства, говорить: «Четвертая причина заключается въ томъ, что собственныя императорскія имѣнія и доходныя статьи, составляющія имущество всѣхъ вѣрующихъ, верховный визирь Рустемъ-паша, заботясь объ увеличеніи государственной казны, вопреки святому закону отдалъ на аренду. Люди добросовѣстные и почтенные не брались за арендаторство, которое поэтому и перешло въ руки презрѣнныхъ, подлыхъ жидовъ и гяуровъ-управляющихъ» ¹⁾. И дѣйствительно, послѣдняя причина является одною изъ самыхъ дѣятельныхъ. Держа въ рукахъ экономическія силы страны, эти пришельцы, очевидно, сосали изъ нея всѣ какіе только могли соки. Вособенности евреи: они хозяйничали какъ имъ хотѣлось. Селяники, по поводу упадка прежде процвѣтавшей торговли, говорить, что прежде купцамъ не было никакихъ притѣсненій ни въ одной гавани при взиманіи пошлинъ. А теперь, говорить, «проклятые жида-арендаторы ежегодно по нѣскольку разъ возвышаютъ пошлину, взимаемую съ прибывающихъ и отправляющихся (купцовъ): готовы драть безъ милосердія не только съ товара, но даже съ душъ ихъ. Отъ этого, продолжаетъ онъ, сдѣлалась страшная на все дорогизна» ²⁾. Они (жида), давая взятки, входили въ соглашеніе съ чиновниками и тѣмъ, разумѣется, свободнѣе обдѣлывали свои дѣла ³⁾.

Независимо отъ этого, такъ сказать, косвеннаго, вреднаго вліянія на экономическо-общественную жизнь османскаго государства, евреи добились и непосредственнаго. Они втерлись въ управленіе дѣлами верховныхъ визирей, и просто, можно сказать, деспотически властвовали надъ своими патронами, потому что располагали достаточными средствами чтобы губить ихъ, если тѣ обнаруживали къ нимъ недовѣрчивость, какъ показы-

¹⁾ Рисале, гл. XVI.

²⁾ Тарихи-Селяники, 199 в.

³⁾ Ibidem, 236 в.

ваетъ примѣръ Дервишъ-паши, казеннаго по интригѣ своего жида-управляющаго ¹⁾). Мало того: жида проникли и въ самый султанскій харемъ, гдѣ они сперва играли роль маклеровъ, доставляя харемнымъ государственнымъ дѣателямъ взятки отъ нуждавшихся въ ихъ протекціи ²⁾). А потомъ они очутились даже и въ числѣ слугъ внутренняго харема, именно въ качествѣ придворныхъ шутовъ ³⁾, чѣмъ для нихъ открывался путь къ приобрѣтенію еще большаго вліянія на дѣла государственный, какъ это и явствуетъ изъ словъ Вейса:

«Беззаконія и злодѣйства стамбульцевъ пререшли всякія границы.

Я боюсь, чтобы не обрушилось вдругъ на нихъ бѣдствіе. Такіе проклятіи, какъ жида, безъ церемоній лѣзутъ на почетное мѣсто;

А если только посмотреть въ дверь правовѣрный, то пренебрегаютъ имъ.

Отчего это именно всё подобныя лукавцы пользуются довѣріемъ? Удивительно! точно будто между мусульманами не найти вѣрныхъ Богу людей!» ⁴⁾.

Но не одни евреи посредственно или непосредственно властвовали надъ османскимъ государствомъ: иностранцы другихъ націй тоже не въ меньшей мѣрѣ ворочали его дѣлами. Бучибей безпрестанно упоминаетъ, что бѣда всему *чужестранцы* — *اجنبی* —, которые проникли во всѣ корпораціи ⁵⁾. «Въ императорскій харемъ, говоритъ онъ, совершенно противозаконно проникли *туркмены, цыгане, жида, безвѣрные и беззаконные мазурики*... ⁶⁾. «Да и вообще во всякой (служебной) корпораціи примѣшались *неизвѣстнаго закона и религіи горожане, туркмены, цыгане, персіане, лазы*», и т. д. ⁷⁾. Точно также и Селяники, рассказывая о злоупотребленіяхъ наборщиковъ, вербовавшихъ для харема хрис-

¹⁾ Тарихи-Наима, I, 234.

²⁾ Тарихи-Селяники, 146 в.

³⁾ Ibid., 164 г.

⁴⁾ Насихати-Исламболъ, строен 8 и 9.

⁵⁾ Рисале, гл. VI, VIII, XII, XV.

⁶⁾ Ibid., гл. IV.

⁷⁾ Ibid., гл. VIII.

тіанскихъ мальчиговъ, говоритъ, что «они (вербовщики) набра-
сывались на провинціальную райю какъ голодные волки на стадо
овецъ. Кроважидные обжоры, они тиранствовали именемъ высочай-
шихъ повелѣній. Отнимая имущество богатѣйшихъ изъ райи и опу-
стошая землю и жилища слабыхъ бѣдняковъ, они забирали дѣтей
ихъ, и такимъ образомъ въ янычарекій очагъ проникли *чуже-
странцы* — *жиды, цыгане, русскіе, черкесы, туркмены*» ¹⁾.
Или еще: «Отъ проникающихъ въ высочайшій харемъ *иностран-
цевъ* просто нѣтъ никакого спасенія: челядь шести полковъ, яны-
чары, аджемъ-огланы *правильнаго набора* (صحيح دوشرمة عجم) и слуги другихъ очаговъ, за взятки открываютъ доступъ
въ него разнаго рода людямъ» ²⁾.

Итакъ коренное зло, потубившее Турцію, по мнѣнію осман-
скихъ писателей—это наводненіе государства ихъ разными чуже-
странцами, которые проникли во всѣ сферы жизни его: *эдженби*—
اجنبی—вотъ настоящіе черви, подточившіе зданіе его. Еще Кучибей
нѣсколько ограниченно смотритъ на это вредное начало—вмѣша-
тельство чужестранцевъ; вполовину постигаетъ его. Онъ ужасается,
что въ харемъ, этотъ главный пульсъ всего государственнаго орга-
низма, попала грязная кровь въ видѣ *туркменовъ, жидовъ, цы-
ганъ, русскихъ*, и т. д.; но тѣхъ же *иностранныхъ* только изъ такъ
называемаго *правильнаго набора*, т. е. воспитанниковъ харема,
навербованныхъ изъ *арнаутовъ, босняковъ, грековъ и армянъ*,
онъ сравниваетъ еще съ *переплавленнымъ серебромъ*, за ихъ
будто-бы прекрасныя качества ³⁾. Очень можетъ быть, что, самъ
принадлежа къ числу приближенныхъ султана, онъ, въ писанныхъ
имъ по секрету докладахъ, изъ простой робости, такъ отзывается
о своихъ сослуживцахъ; или же, въ самомъ дѣлѣ, онъ еще не
возвысился до того взгляда на дѣло, который былъ уже у Неф'и
и Вейси, вособенности у Вейси. Первый, напримѣръ, такъ честить
въ своихъ *Стрѣлахъ Судьбы* верховнаго визиря, звнуха Гурджи-
Мухаммедъ-пашу, родомъ грузина:

¹⁾ Тарихи-Селяники, 107 в.

²⁾ Ibid., 223 г.

³⁾ Рисале, гл. I.

«Это стыдъ, позоръ, гибель вѣры и государства —
Печать Соломона ¹⁾ въ рукахъ у чорта-гермафродита!
О, ты, *грузинская* свинья, оберъ-собака!
Гдѣ тебѣ быть блюстителемъ государства; гдѣ тебѣ, собакѣ!
Горе странѣ, гдѣ устами закона
Служить рыло осла, воплотившагося въ пса!
Увы, увы, близка наша гибель!
Эта океанная животина гнететъ и тѣснить насъ;
Готова все пожрать въ державѣ Османа! ²⁾».

Вейси-же еще прямѣе и яснѣе высказываетъ ту же мысль,
т. е. гибель государства отъ господства въ немъ иностранцевъ:

«Удивительно, право, что въ почестяхъ и богатствѣ все
арнауты да *босняки*;
А сыны Пророка Божія, о государь, во время жизни своей
влачатъ лишь одно униженіе.
Когда вы (государь) предстанете предъ Господа; то первымъ
дѣломъ спросится съ Васъ:
Вамъ ввѣрены, Вамъ поручены рабы Божіи!» ³⁾.

Тутъ уже, явно, рѣчь идетъ о *переплавленномъ серебрѣ*
Бучибей. А чтобы въ этомъ не оставалось никакого сомнѣнія, самъ
же Вейси комментируетъ вышеприведенную строфу своей касыды въ
слѣдующихъ двухъ, а именно онъ говоритъ:

«Боже, храни отъ заблужденій творящаго правду государя!
Да будетъ надъ нимъ милость Божія въ семъ и будущемъ
вѣкѣ!

Не будь ты благосклоненъ къ толпѣ смѣхотворовъ нѣмыхъ
и шутовъ;

Не связывайся съ этимъ дьявольскимъ народомъ; берегись
его, о, Тѣнь Божія!

¹⁾ Подъ которою надо разумѣть государственную печать, вруча-
емую обыкновенно при назначеніи въ должность верховнаго визиря.

²⁾ Gesch. d. Osm. Dichtkunst, III, 241, и S. de Sugny, La muse ot-
tomane, стр. 105.

³⁾ Насихати-Исламболъ, строфа 15.

«Не вѣрь визириямъ, о, державный владыка мой!

Это самые лютые враги вѣры и государства.

На визирское мѣсто влѣзло и засѣдаетъ цѣлое стадо животныхъ.

О, изъ нихъ нѣтъ ни единого человѣка служащаго вѣрѣ и государству!» ¹⁾

Что со времени Сулеймана II государственные доходы формально поступили въ руки евреевъ и другихъ иностранцевъ—это не было дѣломъ воли отдѣльнаго лица, или случая, а было самымъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ основнаго принципа, на которомъ построена была вся система государственнаго устройства и управленія Турціи. Не будь Рустемъ-паши, явился бы другой подобный ему верховный визирь, который повелѣ бы дѣла точно такимъ же образомъ, лишь бы только представились къ тому благопріятныя обстоятельства. Что-же это былъ за принципъ? Принципъ этотъ состоялъ въ систематическомъ замѣщеніи правительственныхъ должностей исчадіями харема, т. е. набранными изъ чуждыхъ чистому османскому народу націй, пажами, воспитанными въ отдѣленіяхъ султанскаго харема.

Творцемъ этой системы, какъ уже было сказано, считается старшій братъ и верховный визирь султана Урхана I, Ала'Эддинъ. Желая дать правильную организацію вновь созданному его родомъ государству, онъ думалъ упрочить существованіе его, основавши систему управленія на началахъ чисто-династическихъ. Будучи, вѣроятно, какъ ученый, знакомъ съ исторіею, онъ пошелъ по той же дорогѣ, по которой шли и другіе сосѣдніе восточные правители, калифы багдадскіе и владѣтели египетскіе. Для этой цѣли онъ считалъ прежде всего необходимымъ обуздать еще не осѣвшіе и не установившіеся естественнымъ образомъ коренные народныя элементы османскаго государства посредствомъ искусственнаго, одушевленно-механическаго орудія, какимъ явились янычары ²⁾. Но создавая этотъ классъ общества, мудрый государственный организаторъ совершенно не подозревалъ, что онъ тѣмъ самымъ рылъ могилу османской имперіи при самомъ ея зарожденіи; онъ, вѣ-

¹⁾ Насихати-Исламболъ, строфа 17 и 18.

²⁾ Таджу-т-Теварихъ, Ркп., I, 17 в.

роятно, не предвидѣлъ, что изъ его янычаръ современемъ образуется *status in statu*; что они будутъ жить совершенно особою отъ остальнаго народа жизнью, какъ какой-нибудь грибъ на растеніи, который изсушить это послѣднее и потомъ умереть самъ, лишившись питавшей его почвы. Въ чемъ именно видѣлъ Ала'-Эддинъ прочность своего плана, теперь трудно опредѣлить съ точностью. Мотивы, которыми обставляется его организація, принадлежать уже позднѣйшимъ писателямъ, именно историку Са'ад-Эддину, жившему въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Можетъ быть, что въ чистокровныхъ, недавно вышедшихъ изъ Средней Азіи, османахъ еще жило преданіе о томъ обычаѣ, который мы видимъ и у другихъ средне-азиатскихъ ордынцевъ — обычаѣ загребать жаръ чужими руками, чѣмъ особенно славился въ свое время Чингизъ-ханъ. При безпрепятственномъ движеніи изъ одной страны въ другую, отъ одного завоеваннаго пункта къ другому, система эта вѣнчалась полнымъ успѣхомъ: толкая впередъ себя покоренныхъ враговъ, воинственные орды трупами ихъ прокладывали себѣ дорогу къ новымъ, чрезъ это легко доставившимся имъ, побѣдамъ. Первоначальною побудительною причиною образованія пѣхотнаго войска и для Ала'-Эддина была большая пригодность пѣхоты для штурмованія византійскихъ крѣпостей, къ чему національная османская конница была неспособна ¹⁾. Въ такомъ случаѣ, недалновидность организатора состояла въ томъ, что онъ упустилъ изъ виду разность условій: что хорошо и полезно при однихъ условіяхъ, то можетъ принести только вредъ при другихъ. Гдѣ вся выгода заключается въ смерти враговъ, тамъ нельзя ожидать этой выгоды отъ нихъ живыхъ. Вначалѣ эта разность условій не была замѣтна, пока имѣлъ еще быть силенъ коренной народный элементъ Турціи; пока время шло въ безостановочномъ, поступательномъ движеніи впередъ. Но она тотчасъ же обнаружилась, когда новое государство, во завоеваніи Константинополя, опредѣлилось въ своемъ географическомъ положеніи; когда наступила пора внутренней организаціи, пора покоя. Тогда-то сѣмя, посеянное Ала'-Эддиномъ, начало прозябать и вскорѣ принесло плоды свои. Са'ад-Эддинъ мотивируетъ планъ Ала'-Эддина тѣмъ что будто-бы онъ рассчитывалъ

¹⁾ Таджу-т-Теварихъ, Ркп., I, 16 в.

на очистительную силу ислама, а именно: «Пусть—разсуждалъ будто-бы послѣдній—по изреченію: *كل مولود يولد على فطرة الاسلام*—«всѣ рождающіеся рождаются для ислама»—, чрезъ смирненіе съ вѣрующими и привязанность къ службѣ единопольниковъ, сердца ихъ (христіанскихъ мальчиковъ) озарить свѣтъ ислама, и они очистятся отъ грязи язычества. Пусть, въ надеждѣ полученія должностей и въ чаяніи достиженія высшихъ степеней, они показываютъ готовность къ службѣ и повиновенію»²⁾. Можетъ быть, онъ и не такъ разсуждалъ; но для насъ достаточно и того что такъ думалъ Са'ад-Эддинъ: значитъ, таково было мнѣніе въ османскомъ обществѣ въ его время. Во всякомъ случаѣ, расчетъ этотъ оказался крайне невѣренъ. Исторія показала, что эти неофиты не были ни хорошими мусульманами, ни честными и ревностными слугами государства. Аджемъ-огланы образовали изъ себя особый міръ, не связанный съ остальными элементами османскаго государства никакими узами: они жили въ себѣ и для себя. Покамѣстъ имъ выгодно было ходить на войну и обогащаться насчетъ добычи, они ходили. Но лишь только открылась возможность болѣе легкимъ образомъ добывать средства къ удовлетворенію своихъ неограниченныхъ животныхъ потребностей, именно путемъ благовиднаго грабежа настоящихъ, чистокровныхъ османовъ, заимовъ и тимаріотовъ, они ограбили ихъ, захвативши исконное достояніе ихъ, доходы съ земельныхъ владѣній. Убивши эту часть національнаго общества, составлявшаго прежде противовѣсъ имъ, они потомъ обообрали поселянъ. Когда и у этихъ ничего не осталось, они принялись хеояничать надъ государственнымъ имуществомъ, но, для большаго удобства, чрезъ посредство такихъ-же какъ и сами они чужеземныхъ выходцевъ, которымъ они отдали за извѣстный процентъ на аренду всѣ источники народнаго богатства и благосостоянія — земли и пошлыны. То что правовѣрнымъ мусульманамъ-туркамъ, не хотѣвшимъ отрѣшиться отъ вѣры во всемогущество ислама, казалось «серебромъ разженнымъ», въ которое будто-бы было оправлено ихъ государство, всущности было разѣдавшюю его со всѣхъ сторонъ ржавчиною. Слѣдовательно, государство османовъ сгубилъ не пресловутый фанатизмъ ихъ, а скорѣе, можно сказать,

²⁾ Ibidem, I, 17 v.

ихъ религіозная легкомысленность. Они не испытывали посредствомъ различныхъ истязаній, подобно католическимъ инквизиторамъ, внутреннихъ убѣжденій: достаточно было произнести: **لا اله الا الله** — «Нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Мухаммедъ посланникъ Божій» —, чтобы самый заклятой врагъ встрѣченъ былъ ими съ распростертыми объятіями. Такая наивность однихъ, дѣйствовавшихъ по убѣжденію, поддерживалась полиѣйшимъ индифферентизмомъ другихъ, бывшихъ живыми воплощеніемъ лицемѣрія. А потому въ исторіи безпрестанно упоминаются случаи обращенія франковъ въ мусульманство, за что ихъ не только не прогоняли вонъ, какъ бы слѣдовало, а, напротивъ, еще назначали имъ **أجر علفه** — «большое жалованье¹⁾». Отожествляя патріотизмъ съ религіею, османы слишкомъ поверхностно смотрѣли на требованія этой послѣдней, и потому въ концѣ уничтожили все чего только можно было бы ожидать прекраснаго и полезнаго для государства отъ перваго. Воспитанные въ харемѣ, насильственные ренегаты или не забывали, съ теченіемъ времени, своей національности, и, при первомъ удобномъ случаѣ, покидали чуждый имъ народъ и страну, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ случаи, подобные побѣгу изъ турецкаго лагеря двухъ ичъ-оглановъ изъ мадьяръ²⁾; или же, не желая покидать выгоднаго для себя положенія въ Турціи, они оставались въ душѣ такими же индифферентистами, чуждыми всякаго патріотизма, какъ вышеупомянутые ренегаты, которые и до сихъ поръ не переводятся тамъ. Неужели же кто-нибудь хоть въ шутку станетъ утверждать, что гг. Чайковскій, Лангевичъ и т. п. личности изъ славянъ, грековъ, мадьяръ, итальянцевъ, и др., приняли исламъ по убѣжденію? ³⁾ Безъ сомнѣнія никто. А между тѣмъ на долю подобныхъ-то перевертней и выпала жребій воспользоваться плодами доблестныхъ подвиговъ османскаго племени. Не имѣи никакой религіи, они чужды были всякихъ нравственныхъ

¹⁾ Фезлика, 39 ч., 49 в., 100 в.

²⁾ Ibid., 62 в.

³⁾ Недавній фактъ принесенія политическаго покаянія Садыкъ-пашею чрезвычайно ясно показываетъ всю лживость мыслей и дѣйствій подобнаго рода авантюристовъ.

убѣжденій; не чувствуя никакихъ симпатій къ народу, надъ которымъ они властвовали, они жили одною животною жизнью: харемныя интриги замѣняли имъ настоящую, интересующую всякаго истиннаго гражданина, политику. Семейныя связи не вызывались у нихъ изуродованнымъ состояніемъ организма, или восполнялись тѣмъ гнуснымъ порокомъ, на который намекаетъ Вейси въ своей сатирѣ, говоря:

«Что, неужели вы отвергаете Страшный судъ; или думаете, что не будетъ воскресенія мертвыхъ?

Но развѣ за такія дѣянія скажетъ вамъ Пророкъ Божій:
«О, народъ мой!»

То предаетесь вы женщинамъ; *но больше помышляете о мальчикахъ.*

Вельможи идолослужать кошельку; большинство ихъ суть враги Божіи» ¹⁾.

Понятіе о благѣ не шло у нихъ дальше благополучія собственнаго кармана. Чувство долга ограничивалось присканіемъ законныхъ предлоговъ, которыми бы можно было прикрыть свои беззаконія, не рискуя сдѣлаться жертвою происковъ другихъ подобныхъ имъ общественныхъ дѣятелей. Словомъ сказать, будучи османами только по имени, они не были ими въ дѣйствительности. Чуждые всякаго національнаго сознанія и чувства кровнаго единства съ настоящимъ османскимъ народомъ, они довели его до того плачевнаго положенія, въ которомъ онъ находится теперь. Неужели послѣ этого можно еще говорить о варварствѣ, фанатизмѣ, тиранствѣ турокъ, истинныхъ османлы, которые теперь «составляютъ особый видъ *включнаго скота* въ столицѣ *своего государства*, между тѣмъ какъ люди подчиненныхъ племенъ—Армяне, Далматинцы, Греки—служать драгоманами у путешественниковъ, занимаются въ торговыхъ конторахъ, пускаются въ торговлю и гордо помышляютъ своими побѣдителями?» ²⁾. Еслибы, въ самомъ дѣлѣ, они были пофанатичѣе, то они поглубже бы заглядывали въ душу тѣхъ вѣроотступниковъ-христіанъ всѣхъ націй, которымъ они вѣрили управление своею странкою и поработили себя, и давнымъ бы давно должны были

¹⁾ Насихати-Исламболъ, строфа 6.

²⁾ Русскій Вѣстникъ, январь 1870 г., стр. 217.

изгнать и уничтожить ихъ всѣхъ, и возстановить настоящее османское государство. Тогда бы, можетъ быть, яснѣе опредѣлились и отношенія ихъ къ другимъ покореннымъ ими народамъ славянскаго племени. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что наблюдавшіе строй жизни Турціи европейскіе писатели замѣчали въ немъ какое-то раздвоеніе. Всѣ они единогласно говорятъ о прекрасныхъ качествахъ настоящихъ османовъ, вособенности объ ихъ прямотѣ и честности, и въ то же время въ ужасномъ видѣ представляютъ турецкое правительство, которое какъ-будто состоитъ изъ людей совершенно другой націи ¹⁾. Но такъ оно и есть въ дѣйствительности: въ Турціи два класса: одинъ—это классъ господствующихъ пришельцевъ, другой—настоящіе турки, раія, подвергающіеся, вмѣстѣ съ остальнымъ христіанскимъ населеніемъ, всевозможнымъ притѣсненіямъ отъ первыхъ. Это раздвоеніе сознано было истинными друзьями народа, османскими писателями разсматриваемой эпохи начала XVII в. Хотя они были безсильны отвратить страшно уже развившееся и укоренившееся зло; но съ нихъ довольно и того, что они указали истинную причину этого зла: они поняли, что религія сама по себѣ, а національность сама по себѣ. Кто знаетъ, можетъ быть начинающее теперь обнаруживаться новое направленіе въ нѣкоторой части современнаго османскаго общества, извѣстной подъ именемъ *молодой Турціи*, независимо отъ вліянія европейской цивилизаціи, обязано также и урокамъ этихъ поучительныхъ историческихъ памятниковъ, которые только недавно, благодаря печати, стали распространяться въ народѣ. Можетъ быть, національная исключительность, которую лучшіе люди теперешней Турціи ставятъ основою внутренняго устройства, есть только реакція того индифферентизма, который крылся подъ маскою исламизма. И едва ли можно ихъ упрекать за это, какъ упрекаетъ г. Щебальскій, который, ссылаясь на примѣры русскихъ, говоритъ: «Какой образованный человѣкъ въ Россіи обращаетъ вниманіе, — французскіе, англійскіе или германскіе звуки слышатся въ фамиліи нашихъ генераловъ, судей, поэтовъ или ученыхъ, и по

¹⁾ См. статью Дентона *Христіане въ Турціи*, въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1864 г., гдѣ приводятся ссылки на разныхъ подобныхъ писателей.

какому обряду они исповѣдуютъ Христа? Кутузовъ или Багратионъ; Грейгъ или Лазаревъ, фонъ-Визинъ или Грибоѣдовъ — не все-ли намъ равно, если (sic!) эти люди съ русскими и не русскими фамиліями одинаково (sic!) служили Россіи, ея славъ, благосостоянію, цивилизаціи?»¹⁾ Можетъ быть это и справедливо; но едва ли только безусловно. Въ Турціи всѣ визири и прочія лица, заправлявшія судьбами этого государства, пожалуй, величались Мухамедами, Омарами, Хасанами, и т. п., т. е. звались именами общими всѣмъ туркамъ; но что-жъ вышло изъ этого? Только лишь по именамъ люди эти были турки, по происхожденію же, а, слѣдовательно, и по своимъ понятіямъ, чувствамъ и симпатіямъ, кто изъ нихъ былъ арнаутъ (ارنود. اصلی), кто боснякъ (بوشناق), кто хорватъ (خروات جنسی), и т. д. Для народа, уже окрѣпшаго, сплотившагося въ одно общество, прочно основанное на преданіяхъ прежняго и задаткахъ дальнѣйшаго развитія, безвредно проникновеніе въ него чуждыхъ элементовъ. Оно можетъ быть даже отчасти полезно, дѣлая какой-нибудь новый вкладъ въ жизнь его. Но народъ, еще, такъ сказать, не собравшійся съ духомъ, еще не положившій прочныхъ основаній для своего независимаго существованія и благосостоянія, еще не достигшій степени развитія равной съ другими цивилизованными народами, такой народъ прежде всего долженъ стараться быть самимъ собою; ему необходима въ извѣстной степени національная исключительность, если онъ не хочетъ быть порабощенъ другими, не вкусивши сладкихъ плодовъ цивилизаціи. Национальное тяготѣніе есть фактъ играющій весьма важную роль въ жизни, которая есть борьба за существованіе. Отдавать всѣ средства къ могуществу и преобладанію въ руки чуждой національности значитъ добровольно готовить себѣ участь вьючнаго скота, какимъ сдѣлались османы, отдавшіе все въ руки всякихъ босняковъ, хорватовъ, грековъ, армянъ, и т. д. Даже то, впрочемъ несбыточное, полюбовное соглашеніе и единеніе, которое проповѣдуется интернаціоналами, не могло бы имѣть иного результата, еслибы оно произошло между людьми, принадлежащими къ націямъ, стоящимъ на различныхъ степеняхъ умственнаго развитія. Какой-нибудь саксонскій углекопъ, задыхающійся теперь въ

¹⁾ Русск. Вѣстн., январь 1870 г., стр. 223.

пыли подземных шахтъ, и вызывающій къ всемірному союзу своихъ собратьевъ по ремеслу какъ единственному средству облегчить себѣ способъ добыванія куска насущнаго хлѣба, не преминулъ бы при первыхъ же благопріятныхъ условіяхъ сдѣлаться Verwalter-омъ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова гдѣ-нибудь въ вятской или тамбовской коммунѣ. Сюда какъ нельзя болѣе идетъ отвѣтъ умнаго осла, въ одной баснѣ Бидная, лисѣ, приглашавшей его пойти съ ней пасть въ какой-то прекрасный лугъ. «Развѣ ты не знаешь, сказалъ онъ ей, притчу о томъ, какъ одного осла звали на свадьбу, а онъ на это отвѣчалъ:

«Будто вы этихъ хотите почтить меня?

Вѣрно, понадобилось дровъ, либо воды?» ¹⁾.

Въ этомъ отношеніи японцы, можно сказать, самый счастливый народъ въ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ до поры до времени. Довольные продуктами своей земли, умные, перемитивные, они усваиваютъ то чужое что имъ кажется стоящимъ усвоенія; они большіе друзья и пріатели съ европейцами (насилно, впрочемъ, заставившими ихъ войти съ ними въ сношенія) ни въ предѣлахъ своего отечества, но не жалуютъ никакихъ культурстрегеровъ у себя, внутри своей страны. Вотъ образчикъ нормальнаго, естественнаго прогресса, путемъ самодѣтельности. Вѣрность этого пути какъ нельзя болѣе оправдывается совершенно противоположнымъ, плачевнымъ положеніемъ Турціи, вся прошлая исторія которой есть самое наглядное доказательство того, что залогъ независимости, могущества и счастья народовъ, виѣсть съ цивилизаціей, есть ихъ *національное единство*—принципъ, съ такою силою выдвинутый въ послѣднее время иѣбичами, во благо себѣ и въ науку другимъ.

¹⁾ هابون نامه, Булакское изд. 1254 г. гижры, стр. 315.

Трудъ мой оконченъ. О степени удовлетворительности его предоставляется судить читателямъ. Авторъ же, съ своей стороны, свидѣтельствуетъ признательность Факультету Восточныхъ Языковъ, въ лицѣ двухъ членовъ его, гг. профессоровъ В. В. Григорьева и И. Н. Березина, какъ за нѣкоторыя полезныя указанія касательно предмета настоящей диссертациі, такъ и за содѣйствіе къ напечатанію ея.

В. Смирновъ.

ОПЕЧАТЪИ И ПОПРАВКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
V	9 снизу	آرزوی وطن	محب الوطن
19	2 »	къ 1131	къ 1151
21	29 »	отставки	приниженія
40	10 »	изъ явланне	изъ явление
75	27 и 32 »	کنخدا	کنخدا
145	11 »	بو	بر
177	2 »	وزیری	وزیر
200	17 »	پادشاهز	پادشاهز

